

ISSN 0042-8779

ИВЛ

**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**

11

2019

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

11/2019 ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

12+

СОДЕРЖАНИЕ · СТАТЬИ

- С. В. Ворошилова, А. В. Сергеев, Е. П. Татарина** —
Женщина и суд в Российской империи: на защите
своего имущества 4

ДИСКУССИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ

- Д. В. Пожарский** — Становление и развитие теоретиче-
ских, идеологических и правовых основ функциони-
рования Советского государства..... 12

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

- В. Э. Багдасарян, С. И. Реснянский** — Динамика исто-
рического сознания российского населения в пост-
советский период..... 20
- И. А. Горелов, В. А. Немтинов** — Информационный ана-
лиз динамики освоения исторически значимой тер-
ритории «Базарная площадь» г. Тамбова..... 33

ПУБЛИКАЦИИ

- С. А. Хубулова** — Деятельность Орджоникидзево-
го исполкома депутатов трудящихся в первый период Ве-
ликой Отечественной войны: протоколы заседаний... 45

СООБЩЕНИЯ

- С. В. Аристов, Е. М. Малышева** — Крымско-татарский
коллорабонационизм: преступления 152-го батальона
в концлагере совхоза «Красный» 64
- П. А. Мистрюгов** — Контроль над коммунистами в годы
гражданской войны (по материалам «партийного
суда» Саратовской губернии) 80
- С. Ю. Краснов** — Благотворительность в обычно-право-
вых представлениях донских казаков во второй поло-
вине XIX в. 91

Выходит
с 1926 года
ООО
ЖУРНАЛ
«ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ»
Москва

В ПОМОЩЬ УЧИТЕЛЮ ИСТОРИИ

- Н. В. Чернышева, М. Н. Свинцова, Н. В. Сакович** — Детская и младенческая смертность в областях Волго-Вятского региона накануне и в годы Великой Отечественной войны..... 102

МЕЖДУНАРОДНОЕ НАУЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

- Д. Р. Алимова, М. В. Залоило, Д. А. Пашенцев** — Исторические предпосылки развития правотворческой деятельности в условиях цифровизации..... 112
- Е. Е. Гришнова, Е. В. Майстрович, Е. В. Муратова, И. В. Федякин** — Махатма Ганди и его роль в борьбе за права человека..... 120
- М. Е. Жукова, В. С. Калиновская, Д. А. Пашенцев, А. Н. Приженникова** — Роль Г. Ф. Шершеневича в развитии российской юриспруденции 125
- А. А. Галушкин, С. А. Гримальская, П. А. Кучеренко, Р. А. Мамедов** — Роль Международного уголовного суда в защите прав человека и международной безопасности..... 129
- М. Е. Жукова, Е. В. Майстрович, Е. В. Муратова, А. В. Федякин** — История политических и гражданских прав женщин в Великобритании..... 135
- М. Ч. Кожобеков, С. К. Мамбаева** — О роли трудов Осмоналы Сыдыкова в историографии Кыргызстана ... 140

ДИПЛОМАТИЯ В ИСТОРИИ

- Б. Г. Алиев, А. О. Муртазаев** — Политика России в Дагестане в конце XVI – первой четверти XVIII в. 149

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

- А. С. Столетова** — Литературная репутация и творчество писателя А. Я. Яшина (исторический контекст) 158
- А. С. Пученков** — Белый Крым в начале 1920 г.: Я. А. Слащов и Н. И. Орлов 169
- А. А. Непомнящий** — Профессор Митрофан Довнар-Запольский: крымские страницы биографии 175

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ.

- Д. А. Баринев, Б. М. Абдулина** — От науки к политике: судьбы участников студенческих объединений Санкт-Петербургского университета 1880-х гг. 186
- Т. М. Айтберов, М. А. Исмаилов** — К проблеме сейидов в кавказском государстве Имамат (XIX в.) 195

- Е. Б. Барина** — Проблема происхождения и этнической принадлежности племен андроновской культурной общности в работах советских ученых..... 199
- Б. В. Базаров, Д. Д. Бадараев, А. Д. Гомбожапов, Е. В. Нолев** — К вопросу об инкорпорации монгольских народов в состав Цинской империи 206

ИЗ ИСТОРИИ РЕЛИГИИ

- Ю. О. Баикина, О. В. Устинова** — Морально-нравственный облик духовенства первой половины XIX в. (на примере Тобольской губернии) 215
- П. Г. Немашкалов** — Жизнь и деятельность преосвященного Иеремии (Соловьёва) в 1843–1849 гг. (Кавказская кафедра)..... 222
- А. Э. Алакшин, Е. А. Самыловская** — Миссии францисканцев и капуцинов в Санкт-Петербурге в последние годы Петровской эпохи (1719–1725) 235

ИСТОРИОГРАФИЯ

- Н. А. Омельченко, И. К. Харичкин** — От «Февраля» к «Октябрю»: русская революция 1917 г. в книге воспоминаний Ф. А. Степуна «Бывшее и несбывшееся» (заметки на полях знаменитых мемуаров) 244
- О. А. Плех** — Провинциальное чиновничество России в первой половине XIX в.: отечественная историография конца XX – начала XXI в. 258
- В. Г. Баев, А. Н. Марченко** — В. М. Сырых. Красный террор: каноны библейские, да исполнение плебейское..... 273
- Е. А. Ростовцев** — О. Б. Вахромеева. Преподавание наук на Высших женских (Бестужевских) курсах (1878–1918)..... 279
- Возвращаясь к напечатанному. 287

Женщина и суд в Российской империи: на защите своего имущества

С. В. Ворошилова, А. В. Сергеев, Е. П. Татарина

Аннотация. В публикации рассматриваются факторы, оказавшие влияние на возможность участия женщин России в XVIII–XIX вв. в судебных спорах по защите своего имущества. Осуществляется анализ как историко-публицистической литературы и правовых актов, так и архивных материалов. Авторы приходят к выводу о возможности для женщин участвовать в судебных тяжбах при наличии достаточного уровня образования, базовых правовых знаний и практических навыков по определенным категориям дел. Наиболее распространенными делами с участием женщин были наследственные споры и залоговые правоотношения. В судебную палату чаще обращались женщины купеческого сословия.

Ключевые слова: имущественные споры, судебная палата, имущественные права женщин, споры за наследство, залоговые правоотношения.

Abstract. This publication examines the factors affecting the possibility of participation of women in Russia in XVIII–XIX century in litigation to protect its property. Analysis is carried out as a historical-publicistic literature and legal acts, and archival materials. The authors conclude to availability of women in participating in litigation provided a sufficient level of education, availability of basic legal knowledge and practical skills for certain categories of cases. The most common cases involving women were inheritance disputes and mortgage. The trial Chamber more often treated women merchants' estates.

Key words: property disputes, the trial Chamber, women's property rights, inheritance disputes, mortgage relationship.

Защита своего имущества женщинами в суде – один из тех вопросов исторической науки, который уже более полутора веков вызывает иссле-

Ворошилова Светлана Вячеславовна – кандидат исторических наук, доктор юридических наук, профессор Саратовской государственной юридической академии. E-mail: voroshilova-s-v@mail.ru; *Сергеев Александр Валентинович* – кандидат исторических наук, доцент Волго-Вятского института (филиала) Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), доцент Вятского государственного университета. Киров. E-mail: sergeev100@mail.ru; *Татарина Елена Павловна* – кандидат юридических наук, доцент Вятского государственного университета. Киров. E-mail: ep_tatarinova@vyatsu.ru.

Voroshilova Svetlana V. – PhD (History), doctor of legal sciences, professor at the Saratov State Academy of Law. E-mail: voroshilova-s-v@mail.ru; *Sergeev Alexander V.* – PhD (History), associate professor at the Volgo-Vyatka Institute. Branch of the Moscow State Legal University named after O. E. Kutafin, associate professor at the Vyatka State University. Kirov. E-mail: av_sergeev@vyatsu.ru; *Tatarinova Elena P.* – PhD of legal sciences, associate professor at the Vyatka State University. Kirov. E-mail: ep_tatarinova@vyatsu.ru.

довательский интерес и научные дискуссии. За это время отечественной историографией был выявлен определенный пласт источников разных типов, что позволило поставить и рассмотреть множество вопросов данной проблематики. Однако процедура участия женщин в судебных процессах по гражданским делам, а также сама возможность такого участия не получила до сих пор должного освещения. Данное исследование призвано восполнить существующий пробел в исторической науке.

Рассмотрение таких категорий, как женщина и суд в Российской империи во взаимоотношениях друг с другом, стало возможным только в рамках подготовки и обсуждения судебной реформы 1864 года. В результате воздействия прогрессивных идей и критики авторитетных юристов в монографиях и журнальных публикациях, в России активно разрабатывался проект гражданского уложения, в котором планировалось преодолеть гражданско-правовые барьеры по принципу пола. К сожалению, это относилось лишь к представительницам высших и средних сословий, поэтому предметом данного исследования стала именно данная категория женщин.

Обращаясь к историографии вопроса, среди современников рассматриваемого периода можно выделить приверженцев противоположных взглядов: тех, кто считал, что женщины от природы не способны не только понять содержание юридического процесса, но и кратко и четко изложить суть спора, и тех, кто полагал, что женщины и могут, и должны участвовать в судебном процессе для сохранения своего имущества, обеспечения интересов своей семьи.

Предтечей движения правового просвещения женщин еще в период создания Свода законов в 1827 г. стал один из первых российских исследователей истории русского права, убежденный в том, что знание российских законов нужно всем без исключения, – Илларион Васильевич Васильев, опубликовавший краткую брошюру для представительниц высшего и среднего сословия с изложением их прав и обязанностей. Писатель Александр Александрович Писарев и его жена Агрипина Михайловна, являясь попечителями Московского учебного округа Общества истории и древностей российских, стали вдохновителями данного издания, посвящением которым и открывается книга. Примечательно наличие в сборнике «Фемида» как разделов о традиционных женских сферах частного права, так и затрагивающих публично-правовую сферу¹.

Женщины не остались равнодушными к данному изданию, и уже в том же году в «Дамском журнале» появился благодарный отзыв с указанием на то, что юридические знания, далекие до этого от женской аудитории в связи с исполнением домашних и материнских обязанностей и нехваткой времени для штудирования томов с указами, теперь стали доступными и обязательными для каждой читательницы как полноценного члена общества². Однако следует отметить отсутствие в издании общих правовых норм и правил, необходимых, например, для участия в судебном процессе. Видимо данное пособие не было создано для столь продвинутого и профессионального применения правовой информации женщинами.

На первый взгляд круг сторонников необходимости приобретения первичных правовых знаний помещицами и другими представительницами

цами дворянского сословия расширялся. Убежденные в том, что особам женского пола недоступны даже азы знаний об их правах, закрепленных в российских законах, авторы на страницах толстых журналов призвали к постижению основ юридической грамотности. Так, в «Рассвете» в 1859 г. Т. Шишкин сообщал о достигнутом равенстве в имущественных правах мужчин и женщин, в связи с чем отмечал значимость умений помещиц защищать свои собственные интересы, а также права зависимых от нее членов семьи с помощью юридических знаний в ходе заключения договоров, иных сделок, судебных тяжб³.

Тем не менее, среди историков и публицистов второй половины XIX в. большинство придерживалось противоположных убеждений. Так, распространенными были взгляды на уровень образования женщин, как на изначально недостаточный для ведения дел в суде, так как в отличие от мужчин дворянского звания, получавших в обязательном порядке базовые знания, необходимые для службы, женщины зависели исключительно от домашнего образования. Н. Соколовский писал, что женщины по природе своей не способны кратко и ясно изложить суть искового требования, поэтому тратят время судей на рассказы о семейных спорах и жалобы на домашних, что свидетельствует о правовой безграмотности и невежестве истцов⁴.

Историк П. А. Ильинский, анализируя архивные данные о положении женщин в Костромской области в XVIII в., утверждал, что обнаруженные им в большом количестве прошения, поданные женщинами в провинциальный суд, не являются свидетельством их уровня правовой грамотности, так как они в большинстве своем действовали не самостоятельно, а стали «невежественными жертвами обмана со стороны канцеляристов и чиновников», зарабатывающих на них. С другой стороны, этот же автор привел пример «стряпчего в юбке», которая «унаследовала» правовые знания и грамотность от своих родственников по мужской линии и «была знакома с законами и формами прошений и разумела судебные волокиты того времени»⁵.

Осведомленностью о тонкостях судебных тяжб представительниц российского дворянства делились в своих письмах сестры Мэри и Кэтрин Уилмот, гостившие в России в 1803–1808 гг. по приглашению Е. Р. Дашковой и основательно изучившие жизнь русского общества. Их поражал не столько деловой подход их родственницы, княгини Дашковой, участвовавшей в частых судебных процессах своей дочери, сколько постоянные обсуждения русских дворянок хода судебных дел – своих и чужих, а также их интерес к результатам их рассмотрения в Сенате⁶.

Заслуживает внимания взгляд современного западного исследователя русской истории Ричарда Уортмана, который отмечал, что русские женщины, в отличие от европейских современниц, не могли в тот исторический период воспользоваться советами юристов для отстаивания своих имущественных прав⁷. Первые письмовники – руководства по составлению писем и юридических документов – появились в России только в конце XVIII в. и предназначались, в первую очередь, для государственных служащих, но никак не для женщин⁸. Таким образом, недостаточный уровень правовой грамотности, особенно на периферии, являлся распространенным явлением как среди мужчин, так и среди женщин в данный период русской истории.

В контексте общего уровня правосознания участие женщин в суде по вопросам защиты своего имущества рассматривает в современном фундаментальном историческом исследовании имущественных прав дворянок в XVIII–XIX вв. американский автор Мишель Ламарш Марезе⁹.

Внимание современных российских исследователей истории права занимают проблемы защиты имущества женщинами как в процессе наследования, семейно-брачных отношений¹⁰, так и при осуществлении ими предпринимательской деятельности. Однако процедура участия женщин в судебных процессах по гражданским делам, а также сама возможность такого участия не получила до сих пор должного освещения.

Таким образом, отдельные аспекты исследуемой проблематики были представлены в трудах отечественных теоретиков и историков права в до-революционный и современный периоды. Исходя из вышерассмотренных взглядов, необходимо отметить, что как раньше, так и сегодня исследователи неоднозначно трактуют возможности участия женщин в судебном процессе и уровень их правовой грамотности.

Успех рассмотрения споров в сфере защиты имущества женщин в суде базировался на двух составляющих: уровне правовой грамотности и категории дел, участницами которых они становились. Правовая грамотность, являясь разновидностью общей образованности человека, не только дает возможность анализировать нормативный материал, оперировать правовыми понятиями, но и использовать их в повседневной жизни, в том числе для защиты своих имущественных прав, добиваясь справедливости.

К середине XVIII в. в правовом регулировании имущественных прав женщин в России наметился явный прогресс. Однако отсутствие правовых знаний даже у дворянок, умения отстаивать свои права, а иногда и элементарной грамотности обрекало их на проигрыш в гражданском процессе и ущемление их имущественных интересов. Для достижения успеха дворянке или купчихе необходимо было, как минимум, умение прочесть документ, понять его содержание и подписать его, а, как максимум, – подобрать правовую норму к жизненной ситуации, владея юридической техникой составления исков и ходатайств, навыками выступления в судебном процессе. Возникает вопрос, а могла ли женщина, пусть и высшего сословия, приобрести эти навыки и использовать их в гражданском процессе в XVIII–XIX веках?

Рассмотрим наличие первой составляющей успеха защиты имущественных прав – общей грамотности у женщин в Российской империи, необходимой на стадии заключения договоров. Рост уровня грамотности женщин высших слоев населения относится ко второй половине XIX в., а к началу XX столетия 92% помещиц, вступая в сделки, собственноручно ставили подпись в актах.

Д. И. Мейер считал, что законодательство всегда распространялось на большинство граждан, а класс, являвшийся грамотным, составлял меньшинство, таким образом, образование оказывало незначительное воздействие на гражданские права¹¹. Ограничение гражданско-правовой дееспособности лиц, не владеющих грамотностью, в том числе и большинства женщин, по совершению ими сделок связано в первую очередь

с установлением законодателем особого порядка заключения актов путем привлечения третьих лиц ¹².

Данный порядок был введен в связи с реализацией такого необходимого требования к форме сделок, как обязательная письменная форма, для которой требовалось понимание содержания акта с подтверждением этого собственной подписью. Целью ограничения дееспособности безграмотных стало уберечь лиц, вступающих с ними в обязательственные правоотношения, от негативных последствий. Необходимо отметить, что с XVIII в. и до введения нотариального порядка засвидетельствования сделок эта процедура была урегулирована ¹³.

Таким образом, вместо неграмотных женщин акты могли быть подписаны доверенными третьими лицами, которым они давали поручение подписать документ за себя в их присутствии. Такие отношения оформлялись в виде договора поручения на рукоприкладство, название которого происходило от «прикладывания руки», то есть ладони, обмакиваемой в чернила. Он заключался либо в словесной форме, либо в виде доверенности – «верющего письма», которое Илларион Васильев считал самым часто используемым актом среди женщин. Одно из таких писем было выдано 13 сентября 1798 г. с прошением о засвидетельствовании в Вятской губернской палате суда и расправы женой сержанта Чернобровина, Марфой Степановной. Данное верющее письмо было дано на имя некоего секретаря Катаргина, который подписался под поручительством для совершения им договора найма на сумму 2600 руб., а также получения процентов на 2000 рублей ¹⁴.

Все обязательственные акты о займе и купле имений неграмотными женщинами, а также выдаваемые ими векселя удостоверялись в обязательном порядке общественной властью, а не частными лицами. Законодатель, предотвращая злоупотребления, четко сформулировал правило, по которому не допускалась дача свидетельских показаний в подтверждение существования долга. Так, в Вятскую губернскую палату суда и расправы обращалась жена коллежского советника Неклепаева Настасья, дочь Андреева, за взысканием по векселю 300 руб. с Вятского мещанского общества за отданного в рекруты вятского мещанина Злыгостева ¹⁵.

Таким образом, незначительное количество грамотных женщин в исследуемый период способствовало привлечению к заключению сделок третьих лиц в качестве рукоприкладчиков и поверенных, что существенно ограничивало участие женщин в суде.

Относительно второй составляющей успеха – умения подобрать правовую норму к жизненной ситуации и владения юридической техникой составления исков и ходатайств – необходимо отметить, что данные навыки не были универсальными, а, как правило, зависели от частоты использования в судах по определенным категориям дел.

Виды судебных дел с участием женщин менялись. Если в начале преобладали тяжбы дворянок за наследство, как правило, с родственниками, и межевые споры с соседями, то в ходе эволюции судебной системы и расширения их имущественных прав появлялись споры, в результате которых были вынесены решения по конфискации имений за жестокое обращение с крестьянами, а также стали преобладать решения по заемным правоотношениям, что демонстрирует появившиеся возможности

у женщин распоряжаться своей собственностью. Интересной категорией дел, которые возникали со второй половины XIX в., являлись тяжбы с мужьями за сохранение имущества семьи и признание их ограниченными в дееспособности в связи со злоупотреблением алкогольными напитками и причинением семье имущественного расстройства.

Примером успешно выигранного судебного процесса у родственников мужа по имуществу, переданному по завещанию, можно считать дело вдовы Александра Николаевича Шахматова. Будучи помещиком Саратовской губернии, в 1859 г. по духовному завещанию он оставил, помимо всего своего благоприобретенного имущества, еще и 1/7 часть родового имения своей бездетной жене Софье Фердинандовне, в девичестве носившей фамилию Мейбаум. В ходе этого процесса вдова заявила о своих законных требованиях брату и племяннику умершего мужа, которые, прилагая немалые усилия, так и не смогли добиться решения суда в свою пользу. Требование С. Ф. Шахматовой было признано судом законным, так как в исковом заявлении содержалась ссылка на статью 1070 т. X Свода законов Российской империи, по которой, в нарушение общего правила о запрете завещать родовые имения, мужу действительно разрешалось предоставить вдове по завещанию права пожизненного владения его родовым имением. В результате данного рассмотрения вдова получила, после продажи доли, 45 тыс. руб. серебром¹⁶. Данный прецедент свидетельствует о том, что, обладая знаниями закона, вдова смогла отстоять свое имущество благодаря своему происхождению и образованию.

В конце XVIII–XIX в. женщины становились активными участницами заемных отношений. Интересным фактом является то, что заемщиками выступали, как правило, женщины дворянского сословия, склонные жить не по средствам, подтверждением чему является достаточно большое количество сведений семейных архивов о последствиях неисполненных долговых обязательств¹⁷. Регулирование востребованных заемных отношений нашло отражение в Уставе о банкротах 1800 г., где закрепилось сословное разграничение по оформленным актам. Так, выдачу векселей могли осуществлять купчихи и мещанки, а право дворянок – «обязываться заемными письмами»¹⁸.

До принятия данного акта, по мнению Н. Б. Голиковой, в качестве займодавца чаще выступали представительницы городских сословий, мещанки и купчихи¹⁹. Самым распространенным объектом залога становились родовые поместья, доставшиеся по наследству, и деревни с крестьянами – то есть недвижимое имущество.

Женщины участвовали в рассмотрении дел в судебной палате как по вопросам невыполнения заемных обязательств, обеспеченных залогом другой стороны, например при отказе вернуть заложенное имение после возврата долга, так и сами становились ответчиками при нарушении залоговых обязательств, не возвращая взятые в долг денежные средства.

Примером участия женщин в качестве истцов являются следующие дела. В 1797 г. в Вятскую губернскую палату суда и расправы обратилась с прошением жена купца Пращеева Настасья Андреевна с требованием о возврате закладной. В ходе судебного процесса она указала, что полученное по купчей от покойного мужа имение, находившееся в Уржумском округе Буйской волости при речке Шурминке, было заложено 30 января

1796 г., за исключением 40 десятин земли, титулярному советнику Петру Алексееву по закладной, заверенной в Вятской палате. Несмотря на возврат денежных средств в срок, Алексеев отказался отдать закладную с надписью об их получении. Истица требовала возврата «подлинной закладной с надлежащей на ней надписью» и хотела «учинить отымку ее владения»²⁰. Подобного рода исковое требование об уничтожении закладной, данной ей от титулярного советника Ветохина на заложенное имение по случаю выкупа, подала в Вятскую палату в том же году и жена купца Вера Осиповна Машковцева²¹.

Повторяемость однородных исковых требований женщин именно купеческого сословия может свидетельствовать о том, что для них это было обычной практикой при ведении дел, и даже ответчик – мужчина, имевший высшее образование и обладавший государственным чином, – не мог уйти от ответственности в заемных отношениях в ходе судебного разбирательства.

О решительности при участии в судебных заседаниях и об определенном уровне правовой грамотности женщин свидетельствуют факты отстаивания ими своих прав и в апелляционных инстанциях. Так, в Вятской палате было рассмотрено дело Яранской мещанской женки Парасковьи Прохоровой, дочери Антоновой, о положенных ей деньгах в заклад серебряной и золотой монетой, от жены титулярного советника Ивана Кирилова, так как предыдущая инстанция вынесла решение, ее не удовлетворившее²².

Распространенным явлением было и участие женщин на стороне ответчика, так как зачастую они становились жертвами долговых обязательств. Так, вдова Киприянова, взявшая деньги у Вятского купца Афонасия Москвитина под залог своего дома и не возвратившая их в срок, была обязана судом вернуть закладную²³. Аналогичные требования изложил в своем прошении Афонасий Мещерский, содержанием которых стало притязание об уничтожении закладной на имение Прасковьи Бекрениной, которая «заняла 11 февраля 1797 года у него две тысячи рублей под залог деревни Кривоозерье Казанской губернии и 22 души и доньне, то есть 1799 года не возвратила»²⁴.

Таким образом, участие женщин в залоговых обязательствах – одном из способов обеспечения исполнения договора займа – являлось, с одной стороны, достаточно быстрым способом получения денежных средств, но с другой стороны, требовало достаточно высокого уровня правосознания для предотвращения судебных рисков.

Обобщая результаты исследования участия женщин в судебных процессах в Российской империи по имущественным спорам, необходимо отметить, что успех его напрямую зависел от следующих факторов: от уровня грамотности, который был необходим для элементарного ознакомления с документами, личного участия и контроля за ходом разбирательства; от доступа к элементарным правовым знаниям, способствующим защите своих прав; от наличия практики участия в судебных спорах по конкретному виду дел, нарабатываемой чаще всего в купеческой среде, как правило, вдовами, получившими в наследство имущество и поставленными в ситуацию выживания и защиты не только своего имущества, но и имущества детей.

Примечания

1. ВАСИЛЬЕВ И. В. Фемида, или начертание прав, преимуществ и обязанностей женского пола в России. М. 1827.
2. КРЕСТИНСКАЯ А. Чувства и мысли при чтении ручной книжки о правах женщин в России. – Дамский журнал. 1827, № 24, с. 234–238.
3. ШИШКИН Т. Несколько слов о необходимости юридических познаний для женщин. – Рассвет. 1859, № 3, с. 126.
4. СОКОЛОВСКИЙ Н. Современный быт русской женщины и судебная реформа. (Юридические заметки). – Женский вестник. 1867, № 9, с. 60–61.
5. ИЛЬИНСКИЙ П. Л. К вопросу о положении женщины в XVIII столетии в Костромской области (по архивным данным). – Труды третьего областного историко-археологического съезда. Владимир. 1909, с. 12–14.
6. BRADFORD M. W. The Russian Journals of Martha and Catherine Wilmot, 1803–1808. L. 1935. Chicago-L. 1976.
7. WORTMAN R. S. The Developement of a Russian Legal Consciousness. Chicago-L. 1976.
8. БОГДАНОВИЧ П. Новый и полный письмовник. СПб. 1791, с. 13–14.
9. MICHELLE LAMARCHE MARRESE. A woman's kingdom: noblewomen and the control of property in Russia, 1700–1861. Ithaca-L. 2002.
10. НИЖНИК Н. С. Правовое регулирование семейно-брачных отношений в русской истории. СПб. 2006.
11. МЕЙЕР Д. И. Русское гражданское право. В 2-х ч. 3-е. изд., испр. М. 2003, с. 246.
12. ВАСИЛЬЕВ И. Ук. соч., с. 12.
13. Об обряде совершения всякого рода крепостных актов. Именной указ, данный Разряду. Января от 1700 г.: по изданию «Законодательство Петра I». М. 1997, с. 16.
14. Государственный архив Кировской области (ГА КО), ф. 1, оп. 2. ед. хр. 159, л. 1–5.
15. Там же, ед. хр. 16, л. 1.
16. Государственный архив Саратовской области (ГА СО), ф. 660, оп. 1, ед. хр. 443, л. 1.
17. ФОЛЬГЕРОВА Ю. Н. Преемственность и рецепция в конкурсном процессе стран западной Европы и России (историко-сравнительный анализ). Автореф. дисс. канд. юрид. наук. Саратов. 2008
18. Устав о банкротах: [Утвержден] Декабря 19 дня 1800 года. С. П.бург.– [Санктпетербург: Сенат. тип., 1800]. [2], 48, [5] с.
19. ГОЛИКОВА Н. Б. Ростовщичество в России начала XVIII в. и его некоторые особенности. – Проблемы генезиса капитализма. М. 1970, с. 247–248.
20. ГА КО, ф. 1, оп. 2, ед. хр. 51, л. 2–7.
21. Там же, ед. хр. 398, л. 1.
22. Там же, ед. хр. 406, л. 2–5.
23. Там же, оп. 3, ед. хр. 1410, л. 2.
24. Там же, оп. 2, ед. хр. 142, л. 1–3.

ДИСКУССИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ

DOI: 10.31166/VoprosyIstorii201911Statyi03 ББК 63.3 (0) 6

Становление и развитие теоретических, идеологических и правовых основ функционирования Советского государства

Д. В. Пожарский

Аннотация. В публикации описываются основные закономерности формирования и развития системы функций государства, а также научно-теоретические представления о функциях социалистического государства.

Ключевые слова: Советское государство, диктатура пролетариата, общенародное государство, функции государства, декреты, нормативно-правовые основы, социальное назначение, классовая сущность.

Abstract. The publication describes the basic laws of formation and development of the system of functions of the state, as well as scientific and theoretical ideas about the functions of the socialist state.

Key words: the Soviet state, the dictatorship of the proletariat, the people's state, the functions of the state, decrees, legal framework, social purpose, class essence.

Социалистическое общество и его политическая организация в России, прошедшие путь от диктатуры пролетариата до общенародного государства, добившиеся впечатляющих и всемирно признанных успехов (космос, наука и образование, международный правопорядок и безопасность) представляют интереснейший, и, к сожалению, малоизученный современниками объект историко-правового исследования. Именно сегодня, когда практически все запреты сняты, а идеологические установки и стереотипы отходят на второй план, для подобного анализа наступает, пожалуй, самое подходящее время, и упускать его не следует. Познание и объяснение закономерностей становления и развития социалистического государства в России (построение социализма в отдельно взятой стране), так же как и историческая оценка его дееспособности и потенциала требуют изуче-

Пожарский Дмитрий Владимирович – доктор юридических наук, доцент, начальник кафедры Академии управления МВД России. E-mail: dimapozharskiy@yandex.ru.

Pozharskiy Dmitriy V. – doctor of Law, associate professor, head of the Department at the Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation. E-mail: dimapozharskiy@yandex.ru.

ния системы выполнявшихся функций, выразивших его социальное назначение и сущность и проявивших его ценностно-смысловые основания.

Обращение к отечественной историографии функций государства, несмотря на скромные рамки жанра статьи, выступает необходимым условием, поскольку позволяет проследить развитие теоретических представлений о функциях государства. Следует обратить внимание на то, что особенности формирования и развития теоретических основ функционирования социалистического государства, научные споры и подходы редко оказываются в фокусе научного познания исследователей современного государства. Наблюдая определенное время за разработкой этой проблематики учеными-юристами, прежде всего начинающими, следует констатировать, что в большинстве случаев научные подходы, выработанные советскими государствоведами, закладываются в основу анализа функций современного государства без должного критического (прежде всего – исторического) анализа применительно к кардинально изменившимся социально-политическим условиям. Упускается из виду расхождение в типологической идентичности (если рассуждать с позиций учения об общественно-экономических формациях) Советского и современного Российского государства. Хотя, именно советскими учеными-юристами обстоятельно и убедительно обоснованы положения о несовпадении классовой сущности и функций социалистического и буржуазного государств. Рискнем предположить, что современный исследователь удивится, узнав о том, что процесс становления и накопления (приращения) научного знания о функциях государства не был «рабски» привязан к положениям партийных докладов и что по ряду принципиальных теоретических позиций (понятий, признаков и классификаций) имела место серьезная и острая научная полемика. Закономерным итогом этой дискуссии можно считать теорию функций государства, сформированную и наполненную методологическим и понятийно-категориальным содержанием советскими учеными-юристами (М. И. Байтин, А. И. Денисов, Л. И. Загайнов, Л. И. Каск, А. П. Косицын, Г. Н. Манов, В. С. Петров, М. И. Пискотин, И. С. Самощенко, Н. В. Черноголовкин и другие). По важнейшим методологическим вопросам удалось найти точки соприкосновения, однако некоторые проблемы по-прежнему остаются нерешенными, в связи с чем представляют особый научно-исследовательский интерес. В целом же есть основания рассматривать отечественную теорию функций государства в качестве относительно самостоятельного направления юридической историографии.

Следует учесть, что объектом научной юриспруденции функции государства (в точном значении) стали далеко не сразу. В общей теории права и государственном праве дореволюционного периода в центре внимания в основном находились цели и задачи государства. Вопросы, связанные с сущностью и смыслом государства, решались в основном при помощи этих категорий. Разумеется, термин «функции» использовался в работах о государстве, однако в нестрогом, теоретически несистематизированном виде.

В трудах соотечественников, разделявших и развивавших марксистские взгляды на государство, вопросы целеполагания и целеосуществления (функционирования) использовались в контексте идеологической борьбы и приобрели прочное теоретическое содержание.

Известный тезис «государство ни в коем случае не есть нечто инертное, оно всегда действует и действует очень энергично, всегда активно и никогда пассивно»¹ послужил точкой опоры для теоретических форм познания и идеологического наполнения функций государства. Категория «функции государства» начинает активно использоваться в характеристиках социалистического государства, в акцентах на его политических и социально-экономических достоинствах. В трудах «классиков марксизма» функции обозначают не какую-либо обособленную разновидность (направление) государственной деятельности, а государственную власть в целом, выражающую классовую сущность государства как орудия (аппарата) классового господства².

Своего рода поворотным моментом стал доклад И. В. Сталина XVIII съезду ВКП (б). В разделе «Некоторые вопросы теории» функции социалистического государства были обозначены применительно к главным задачам социалистического строительства на различных этапах³. В рамках «первой фазы» (период от свержения «царской» власти до подавления класса эксплуататоров) были обозначены две основные задачи и вытекающие из них основные функции (подавление свергнутых классов внутри страны и защита страны от внешних врагов) и направление, не получившее статуса самостоятельной функции, – хозяйственно-организаторская и культурно-воспитательная работа, имевшая целью развитие основ социалистического хозяйства и перевоспитание человека в духе социализма.

Особенностью являлось то, что главные функции социалистического государства первой фазы сравнивались с точно такими же функциями буржуазного государства. Отмечалось, что социалистическое государство внешне похоже на буржуазное, которое также осуществляет функцию классового подавления. Но в отличие от буржуазного государства, подавлявшего эксплуатируемое большинство, социалистическое государство осуществляет подавление эксплуататорского меньшинства. В содержание функции обороны также закладывался классовый интерес. В отличие от буржуазного государства, защищавшего богатство и привилегии эксплуататорского меньшинства, функция обороны социалистического государства выражалась в защите завоеваний трудящегося большинства.

В качестве основных задач социалистического государства в период «второй фазы» (начиная с ликвидации остаточных явлений капитализма в городе и деревне, заканчивая повсеместной победой социалистических принципов и принятия новой конституции) были обозначены:

- организация социалистического хозяйства по всей стране и ликвидация остатков капиталистических элементов – задача, сменившая классовое подавление внутри страны и ликвидацию эксплуататоров;
- организация культурной революции;
- создание современной армии.

Сообразно указанным в докладе задачам, были отмечены основные закономерности в изменениях функций государства. По мере исчезновения эксплуататорского класса, функция подавления трансформируется в функцию охраны социалистической собственности. Не получившая развития, но сохранившаяся в первой фазе хозяйственно-организаторская и культурно-воспитательная функция получает «полное развитие». Государство продолжает выполнять функцию обороны, однако она постепен-

но перестает быть внутренним делом и сосредотачивается на сдерживании внешних врагов социализма.

Почти два десятилетия теоретические и идеологические основы функций государства оставались неизменными. Лишь в середине 50-х годов прошлого века некоторые тезисы Сталина по поводу задач и функций государства оказались в центре научной полемики, в том числе критики.

К примеру, тезис о неразвитости в период первой фазы культурно-воспитательной и хозяйственно-организаторской работы был поставлен под сомнение. Тезис «принадлежности» функции охраны социалистической собственности ко второй фазе социализма также был опровергнут. В целом указывалось на излишнюю догматичность интерпретации отдельных тезисов доклада, прежде всего тех, которые затрагивали вопросы функций, целеполагания и стадий социалистического государственно-правового строительства ⁴.

Положения об основных задачах и функциях государства стали традицией и неотъемлемыми элементами политических программных документов. Внимание функциональной составляющей уделялось в выступлениях практически всех руководителей Советского государства. Более того, теоретические взгляды Сталина послужили основой и толчком для системной теоретической и идеологической разработки проблем целеполагания и функционирования государства, познания его сущности и социального назначения, а также критики буржуазных теорий относительно коренных вопросов государства, которая, к сожалению, практически перестала быть направлением и не развивается в отечественной теории государства и права. Вероятно, по этой причине, многие зарубежные концепты принимаются за «чистую монету» и пользуются необыкновенной популярностью. Может сложиться впечатление, что в трудах профессоров западных университетов государство и право исследованы успешнее.

Одним из первых научное определение функций государства предложил И. С. Самошенко: «Функции Советского государства есть его социальное назначение внутри и вне страны» ⁵. Категорию «социальное назначение» применительно к вопросам функций государства позже будет развивать

Л. И. Каск, который предложит под функциями государства понимать такие стороны содержания его деятельности, которые характеризуют его классовое и общесоциальное назначение ⁶. Позже данный подход будет «принят на вооружение». Авторский коллектив учебника «Теория государства и права», вышедшего в свет в 1987 г., заложил в структуру понятия функций государства систему его целей ⁷. Указанный подход, равно как и основанные на нем определения, предложенные в более позднее время, можно обозначить в качестве *социально-телеологического*.

Примерно в это же время формировался иной подход – *праксиологический (деятельностный)*, получивший впоследствии наибольшее признание. Одним из первых функции государства в фокусе категории «деятельность» рассмотрел М. И. Пискотин, предложивший понимать под функцией государства основное направление, главнейшую сторону его деятельности по решению коренных задач ⁸. Идею отождествления функций с направлениями (видами и сторонами) государственной деятельности поддержал и развил

Н. В. Черноголовкин, предложивший понимать под функциями государства «... направления (виды, стороны) его деятельности, выступающие как конкретные проявления классовой сущности государства»⁹.

Схожую точку зрения позже высказал Г. Н. Манов, показав, что смысл понятия «функция государства» заключается в его охвате узлового, кардинального направления осуществления государственной власти¹⁰, а также М. И. Байтин, предложивший понимать под функциями социалистического государства «направления (и стороны) его деятельности, в которых выражаются и конкретизируются его классовая сущность, служебная роль, задачи и цели, закономерности развития по пути к социализму и коммунизму»¹¹. Указанный подход развивался и обогащался за счет включения в структуру понятия функций государства различных компонентов. Объединив различные точки зрения, он долгое время доминировал в государствоведении и по-прежнему сохраняет свой познавательный потенциал.

Таким образом, середина XX столетия (50–70-е гг.) явилась периодом формирования методологической и понятийно-категориальной основы функциональной характеристики государства, а проблематика функций государства приобрела форму научной теории.

Функции социалистического государства и право. Каждая функция государства связана с нормативными правовыми актами, регулирующими разнообразные стороны и участки государственной работы. Законодательство выступает правовой основой функционирования государства, что логично и закономерно, поскольку государство неразрывно связано с правом и наоборот. Не имея возможности рассмотреть весь нормативно-правовой массив, регулировавший содержание функций социалистического государства, акцент следует сделать на фундаментальных (исходных, отправных) положениях, содержащихся в основных законах (конституциях) социалистического государства. Функции государства, их система представляют неотъемлемый компонент конституционно-правового регулирования.

Первыми конституционными актами стали принятые в 1917 и 1918 гг. декреты («О восьмичасовом рабочем дне», «Об уничтожении сословий и гражданских чинов», «О земле», «О полноте власти Советов», «О печати», «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», «О национализации крупнейших зернохранилищ» и др.). Некоторые из них стали основой дальнейшего развития законодательства в соответствующей сфере, некоторые носили временный характер и потому не могли выступать прочной основой дальнейшего развития социалистических отношений. Так или иначе возникла необходимость в разработке и принятии обобщающего документа, закрепляющего первые итоги революционных завоеваний. Развитие советского права закономерно должно было привести к созданию первой советской конституции.

Конституция РСФСР 1918 г. в консолидированном виде закрепила положения и основные задачи, определявшие систему функций Советского государства. К их числу следует отнести:

– установление диктатуры пролетариата в целях полного подавления буржуазии, уничтожения эксплуатации человека человеком и во-

дворения социализма, полное устранение деления общества на классы, беспощадное подавление эксплуататоров (ст. 3, 9);

– отделение церкви от государства и школы от церкви, провозглашение свободы религиозной и антирелигиозной пропаганды (ст. 13);

– уничтожение зависимости печати от капитала и предоставление в руки рабочего класса и крестьянской бедноты технических и материальных средств к изданию газет, брошюр, книг и всяких других произведений печати, а также обеспечение их свободного распространения по всей стране (ст. 14);

– предоставление рабочим и беднейшим крестьянам полного, всестороннего и бесплатного образования (ст. 17);

– признание обязанностью всех граждан защиту социалистического отечества и установление всеобщей воинской повинности (ст. 19) и др.

В Основном Законе СССР 1924 г. правовые основы функционирования социалистического государства получили развитие. Были юридически зафиксированы главные результаты функционирования диктатуры пролетариата. В документе по-прежнему сохранялся приоритет охранительного начала системы функций государства, главной из которых оставалась защита социалистических завоеваний от капиталистической экспансии путем создания «единого фронта советских республик».

Вместе с тем, в законе появились и новые государственные ориентиры. К примеру новшеством стало установление «общих мер в области охраны народного здоровья». Впервые упоминались общественные блага и ценности, напрямую не связанные с важнейшими задачами, стоявшими перед диктатурой пролетариата (защита революционных завоеваний, установление революционной законности и правопорядка, отношения по поводу собственности и др.). По мере развития конституционного законодательства данная особенность становилась закономерностью.

Победа социалистических отношений и принципов во всех сферах жизнедеятельности по сути предопределила необходимость прохождения (преодоления) очередного этапа. Разумеется, это требовало новой программы социально-политического и экономического развития страны. Такой «программой» стала Конституция (Основной Закон) СССР 1936 г., которая юридически закрепила достигнутые успехи и сформулировала новые задачи, на десятки лет определившие содержание основных функций Советского государства.

Основу хозяйственно-организаторской функции составили положения, провозгласившие социалистическую систему хозяйства и социалистическую собственность на орудия и средства производства (ст. 4), относившие землю, недра, предприятия, транспорт, связь, банки и иные крупные объекты к государственной собственности и всенародному достоянию (ст. 6) и др.

Аналогичное значение приобрело конституционное закрепление принципа управления хозяйственной жизнью государственным народно-хозяйственным планом и связь экономики с укреплением государственного суверенитета и обороноспособности (ст. 11).

Впервые в истории государство возложило на себя обязательство по защите права личной собственности граждан (ст. 10). Указанное положение находилось в главе «Основы общественного устройства». Дан-

ное обстоятельство придавало правоохранительной деятельности особо значимый характер. С указанным положением тесно связанной оказалась норма (ст. 68), обязывавшая Совет Министров СССР принимать меры по охране прав граждан. Аналогичное положение, адресованное Советам депутатов трудящихся, содержалось в ст. 97.

В сфере приоритетных направлений оказалась охрана интересов матери и ребенка. Закрепление института материнства и детства в качестве юридически значимой ценности ярко иллюстрировало увеличение объема и социальной направленности системы функций Советского государства.

Следует обратить внимание на права и обязанности граждан, закрепленные в Конституции СССР 1936 года. Дело в том, что многие из них обуславливали структуру, комплексность и содержание функций государства, обязывали его создавать систему организационных и правовых гарантий реализации прав и свобод. Например, право на труд (ч. 1, ст. 118) обеспечивалось государственной организацией народного хозяйства, неуклонным ростом производительных сил советского общества, поддержкой в период хозяйственных кризисов и ликвидацией безработицы (ч. 2, ст. 118). Право на образование (ч. 1, ст. 121) поддерживалось всеобщим и обязательным восьмилетним образованием, широким развитием различных направлений и форм образования, его бесплатностью, системой государственных стипендий, обучением в школах на родном языке, организацией на предприятиях бесплатного производственного, технического и агрономического обучения трудящихся (ч. 2, ст. 121).

Поступательное развитие, включая восстановленную после войны экономику, в середине 1960-х гг. обеспечило выход Советского государства и общества к новым рубежам – общенародному государству и обществу развитого социализма. И в целом это не было неким упрощением или грубой идеологической подтасовкой. «Превращение государства диктатуры пролетариата, – отмечал А. П. Косицын, – в общенародное государство не сводится лишь к простому изменению терминологии. Это было бы самое легкое дело»¹².

Реальные, причем фундаментальные, изменения в социально-экономической, политической и духовно-культурной жизни обусловили новый этап в развитии системы функций Советского государства, в том числе конституционно-правовых основ их реализации.

В Конституции СССР 1977 г., впервые закрепившей принцип юридической преемственности, были «подведены итоги» предшествующих этапов (фаз) социалистического развития, а также обозначены новые цели и рубежи, качественно изменившие систему функций общенародного государства, а также содержание каждой из них в отдельности. Конституция СССР 1977 г. – единственный в отечественном конституционном законодательстве документ, в котором теоретические положения достигли своеобразного «максимума» – в тексте документа впервые употребляется термин «функция государства», а также закреплена система целей и задач развития государственности.

Выявляя закономерности становления и развития правовых основ функций Советского государства, нельзя оставить без внимания вопросы их результативности (эффективности). Приходится задаваться вопросом о соответствии фактических показателей функционирования государства

нормативным положениям. На мой взгляд, ответ на этот вопрос находится не только в плоскости социологических измерений. Отвечая на него, необходима также историческая оценка и интерпретация. Однако именно она по-прежнему затруднена «из-за укоренившегося и еще не преодоленного комплекса, сформировавшегося в головах большинства людей и подкрепленного течением общественной жизни убеждения, что марксизм изжил, скомпрометировал себя, не оправдал надежд тех, кто следовал этой идеологии...»¹³

Вместе с тем, всемирные достижения и успехи Советского государства (победа в Великой Отечественной войне и восстановление народного хозяйства, развитие науки и образования, освоение космоса, вклад в развитие международного права и укрепление международного правопорядка, защищенность социально-экономических прав и свобод граждан и др.) явились результатом реализации функций государства, воплощения его созидательной энергии и охранительного потенциала. Функции государства и их конституционно-правовые основы находились в тесной диалектической связи. Ценностно-смысловое и целевое содержание функций Советского государства во многом определялось конституционными положениями. Вместе с тем, результаты реализации каждой из них в отдельности и системы в целом раз за разом предопределяли очередной этап конституционного развития. Без преувеличения можно отметить, что принятие каждой конституции Советского государства в известной степени было обусловлено результатами выполнения главных, решающих задач социалистического строительства, то есть итогами функционирования государства. Похоже, тезис о том, что феномен государства в исторической и современной российской ментальности имеет особые ценностно-смысловые основания, наполнен объективным историческим содержанием.

Примечания

1. ЛЕНИН В. И. Полн. собр. соч., т. 1.
2. МАНОВ Г. Н. Государство и политическая организация общества. М. 1974.
3. Правда. 11 марта 1939 г.
4. За подлинную разработку коренных вопросов науки истории Советского государства и права. – Советское государство и право. 1956, № 6.
5. САМОЩЕНКО И.С. О правовых формах осуществления функций Советского государства. – Советское государство и право. 1956, № 3.
6. КАСК Л. И. Функции и структура государства. Л. 1969.
7. Теория государства и права. Л. 1987.
8. ПИСКОТИН М.И. К вопросу о функциях советского государства в современный период. – Советское государство и право. 1958, № 1.
9. ЧЕРНОГОЛОВКИН Н. В. Функции Советского государства в период развернутого строительства коммунизма. М. 1960.
10. МАНОВ Г. Н. Ук. соч.
11. БАЙТИН М. И. Сущность и основные функции социалистического государства. Саратов. 1979.
12. КОСИЦЫН А. П. Закономерный этап развития социалистической государственности. – Советское государство и право. 1965, № 10.
13. История государственно-правовых учений. М. 2006.

Динамика исторического сознания российского населения в постсоветский период

В. Э. Багдасарян, С. И. Реснянский

Аннотация. Публикация посвящена рассмотрению исторического сознания российского общества в его динамических тридцатилетних трансформациях. Прослеживаются тенденции изменений восприятия исторических событий и образов в контексте инверсий развития России в постсоветский период. По результатам исследования авторы делают выводы о сохранившейся на уровне исторического сознания общества советской матрицы восприятия ключевых событий и персонажей прошлого. Проявляемые в 1990-е – 2000-е гг. симптомы десоветизации исторического сознания населения сменились в 2010-е гг. тенденцией ее ресоветизации, в том числе и в отношении к истории со стороны молодежи. Одновременно прослеживается тенденция увеличения доли респондентов, воспринимающих историю через призму системы ценностей православной модели государственности.

Ключевые слова: историческое сознание, ресоветизация, имперский нарратив, социологический мониторинг.

Abstract. The publication is devoted to the consideration of the historical consciousness of Russian society in its dynamic thirty-year transformations. The tendencies of changes in the perception of historical events and images are traced in the context of the inversions of Russia's development in the post-Soviet period. According to the results of the study, the authors draw conclusions about the Soviet perception of key events and characters of the past that remained at the level of the historical consciousness of the society of the Soviet matrix. The symptoms of de-Sovietisation of the population's historical consciousness in the 1990s—2000s changed in 2010 to the tendency of its re-Sovietization, including in relation to history on the part of young people. At the same time, there is a tendency to increase the share of respondents who perceive history through the prism of the value system of the Orthodox model of statehood.

Key words: historical consciousness, re-Sovietization, imperial narrative, sociological monitoring.

Общественность последнее время была сильно удивлена поступающей информацией о результатах социологических опросов в отношении восприятия российским обществом истории. Особенно резонансными

Багдасарян Вардан Эрнестович – доктор исторических наук, профессор, декан факультета Московского государственного областного университета. E-mail: vardanb@mail.ru; *Реснянский Сергей Иванович* – доктор исторических наук, профессор Московского государственного областного университета. E-mail: s-r44@yandex.ru.

Bagdasaryan Vardan E. – doctor of historical sciences, professor, dean of the faculty at the Moscow Region State University. E-mail: vardanb@mail.ru. *Resnianskiy Sergey I.* – doctor of historical sciences, professor at the Moscow Region State University. E-mail: s-r44@yandex.ru.

оказывались опросы, показывающие высокий уровень популярности И. В. Сталина ¹. Предположение, что с течением времени и приходом новых поколений культовые фигуры советской эпохи будут объективно утрачивать рейтинговые позиции, не подтвердилось. Отчасти, происходит даже обратный процесс, характеризуемый как ресоветизация в восприятии прошлого. Возникает парадокс существенного расхождения оценок и интерпретаций, предлагаемых в школьной версии учебников истории и историческом сознании народа. Такая ситуация не может не вызывать тревоги и не продуцировать соответствующих социально-политических угроз общественного раскола. Объяснение – народ не знает истории и вместе с историческим просвещением исправятся и его оценки прошлого – не удовлетворяет. Серьезность угроз, связанных с расхождением условно «официальной» и «народной» версий истории определяет целесообразность научного анализа доминант динамических изменений исторического сознания российских граждан в постсоветский период ².

Несмотря на то, что в широкий научный оборот понятие «историческое сознание» в отечественной науке вошло из статьи Ю. А. Левады 1969 г. «Историческое сознание и научный метод» ³, его изучение проводилось и ранее, в частности, в рамках исследований национального самосознания ⁴. Другое дело, что с развитием социологии формировалась научная методика изучения исторического сознания, отсутствовавшая, по объективным причинам, в арсенале исследователей прежде.

Изучение исторического сознания имеет точки сопряжения с историографией в выявлении познавательных ориентиров обращения к истории. Но установкой познания прошлого дискурсивное пространство исторического сознания не исчерпывается. При его исследовании в ракурсах различных обществоведческих и гуманитарных наук выявляются также такие аспекты анализа как выражение через историю национальной (цивилизационной) идентичности социума; опосредованное через исторические образы заявление политической позиции; манифестация через историю ценностей и антиценностей соответствующей общности; идентификация образа врага, переносимого из настоящего в прошлое; коннотации современных событий и образов с событиями и образами истории, нахождение исторических аналогий; отношение к власти и политическому классу в целом с позиций сравнения с историческими образцами, их легитимизация или делигитимизация через историю; проявление в историческом нарративе ментальных матриц, национальных архетипов ⁵.

Источниковую базу проводимого исследования составили материалы социологических опросов по исторической проблематике российского населения, проводимых наиболее известными агентствами по социальному мониторингу в России – Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ), Фондом общественного мнения (ФОМ) и Левада-центром ⁶. Обращение одновременно к опросам трех ведущих агентств позволяет соотнести полученные ими результаты друг с другом и верифицировать на предмет непротиворечивости.

Для рассмотрения были взяты образы и события двадцатого века в истории России, как наиболее полемический временной интервал, что позволяет сосредоточиться на столкновении различных позиций в восприятии прошлого в рамках исторического сознания россиян.

О высоком уровне динамических изменений в историческом сознании россиян свидетельствует, в частности, периодически проводимый с 1989 г. опрос ВЦИОМ и Левада-центра по определению «самого выдающегося человека всех времен и народов». По результатам опроса 1989 г. с большим отрывом (72% против 38% у идущего на втором месте Петра I), победил В. И. Ленин. Его победа вполне соотносилась с ленинским культом в СССР, сохранявшимся и в перестроечные годы. По результатам опросов 1994 и 1999 гг. победил Пётр I, что в целом соотносилось с западническим вектором развития России и возраставшим запросом на «сильную руку». Итогом опроса 2003 г. стало разделение первого места между Петром I и частично восстановившим свою популярность Лениным, что отражало формирование пока еще латентно тенденции ресоветизации исторического сознания. В результате опроса 2008 г. победил А. С. Пушкин, и это, казалось бы, давало основание для отхода от политических баталий в преломлении к прошлому в сферу культуры. Но на двух последних опросах – 2012 и 2017 гг. – победил И. В. Сталин, что, очевидно, указывает на неоимперские тенденции трансформации исторического сознания россиян. Для сравнения: по результатам опроса 1989 г. он занимал только 10-е место. Из других изменений обращает на себя внимание заметная потеря в голосах рядом традиционных фигур российского героического пантеона – М. В. Ломоносовым, Г. К. Жуковым, А. В. Суворовым (соответственно, 4-е, 5-е и 6-е места в опросе 1989 г.), а также Наполеоном (5-е место в опросе 1994 года). Данные изменения указывают, что историческое сознание россиян, хотя и в значительной мере опирается на матрицу советского исторического сознания, имеет и существенные отличия⁷.

Опрос ВЦИОМ «Русские кумиры XX века» был ориентирован в большей степени на выявление наиболее популярных фигур в культурной и общественной жизни, нежели в политике. Тем не менее, по результатам голосования в перечне наиболее популярных исторических персон оказались и политические фигуры, что несколько исказило репрезентативность результатов. За первую позицию во всех трех опросах вели борьбу В. С. Высоцкий, победивший в 1999 г., и Ю. А. Гагарин, победивший в 2010 и 2018 годах. Образ Гагарина выражал официальный советский бренд, образ Высокого – неофициальную культуру периода СССР. В историческом сознании народа в постсоветский период они сочетались, выражая в совокупности ностальгию по советскому прошлому. По результатам опроса, большой результат – в 26%, что соотносилось с 3–4-м местами в рейтинге «русских кумиров», получил А. Д. Сахаров. Однако в дальнейшем его популярность понизилась до 11% и 9–10-го места. Подобное снижение рейтинга соотносилось с общей тенденцией девальвации либеральной платформы в историческом и шире – общественном сознании в целом⁸.

Тезису о ресоветизации исторического сознания российского населения противоречит, на первый взгляд, рост рейтинга популярности Николая II. В советской традиции его образ преподносился в уничижительном ракурсе, что не давало шанса на восприятие в качестве героя истории. Еще в 2008 г. в рамках проведения конкурса «Имя России» Николай II не вошел даже в первые двенадцать исторических персоналий. Последующий

рост популярности фигуры царя соотносился, с одной стороны, с принятием частью населения православной ценностно-смысловой платформ. Соответственно, популярность Николая II оказывалась в большей степени приятием его в качестве святого, а не государственного деятеля, что давало априори выигрышные позиции в сравнении с другими историческими персоналиями. Другой стороной популярности явилось латентное оппонирование части общества советским ценностным ориентирам. Такое оппонирование с позиций либеральной аксиологии не получило значимой поддержки, а вот с позиций православных ценностей и апелляции к дореволюционной России обнаружило достаточно весомый потенциал.

На начало 2000-х гг. все еще преобладало негативное отношение к последнему российскому императору, хотя и не явно доминантное и без радикальной выраженности. Показательна для иллюстрации подобных настроений реакция населения на решение о канонизации Николая II. По опросу ФОМ ее поддержал 21% россиян при 17% противников⁹. Но Фонд общественного мнения спрашивал об отношении к канонизации только тех респондентов, кто знал о ней, то есть исходно интересовался темой. По опросу ВЦИОМ с незначительным перевесом преобладали противники канонизации – 23% против 20% сторонников. Большинство же в обоих опросах заявило о своем безразличии к тому, будет ли причислен Николай II к лику святых или нет.

Негативные оценки преобладали и по вопросу об установлении памятников Николаю II. О своем отрицательном отношении к этому заявило 44,6% респондентов, о положительном – 33,8%. В качестве безвинной жертвы царя оценивало тогда только 23,6% общества¹⁰. Но по прошествии следующего десятилетия оценки поменялись принципиально.

По опросам ВЦИОМ и Левада-центра 2018 г. Николай II опередил среди политических фигур начала XX столетия Сталина и Ленина, как по числу положительных голосов, так и меньшей доли отрицательных. Полученный результат нельзя при этом интерпретировать как достигнутая в историческом сознании общества приоритетность православной версии истории над версией советской. Ленин и Сталин в данном случае отбирали голоса друг у друга, тогда как Николай II консолидировал сторонников православной позиции. Играла свою роль и контекстуализация с началом XX века – революцией и гражданской войной, тогда как рейтинг Сталина соотносился с более поздними историческими свершениями. Тем не менее, подъем роста популярности Николая II от отрицательного персонажа до исторического кумира – очевиден¹¹.

Фиксируется, вместе с тем, и определенный надлом в росте популярности императора на протяжении нескольких последних лет. Это объясняется радикализацией дискуссии в связи со столетием революции, выходом фильма «Матильда», кампанией критики в адрес РПЦ. По опросу ВЦИОМ, посвященному расстрелу царской семьи, обнаружились значительные группы населения, негативно относящиеся к императору и императорской фамилии. О симпатии к Николаю II заявило 43% респондентов, об антипатии – 22%. Причем, наиболее негативное отношение к царю из возрастных групп высказало не старшее поколение, а молодежь от 18 до 24 лет. В этой возрастной группе – единственной из всех возрастов – доля считающих, что Николай II понес справедливое наказание, превысила

удельный вес тех, кто полагает, что расстрел царской семьи – ничем не обоснованное преступление (49%). Наиболее симпатизирующим царю оказалось, вопреки представлениям об определяющем влиянии советской ностальгии на исторические воззрения людей, вступивших во взрослую жизнь еще при существовании СССР, старшее поколение. Вероятно, различия в оценках Николая II по возрастам следует искать в отношении к религии – принятии православия значительной частью старшего поколения и антиклерикальными настроениями среди части молодежи¹².

В средствах массовой информации 1990-х – 2000-х гг. активно популяризировался образ П. А. Столыпина. Героизация его фигуры определялась, с одной стороны, приверженностью премьер-министра рыночной модели развития экономики, с другой, – проведению им политики «сильной руки» в отношении оппозиции и терроризма. Апогеем столыпинской популярности явилось занятое Столыпиным второе место в телевизионном конкурсе «Имя России» 2008 года. Царский премьер-министр опередил Сталина и Ленина и уступил только Александру Невскому¹³. Однако социологические опросы Левада-центра, ВЦИОМ и ФОМ не подтверждают сколь бы то ни было весомое место, занимаемое Столыпиным в историческом сознании российского общества.

Один из парадоксов исторического сознания россиян связан с восприятием первой мировой войны. Поражения Отечества в войнах прошлого признаются с большим трудом и чаще всего либо переосмысливаются как победа, либо объясняются фактом предательства, удара в спину, неравенства сил. В восприятии первой мировой войны, раскрываемом в опросах ВЦИОМ, проявились оба указанных подхода. В 2014 г. доля респондентов, полагающих, что Россия в ней одержала победу, составляла 34%, что лишь на 1% меньше удельного веса тех, кто знал о ее поражении. Через четыре года ситуация еще более усугубилась: 49% считающих, что Россия победила, против 33%, придерживающихся представлений о ее поражении¹⁴. Показательно, что и в оценке итогов русско-японской войны, по результатам опроса ФОМ 2005 г., значительная доля респондентов – 27% – полагала, что Российская империя победила, а правильный ответ о ее поражении давало ненамного больше опрошенных – 35%¹⁵. В обоих опросах ВЦИОМ (2014 и 2018 гг.) доминирующим оказался взгляд, что России помешало победить «удар в спину», нанесенный революцией. В 2014 г. такой точки зрения придерживалось 40% респондентов, в 2018–51%.

За четыре года усилился имперский крен отношения к первой мировой войне. На вопрос, нужно ли было России участвовать в войне, в 2014 г. преобладал отрицательный ответ – 42% против 30%. Однако в 2018 г. уже 42% считали, что Россия должна была участвовать в войне, и меньшая часть опрошенных – 36% – отрицало необходимость такого участия. Советский негативный образ первой мировой войны, как империалистической и грабительской, таким образом, в рамках постсоветского исторического сознания подвергся существенной трансформации¹⁶.

Несмотря на постсоветскую популяризацию перспектив развития России после Февральской революции, ее оценивали преимущественно отрицательно. К негативу оценок с советских позиций рассмотрения Февральской революции через призму противостояния февралистов

и большевиков добавился и негатив с позиций православного монархизма, предъявляющего претензии в уничтожении российской монархии. В опросе ФОМ 2006 г. крушение монархии оценивалось в большей степени как вред, хотя и разность в голосах со сторонниками оценки ее упразднения в качестве блага была незначительной¹⁷.

Согласно всем опросам Левада-центра, доля лиц, полагающих, что крушение монархии имело для России отрицательные последствия, превышала долю тех, кто считал, что это был прогрессивный шаг. По результатам опроса 2017 г., это соотношение выражалось показателями: 21% и 13% соответственно.

В оценке исторического значения Февральской революции наибольшую долю голосов получил взгляд, согласно которому она была не более чем этапом на пути Октябрьской революции, создавшей первое в мире социалистическое государство. Удельный вес респондентов, придерживающихся этого мнения, возрос с 27 в 2012 г. до 32% в 2017 году. Рассмотрение Февральской революции с монархических позиций в качестве этапа к последующему октябрьскому крушению снизило свой удельный вес в ответах респондентов с 24 до 19%. Третья версия ответа, связанная с определением Февральской революции, как открывающейся перспективы развития по пути прогресса и демократии, которая была упразднена в дальнейшем большевиками, получила наименьшее число сторонников – 13 и 11% соответственно. Соотношение распределения позиций в отношении к Февральской революции показывает и распространенность восприятия истории начала двадцатого столетия с позиций советской, православно-монархической и либеральной историософских платформ¹⁸.

Отношение в российском обществе к Ленину является наилучшей иллюстрацией устойчивости советского исторического сознания. Отрицательные оценки его деятельности хотя и были значительными, но никогда за весь постсоветский период не превышали оценок положительных. В 2000-х гг. фиксируется тенденция снижения популярности Ленина и рост негативных оценок. Если, согласно опросам Левада-центра, в 2001 г. совокупные положительные оценки этой фигуры составляли 60% опрошенных, а отрицательные – 11%, то в 2006 г. – соответственно 47 и 16%. К 2017 г. совокупность позитивных оценок снизилась еще на три процента, но одновременно до 10% уменьшилась доля лиц, имеющих к нему негативное отношение, что было даже меньше, чем в 2001 году.

Персона Ленина стала вызывать меньше раздражения и являться индикатором для радикалов. Так, если еще в 1998 г. 14% респондентов солидаризировалось со взглядом на Ленина как жестокого человека, который с помощью насилия пытался преобразовать страну, то к 2017 г. доля приверженцев такой точки зрения снизилась до 7%. С 12 в 1995 г. до 5% в 2017 г. снизилась и доля лиц, определяющих его в качестве жестокого диктатора, готового жертвовать жизнями миллионов. Существенным образом утратила свои позиции в обществе распространенная в перестроечные годы точка зрения об извращении ленинизма последователями вождя. Если в 1998 г. такого взгляда придерживалось 37% респондентов, то в 2017 г. – уже лишь 21%. В 1990 г. происходившее в стране после смерти Ленина оценивало в качестве отступления от принципов и идеа-

лов революции 65%, а в 2017 г. – уже 43 при 30%, считающих, что революционный процесс продолжался¹⁹.

В опросах ВЦИОМ Ленин, хотя и имел много противников в обществе, долгое время занимал в постсоветские годы первую позицию среди всех исторических персоналий. По опросу 2005 г., в фокусе которого оказались основные персоналии российской революции, Ленин однозначно занял первое место, как по положительным оценкам, так и по разности между позитивными и негативными ответами. Наименьшую долю негативных оценок получил Бухарин, но положительных оценок его деятельности оказалось еще меньше. Вторую позицию после Ленина занял в опросе ВЦИОМ 2005 г. Ф. Э. Дзержинский. Однако с течением времени Ленин по популярности пропустил вперед Сталина и Николая II, что отражало определенный сдвиг вправо в воззрениях российского общества (либо в пользу модели православной имперскости, либо имперскости национал-большевистского типа)²⁰.

Опрос ВЦИОМ 2016 г. позволяет зафиксировать сохранение в обществе восприятия образа Ленина в соответствии с демократической традицией. Точка зрения о нем, как диктаторе, в целом не прижилась. По вопросу о выражении в ленинской политике интересов социальных групп 65% согласилось, что он действовал в интересах большинства, и только 23% – меньшинства. Характерно, что среди молодежи в возрасте от 18 до 24 лет доля тех, кто видел в деятельности Ленина выражение интересов большинства, оказалась даже выше усредненной по обществу величины – 70%. Симпатизировало Ленину 63% населения. Среди молодежи таковых оказалось 60%.

В оценке ленинской политики голоса разделились почти поровну: доля сторонников положительной оценки – 31%, оценки с позиций внутренних противоречий – 35%. Сторонники КПРФ в подавляющем большинстве ожидаемо оценили ленинскую политику в плюс. Больше негатива, чем позитива, увидели в деятельности Ленина только сторонники двух политических сегментов – непарламентских партий и «Справедливой Россия» (последнее – неожиданно ввиду левого позиционирования СР). Позитивные оценки преобладают над негативными в отношении к Ленину среди сторонников «Единой России» и ЛДПР, несмотря на противоречивые такой оценке высказывания лидера партии В. В. Жириновского²¹.

В опросах ФОМ число сторонников Ленина также устойчиво превышало число его противников. По результатам социологического замера 2014 г., 52% респондентов охарактеризовало его как «хорошего человека» и только 11% – как «плохого». Ленинскую политику оценило в плюс 43% респондентов, в минус – 12%. Позитивные оценки в опросе ФОМ перевесили не только отрицательные, но и оценки амбивалентные – «в равной мере пользу и вред» – 29%. Низший уровень популярности Ленина в опросной динамике пришелся на 2011 г., после чего фиксируется некоторый подъем его рейтинговой позиции.

Индикативна позиция опроса ФОМ в отношении освещения деятельности Ленина. 42% получила позиция, что его деятельность искусственно очерняют, при 7% – приукрашивают и 23% – оценивают объективно. Такой результат показывает существующее в целом недоверие народа к исторической науке²².

В советской историософии Октябрьская революция оценивалась как главное событие мировой истории. В постсоветский период подобная схема подверглась принципиальному пересмотру. Семантика Октябрьской революции в учебной литературе и средствах массовой информации негативизируется, а «седьмое ноября» – один из важнейших советских праздников – исключается из государственной праздничной сетки. Среди населения появляются достаточно значительные группы, отрицательно оценивающие Октябрьскую революцию: одни – с либерально-демократических, другие – с православных позиций. В противовес советской модели они отдают предпочтение, соответственно, февралистской и имперской дореволюционной системам государственности. Тем не менее, для большинства Октябрьская революция при всех социологических замерах оставалась: во-первых, событием социально прогрессивным; во-вторых, исторически неизбежным; в-третьих, наилучшим сценарием из всех возможных альтернатив. Предполагалось, что с течением времени позитивное отношение к Октябрьской революции будет объективно снижаться. Первоначально это предположение подтверждалось соответствующей тенденцией, хотя и реализуемой с большой долей инерции. Однако в дальнейшем наметился противоположный вектор, который условно может быть определен как ресоветизация исторического сознания.

Опросы Левада-центра фиксируют сохранение в обществе преимущественно позитивного восприятия Октябрьской революцией, хотя и с определенными оговорками, отличающие ее от классической советской версии. На опросном интервале 1996–2017 гг. соотношение позитивных и негативных оценок фиксируется примерно на одном уровне. Положительные оценки по всем опросам варьировались в диапазоне 46–49%, отрицательные – 28–35%. При этом доля лиц, придерживающихся категорических оценок – «очень положительно» и «крайне отрицательно» – устойчиво снижалась. Максимальная разность между положительными и отрицательными ответами в отношении к Октябрьской революции фиксируется в 2014 году.

Октябрьская революция, судя по опросам Левада-центра, представлялось большинству населения исторически неизбежной. По результатам опроса 2017 г. с этой точкой зрения солидаризировалось 48% респондентов, против – 32%, считающих, что ее можно было избежать²³. Представление о неизбежности Октябрьской революции в народном сознании диссонирует с представлением об отсутствии предопределенности в гибели СССР в 1991 году²⁴.

В качестве главных причин Октябрьской революции респонденты указывают: тяжелое положение народа – 50% и слабость правительственной власти – 45%. Эти оценки в целом соотносятся с советской версией революционной ситуации, проявляемой, в частности, в кризисе верхов и усугублении выше обычного нужды и бедствий угнетенных масс. При этом в опросной динамике доля лиц, указывающих на тяжелое положение народа, как главный фактор революции, сокращалась, а удельный вес респондентов, ссылающихся на слабость правительственной власти, возрастал. Контрбольшевистские версии причин Октябрьской революции – право-конспирологическая о заговоре против русского народа; об экстремизме политических авантюристов и стихийной агрессии толпы –

получили при опросе 2017 г., соответственно, 20, 19 и 15% голосов. Обращает на себя внимание рост популярности конспирологической версии с 6% в 1990 г. до 20% в 2017 году.

Среди последствий Октябрьской революции наибольшее число голосов получила оценка ее как толчка к социальному и экономическому развитию страны. Вторую позицию заняло ее понимание в качестве открытия новой эры в истории человечества. В совокупности позитивные оценки явно доминировали над негативными: тормоз развития и катастрофа – 21 и 6% соответственно. Причем начиная с опроса 1990 г. на опрос 2017 г. пришелся исторический максимум разности между положительной и отрицательной оценками революции, подтверждающий наличие вектора ресоветизации исторического сознания. Доля лиц, считающих, что Октябрьская революция принесла России катастрофу, снизилась с 16% в 1997 г. до 6%, достигнув, соответственно, исторического минимума.

Важным вопросом в контексте поиска основ российской идентичности имело соотнесение Октябрьской революции с цивилизационной традицией России. Еще в 1998 г. преобладала оценка, что в результате Октябрьской революции Россия повернула на чуждый ей путь развития. Такого мнения придерживалось 46% опрошенных против 27%, считающих, что национальная традиция не была прервана. Однако за двадцать лет произошли системные изменения, и опрос 2017 г. показал прямо противоположный результат: 50%, придерживающихся взгляда о сохранении национальной традиции, против 35%, заявляющих о разрыве с ней.

Большинство населения признает урон, нанесенный революцией русской культуре, русскому крестьянству, религии и церкви. Однако доля соглашающихся с признанием такого урона существенно снизилась: в отношении к русской культуре – с 69% в 1990 г. до 49% в 2017 г., по отношению к русскому крестьянству – с 68 до 48%, по отношению к религии и церкви – с 85 до 69%. По первым двум позициям доля несогласных с такой оценкой почти сравнялась с удельным весом тех, кто придерживался мнения о нанесенном уроне.

Большинство населения считает, что потеря самодержавия (52%) и дворянства (45%) являлась не очень значительной для России утратой. Такая же точка зрения доминировала и в 1990 году. Но в этой опросной позиции наблюдалась тенденция, отличная от позиций, указанных выше: рост удельного веса тех, кто считает, что упразднение самодержавия (с 11 до 34%) и российского дворянства (с 30 до 42%) было для России значительной потерей. Данная тенденция противоположна ресоветизационному тренду и выражает другой вектор – рост сторонников имперско-православной платформы в восприятии истории.

Народ в большинстве не верит в реальность позитивной альтернативы большевикам. Как в опросе 2002, так и 2017 г., наибольшее число голосов получило мнение, что если бы большевики не смогли захватить и удержать власть, то это имело бы гораздо худшие последствия. Но если в 2002 г. разность с другими версиями ответа – восстановление империи Романовых и развитие по западному пути – составляла всего 4%, то в 2017 г. – уже 13 и 16% соответственно.

По персональным симпатиям среди деятелей периода революции во всех опросах с 1990 по 2017 г. первую позицию удерживал Ленин. Второе место в опросах 1990, 1997, 2002 и 2007 гг. занимал Дзержинский, 2017 г. – Сталин. Существенно потеряли в рейтинговых позициях Бухарин (с 21 до 4%), Троцкий (с 15 до 3%), Махно (с 8 до 2%). Повысился рейтинг Николая II (с 4 до 16%) и А. В. Колчака (с 3 до 10%). Но этого было явно недостаточно для конкуренции с Лениным и Сталиным²⁵.

Опросы ВЦИОМ подтверждают результаты социологических мониторингов Левада-центра. В понимании природы революций опрос 2016 г. дал результат в 57% придерживающихся мнения об их исторической неизбежности. В 2005 г. такое мнение поддержало 42% респондентов при близком показателе со сторонниками взгляда о категорической неприемлемости революций (38%). К 2016 г. доля лиц, категорически отрицающих любые революции, снизилась до 25%.

По вопросу о преследуемых в Октябрьской революции групповых интересах общество раскололось на примерно равные части. Говоря о том, выражала ли она волю народов, населявших Российскую империю, 45% дало положительный ответ, 43% – отрицательный; выражала ли она интересы всего общества, доля положительных и отрицательных ответов в 2017 г. составила по 46%. Позиции по этому вопросу резко различаются по возрастам: респонденты 45 лет и старше придерживаются преимущественно версии, что Октябрьская революция осуществлялась в интересах большинства, более молодые поколения с этим не согласны. Казалось бы, это дает основание предположить, что в дальнейшем, в связи со сменой поколений, негативная оценка Октябрьской революции будет усиливаться. Однако, если среди группы лиц 35–44 лет позицию об Октябрьской революции как политическом выразителе интересов большинства поддерживало 38%, а в группе 25–34 лет – 33%, то в поколении 18–24 лет – 44%. Очевидно, что формируется молодежь, имеющая ценностные позиции, заметно отличающие ее от предшествующих возрастных групп.

Интерес представляют вопросы ВЦИОМ, предлагающие респондентам попытаться мысленно перенестись в 1917 г. и сделать свой выбор. На вопрос, что делали бы респонденты, оказавшись в России периода революции, больше всего голосов (28%) опроса 2016 г. получил вариант той или иной степени сотрудничества с большевиками. Почти такой же удельный вес с отставанием в 1% получила позиция неучастия в событиях революции ни на одной из сторон. О готовности бороться с большевиками заявило только 9% респондентов. По опросу 1990 г. готовы были сотрудничать с большевиками 40% опрошенных, что было безоговорочно доминирующей позицией. К опросу 2007 г. эта доля снизилась до 22%, уступив первую строчку сторонникам позиции неучастия в конфликте. Но далее наблюдается процесс частичного восстановления удельного веса сторонников большевизма. Правда, увеличилась с 10 до 16% доля выбирающих для себя сценарий отъезда за рубеж, что соотносится в целом с распространенностью эмигрантских настроений среди современной молодежи.

Еще более очевидно симпатии населения к большевикам выявил опрос ВЦИОМ 2017 г. о том, какое из политических течений поддержали бы респонденты в 1917 году. Ответ «никакое» хотя и получил наибольшее

число голосов (36%), показывает, что позиция неприятия самого революционного конфликта по прошествии столетия после революции вовсе не стала доминирующей. Большевиков готово было поддержать 32% респондентов, а идущих вслед за ними монархистов – только 5%. Остальные партии получили поддержку от 1 до 4% голосов, набрав в совокупности 12% сторонников ²⁶.

По результатам опросов ФОМ подтверждались в целом выявленные доминанты отношения к Октябрьской революции. Согласно опросу 2017 г., доля лиц, считающих, что она принесла больше пользы, составила 33% опрошенных, тогда как доля тех, кто связывал с ней больше вреда, – 20%.

Однако некоторые результаты опросов ФОМ обнаруживают определенные отличия от результатов мониторинга Левада-центра и ВЦИОМ. Так, первую позицию по вопросу, что бы произошло, не захвати и не удержали большевики власти, занял сценарий восстановления монархии – 24%. Негативный сценарий – распад страны – получил несколько меньше голосов – 21%.

Наиболее позитивную оценку из деятелей периода революции получил по опросу ФОМ не Ленин, а Николай II, хотя и всего с однопроцентной разницей в результатах. Такое различие можно объяснить тем, что в опросе Левада-центра указывался контекст 1917 г., тогда как в опросе ФОМ предлагалось дать оценку историческим персоналиям без соотнесения с временем революции. Самыми негативными историческими фигурами по опросу ФОМ оказались Л. Д. Троцкий, получивший 32% отрицательных голосов при 19% положительных, и А. Ф. Керенский – 25% отрицательных и 10% положительных ²⁷.

Гражданская война, как раскол общества, отражается и в расколе исторического сознания в преломлении к соответствующей тематике восприятия прошлого. Примиренческая позиция – в гражданской войне не было ни правых, ни виноватых, получившая к середине 2000-х гг., казалось бы, относительное доминирование (38% по опросам ФОМ 2005 и 2008 гг.) – уступила со временем тенденции усиления солидаризации респондентов с одной из сторон. При этом в выборе между красными и белыми во всех опросах явное предпочтение отдается красным. По опросам ФОМ 2005 и 2008 гг. при определении правоты сторон, красных считали правыми соответственно 23 и 20%, белых – 11 и 7%. В 2012 и 2017 гг. вопрос ФОМ ставился уже о возможности личного участия на стороне красных или белых в гражданской войне. Очевидно, что оценка правоты и возможности личного участия отражала разную степень отношения к конфликту. По результатам опроса 2012 г. на стороне красных готовы были непосредственно участвовать 26% респондентов, а в 2017 г. – уже 32% населения. В гражданской войне на стороне белых изъявляло готовность принять участие: в 2012 г. – 5% и в 2017 г. – 7% опрошенных. Доля занимающих позицию неучастия в конфликте составляла соответственно 20 и 21% населения, что почти вдвое уступало тем, кто готов был принять участие в гражданской войне на одной из сторон ²⁸.

На преимущественные симпатии к красным указывают и опросы ВЦИОМ (по результатам опроса 2018 г. в 2,3 раза по количеству голосов). Однако молодое поколение в возрастной группе 18–32 лет отдает некото-

рое предпочтение белым, отражая поколенческий конфликт исторического сознания. Ввиду нивелированности в опросе возрастных групп до 25 и после, невозможно понять, изменились ли симпатии у самой молодой из опрашиваемых возрастных групп по отношению к гражданской войне так же, как они изменились по отношению к Октябрьской революции.

Разделились оценки в отношении объяснения причин гражданской войны. Наибольшее число голосов (35%) получило иностранное вмешательство. Такой взгляд позволял рассматривать конфликт в России уже как преимущественно борьбу с внешним врагом. Политика большевиков набрала в качестве главной причины гражданской войны 34% голосов респондентов. Находящееся на третьем месте в иерархии причин сопротивление белых – только 9%, что говорит о скептическом отношении в обществе к белым как самостоятельной силе.

То, что гражданской войны нельзя было избежать, считало, согласно опросу ВЦИОМ 2018 г., 58% респондентов против 36%, допускавших возможность решения конфликтов мирным путем. Такой взгляд, соответственно, девальвировал в восприятии большинства тактику компромиссов.

Причина победы красных связывается большинством респондентов (53%) с поддержкой большевиков «многомиллионными народными массами». Альтернативной точки зрения, что красные одержали победу за счет террора, придерживается только 15% опрошенных²⁹. (Окончание следует)

Примечания

1. «Он подается как чистильщик» Почему россияне с каждым годом все больше любят Сталина. URL: <https://lenta.ru/articles/2019/04/17/stalin>.
2. БАГДАСАРЯН В.Э., АБДУЛАЕВ Э.Н., КЛЫЧНИКОВ В.М. и др. Школьный учебник истории и государственная политика. М. 2009.
3. ЛЕВАДА Ю. А. Историческое сознание и научный метод. В кн.: Философские проблемы исторической науки. М. 1969, с. 186–224.
4. КОЯЛОВИЧ М. О. История русского самосознания. СПб. 1901; ЛИХАЧЁВ Д. С. Национальное самосознание Древней Руси: очерки из области русской литературы XI–XVII вв. М. – Л. 1945.
5. БАДРЕТДИНОВ В. З. Историческое сознание как социальный феномен и форма рефлексии. Дис. канд. филос. наук. Уфа. 2009; БАРГ М. А. Историческое сознание как историографическая проблема. – Вопросы истории. 1982, № 12, с. 49–66; БАХТИН М. В. Историческое сознание и рефлексия исторического. – Вестник МГОУ. Серия «Философские науки». М. 2012, № 3, с. 17–27; ЛАВРИКОВС.В. Историческое сознание как фактор социального развития (теоретический аспект). – Вестник Тверского государственного технического университета. Серия: науки об обществе и гуманитарные науки. 2015. № 1, с. 43–47; ЛЕОПА А. В. Структура исторического сознания в условиях социокультурного кризиса. Дис. канд. филос. наук. Красноярск. 2011; МЕРЗЛЯКОВА И. Л. Историческое сознание современного российского общества: социально-философский анализ. Дис. канд. филос. наук. Ростов-на-Дону. 2005; СВИРИДА Н. Н. Историческое сознание как явление культуры. Дис. канд. филос. наук. Омск. 2004; ФРОЛОВ В. А. Историческое сознание российской молодежи: условия формирования и проявления в социальных практиках. Дисс. канд. социол. наук. Краснодар. 2014; ХАНДОЖКО Р. И. Массовое историческое сознание в контексте социально-политических трансформаций 1985–1991 гг.: региональный аспект. Дисс. канд. ист. наук. Ростов-на-Дону. 2010.

6. Сайт ВЦИОМ URL: <https://wciom.ru/>; Сайт ФОМ URL: <https://fom.ru/>; Сайт Левада-центра: <http://www.levada.ru>.
7. Выдающиеся люди. URL: <https://www.levada.ru/2017/06/26/vydayushhiesya-lyudi>.
8. Владимир Высоцкий – русский кумир XX века. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116650>.
9. Канонизация Николая II. URL: https://bd.fom.ru/report/cat/polit/old_pol/dd002042.
10. Реакция населения РФ на канонизацию Николая II. URL: http://www.ng.ru/ng_religii/2000-09-27/3_nikolay.html.
11. Гражданская война в России: сто лет спустя. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9180>.
12. Царская семья: общественная оценка спустя столетие. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9210>.
13. Имя России. URL: <http://www.nameofrussia.ru>.
14. Первая мировая в исторической памяти россиян URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9411>.
15. Русско-японская война: век спустя URL: http://bd.fom.ru/report/cat/hist_ro/ross-until17/dd052226.
16. Первая мировая в исторической памяти россиян. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9411>.
17. Февральская революция: 90 лет без монархии. URL: http://bd.fom.ru/report/cat/socium/hist_ro/d070825.
18. Февральская революция 1917. URL: <https://www.levada.ru/2017/02/14/fevral'skaya-revoljutsiya-1917/>
19. Владимир Ленин. URL: <https://www.levada.ru/2017/04/19/vladimir-lenin>.
20. Герои и жертвы Русской революции. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=2835>.
21. Ленин жил, Ленин жив, Ленин? URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115661>.
22. О Ленине. URL: <https://fom.ru/Proshloe/11472>.
23. Октябрьская революция. URL: <https://www.levada.ru/2017/04/05/oktyabr'skaya-revoljutsiya-2>.
24. Back in the USSR? URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116009>.
25. Октябрьская революция. URL: <https://www.levada.ru/2017/04/05/oktyabr'skaya-revoljutsiya-2>.
26. Октябрьская революция: 1917–2017. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116446>.
27. 1917–2017. Память о революции. Инфографика ФОМ с основными результатами опросов про революцию URL: <https://fom.ru/Proshloe/13839>
28. Гражданская война. Александр Колчак. URL: http://bd.fom.ru/report/cat/hist_ro/rev_war/d084122;1917-2017.Память_о_революции.
29. Гражданская война в России: сто лет спустя. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9180>.

Информационный анализ динамики освоения исторически значимой территории «Базарная площадь» г. Тамбова

И. А. Горелов, В. А. Немтинов

Аннотация. Работа посвящена вопросам анализа динамики освоения исторически значимой территории «Базарная площадь» г. Тамбова, начиная с 1781 г. до настоящего времени. Результаты работы представлены в виде обобщенных данных застройки и развития одной из центральных частей города на различных этапах ее освоения. Для визуализации объектов территории в различные временные периоды выполнена их трехмерная виртуальная реконструкция с помощью программной платформы с открытым кодом OpenSimulator 0.8.2, которая представляет собой серверную платформу для создания трехмерных виртуальных миров.

Ключевые слова: объекты культурно-исторического наследия, динамика освоения и развития территории, информационный анализ.

Abstract. The work is devoted to the analysis of the dynamics of development of the historically significant territory «Market square» of the city of Tambov, since 1781 to the present time. The results of the work are presented in the form of generalized data of building and development of one of the Central parts of the city at various stages of its development. To visualize the objects of the territory in different time periods, their three-dimensional virtual reconstruction was performed using the open source software platform OpenSimulator 0.8.2, which is a server platform for creating three-dimensional virtual worlds.

Key words: objects of cultural and historical heritage, dynamics of development and development of the territory, information analysis.

Одним из российских городов, которые на значительной части своей территории до настоящего времени сохраняют застройку многовековой давности, является Тамбов. Уже много лет в местных средствах массовой информации ведется полемика о том, как не растерять «тамбовский колорит». В последнее время в нее были втянуты и представители областных

Горелов Иван Александрович – младший научный сотрудник Тамбовского государственного технического университета. E-mail: gorelov50@list.ru; *Немтинов Владимир Алексеевич* – доктор технических наук, профессор Тамбовского государственного технического университета. E-mail: nemtinov@mail.gaps.tstu.ru.

Gorelov Ivan A. – junior researcher of the Tambov State Technical University. E-mail: gorelov50@list.ru; *Nemtinov Vladimir A.* – doctor of technical sciences, professor of the Tambov State Technical University. E-mail: nemtinov@mail.gaps.tstu.ru.

структур власти. Принято решение о необходимости сохранения (по возможности) отдельных исторических объектов и «самобытных зданий».

Среди исторически значимых территорий города можно назвать «Базарную площадь», которая практически со дня ее освоения имела функциональное назначение, связанное с торговой деятельностью.

При проведении информационного анализа динамики освоения исследуемой территории в качестве основного критерия выбрана суммарная площадь всевозможных участков застройки, которые в разных функциональных значениях и в разные годы имели место на территории «Базарной площади»¹. Фактически площадь этой части городской территории оставалась неизменной с ее выделения под проведение торговых операций в первые годы XIX века. Еще на первом плане г. Тамбова, который был утвержден Екатериной II в 1781 г., эта территория была обозначена свободной в окружении кварталов застройки прямоугольной планировки (см. рис. 1) и не предназначалась для последующего использования в качестве жилой зоны. На протяжении последующих двухсот лет этот участок городской территории в своих геометрических очертаниях не изменялся. Таким образом произошло оформление «Базарной площади» г. Тамбова.

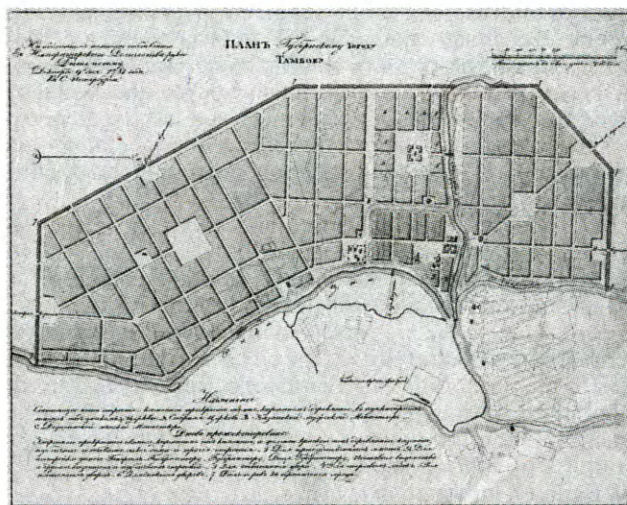
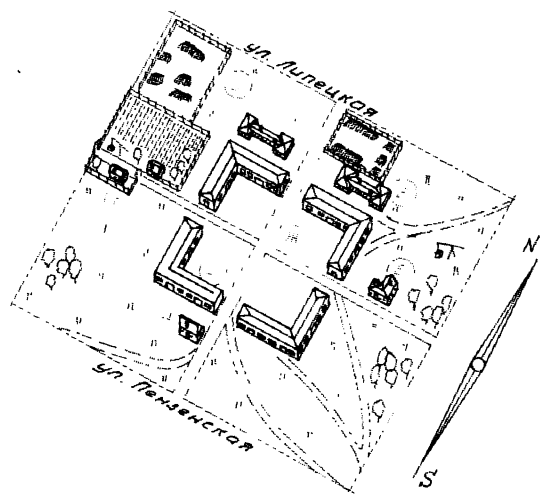

Рис. 1. Первый подтвержденный (регулярный) план города Тамбова от 1781 г.

Выбрав удобный масштаб, авторы выполнили чертежи, которые отражают застройочную ситуацию на «Базарной площади» в различные временные периоды ее развития. Плановое изображение объектов территории позволяет классифицировать их по функциональному назначению, что, в свою очередь, дает возможность дополнить исследования². В итоге получились динамические характеристики для: А – общей территории застройки; Б – территорий, которые в разные годы отводились под неторговые функциональные назначения; В – территории, которые были заняты каменными и деревянными строениями; Г – территории, отводившиеся под временные (разборные) строительные конструкции торгового назначения.

Кроме того, дополнительные проводились исследования капитальных строений отдельно по XIX, XX, XXI векам³. При этом только одна характеристика оказалась неизменной – суммарная площадь всей территории рассматриваемого городского участка.

В качестве первого шага исследований во временном развитии застройочной ситуации на «Базарной площади» был принят 1832 год. Ранее отмечалось, что именно этим годом был датирован самый подробный план Тамбова в первой половине XIX века. Историкам и краеведам города этот документ стал доступен только 4 года назад. До этого он находился на хранении в Российском государственном историческом архиве. Все, кто занимался изучением документа, пришли к выводу, что он был выполнен в качестве результирующего плана, на котором отражена городская застройка того времени. Другой, более ранний план, датированный 1781 г. и утвержденный Екатериной Великой, был составлен в качестве предписывающего документа. Он был рассчитан на перспективную застройку Тамбова и узаконивал прямоугольную планировку, которая в то время повсеместно стала использоваться на территории Российской империи. План Тамбова от 1832 г. выполнен в горизонтальной проекции⁴. Он выдержан в двухкоординатной системе и характеризуется достаточно высокой точностью, дающей представление о расположении объектов длительного пользования. Ортогональная плановая проекция этого чертежа представлена под изометрическим изображением реконструкции на основе плана 1832 года (см. рис 2). Чертеж в плановой проекции содержит определенным образом обозначенные каменные и смешанные строения, зоны зеленых насаждений, участки складирования товаров и участки, не имеющие отношения к торговому функциональному назначению⁵. На рис. 3 представлена визуализация трехмерной виртуальной реконструкции данной территории. Она выполнена с помощью программной платформы с открытым кодом OpenSimulator 0.8.2, которая представляет собой серверную платформу для создания трехмерных виртуальных миров⁶.

- А – ряды для продажи железных, портяжных, мясных, рыбных, мучных и пр. товаров;*
- Б – сенная площадь;*
- В – питейные дома;*
- Г – полицейские частные дома;*
- Д – павильон для мер и весов;*
- Е – питейный дом;*
- Ж – базарная (торговая) площадь.*

Рис. 2. Реконструкция карты-схемы «Базарной площади» г. Тамбова на основе плана города за 1832 г.

По этому чертежу легко подсчитать суммарную площадь однотипных объектов застройки, расположенных в разных местах. Результаты по 1832 г. оказались следующими: А – общая площадь на чертеже составила 7736 кв. единиц (принято за 100%); Б – суммарная площадь капитальных строений на чертеже – 560 кв. единиц; В – площадь участков зеленых насаждений – 275 кв. единиц; Г – площадь временных торговых мест – 440 кв. единиц; Д – площадь складских территорий – 536 кв. единиц; Е – площадь территории, на которой не проводилась торговая деятельность, – 397 кв. единиц; Ж – площадь всех участков, занятых каким-либо образом на территории «Базарной площади», составила на чертеже 1947 кв. единиц.

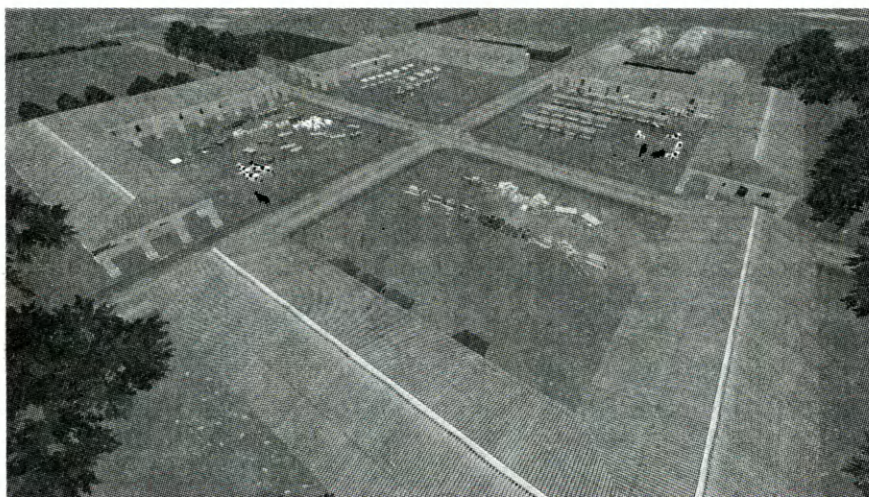

Рис. 3. Виртуальная реконструкция территории «Базарной площади» на основе плана 1832 г.

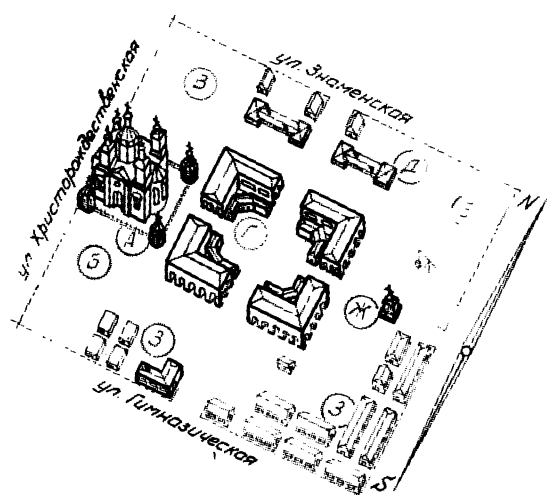
В итоге, площадь всей территории, занятой объектами по приведенным выше позициям, в 1832 г. составляла 25,2% от территории всей «Базарной площади». Эти данные приняты нами в качестве начальных данных при исследовании вопроса о динамике застройки «Базарной площади» Тамбова ⁷ (см. рис. 10).

Следующий «временной шаг», принятый для исследования вопроса динамики застройки Базарной площади, относится к концу 80-х гг. XIX века. Здесь, как и в предыдущем «временном шаге», видовое изображение, выполненное в зенитной изометрии, дополнено ортогональной плановой проекцией территории «Базарной площади» ⁸.

В новом «временном шаге» главным отличием явилось появление в восточной части «Базарной площади» нового здания Христорожественского собора. Ранее на этом месте находились полицейские дома. Второй отличительной особенностью, проявившейся к концу 80-х гг. XIX в., стали перестроенные каменные торговые ряды в центральной части площади ⁹. Их новая строительная конструкция сохранила форму «карэ», но по занимаемой площади они оказались заметно больше, чем те, что были на этом месте ранее. Далее тем, что в наши дни называют «новостроем»,

стало сооружение часовни «Иконы Казанской Божией Матери» в восточной части «Базарной площади». Кроме этого в новом рассматриваемом «временном шаге» заметную часть площади заняли временные торговые строения из разборных конструкций. Им была выделена вся свободная территория в юго-восточном углу площади. Наличие перечисленных новых объектов, появившихся к концу XIX в., подтверждают рукописные, печатные и даже фотографические документы, сохранившиеся в архиве Тамбовской области ¹⁰.

Еще одно изменение на территории «Базарной площади», имевшее место в конце 80-х гг. позапрошлого века, выдвигается нами как самостоятельная версия. Это относится к участкам вдоль северной стороны, которые раньше были обозначены в качестве мест складирования различных товаров. Чаще всего здесь хранили сельскохозяйственную продукцию. Обычно это были стога сена и соломы, реже – дрова и древесные строительные материалы ¹¹. В конце XIX в., как указывается в библиографических источниках, места складского хранения таких товаров в основном были перенесены на ближайшие улицы. Освободившиеся участки отвели под розничную торговлю «с рук». Такой вид торговли, в свою очередь, явился основательной предпосылкой нового направления в базарной торговле, которое в первой половине XX в. получило широко распространенное название – «толкучка» (см. рис. 4 и рис. 5).

- А – Христорождественский собор;*
- Б – стоянка гужевых подвод;*
- В – сенная площадь;*
- Г – гостинный двор;*
- Д – питьевые дома;*
- Е – щепная площадь;*
- Ж – часовня иконы Казанской Богоматери;*
- З – временные (деревянные) торговые лавки.*

Рис. 4. Реконструкция карты-схемы «Базарной площади» г. Тамбова (конец 80-х гг. XIX в.)

Все эти изменения нашли отражение в чертеже плановой ортогональной проекции на приведенной выше иллюстрации. Здесь, как и в чертеже предыдущего «временного шага» (видовые изображения 1832 г.), основные объекты, существовавшие в конце 80-х гг. XIX в., отмечены определенной штриховкой. Мы провели аналогичные с предыдущим чертежом «временного шага» измерения объектов и пришли к следующим информационным параметрам, вошедшими в исследование динамики застройки Базарной площади ¹² (см. рис. 10).

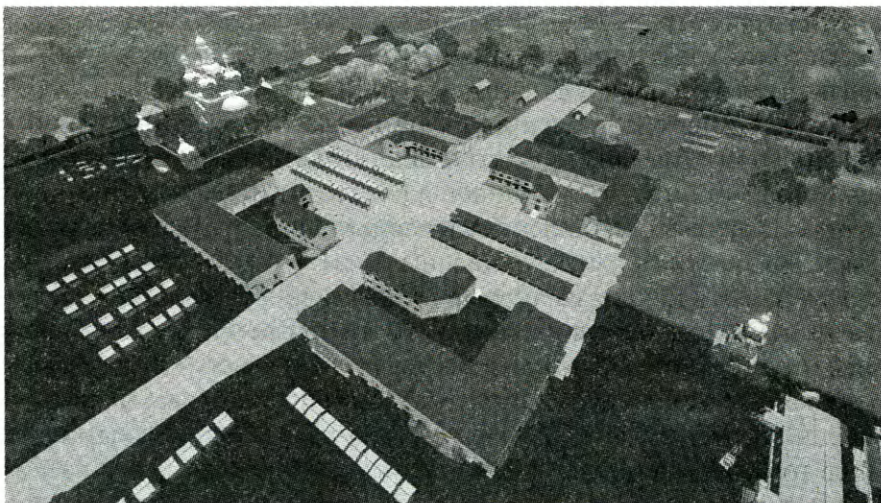

Рис. 5. Виртуальная реконструкция территории «Базарной площади» на основе плана 80-х гг. XIX в.

Изменения, имевшие место в застройке «Базарной площади» к концу 20-х гг. XX в., по сравнению с тем, что было в конце 80-х гг. XIX в., можно считать незначительными. Сохранился Христорождественский собор, здание которого было самым большим по объему из всех 17-ти церквей, расположенных в то время в Тамбове¹³. К религиозным объектам на «Базарной площади» в первые годы XX в. добавилось большое двухэтажное здание, предназначенное для размещения в нем притча Христорождественского собора. Это здание располагалось в северной части площади, близ самого собора. Второе изменение, произошедшее в застройке площади, было результатом воздействия внутренней политики всей Российской империи. В годы, предшествовавшие первой мировой войне, в России на государственном уровне активно проводилась антиалкогольная кампания, в ходе которой были закрыты многие питейные заведения в губернском г. Тамбове, в том числе, прекратили свое существование питейные дома, располагавшиеся в северной части «Базарной площади». На их месте появились временные деревянные торговые лавки. Уже при советской власти, в 1920-е гг., в северной части того отрезка сквозной дороги, которая по линии улицы Базарной пересекала с юга на север всю площадь, был построен маленький деревянный дом. В нем расположилось отделение милиции, в функции которого входило обеспечение должного порядка на территории самого главного базара в Тамбовской губернии. В южной части площади практически все оставалось без изменений, как было за 40 лет до этого¹⁴.

В середине 50-х гг. XX в. территория «Базарной площади» получила четкие очертания. По внутреннему периметру тротуаров тех отрезков улиц, которые со всех сторон замыкают этот городской участок, было сооружено ограждение из массивных металлических секций. Со сносом Христорождественского собора в западной части площади и часовни в противоположной восточной стороне, «Базарная площадь» окончательно утратила религиозные функции¹⁵.

10 лет после Великой Отечественной войны все объекты и строения, располагавшиеся на «Базарной площади», предназначались только для

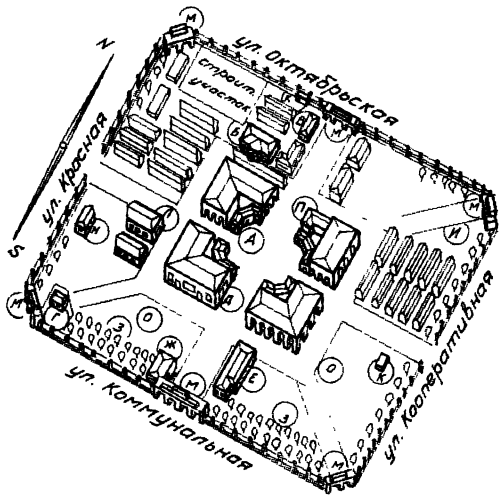
исполнения торговых функций. В тот период все изменения в застройке площади строго контролировались местными партийными и советскими органами власти. Особенность этого периода состояла в том, что со стороны местных властей не было никакой поддержки развития индивидуального предпринимательства в торговле. В конце 50-х – начале 60-х гг. XX в. на территории «Базарной площади» была ликвидирована «толкучка». В результате освободилась большая площадь рассматриваемой территории. Эти обстоятельства привели к тому, что «Базарная площадь», располагавшаяся в центре города, из рассадника антисанитарии и одного из мест низкой культуры во всех проявлениях этого качества стала приобретать явно положительные черты. Тогда впервые на ней появились асфальтированные пешеходные дорожки. Освободившиеся участки в южной стороне были засажены геометрически распланированными рядами саженцев тополей и лип.

Более того, «Базарная площадь» Тамбова в те годы в какой-то мере превратилась в городской объект культурно-массового значения. В предпраздничные дни на свободных участках площади проводились гулянья, напоминавшие ярмарочные веселья дореволюционных лет. В летнее время на этих уголках площади останавливались на гастроли цирковые труппы, зверинцы, иные развлекательные аттракционы. Что касается основных функций, то торговля на Базарной площади все больше приобретала цивилизованный характер. Появились современные (по тем годам) магазины. Уменьшилась доля продовольственной торговли, которую заменила промышленная. Все меньшая часть «Базарной площади» отводилась под индивидуальную торговлю продуктами сельского хозяйства. Теперь под это выделялась только территория торговых рядов из временных разборных конструкций¹⁶.

Все эти преобразования, происходившие на «Базарной площади» в третьей четверти прошлого века, конечно, нашли отражение в строительной динамике (см. рис. 6 и рис. 7). По аналогии с предыдущими «временными шагами» в рассмотрении динамики застройки «Базарной площади» приводим численные параметры по отдельным территориальным участкам, которые соответствовали определенному функциональному использованию (см. рис. 10).

Значительные изменения произошли на «Базарной площади» в последние годы советского периода в истории нашей страны. К середине 1980-х гг. прекратилось использование данной территории для проведения мероприятий культурно-массового назначения. Теперь на «Базарной площади» проводились только торговые операции. В юго-восточном углу появилось многоэтажное здание службы быта, а в юго-западном углу площади в 1983 г. открылось огромное (для Тамбовской области в то время это было самое большое помещение торгового функционального назначения) строение из стекла и металлоконструкций, в котором разместился крытый рынок.

На рубеже 1980-х – 90-х гг. было введено в строй здание супермаркета «Крата». Еще раньше, в конце 70-х гг., было построено трехэтажное здание, в котором на верхнем этаже расположилась администрация рынка, а на нижнем – промтоварный и мебельный магазины. В первые годы постсоветского периода особое значение уделялось развитию ин-

- А – каменные торговые ряды;*
- Б – столовая;*
- В – отделение милиции;*
- Г – транспортная диспетчерская;*
- Д – универмаг;*
- Е – продовольственный магазин;*
- Ж – магазин;*
- З – газон;*
- И – место открытой торговли;*
- К – туалет;*
- Л – продмаг и холодильник;*
- М – ворота ограждения;*
- Н – магазин по продаже керосина;*
- О – место для гастролей и проведения развлекательных мероприятий;*
- П – магазин подержанных товаров.*

Рис. 6. Реконструкция карты-схемы «Базарной площади» на основе плана 60-х гг. XX в.

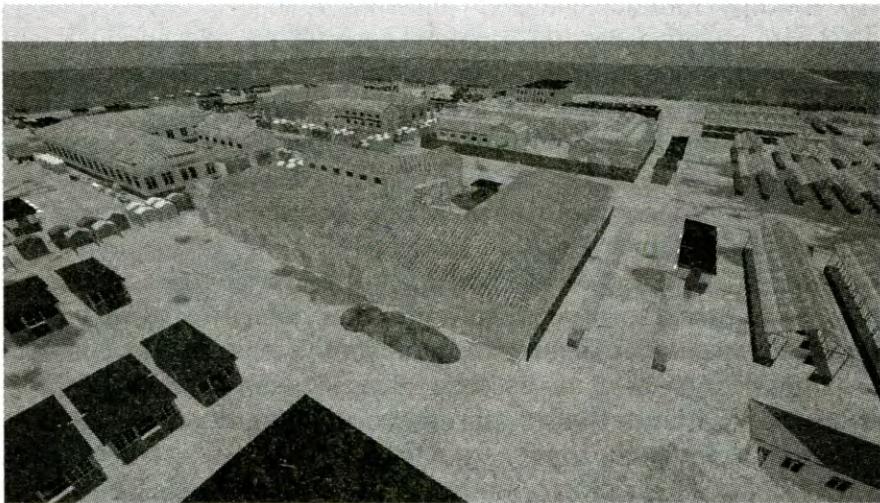
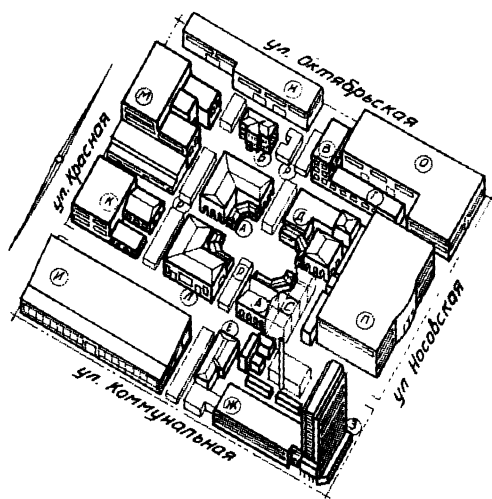

Рис. 7. Виртуальная реконструкция территории «Базарной площади» на основе плана 60-х гг. XX в.

дивидуальных мест торговли, для которых отводилось все большее количество мест. К этому времени окончательно были ликвидированы все зоны зеленых насаждений, рекреаций и пешеходных дорожек, которые

присутствовали в конце 1960-х годов ¹⁷. Вместо них активно возводились многочисленные металлические конструкции в виде маленьких будочек, в которых мог разместиться только один продавец в окружении полок, заставленных товаром. К середине 1990-х гг. практически по всему периметру «Базарной площади» появились такие металлические будочки-киоски, которые жители города с иронией называли «спасители нашей экономики». Они сплошной стеной огородили большую часть периметра площади, заменив те секции металлического ограждения на кирпичном основании, которые были возведены в середине 1950-х годов. Практически вся внутренняя территория рынка в последние годы прошлого века была заполнена сборно-разборными конструкциями, которые возводились для индивидуальных торговцев на время рабочего дня. Такая ситуация сделала рынок на «Базарной площади» главным торговым местом во всем Тамбове (см. рис. 8 и рис. 9).

- А – сохранившиеся участки «Каменных торговых рядов» XIX века;*
- Б – кафе-магазин (здание постройки XIX века);*
- В – администрация предприятия «Центральный рынок»;*
- Г – промтоварный магазин;*
- Д – комиссионный магазин;*
- Е – продовольственный магазин;*
- Ж – офисные помещения и супермаркет «XXI век»;*
- З – здание бывшего Дома быта «Русь»;*
- И – крытый рынок;*
- К – отделение полиции и магазины;*
- Л – универмаг;*
- М – супермаркет «Крата» и другие магазины;*
- Н – супермаркет «Москва»;*
- О – супермаркет «Энергия»;*
- П – центральный универсальный магазин;*
- Р – стационарные и сборочные места розничной торговли;*
- С – место пожара 2007 года.*

Рис. 8. Реконструкция карты-схемы «Базарной площади» на основе плана 10-х гг. XXI в.

Количественные значения параметров по отдельным территориальным участкам, которые соответствовали определенному функциональному использованию, приведены на рис. 10.

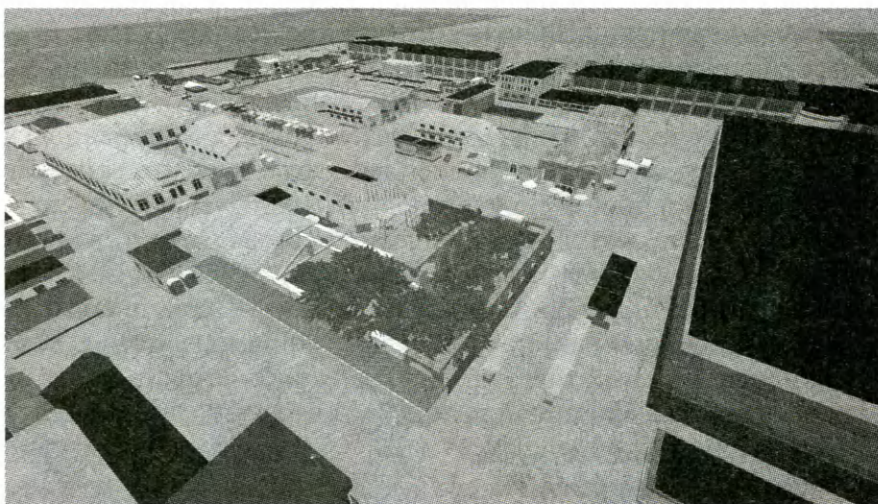

Рис. 9. Виртуальная реконструкция территории «Базарной площади» на основе плана 10-х гг. XXI в.

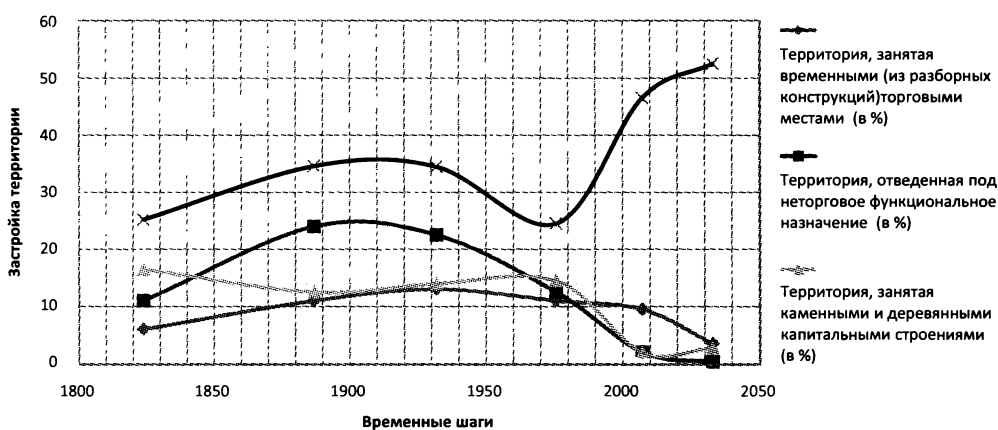

Рис. 10. Динамика освоения и застройки территории «Базарная площадь»

Основным результатом в исследовании динамики строительства на территории «Базарной площади» являются совокупности участков, которые в разные «временные шаги» были заняты всевозможными строительными объектами. За весь двухсотлетний срок существования «Базарной площади» основная ее территория была ограничена отрезками четырех улиц. Красная (ранее Христорожественская) и Носовская отделяют площадь с западной и восточной сторон, а улицы Октябрьская (ранее Знаменская) и Коммунальная (ранее Гимназическая) – с северной и южной. Таким образом, площадь внутри этого периметра всегда оставалась постоянной. А вот характеристики, которые отражены в графической интерпретации, являются изменяющимися во времени. В частности, основным

является процент занятости территории теми или иными строительными конструкциями, или – общая территория застройки «Базарной площади». Именно эта характеристика отражает динамику застройки рассматриваемого городского участка на протяжении последних двухсот лет. Три другие отражают несколько иные особенности. И все же, все приведенные характеристики имеют явную связь с теми историческими событиями в стране, которые происходили в разные годы существования площади. На всех графиках отмечаются периоды роста, стабилизации и спада. При этом на некоторых участках характеры графических кривых совпадают, а на других, наоборот, – противостоят друг другу. Наибольшая противоположность отмечается в рассматриваемых параметрах на участке, охватывающем последние десятилетия. Здесь отмечается резкий рост кривой основной характеристики, значение которой в наше время превысило 50% от общей территории «Базарной площади». Три других характеристики в тот же временной интервал дают спад, близкий к 0%.

Авторами предложена технология информационного анализа динамики освоения исторически значимой территории определенного назначения, проиллюстрированная на примере территории «Базарная площадь» г. Тамбова. По результатам работы были сделаны следующие выводы:

1) на динамике застройки территории «Базарной площади» всегда сказывались различные исторические особенности в развитии общества через отношение административных структур власти к вопросу развития торговли и торговых отношений в жизни общества;

2) значительный спад в динамике строительства на «Базарной площади» отмечается в годы становления и последующего развития советской власти, когда отношение к индивидуальной торговле было резко негативным;

3) в годы постсоветского периода динамика строительства на рассматриваемом городском участке заметно активизировалась;

4) для современного этапа развития площадь базарно-рыночного городского объекта застроена исключительно новыми конструкциями торговых зданий и сооружений, которые полностью вытеснили деревянные капитальные строения, существовавшие ранее;

5) для современного постперестроечного периода характерно и то, что на территории «Базарной площади» практически полностью убраны объекты, которые не имеют отношения к торговле;

6) согласно действующим требованиям общественной безопасности, сложившаяся современная ситуация застройки площади превысила параметры эксплуатационной безопасности, поэтому дальнейшая застройка данной территории недопустима.

Примечания

Публикация подготовлена в рамках гранта Российского научного фонда (проект № 19–18–00044).

1. ПИРОЖКОВА И. Г. Планы города Тамбова в XIX веке. В кн.: Гуманитарные науки: проблемы и решения. Сб. научных статей. СПб. 2003, с. 291–295; Тамбовские епархиальные ведомости. Тамбов. 1861–1914.

2. Государственный архив Тамбовской области (ГА ТО), ф. 17, оп. 43, д. 87, л. 22; оп. 45, д. 139.
3. Там же, оп. 43, д. 81; оп. 49, д. 77.
4. ГОРЕЛОВ А.А., ЩУКИН Ю. К. Тамбов: Справочник-путеводитель (центральная часть). Тамбов. 1999.
5. Там же.
6. ВАСИЛИНА Д. С. Виртуальный музей как феномен современной культуры. – Международный журнал исследований культуры. 2016, № 3 (24), с. 96–102; РАЗУВАЛОВА Е.В., РУДЕНКО К. А. Визуальные и виртуальные реконструкция в музейном пространстве. – Электронные библиотеки. 2016, № 6 (18), с. 302–317; Что такое «Виртуальный Мир»? [Http://World2.Ru/Story/680.Html](http://World2.Ru/Story/680.Html).
7. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Книга чертежей и рисунков. Планы городов. СПб. 1839.
8. План города Тамбова. Тамбов. 1925.
9. ХИТРОВ Г. В. Историко-статистическое описание Тамбовской епархии. Тамбов. 1861, с. 97.
10. Материалы свода памятников истории и культуры РСФСР. Тамбовская область (Мин. Культуры РСФСР; НИИ культуры; Труды 73). М. 1978.
11. ОЖЕГОВ С. С. Типовое и повторное строительство в России в XVIII–XIX вв. М. 1984.
12. ЮСТОВА Е. И. Тамбов. Памятники архитектуры. Воронеж. 1979.
13. МИЗИС Ю. А. Заселение Тамбовского края в XVII–XVIII веках. Тамбов. 1990.
14. Старый Тамбов (Объекты культурно-исторического наследия города Тамбова, расположенные в границах совета территории «Старинный»). Тамбов. 2013.
15. ГОРЕЛОВ А.А., ЩУКИН Ю. К. Старые площади Тамбова. Соборная, Ленинская, Базарная: путеводитель. Тамбов. 2013.
16. ИХ ЖЕ. Времен связующая нить. Новеллы о старом Тамбове. Тамбов. 2013; ИКОННИКОВ А. В. Историзм в архитектуре. М. 1997; КУПЦОВ А.И., КУПЦОВ С.А., ХАЙРУЛЛИН Р.З., БОГАЧ В. В. Разработка и использование технологий виртуальной реальности в процессах обучения. – Вестник Казанского технологического университета. 2016, № 4 (19), с. 100–101.
17. «И пыль веков от хартии отряхнув...»: Хрестоматия по истории Тамбовского края. Тамбов. 1993; Материалы свода памятников истории и культуры РСФСР.

Деятельность Орджоникидзевского исполкома депутатов трудящихся в первый период Великой Отечественной войны: протоколы заседаний

С. А. Хубулова

Аннотация. Подборка документов посвящена малоизученной в отечественной историографии проблеме взаимодействия партийно-государственных органов провинциального города в годы Великой Отечественной войны. Многие документы введены в научный оборот впервые. Их анализ дает возможность реконструировать основные направления работы исполкома депутатов трудящихся и городского комитета ВКП (б) в сложных условиях военного времени, когда к лету 1942 г. Орджоникидзе (Владикавказ) из тылового города превратился в прифронтовой.

Ключевые слова: война, тыл, власть, руководство, комбатант.

Abstract. The collection of documents is devoted to the problem of interaction of party and state bodies of the provincial city in the years of the great Patriotic war, little studied in the national historiography. Many documents are introduced into scientific circulation for the first time. The analysis of these documents makes it possible to reconstruct the main directions of work of the Executive Committee of workers' deputies and the city Committee of the CPSU (b) in difficult wartime conditions, when the rear Ordzhonikidze (Vladikavkaz) by the summer of 1942 turned into a front-line city.

Key words: war, rear, power, leadership, combatant.

Изучение деятельности государственных органов власти в трагические периоды отечественной истории имеет несомненный политический и научный интерес. В такие периоды проверяются на прочность существующие и новые властные структуры, которым суждено координировать всю социально-экономическую и политическую жизнь государства.

В этой связи годы Великой Отечественной войны стали, пожалуй, самым большим испытанием для советской системы¹. История Великой Отечественной войны с годами не теряет своей актуальности и зна-

Хубулова Светлана Алексеевна – доктор исторических наук, профессор ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет имени Коста Левановича Хетагурова». E-mail: hubul@yandex.ru.

Khbulova Svetlana A. – doctor of historical sciences, professor at the North-Ossetian State University. E-mail: hubul@yandex.ru

чимости. Наряду с традиционными вопросами единства фронта и тыла, в последние годы стали разрабатываться проблемы организаторской деятельности власти в чрезвычайных условиях войны ². К числу последних можно с полным правом отнести вопросы функционирования городских исполкомов. Не имея четкой картины эволюции этих органов, их взаимодействия с другими властными структурами, методов организаторской работы, невозможно дать объективную и исчерпывающую характеристику динамики событий в Северной Осетии в годы войны.

При большой значимости вопроса о роли государственной власти в организации работы тыла, до настоящего времени нет четкого представления о том, как выстоял город Орджоникидзе/Владикавказ в экстремальных условиях войны, хотя тема Великой Отечественной войны довольно хорошо освещалась в региональной историографии ³. Практически остались без исследования проблемы управления в городе, взаимодействия властных структур разного уровня, а также механизмы принятия решений.

Цель публикации – на материалах протоколов заседаний Орджоникидзевского исполнительного комитета депутатов трудящихся реконструировать основные направления его работы в первый период Великой Отечественной войны, когда глубоко тыловой регион летом 1942 г. превращался в арену жесточайших боев, от исхода которых зависел весь ход войны. Переломным днем в боях под Орджоникидзе стало 5 ноября. На подступах к городу только дивизией НКВД было уничтожено 2 тыс. солдат и офицеров, а также 46 танков противника. Наступление немецких войск было остановлено ⁴.

В данной публикации впервые предпринята попытка взглянуть на военную историю города через официальные документы, дать объективную оценку текущей работе городского исполкома в экстремальных условиях.

Орджоникидзевский горисполком был избран 4 января 1941 г. на первой сессии Орджоникидзевского городского Совета депутатов трудящихся I созыва в количестве 14 чел. во главе с П. А. Антоновым (после его мобилизации в июле 1941 г. исполком возглавил Б. К. Бзыков). Кроме этого в состав исполкома вошел секретарь горкома ВКП (б) В. Н. Чуркин. Полным составом горисполком в годы войны практически не собирался. В преамбуле протокола часто указывалось, кто из его членов не присутствовал и по какой причине. В мирное время заседания горисполкома проходили три раза в месяц, однако в годы войны это правило часто нарушалось: с октября 1941 г. заседания собирались два, а то и один раз в месяц; с июля по ноябрь 1942 г. – в период обороны города – не было ни одного заседания. С июня 1941 г. по июль 1942 г. прошло 64 заседания, на которых было обсуждено 384 вопроса. Анализ отложившегося материала позволяет заключить, что без организации бесперебойной работы промышленности, социальных объектов невозможно было обеспечить взаимодействие фронта и тыла. В этом несомненная заслуга Орджоникидзевского исполкома депутатов трудящихся, который умело организовал работу всей тыловой жизни города.

Публикуемая подборка документов по истории деятельности Орджоникидзевского горисполкома в условиях военного времени выявлена в Центральном государственном архиве РСО-Алания (ЦГА РСО-А), фр.

56, Орджоникидзевский исполнительный комитет депутатов трудящихся и Государственном архиве новейшей истории РСО-Алания (ГАНИ РСО-А), ф. 53, Орджоникидзевский горком ВКП (б). При комплектовании документов составитель придерживалась основополагающих исторических принципов, что дало возможность представить как продукт конкретно-исторической эпохи, так и реконструировать военную повседневность через выносимые на заседания вопросы. Археографическая обработка осуществлена в соответствии с нормативными требованиями к изданию исторических документов; проведена их валовая нумерация и присвоены индивидуальные редакционные заголовки. Редактирование документов не проводилось, что дало возможность точно передать присущие письму особенности. Орфографические ошибки устранены без оговорок.

Часть документов дается с некоторыми незначительными сокращениями, опущены малозначительные подробности. Случаи сокращений указаны отточиями. В текстах сохранены общепринятые сокращения и аббревиатура. К каждому документу прилагается информация о месте хранения, подлинности, способе воспроизведения.

Примечания

1. КОМАРОВ Н. Я. Государственный Комитет Обороны постановляет...: Документы, воспоминания, комментарии. М. 1990; ПЕЧЁНКИНА.А. Государственный Комитет Обороны в 1941году. – Отечественная история. 1994, № 4–5; КНЫШЕВСКИЙ П. Н. Государственный Комитет Обороны: методы мобилизации трудовых ресурсов. – Вопросы истории. 1994, № 2; ГОРЬКОВ Ю. А. Государственный Комитет Обороны постановляет (1941–1945). Цифры, документы. М. 2002
2. ТУГУШЕВА В. А. Городские комитеты обороны Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны: организация, направления, формы и методы деятельности. – Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2008, № 2; ЗАНГИЕВ Х. В. Орджоникидзевский (Владикавказский) комитет обороны в системе чрезвычайных органов власти в годы Великой Отечественной войны. – Современные проблемы науки и образования. 2015, № 1; ХУБУЛОВА С.А., ХАБЛИЕВА Л.Ч., БАТЫРОВ А. Е. Орджоникидзевский (Владикавказский) комитет обороны (1941–1944 гг.). Сборник документов и материалов. Владикавказ. 2012
3. См.: ХУДАЛОВ Т.Т. В тылу врага. Орджоникидзе. 1980; АБАЕВ А. И. Эвакуация промышленных предприятий Северной Осетии в начальный период Великой Отечественной войны. В кн.: Сборник аспирантских работ. Орджоникидзе. 1972; ТЕДТОЕВ А. А. Защищая Отечество свое. Орджоникидзе. 1977; БАЛИКОЕВ Т. М. Народы Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) Владикавказ. 2000; КРИНКО Е. Ф. Кавказ в планах Альфреда Розенберга. – Кавказский сборник. Т. 3 (35). М. 2006; МАГОМЕТОВ А. А. Военачальники, под командой которых ковалась победа на Северном Кавказе. – Вестник СОГУ. 2015, № 1, с. 15–24.
4. ГРЕБЕНЮК С. В. Северо-Кавказская стратегическая оборонительная операция 1942 года: опыт и уроки: автореф. дисс. канд. ист. наук. М. 2004, с. 18

**Решение VII объединенного Пленума
Орджоникидзевского горисполкома и горкома ВКП (б)
«О задачах парторганизации города
в связи с войной СССР с Германией»**

24 июня 1941 г.

Слушали: О задачах парторганизации города в связи с войной СССР с Германией.

VII объединенный Пленум заслушав и обсудив доклад тов. Мазина (секретарь Северо-Осетинского обкома ВКП (б). – С.Х.), одобряет решение правительства о даче войскам приказа отбить разбойничье нападение и изгнать германские войска с территории СССР и одновременно выражает глубокую ненависть к фашизму, к подлому врагу, осмелившемуся посягнуть на нашу социалистическую родину.

Пленум постановляет:

1. Одобрить решение Советского правительства о даче войскам приказа отбить разбойничье нападение и изгнать германские войска с территории СССР.

2. Обязать городские районные комитеты партии, все первичные организации: а) повести большую разъяснительную и политико-массовую воспитательную работу среди всего населения города, вокруг речи тов. Молотова, произнесенной по радио 22 июня 1941 г. и Указов Президиума ВС СССР.

3. Мобилизовать партиную оргнизацию, все коллективы предприятий и учреждений на честную самоответженную работу на своих постах, на перевыполнение производственных планов всеми заводами и предприятиями города.

4. Принять все меры к широкому использованию на предприятиях женского труда.

5. Обязать бюро ГК ВКП (б), районные комитеты партии, первичные парторганизации обеспечить полностью выполнение Указа Президиума Верховного Совета СССР от 22. 06.41 г. «О мобилизации военнообязанных» в строго установленные сроки и на высоком политическом уровне.

6. Обязать РК ВКП (б), первичные парторганизации принять меры к охране социалистической собственности, к оборонной готовности всех предприятий, особо обратив внимание на готовность к противовоздушной обороне и светомаскировке.

VII объединенный Пленум уверен в том, что все коммунисты городской парторганизации покажут образцы личного примеры работы на своих участках, мобилизуют все население города на разрешение поставленных партией и правительством задач.

Секретарь ГК ВКП (б)

Чуркин

ГАНИРСО-А, ф. 53, оп. 1, д. 143, л. 21. Машинопись. Заверенная копия.

Автограф

**Решение Орджоникидзевского горисполкома
о несении гражданами дежурств в военное время**

12 августа 1941 г.

§ 380. Слушали: О несении дежурств населением у домов.

Решили:

Обязать райисполкомы в соответствии с преподанными директивами и распоряжением исполкома горсовета от 29.07.41 г. закончить не позже 10.08 организацию групп самозащиты в жилых домах (объединениях мелких домов) утверждение начальников групп, приступить к обучению групп и организовать дежурства населения у домов из числа членов группы самозащиты, руководствуясь при этом следующими правилами:

а) дежурства у домов установлены с 21 час до 5 час. На весь период угрожаемого положения города (светомаскировка);

б) к несению дежурств у домов привлекаются в порядке очереди граждане, обязанные состоять в группах самозащиты данного дома или группы домов, в возрасте: женщины от 18 до 55 лет, мужчины – от 16 до 60 лет, проживающие в домах;

в) каждый вступающий дежурный на пост у дома должен знать основные обязанности: наблюдать за светомаскировкой в домах, дополнительно оповещать население домов о воздушной тревоге, поддерживать связь с ближайшими группами самозащиты и постами милиции, охранять оставленное имущество и проч.;

г) от участия в группах самозащиты и от несения дежурств у домов освобождаются: больные на время, необходимое для восстановления здоровья; инвалиды труда и войны, беременные женщины за 35 дней до родов и женщины, имеющие детей до 5-летнего возраста.

Рабочие и служащие, состоящие в группах самозащиты по месту жительства и по месту работы, используются той группой самозащиты, при которой застанет их сигнал «воздушной тревоги», за исключением состоящих в городских и объектовых формированиях МПВО.

Председатель горисполкома

Б. Бзыков

*ЦГА РСО-А, фр. 56, оп. 2, д. 43, л. 1–2. Машинопись. Заверенная копия.
Автограф*

№ 3
**Из протокола № 30 заседания
Орджоникидзевского горисполкома**

26 августа 1941 г.

...§ 401. **Слушали: Об итогах 1940/41 уч.г. в школах города и подготовке к новому учебному году.**

Решили:

1. Обеспечить полный охват обучением детей в возрасте от 8 до 14 лет путем систематического наблюдения за текучестью учащихся, проверки школьников микрорайона и связи с семьей через классных руководителей и старших вожатых.

2. До 1-го сентября полностью произвести затемнение школьных зданий и обеспечение противопожарным оборудованием. На территории школьного двора или вблизи школы построить щели, с учетом вместимости смены учащихся и учителей, газоубежищ и бомбоубежищ.

3. Не позже 1 октября заготовить топливо. Зав. Гор ОНО произвести частичную замену угля дровами.

4. Обеспечить установление твердого режима и дисциплины в школах, особенно в зданиях с 3-сменными занятиями.

5. Обратить особое внимание учителей на введение на уроках элементов оборонного характера, обеспечивая воспитание у учащихся чувства патриотизма, любви к родине, готовность в любую минуту защищать свою страну.

6. Не позднее 15 октября закончить с учащимися прохождение программы по нормам ПВО и ПВХО.

7. Организовать в школах оборонные кружки по различным военным специальностям, привлекая к руководству актива Осоавиахима, учителей и учащихся старших классов...

8. При каждой школе организовать группы самозащиты из учащихся, учителей, с которыми проводить систематические учебно-тренировочные занятия.

9. Взять на учет и окружить вниманием и заботой семьи красноармейцев путем организации посильной помощи со стороны школ и учащихся.

10. Зав. торговделом обеспечить все школы буфетами с должным ассортиментом продуктов.

§ 418. Слушали: О расквартировании эвакуированных.

Всего прибыло в республику 533 семьи (1128 чел.)

Отправлено в Минеральные Воды – 463 чел.

Направлено:

В Правобережный район – 18 семей (66 чел.)

Ардонский р-н – 9 семей (38 чел.)

Алагирский р-н – 1 семья (3 чел.)

Орджоникидзевский край – 1 семья (3 чел.)

Садонский р-н (Мизур) – 7 человек

Всего по районам республики направлено 328 чел.

Решили:

1. Обязать председателей райисполкомов тов. Кертанова, Салбиева в течение 5 дней, до 15 сентября, расквартировать всех эвакуированных, имеющих направления от горисполкома, в первую очередь, остро нуждающихся.

2. Для выявления излишков жилплощади мобилизовать депутатов райсоветов и, в первую очередь, жилищно-коммунальную постоянно действующую комиссию.

3. Освобождение излишков жилплощади производить в соответствии с указанием СНК СО АССР и горисполкома и не допускать нарушений.

§ 420. Слушали: О ходе выполнения Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26.09.41 г. «О порядке назначения и выплаты пособий семьям призванных в РККА по Промышленному району».

Решили:

1. Отметить, что райисполкомами города проделана значительная работа в деле обеспечения семей мобилизованных в Красную армию путем своевременного оформления и выдачи пособий.

2. Учитывая наличие отдельных случаев задержки оформления и выдачи справок, особенно по Затеречному району, предложить председателям райисполкомов в 5-дневный срок проверить выдачу справок семьям мобилизованных и обеспечить за этот же срок выдачу справок дополнительному контингенту семей мобилизованных.

§ 422. Слушали: Об отпуске 1 тыс. руб. семьям, эвакуированным из Днепропетровска и возвращающимся из г. Орджоникидзе в гор. Свердловск на постоянное место жительства, согласно правительственному указанию.

Решили:

Выдать 1 тыс. руб. как единовременную помощь за счет сумм, отпущенных Совнаркомом на единовременную помощь эвакуированным из Днепропетровска и возвращающимся в гор. Свердловск в количестве 60 семей, рабочим одного из заводов Днепропетровска.

§ 425. Слушали: О переименовании улицы в районе вновь разбитых кварталов на Красногвардейской слободке.

Решили:

Присвоить вновь образованной улице западнее кварталов 570–577 в районе Красногвардейской слободки имя Героя Советского Союза Николая Гастелло. Просить Президиум Верховного Совета Северо-Осетинской АССР утвердить настоящее решение.

Председатель горисполкома

Б. Бзыков

ЦГАРСО-А, фр. 56, оп. 2, д. 43, л. 15–17. Машинопись. Заверенная копия.

Автограф

**Из протокола № 8 VIII сессии
Орджоникидзевского горисполкома
«О задачах депутатов в военное время»**

15 сентября 1941 г.

Слушали: О задачах депутатов в военное время.

Постановили: Заслушав и обсудив доклад депутата горисполкома, секретаря горкома ВКП (б) тов. Чуркина, 8-я сессия горсовета отмечает, что трудящиеся нашего города как и всего Советского Союза, в единном порыве поднялись на Великую Отечественную войну, ответив трудовым и производственным подъемом на призыв Председателя Государственного комитета обороны тов. Сталина.

В Фонд обороны трудящиеся города отчислили 1 235 829 руб., сдано облигаций и залоговых квитанций на сумму свыше 4,5 млн. руб.

Сейчас патриотизм нашего народа поднялся на еще большую ступень, приобретающий исключительно важное государственное дело – сбор среди всего населения теплых вещей и белья для Красной армии.

Многие патриоты нашей родины в дни Отечественной войны стали работать за двоих-троих, в результате чего в целом по госпромышленности города без промысловой кооперации план выполнен на 106,8%...

8-я сессия горсовета решает:

1. Добиться полной перестройки всей работы постоянно-действующих комиссий, обязать при этом всех депутатов принять активное участие в работе этих комиссий.

2. Обязать руководителей предприятий организовать выпуск новой продукции оборонного характера.

3. Предложить райисполкомам, руководителям оборонных комиссий закончить комплектование групп самозащиты до 25 сентября с.г.: рытье щелей, светомаскировка, подготовка противопожарного инвентаря по всем предприятиям и учреждениям, а также подготовку пригодных подвальных помещений под бомбоубежища.

4. Предложить горисполкому, руководителям предприятий и учреждений обеспечить семьи мобилизованных в РККА жилплощадью, топливом, своевременной выдачей госпособий.

Председатель *Смиренин*
ЦГА РСО-А. ФР. 56. Оп.2. Д.44. ЛЛ. 203–204. Машинопись. Подлинник.
Автограф

**Решение Орджоникидзевского исполкома
об обязательном военном обучении горожан**

23 сентября 1941 г.

§ 429. Слушали: Об обязательном военном обучении граждан гор. Орджоникидзе.

Решили:

1. Ввести с 1-го октября 1941 г. обязательное военное обучение граждан города Орджоникидзе мужского пола в возрасте от 16 до 50 лет.

2. Установить, что обязательное военное обучение должно осуществляться вневойсковым порядком, без отрыва причисленных к прохождению военного обучения от работы на предприятиях и в учреждениях, не наносить ущерба производству.

3. Военное обучение провести по 110-часовой программе.

4. При прохождении военного обучения особое внимание обратить на строевую подготовку, владение винтовкой, пулеметом, минометом и ручной гранатой, на противохимическую защиту, рытье окопов, маскировку, а также на тактическую подготовку одиночного бойца и отделения.

5. В первую очередь к военной подготовке привлечь допризывников 1923 и 1924 гг. рождения и военнобязанных запаса из числа необученных, в возрасте до 45 лет.

6. Предложить военному комиссару города в соответствии с указанием военкома республики:

а) подобрать из числа подготовленных товарищей инструкторов Всеобуча, начальников и политруков районных пунктов всеобуча;

б) установить дни и часы занятий с таким расчетом, чтобы не нарушать нормальный ход работы предприятий и учреждений, не наносить ущерба производству;

в) совместно с райсоветах ОСО обеспечить пункты всеобщего военного обучения необходимыми материальными и учебно-наглядными пособиями.

7. Обязать районные исполнительные комитеты:

а) наметить, отвести и оборудовать до 28.09 с.г. в каждом районных пункты всеобуча;

б) учесть в районе, в том числе и у единоличных владельцев, все учебное и мелкокалиберное оружие и шансовое имущество, привлекая к этому районные советы ОСО, отделения и РК милиции;

в) обсудить настоящее решение на заседаниях райисполкома, наметить конкретные мероприятия по обеспечению нормального хода всеобщего военного обучения в группах трудящихся города...

§ 431. Слушали: О ходе обучения населения по ПВХО.

Решили:

1. Обязать предрайсоветов ОСО и председателей РИКов обучение населения закончить по ПВХО к установленному сроку СНК СОАССР к 1 октября 1941 г., для чего необходимо:

- а) разослать населению повестки установленного образца и потребовать в конкретные сроки представить справки по прохождению ПВХО;
- б) ликвидировать частые смены начальников групп самозащиты и командиров звеньев, неработоспособных начальников и командиров звеньев заменить на работоспособных, обратив внимание при этом на качество подбора лиц.

2. Предупредить председателя Затеречного райсовета Осоавиахима за неудовлетворительный охват населения по ПВХО, за слабое руководство и оказание помощи кружкам среди населения.

3. Предупредить председателей райисполкомов, что они несут персональную ответственность за работу районного ОСОавиахима и обеспечить в дальнейшем полный контроль и руководство над работой Осоавиахима...

Председатель горисполкома *Б. Бзыков*
ЦГАРСО-А, фр. 56, оп. 2, д. 43, л. 39–41. Машинопись. Заверенная копия.
Автограф

№ 6

**Протокол № 38 заседания
Орджоникидзевского горисполкома**

9 декабря 1941 г.

§ 496. Слушали: О мероприятиях по обслуживанию эвакуированного населения, прибывшего из прифронтовой полосы в гор. Орджоникидзе.

Решили:

1. В соответствии с постановлением бюро обкома ВКП (б) и Совнаркома Северо-Осетинской АССР от 20.11 с.г. ответственность за проведение всех мероприятий, связанных с размещением и трудоустройством эвакуированного населения из прифронтовой полосы возложить на председателей райисполкомов.

2. Предупредить председателей райисполкомов о безусловном и безоговорочном выполнении ранее данных указаний, а именно:

а) в 3-дневный срок разместить эвакуированных, проживающих в Доме колхозника, в клубе крахмального завода и в гостиницах города, предоставив им жилплощадь в порядке уплотнения;

б) в течение указанного срока предоставить жилплощадь амнистированным польским гражданам, проживающим по ул. Томаева, 6;

в) установить тщательный учет и регистрацию прибывающего эвакуированного населения, создавая нормальные условия в расквартировании, трудоустройстве по предприятиям и учреждениям;

г) установить учет и выявление семей, не имеющих совершенно трудоспособных и требующих материальной помощи;

д) не допускать передвижения эвакуированного населения и перехода из квартиры без ведома райисполкомов.

3. Признать необходимым проводить обязательную санобработку всего прибывающего эвакуированного населения. Поручить ОКХ и горздравотделу организовать эти мероприятия, а органам милиции без соответствующей справки о прохождении санобработки не прописывать.

1. Считать необходимым возбудить ходатайство перед Совнаркомом Северо-Осетинской АССР об отпуске 5 тыс. руб. приобретения верхней одежды, белья и обуви амнистированным польским гражданам.

2. Просить СНК СОАССР обязать наркоматы нашей республики принять на работы амнистированных польских граждан в соответствии с их квалификациями и оказать им материальное содействие.

Председатель горисполкома

Б. Бзыков

ЦГА РСО-А, фр. 56, оп. 2, д. 43, л. 137. Машинопись. Заверенная копия.

Автограф

№ 7

Из протокола № 40 заседания Орджоникидзевского горисполкома о борьбе с детской беспризорностью

23 декабря 1941 г.

...§ 502. Слушали: **О выполнении решения горисполкома от 15.07.41 г. «О борьбе с детской беспризорностью».**

Решили:

1. В соответствии с постановлением СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 31.05.35 г. «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности», организовать при городском и районных советах депутатов трудящихся секции по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью, возложив на них в качестве основной задачи организацию общественности предприятий, учреждений и ЖАКТов на дело ликвидации безнадзорности, уличного хулиганства детей и подростков.

2. Предложить исполкомам райсоветов на ближайших заседаниях обсудить вопрос о борьбе с детской беспризорностью, для принятия конкретных мероприятий по данному вопросу.

3. Обязать исполкомы райсоветов к 5.01.42 г. выделить комнаты при каждом отделении милиции; организовать в этих комнатах дежурство из представителей органов народного образования, ВЛКСМ, для проведения культурно-массовой работы с задержанными детьми и их родителями.

4. Обратить внимание культурных и зрелищных предприятий города на недопустимость скопления детей в вечернее время в указанных местах и на необходимость организации обслуживания детей в дневное время. Считать необходимым установления дежурств в указанных местах из представителей органов народного образования. Милиции и комсомола.

5. Для координации работы советской общественности по борьбе с детской безнадзорностью созывать при ГорОНО не реже одного раза в месяц совещания из представителей органов народного образования, милиции, родительских комитетов, комиссий гор и райсоветов депутатов трудящихся, профсоюзов и ВЛКСМ.

6. В целях более успешной борьбы с детской безнадзорностью предложить гор- и райОНО по договоренности с отделами пропаганды и агитации горкома ВКП (б) и райкомов ВКП (б) и лекционным бюро СОАССР систематически проводить на предприятиях и учреждениях лекции и беседы по вопросам воспитания советских детей; привлечь к делу борьбы с детской безнадзорностью печать и радио.

7. Просить обком ВЛКСМ обязать горком ВЛКСМ разработать конкретный план работы и мобилизовать комсомол города на борьбу с детской безнадзорностью, организовав особые комсомольские бригады для указанной цели

8. Обязать Управление трамвая организовать борьбу с проездом детей на подножках и буферах трамвайных вагонов

9. Обратить внимание органов милиции на необходимость усиления борьбы с детской безнадзорностью и привлекать родителей и опекунов, безучастно относящихся к своим детям к ответственности по всей строгости закона...

Председатель горисполкома *Б. Бзыков*
ЦГА РСО-А, фр. 56, оп. 2, д. 43, л. 158. Машинопись. Заверенная копия.
Автограф

№ 8

**Протокол № 2 заседания
Орджоникидзевского горисполкома**

20 января 1942 г.

§ 14. Слушали: О ходе всеобщего военного обучения граждан по Затеречному и Промышленному районам.

Решили:

1. Обязать председателей райисполкомов вопросу всеобща граждан районов оказывать всемерное содействие и реальную помощь, приняв меры оборудования пунктов инвентарем и снабжения топливом.

2. Предложить райисполкомам на очередном заседании заслушать доклады начальников учебных пунктов о ходе всеобуча по району.

3. Обязать райисполкомы раскрепить депутатов оборонных постоянно действующих комиссий к учебным пунктам для оказания практической помощи...

§ 18. Слушали: Об итогах работы городской пожарной охраны за 1941 г.

Решили:

Городской исполнительный комитет депутатов трудящихся отмечает, что за истекший 1941 год ГПО НКВД добилась в своей работе и учебе ряда положительных сторон, как то:

а) горимость снижена по сравнению с 1940 г. на 12%, а убыточность за этот же промежуток времени – на 68.3%

б) улучшилась учебно-боевая и политическая подготовка личного состава ГПО

в) укрепилась трудовая дисциплина, сократились случаи ее нарушения и личным составом

г) совершенно сократились случаи аварии и поломки автотранспорта и боевой пожарной техники.

§ 23. Слушали: О выполнении решения исполкома горсовета от 9.12.1941 г. и 6.01.1942 г. о мероприятиях по обслуживанию эвакуированного населения.

Решили:

1. Возложить на райисполкомы производить оформление прописки вновь прибывшего населения по эвакуации в соответствии с указаниями СНК СОАССР.

2. Вменить в обязанность председателей райисполкомов следить за движением эвакуированного населения внутри своего района и без разрешения райисполкома воспретить всякое передвижение.

3. Обратить внимание зав. ОКХ Вербового и зав. горздравотделом тов. Мерденова на всю серьезность обязательного проведения санобработки эвакуированного населения...

4. § 25. Слушали: О противотифозных мероприятиях.

Решили:

1. Организовать сыпно-тифозное отделение на 100 коек, как филиал городской больницы.

2. Предложить оборудовать соответствующим образом вновь организуемое отделение горбольницы (горячей водой, ванной комнатой, душем и т.д.)

3. Предоставить помещение яслей № 3 сыпно-тифозному отделению, ясли № 3 слить с яслями № 2, сохранив штат и финансирование за яслями № 3.

5. Для обслуживания сыпно-тифозных больных оставить 10 человек из кадров яслей № 3, остальных работников яслей № 3 перевести в ясли № 2 и ясли № 6.

§ 31. Слушали: об утверждении формирований городского штаба МПВО санроты и химроты.

Решили:

1. Медсанроту в составе 3-х взводов: а) Ленинского района – 80 чел.; б) Промышленного района – 50 чел.; в) Затеречного района – 50 чел.

Укомплектование, обучение и общее руководство ротой возложить на зав. горздравотделом тов. Мерденова, главврача горбольницы Лундина, председателя республиканского РОККа Ногаеву. К обучению роты приступить с 26.01.42 г.

2. Химроту в составе 3х взводов: а) Ленинском – 60 чел.; б) Промышленном – 40 чел.; в) Затеречном – 40 чел.

Комплектование людским составом химроты привлечь в обязательном порядке граждан из значкистов ПВХО. Комплектование роты возложить на помощника начальника горштаба МПВО по боевой подготовке тов. Кесаева и начальника химслужбы тов. Уманского. Формирование закончить к 1.02.42 г.

Председатель горисполкома

Б. Бзыков

ЦГА РСО-А, фр. 56, оп. 2, д. 45, л. 3–4. Машинопись. Заверенная копия.

Автограф

№ 9

**Из протокола № 3 заседания
Орджоникидзевского горисполкома
о текущих делах**

3 февраля 1942 г.

§ 44. Слушали: О введении одноставочного тарифа на проезд в трамвае.

Решили:

1. Существующий многоставочный тариф за проезд пассажиров как неоправдавший себя ликвидировать.

2. Одноставочный тариф в размере 20 коп., применявшийся на 3-м маршруте, утвердить на всех линиях...

§ 46. Слушали: Об установлении минимальной жилой площади для населения в военное время и об изъятии излишков площади для расселения эвакуированного населения.

Решили:

1. На период военного времени снизить предельную норму жилой площади до 6 кв. м на человека

2. Произвести изъятие и заселение в квартирах излишков в виде целых комнат (изолированных и проходных) с тем, чтобы:

а) при заселении изолированных комнат часть излишка, не достигшая 5 кв. м для остающейся у съемщика комнаты, в расчет не принималась;

б) при заселении проходных комнат не менялось бы промежуток (так в тексте. – С.Х.) назначение такой комнаты (общее пользование топкой, проход через комнату).

3. Вселение на излишки, заключающиеся внутри одной комнаты производить при условии вселения на них лиц одного пола и согласия жильца.

4. При определении площади, подлежащей изъятию в соответствии с пп. 2 и 3 настоящего решения, принимать в расчет лиц, призванных в РККА и военно-морской флот, за которыми сохранить норму площади.

5. Вселение на излишки площади производится райжилуправлениями на основании вносимых решений райисполкомов, исключительно эвакуированным населением.

6. Настоящее решение распространяется на все дома города Орджоникидзе (ведомственные, муниципализированные и домов права личной собственности).

§ 63. Слушали: О материально-бытовом обслуживании польских граждан.

Решили:

1. Обязать горсанинспекцию в 3-дневный срок провести полную санитарную обработку как среди польских граждан, так и помещений, в которых они проживают

2. Обязать горпромкомбинат поставить вопрос перед Наркомместпромом об изготовлении для польских граждан 50 пар нательного белья за счет ширпотреба.

3. Просить СНК СОАССР отпустить горисполкому 10 тыс. руб. для приобретения белья амнистированным польским гражданам.

4. Поручить Ленинскому райисполкому сгруппировать рабочих и польских граждан, работающих на одном производстве, и передать в ведение этого производства занимаемую этими польскими гражданами жилплощадь на правах общежития с обязательством соответствующего оборудования за счет производства.

Председатель горисполкома

Б. Бзыков

ЦГА РСО-А, фр. 56, оп. 2, д. 45, л. 35. Машинопись. Заверенная копия. Автограф

**Из протокола № 8 заседания
Орджоникидзевского горисполкома**

31 марта 1942 г.

§ 103. Слушали: О состоянии школьных буфетов.

Решили:

1. Обязать горторготдел (тов. Костин), Севосторг (тов. Джанаев) разработать график завоза продуктов в буфеты с таким расчетом, чтобы учащиеся первой смены были обеспечены завтраками.

2. Предложить зав. горторготделом тов. Костину и зав. Севостоорга Джанаеву принять меры к полному удовлетворению школьников завтраками.

3. Предложить зав. ГорОНО дать указание директорам школ об организации раздачи завтраков ученикам младших классов через классных руководителей и учителей.

§ 109. Слушали: О дополнительной подготовке в школах ФЗО железнодорожного транспорта рабочих массовых железнодорожных профессий.

Решили:

1. Обязать исполком депутатов трудящихся призвать (мобилизовать) с 30 марта 1942 г. до 6 апреля 1942 г. в школы ФЗО железнодорожного транспорта из числа городской молодежи мужского пола в возрасте 16–17 лет и женского в возрасте 16–18 лет: а) по Ленинскому району – 65 чел; б) Промышленному – 70 чел; в) Затеречному — 50 чел.

2. Призыв (мобилизацию) в школы произвести в первую очередь за счет молодежи – членов семей железнодорожников.

3. Предложить райисполкомам при призыве в школы ФЗО учесть, что подготавливаемые профессии связаны с движением поездов, поэтому призыв молодежи полностью производить в соответствии с требованием инструкции по призыву в школы ФЗО, медицинского отбора и установленного возраста.

Председатель горисполкома

Б. Бзыков

ЦГА РСО-А, фр. 56, оп. 2, д. 45, л. 99. Машинопись. Заверенная копия.

Автограф

**Решение Орджоникидзевского горисполкома
о мобилизации трудоспособного населения
для работы на производстве и транспорте**

5 мая 1942 г.

§ 160. Слушали: О мобилизации на период военного времени трудоспособного гражданского населения для работы на производстве и строительстве.

Решили:

1. Обязать председателей райисполкомов Салбиева, Алдатова и Кертанова мобилизовать на работы на железнодорожном транспорте следующее количество человек: Ленинский райисполком – 46 чел, Промышленный – 25, Затеречный – 35 чел.

2. Об исполнении настоящего решения проинформировать горисполком 6 мая 1942 г.

Председатель горисполкома *Б. Бзыков*
ЦГА РСО-А, фр. 56, оп. 2, д. 45, л. 137–138. Машинопись. Заведенная копия. Автограф

**Решение Орджоникидзевского горисполкома
о привлечении трудоспособного городского населения
на сельскохозяйственные работы**

22 мая 1942 г.

§ 173. Слушали: О проведении мобилизации на сельскохозяйственные работы в колхозы трудоспособного населения города.

Решили:

1. Обязать исполкомы районных советов привлечь в порядке мобилизации на сельскохозяйственные работы:

а) с 25 мая 1942 г. все трудоспособное население, проживающее на территории своего района и не работающего на предприятиях промышленности, транспорта, учреждениях и т.д.

б) учащихся 6–10 классов полных и неполных средних школ после окончания проверочных испытаний.

2. Предложить председателям районных исполкомов в порядке мобилизации на сельскохозяйственные работы направить в колхозы республики по указанию Наркомзема:

а) с 26 мая 1942 г. из числа городского населения, в первую очередь, неработающих на предприятиях и на транспорте: по Ленинскому району – 2000 чел, Промышленному району – 1500 чел, Затеречному – 1500 чел. Мобилизации на сельскохозяйственные работы из числа трудоспособного населения подлежат лица мужского пола от 14 до 55 лет, и лица женского пола от 14 до 50 лет

б) учащихся 6–10 классов городских школ, студентов вузов и техникумов после окончания проверочных испытаний.

3. Организацию и посылку учащихся средних школ по городу возложить на зав. ГорОНО тов. Чапурко.

Председатель горисполкома

Б. Бзыков

ЦГА РСО-А, фр. 56, оп. 2, д. 45, л. 159. Машинопись. Заверенная копия.

Автограф

№ 13

Решение Орджоникидзевого горисполкома о работе городского драматического театра

16 июня 1942 г.

§ 196. Слушали: О работе городского драматического театра.

Решили:

Отметить, что городской драматический театр перестроил свою работу в соответствии с требованиями военного времени: за время войны поставил ряд пьес, воспитывающих чувство патриотизма и показывающих героизм прошлого («Парень из нашего города», «Крылатое племя», «Кремлевские куранты», «Фельдмаршал Кутузов» и др.), одновременно уделяя внимание классическому репертуару, как русскому, так и западному.

Несмотря на мобилизацию в РККА целого ряда актеров, гордрамтеатр сохранил вполне работоспособный творческий коллектив и даже пополнил его актерами высокой квалификации.

За время Отечественной войны коллектив актеров гордрамтеатра провел большую шефскую работу в частях гарнизона и в госпиталях, дав свыше 200 концертов разного жанра.

Исполком горсовета решает:

1. Принять к сведению сообщение директора театра тов. Лукашенко, что во второй половине года будут поставлены пьесы: «Русские люди», «Весна в Москве», «Хозяйка гостиницы» и др.

2. Предложить директору театра разработать и представить на утверждение горисполкома план проведения 15-летия Великой Октябрьской социалистической революции по линии театра.

3. Учитывая, что крыша театра пришла в негодность, что грозит обвалом потолков в зрительном зале, артистических уборных, правительственной комнате и других служебных помещениях, просить СНК ССР разрешить драмтеатру израсходовать на проведение капитального и неотложного ремонта 49,1 тыс. руб. в счет перевыполнения финансового плана, а также дать указание об отпуске для этих целей стройматериалов.

Председатель горисполкома *Б. Бзыков*
ЦГА РСО-А, фр. 56, оп. 2, Д. 45, л. 176. Машинопись. Копия.
Автограф

№ 14

**Решение Орджоникидзевского горисполкома
об ассигновании средств для оказания единовременной помощи
эвакуированному населению и инвалидам войны**

21 июля 1942 г.

§ 249. Слушали: Об ассигновании средств для оказания единовременной помощи эвакуированному населению и инвалидам войны.

Решили:

Имя в виду крайнюю необходимую потребность в оказании материальной помощи эвакуированному населению и раненым красноармейцам, ассигновать 5000 руб. для этой цели и включить этот расход дополнительно в кассплан.

Председатель горисполкома *Б. Бзыков*
ЦГА РСО-А, фр. 56, оп. 2, д. 45, л. 218. Машинопись. Копия.
Автограф

Крымско-татарский коллораборационизм: преступления 152-го батальона в концлагере совхоза «Красный»

С. В. Аристов, Е. М. Малышева

Аннотация. В публикации рассматривается не исследованный до сих пор в отечественной и зарубежной историографии аспект крымско-татарского коллаборационизма – преступная деятельность 152-го батальона в концлагере совхоза «Красный». Предложен общий обзор военно-политического коллаборационизма в Крыму, охарактеризована нацистская лагерная система и центральное место в ней концлагеря «Красный», проанализирован состав, функции и деятельность самого жестокого формирования – 152-го крымско-татарского батальона вспомогательной полиции порядка (Schuma).

Ключевые слова: нацизм, концентрационные лагеря, коллаборационизм, оккупация, Великая Отечественная война, совхоз «Красный».

Abstract. The publication examines the aspect of Crimean-Tatar collaborationism, which has not been studied so far in russian and foreign historiography – the criminal activity of 152 battalion in the concentration camp of the state farm «Krasny». A general overview of the military-political collaborationism in the Crimea is offered, the Nazi camp system and the central place of the «Krasny» concentration camp are characterized; the composition, functions and activities of the most brutal formation – the 152-nd Crimean-Tatar battalion of the Auxiliary Police (Schuma) are finally analyzed.

Key words: nazism, concentration camp, collaborationism, occupation, Great Patriotic War, state farm «Krasny».

История Великой Отечественной войны и через десятилетия после ее окончания остается одним из ведущих направлений в исторической науке. Нацистская Германия и ее сателлиты ставили задачу не только «расширения жизненного пространства», но и уничтожения СССР как государства. Для достижения этой цели была разработана программа, одним из компонентов которой стала тщательно продуманная программа

Аристов Станислав Васильевич – доктор исторических наук, доцент НИУ «Московский энергетический институт». E-mail: aristov_stanislav@hotmail.com; *Малышева Елена Михайловна* – доктор исторических наук, профессор Адыгейского государственного университета. Майкоп. E-mail: emalysheva@yandex.ru.

Aristov Stanislav V. – doctor of historical sciences, associate professor at the Moscow Power Engineering Institute. E-mail: aristov_stanislav@hotmail.com; *Malysheva Elena M.* – doctor of historical sciences, professor at the Adyghe State University. Maykop. E-mail: emalysheva@yandex.ru.

привлечения к сотрудничеству – различным формам коллаборационизма – советских граждан.

Сегодня в историографии продолжают дискуссии, ведется поиск новых методов исследования сложных социальных процессов функционирования и взаимодействия общества и власти в экстремальных обстоятельствах войны, условиях несвободы в концлагерях, оккупации, плена, депортаций и т.п. Попавшие под власть оккупантов советские граждане оказались в крайне сложной ситуации. Одни утрачивали привычные ориентиры, руководствовались стратегией выживания и добровольно или по принуждению вставали на путь сотрудничества с оккупантами, другие вступали в неравную борьбу в надежде на освобождение. Одной из дискуссионных проблем истории Великой Отечественной войны является коллаборационизм, его масштабы, причины, формы проявления¹. К числу вопросов, требующих исследовательского внимания и объективного освещения, относится история отдельных коллаборационистских формирований и той роли, которую они играли в уничтожении узников концентрационных лагерей, созданных на территории частично оккупированных районов Советского Союза. Характерным примером в этой связи является 152-й крымско-татарский батальон вспомогательной полиции порядка (Schuma), охранявший нацистский концлагерь в совхозе «Красный» (Симферополь).

Источниковую базу исследования составили советские и немецкие уголовные дела, возбужденные в отношении коллаборационистов и нацистских преступников, управлявших концлагерем «Красный», хранящиеся в архивах Мемориального музея холокоста (Вашингтон) и филиале Бундесархива (Людвигсбург), документы Чрезвычайной государственной комиссии (ЧГК), материалы Центрального архива ФСБ РФ, Государственного архива республики Крым (ГА РК), позволяющие осветить деятельность нацистских органов власти на временно оккупированной территории СССР и проводившуюся ими политику по развитию крымско-татарского коллаборационизма.

Методологически дальнейшее исследование темы лежит в плоскости расширения источниковой базы, привлечения новых групп источников, а также их осмысления и интерпретации, нового прочтения документов и материалов, уже введенных в научный оборот.

18 октября 1941 г. части вермахта под командованием Э. Манштейна вторглись на территорию Крымского полуострова. Геостратегическое значение Крыма обусловило особую ожесточенность борьбы за обладание им. Этнографическая картина Крыма, по данным Академии наук СССР за 1920 г., свидетельствовала о полиэтничности населения полуострова, где проживало свыше 19 национальностей, и одной из наиболее многочисленных групп являлись татары. Перед началом Великой Отечественной войны из общего количества населения Крыма в 710 тыс. чел., число этнических татар составляло около 225 тыс. человек². Подобная ситуация учитывалась руководством Германии при проведении национальной политики в период оккупации Крыма.

Как явствует из «Справки Главного командования сухопутных войск Германии о формировании вспомогательных войск из лиц татарского и кавказского происхождения. Охранные, полицейские и территориаль-

ные формирования из граждан СССР на территории рейхскомиссариатов от 20 марта 1942 г.», хранящейся в Центральном архиве ФСБ России, немецкая оккупационная администрация оценивала крымских татар следующим образом: «Несмотря на то, что уже полтора столетия они находятся под русским господством, они все же сохраняют живую память о своем историческом прошлом и о былой независимости. Советская система большей частью татар решительно отвергается. По вероисповедованию татары являются магометанами, к религии относятся серьезно, но без фанатизма. Молодое поколение, с которым нам, прежде всего, придется иметь дело, частично охладело к религии и ограничивается соблюдением общих обычаев и законов чести. Образ мыслей у татарина в общем средний, но он отличается честностью и правдолюбием. Особенно это относится к татарам из горных деревень. Самолюбие их легко ранить. Но татарину-солдату нельзя отказать в хороших качествах. С детских лет его воспитывают в уважении к старшим. Учитывая, что татары являются потомками народа, который большую часть жизни проводил в седле и который любит предаваться воспоминаниями о воинственном прошлом, можно предположить, что они будут хорошими солдатами, будут исполнять свой долг»³.

Для реализации задачи эффективного привлечения к сотрудничеству с оккупационными властями этнических меньшинств, руководством Третьего рейха, с привлечением к работе российской эмиграции в Европе, была разработана специальная стратегия. Так, в 1941 г. в Берлине РСХА совместно с имперским Министерством по делам оккупированных восточных областей, из антисоветских белоэмигрантских представителей был создан ряд «национальных комитетов» – Грузинский, Армянский, Азербайджанский, Туркестанский, Северо-Кавказский, Волго-Татарский и Калмыцкий и др. В состав «национальных комитетов» внедрялась германская агентура органов «Цеппелин», занимавшаяся обработкой в антисоветском духе военнопленных разных национальностей СССР. Из подобранных и завербованных пленных красноармейцев на территории Германии готовились кадры разведчиков и диверсантов. Факты свидетельствуют о довольно внушительных масштабах вовлеченных в эту систему граждан. По данным НКВД СССР, на 8 августа 1942 г. органами госбезопасности было арестовано 11 тыс. 765 агентов противника⁴. Они забрасывались в планировавшиеся к оккупации районы СССР для проведения различных подрывных актов с целью дезорганизации работы тыла.

С конца 1941 г. на полуострове Крым началось создание коллаборационистских структур – крымско-татарских мусульманских комитетов, которые должны были принимать участие в борьбе с партизанами и проводить по заданию немецкой оккупационной администрации агитационную работу среди татарского населения. Подобные комитеты формировались по образцу первого из них – Симферопольского, образованного в декабре 1941 года. В штат каждого комитета входило 15–20 чел. под руководством наиболее преданных нацистам крымских националистов. Например, в Джанкое председателем комитета в сентябре 1942 г. был назначен Суин Мансурский, отвечавший в первую очередь за вербовку татар в ряды добровольцев, а также за борьбу с партизанами. Помогал ему в этом Абдурафа Мамбетов.

В ряде случаев, руководителями подобных комитетов становились бывшие советские военнослужащие татарской этнической принадлежности, которые согласились сотрудничать с нацистской оккупационной администрацией. Так Абдул-Керим Хатип-Заде, возглавивший крымско-татарский мусульманский национальный комитет в мае 1943 г., будучи солдатом Красной Армии, попав в плен, был помещен в лагерь для военнопленных под городом Николаевым, пошел на сотрудничество с немецкими властями, стал коллаборационистом. В дальнейшем Абдул-Керим Хатип-Заде в составе 147-го и 154-го батальонов вспомогательной полиции порядка принимал активное участие в антипартизанских акциях и за заслуги перед рейхом был назначен главой татарского комитета в местечке Фрайдорф ⁵.

3 января 1942 г. в Симферополе состоялось первое официальное заседание мусульманского комитета, посвященное началу массовой вербовки крымских татар в коллаборационистские формирования. В совещании приняли участие офицеры вермахта, СД и представители татарских общин. Председательствовал на заседании группенфюрер СС, в 1941–1942 гг. глава айнзатцгруппы «Д» Отто Олендорф. После приветствия Олендорф сообщил, что фюрер принял предложение татар выступить с оружием в руках на защиту их родины от большевиков. Начальник III управления РСХА Олендорф обещал, что татары, готовые взять в руки оружие, будут зачислены в немецкий вермахт и получают жалованье наравне с немецкими солдатами ⁶. В ответной речи председатель татарского комитета сказал следующее: «Я говорю от имени комитета и от имени всех татар, будучи уверен, что выражаю их мысли. Достаточно одного призыва немецкой армии и татары все до одного выступят на борьбу против общего врага. Для нас большая честь иметь возможность бороться под руководством фюрера Адольфа Гитлера – величайшего сына немецкого народа. Заложённая в нас вера придает нам силы для того, чтобы мы без раздумывания доверились руководству немецкой армии. Наши имена позже будут чествовать вместе с именами тех, кто выступил за освобождение угнетённых народов» ⁷.

Созданные РСХА «национальные комитеты» активно занимались на оккупированных германскими войсками территориях СССР также формированием из советских военнопленных воинских подразделений – так называемых «национальных легионов». В начале 1942 г. германское военное командование приступило к организации таких подразделений из военнопленных кавказских и среднеазиатских национальностей. Под командованием немецких офицеров они несли караульную службу в оккупированных районах, принимали участие в боевых операциях против Красной Армии и партизан.

Участие в добровольческих воинских формированиях стало наиболее масштабной формой коллаборационизма в Крыму. Всего с июля 1942 по май 1944 г., по разным источникам, от 15 до 16 тыс. крымских татар служило в частях полиции и вермахта ⁸. В одной из коллаборационистских газет в статье под названием «Среди наших добровольческих войск» от 28 апреля 1943 г. отмечалось: «Мы добровольно присоединились к германским войскам и приступили к наступлению против большевиков... Тысячи юношей, как и Мустафа, переходят на сторону немцев, которые

являются друзьями их, а врагом советов. Сегодня они поворачивают всю силу своего оружия против большевизма... Они рассчитаются за растоптанное национальное достоинство и обиженную гордость»⁹.

Среди различных коллаборационистских татарских объединений особое место занимали батальоны «Schuma»: фронтовые, охранные и запасные, создававшиеся германской оккупационной администрацией из граждан занятых районов. Это были военизированные формирования, представлявшие собой нечто среднее между полицейскими и боевыми подразделениями и использовавшиеся как против регулярных сил РККА, так и для охраны военных объектов в местах заключения. В Крыму батальоны «Schuma» стали создаваться летом 1942 г., когда полуостров перешел под управление нацистской гражданской администрации, и была проведена реорганизация силовых ведомств. В обязанности этих формирований входила охрана тюрем, концлагерей, действующих хозяйственно-экономических объектов. Однако главной задачей оставалась функция уничтожения партизанских отрядов.

В проводившихся совместно с регулярными частями вермахта антипартизанских акциях Schuma-батальоны отличались особой жестокостью. В Крыму было сформировано 10 подобных батальонов общей численностью около трех тыс. человек. Два из них – 155-й и 156-й – просуществовали лишь несколько месяцев: с октября 1942 по январь 1943 г., после чего были расформированы.

Такой исторический источник, как уголовные дела на крымских добровольцев батальонов «Schuma», свидетельствует, что основными видами их деятельности на оккупированной территории Крыма являлась охрана мест заключения и операции против партизан¹⁰. В столкновениях с партизанами татарские коллаборационистские формирования полностью или частично уничтожали их, как, например, в районе Бахчисарая, Карабогаза. В Судаке, по данным архива ФСБ РФ, татары сражались с регулярными частями Красной Армии¹¹.

В целом, татарские коллаборационисты характеризовались оккупационными властями как послушные и усердные солдаты, однако, отмечалось, что их роль в подавлении партизанского движения нельзя оценивать слишком высоко. Услуги крымских татар германскому вермахту, в соответствии с немецкими документами, заключались и в том, что они оказывали «неоценимую помощь как разведчики, проводники и знатоки страны»¹². Среди всех татарских батальонов вспомогательной полиции выделялся 152-й фронтовой батальон, охранявший концлагерь в бывшем совхозе «Красный». Его преступная «деятельность» привела к такому количеству жертв, с которым не мог сравниться ни один другой крымско-татарский батальон.

По подсчетам исследователей, общее количество нацистских лагерей и других мест принудительного содержания советских граждан на оккупированной территории Крыма достигало 96¹³. Эти лагеря различались по длительности функционирования, административному подчинению, контингенту. Так, в июле 1942 г. часть мужского населения Севастополя, независимо от возраста, была принудительно направлена в специально устроенные лагеря, обнесенные колючей проволокой. Здесь заключенные содержались от одного до двух месяцев, а затем освобождались и направ-

лялись на работу по восстановлению зданий для размещения оккупантов и расчистке улиц. Во временные лагеря в Севастополе таким же принудительным образом заключалось местное население близлежащих деревень. Сельские жители деревни Болто-Чокрак, полностью сожженной оккупантами, были вывезены в Севастополь, где во временном рабочем лагере, в грязи, питаясь помоями, должны были трудиться на оборонных работах. В 1943 г. в лагерь для гражданских лиц у поселка Ислам-Терек нацисты пригнали до 1000 чел., используя их для создания оборонительных сооружений в Керчи ¹⁴.

Необходимо отметить, что обязательной особенностью первого этапа заключения гражданского населения в лагеря становился отбор из общей массы коммунистов и евреев, для их последующего уничтожения. В протоколе допроса, полученного после окончания войны в ходе расследования нацистских преступлений на территории Крыма, свидетельницы Винниченко Е. Д. отмечалось: «3 июля 1942 г. я в поисках своего мужа пришла к месту сбора мужчин, которых собрали в виноградниках на 4-м км по Балаклавскому шоссе, причем там были собраны только гражданские... Прибежав на место, я была свидетелем следующей картины: среди группы собранных ходили немцы и выбирали евреев и коммунистов, советских работников, каждого выбранного немцы оттаскивали к воронкам от авиабомб и избивали прикладами до потери сознания... Таким образом, избив и бросив в воронку человек 10, автоматчики всех расстреливали...» ¹⁵ Эти свидетельства подтверждаются другими показаниями, в которых отмечается, что около 1 500 евреев было собрано на городском стадионе «Динамо», откуда после изъятия личных вещей они были угнаны в лагерь на Балаклавском шоссе, в котором все были расстреляны ¹⁶.

На Балаклавском шоссе в 1942–1944 гг. располагался лагерь «Новая земля». Его узники были вынуждены начинать свой рабочий день еще ночью и трудиться до позднего вечера. Они размещались в фанерных переполненных бараках, получали хлеб из опилок и воду – это было все «питание», к которому иногда добавлялось немного рыбы. Ничего из одежды не выдавалось, господствовала антисанитария. Заключенные использовались на строительстве оборонительных сооружений. По свидетельствам оставшихся в живых очевидцев, особым наказанием для «провинившихся» был колодец, в который на сутки помещали узников, после чего их расстреливали ¹⁷. По данным Чрезвычайной государственной комиссии, только 2 и 3 июля 1942 г. нацистами было уничтожено 300 чел. из севастопольского лагеря «Новая земля» ¹⁸.

Применение термина «лагерь» в отношении всех этих мест заключения очень относительно. Они представляли собой лишь огороженную колючей проволокой территорию, охраняемую немецкими солдатами, и могли существовать всего лишь несколько дней. Иногда временные лагеря для гражданских лиц использовались не для организации эксплуатации жителей Крыма, а для их уничтожения. Например, подобный лагерь был создан в январе 1942 г. в школе деревни Майфельд Нижнегорского района. Прибывшая из Джанкоя команда СД принудительно согнала в лагерь мужчин, стариков, женщин и детей из разных деревень района, пообещав им отправку в Херсон. Они обязывались явиться с ценными

вещами, которые были изъяты. Через несколько дней их расстреляли. Всего в результате этой акции было уничтожено около 1000 мирных граждан¹⁹.

Весной 1944 г., в связи с наступлением Красной Армии, гражданское население, вне зависимости от возраста и пола, депортировалось во временные лагеря с целью дальнейшей отправки в Румынию и затем в Германию. Одним из лагерей временного размещения советских граждан оккупированной территории Крыма был лагерь, образованный в Севастополе на территории Константиновской крепости. По свидетельствам советских граждан, оказавшихся в этом пересыльном лагере, общее количество находившихся в нем людей достигало трех тыс. человек. Практически без питания и воды, располагаясь в антисанитарных условиях (до размещения в крепости заключенных там был загон для лошадей) на протяжении нескольких недель весной 1944 г., узники ожидали депортации за границу. Бывший заключенный этого лагеря Ф. Н. Слюзакин подтверждал в своих свидетельских показаниях: «Я лично на двоих с женой достал на 22 дня только полтора килограмма хлеба, так как хлеб не раздавался, а с подводы немецкие солдаты хлеб ломали и бросали кусками в трехтысячную толпу людей, и кто смог, тот на лету поймал, а кто не смог, был обречен на голодную смерть»²⁰.

В политике нацистского террора в отношении гражданского населения и военнопленных в Крыму центральное место занимал единственный на полуострове концентрационный лагерь, расположенный в совхозе «Красный» неподалеку от Симферополя. Он был ориентирован на длительное размещение в нем узников с целью принудительного использования их труда и дальнейшего массового уничтожения. В концлагере содержался контингент заключенных, преследовавшихся как по политическим, так и по расовым мотивам, что также было характерно только для концентрационных лагерей рейха. Этот концлагерь подчинялся нацистской службе полиции безопасности и СД города Симферополя, а не Главному административно-хозяйственному управлению СС. По этой причине он не имел официального названия «концентрационный лагерь». Подобное положение характеризовало многие лагеря на оккупированной территории СССР, однако, это положение, скорее всего, было связано с межведомственной борьбой за доходы от эксплуатации заключенных, а не с реальным катастрофическим положением людей в лагере.

Концлагерь в совхозе «Красный» функционировал с осени 1941 по апрель 1944 года. За этот период его узниками становились не только представители гражданского населения, в том числе старики, женщины, дети, но также партизаны и военнопленные. Лагерь был рассчитан администрацией на одновременное размещение примерно 2 тыс. человек. По данным Чрезвычайной государственной комиссии, такое количество узников сохранялось на протяжении всего периода функционирования концентрационного лагеря. Изменения стали наблюдаться с конца 1943 по апрель 1944 года. В этот период контингент заключенных уменьшился в четыре-пять раз и доходил до 400–500 человек²¹. В октябре 1943 г. около 100 заключенных, которые, по мнению лагерной администрации, оказались в нем за незначительные преступления, были освобождены.

Узники размещались в чрезвычайно переполненных бараках, число которых, по разным данным, было от пяти-шести до восьми. Один барак был отведен для женщин.

Лагерная зона, окруженная сторожевыми вышками, была обнесена колючей проволокой – неперенным атрибутом устройства концлагерей и большинства мест массовых заключений людей в период второй мировой войны. В зоне размещения барачных находились кухня и санитарная часть для заключенных. За колючей проволокой лагеря имелась зона администрации, где были размещены двухэтажное здание для руководства концлагеря, конюшня, баня и казармы для добровольцев. Здесь же находились: санчасть для администрации, канцелярия, оружейный склад, жилое помещение командиров добровольцев, жилые дома гражданского населения, работавшего в концлагере ²².

Концлагерь «Красный» подчинялся начальнику полиции безопасности и СД – «Таврия-Крым-Симферополь». Этот пост в разное время занимали Отто Олендорф (ноябрь 1941 – июль 1942 г.), Пауль Цапп (июль 1942 – май 1943 г.), Хайнц Рох (май 1943 – апрель 1944 г.). Они также руководили оперативной группой «Д», которая проводила операции на правом фланге южной группировки немецких войск на юге Украинской ССР, в Крыму и на Кавказе. Во главе группы был поставлен начальник III управления РСХА оберфюрер СС Олендорф, а после его отъезда в Берлин в апреле 1942 г. – оберфюрер СС Биркамп. В группу входило несколько особых и оперативных команд по 150–170 чел. в каждой, в том числе, по 25–30 работников гестапо. Командам было подчинено по взводу охранной полиции и войск СС, из них создавались экзекуционные команды для расстрелов и уничтожения местного населения. По мере продвижения фронта на восток, группа с командами продвигалась вглубь советской территории. В период пребывания группы «Д» в Крыму для вооруженной борьбы с партизанами при командах были созданы воинские подразделения крымских татар, названные «добровольческими татарскими батальонами». Карательными операциями против крымских партизан занимался специальный штаб под руководством высшего руководителя СС и полиции Крыма, оберфюрера СС Рох. На оккупированной территории группа дислоцировалась: в сентябре-октябре 1941 г. – в Николаеве, с ноября 1941 до середины 1942 г. – в Симферополе. В середине 1942 г. команда была реорганизована в территориальные органы, а начальник команды – штурмбанфюрер СС Цапп – назначен начальником полиции безопасности и СД Таврии: управление находилось в Симферополе.

Непосредственно концлагерем руководили: комендант – унтерштурмфюрер ²³ СС Карл Шпекман и его заместитель – хауптшарфюрер ²⁴ СС Пауль Краузе. Одним из помощников коменданта концлагеря был Яков Шурр, выполнявший, по свидетельствам очевидцев, не только функции переводчика, но также участвовавший в истязаниях, пытках и расстрелах узников. Начальником отдела гестапо, организовавшим осведомительную сеть в концлагере, был некто Бергер. Одним из его агентов являлась Ольга Финк – узница, состоявшая с ним в близких отношениях и выполнявшая в концлагере функции одной из переводчиц ²⁵. Она также помогала Отто Каммерландеру вести картотеку узников ²⁶. Руководите-

лем лагерной охраны был Карл Нойман, которому был подчинен 152-й татарский батальон вспомогательной полиции порядка.

Условия содержания заключенных в концлагере «Красный» были крайне тяжелыми. На шесть-восемь человек выдавалась одна буханка «хлеба» с примесью травы и отрубей и один литр баланды, состоявшей из небольшого количества воды и перловки. В результате недостаточного и некачественного питания узники страдали от желудочных заболеваний. В связи с тем, что белье заключенным не выдавалось и они не имели возможности его менять (исключение составляли лишь те, кто получал нелегально передачи от родственников), в лагере были распространены педикулез и различные инфекционные заболевания.

Несмотря на то, что организм узников был истощен недостатком питания и антисанитарией, они должны были выдерживать чрезмерные физические нагрузки, определявшиеся лагерным руководством. Рабочий день в лагере начинался в 5–6 час. утра. Узникам отводилось лишь 15 мин., чтобы одеться и выстроиться на общей лагерной проверке – аппеле. После получения «завтрака», заключенные отправлялись на работу до 14.00, затем наступал часовой перерыв на «обед» и вновь – тяжелый труд до позднего вечера. Узники использовались в основном на тяжелых неквалифицированных физических работах. В том случае, если занять их было нечем, лагерное руководство организовывало бессмысленную деятельность в виде перетаскивания земли или камней с места на место. Зимой заключенные не получали ни теплой одежды, ни дополнительного питания, в результате чего регулярными были случаи обморожения.

Повседневный труд узников направляли и контролировали члены «лагерного самоуправления», охарактеризованные в одном из актов ЧГК как «старосты»²⁷, а также представители гражданского населения, добровольно и активно сотрудничавшие с нацистами. Так, заключенные направлялись на сельскохозяйственные работы на территорию продолжавшего функционировать в период оккупации совхоза, расположенного вблизи концлагеря. Одним из их бригадиров был назначен Николай Загной – украинец, бывший солдат Красной Армии. Он должен был отводить узников на полевые работы, а также добиваться выполнения нормы, которая была больше, чем у свободных граждан, работавших в других бригадах совхоза. Жестокое избиение за невыполненную норму, наказание лишением пайка, глумление, издевательства, насмешки усугубляли физическое и морально-психологическое состояние узников концлагеря. Одной из излюбленных фраз, которую повторял Загной, заставляя узников работать из последних сил, были слова: «Работайте скоты, это вам не советская власть, а немецкая»²⁸. Бригадиры колхоза подчинялись полководу по фамилии Сачава, которому они были обязаны доносить на тех, кто отказывался или не мог работать от изнурения и истощения.

Председателем или, как его называли, «комендантом» колхоза был назначен Юзеф Мозарь, также применявший практику лишения пайков рабочих и заключенных, выполнявших тяжелые сельскохозяйственные работы в колхозе²⁹. Концентрационный лагерь на территории совхоза «Красный» стал не только центром эксплуатации, но и местом массового уничтожения гражданского населения из Симферополя и близлежащих городов. Находившееся в нескольких километрах от лагеря урочище Дуб-

ки было тем участком, куда на расстрел вывозили узников концлагеря – военнопленных и гражданское население.

Массовые расстрелы заключенных лагеря начались в конце октября 1943 г. в связи со спешным отступлением частей вермахта под ударами советских Вооруженных сил. Они проводились по распоряжению командующего немецкой армией в Крыму. В течение трех дней в промежутки времени от 1 октября по 2 ноября в концлагере «Красный» было ликвидировано около 1 тыс. 500 человек³⁰. Однако приостановка наступления Красной Армии привела к тому, что уже в ноябре-декабре 1943 г. концлагерь вновь заполнился узниками.

Эти заключенные были уничтожены в ходе второй акции массовых расстрелов в апреле 1944 г., в период окончательной ликвидации лагеря. Так, с 6 по 9 апреля в урочище Дубки было вывезено и расстреляно около 2 тыс. заключенных. Одной из самых жестоких в этот период стала расправа над узниками в ночь с 10 на 11 апреля 1944 г., когда более 200 чел. были расстреляны или сброшены заживо в колодезь, располагавшийся на территории лагеря. Нацисты оставили в живых лишь 30–40 чел., которые им были нужны для организации отступления³¹.

В лагере на территории бывшего совхоза «Красный» применялись так называемые «душегубки» (газвагены) – автомобили, специально переоборудованные для убийства людей путем их отравления угарным газом, которые применялись нацистами для массового уничтожения советских военнопленных и гражданского населения оккупированных территорий СССР и Восточной Европы. Об использовании душегубок стало известно уже в 1943 г. после суда над участниками преступлений, совершенных нацистами на территории Краснодарского края, где около 6700 чел. гражданского населения были убиты таким образом. Подобные машины были направлены в лагерь совхоза «Красный» летом и осенью 1943 г., и после уничтожения заключенных на них же в Дубки вывозились трупы³².

Нацистское руководство Третьего рейха уже в 1942 г. инициировало разработку мер для устранения следов массовых убийств гражданского населения и военнопленных на оккупированных территориях и в концентрационных лагерях. Это было поручено штандартенфюреру СС Паулю Блобелю, командиру айнзатцгруппы «С», который должен был разработать методику ликвидации большого количества человеческих останков при помощи кремации.

Имеющиеся свидетельства указывают на то, что в районе бывшего совхоза «Красный» осенью 1943 г. происходила кремация трупов убитых граждан. Фактически это было осуществление нацистской операции «1005» по сокрытию следов преступлений. Технология уничтожения останков убитых нацистами людей, отработанная в Яновском и Сырецком концлагерях, применялась и в районе Симферополя. Об этом свидетельствуют, в том числе, вещественные доказательства, обнаруженные Чрезвычайной государственной комиссией в районе Дубки – рельсы и груда закопченных камней³³. Подтверждают этот факт и свидетельства очевидцев, например показания бывшего шофера лагеря Леонгарда Легека. Он лично на машине доставил рельсы, четыре бочки бензина, бочку смолы и листовое железо к месту сожжения не менее 300 тел³⁴. Сожжение трупов жертв совершалось также в абрикосовом саду, рядом с лагерем³⁵.

В соответствии с показаниями Командующего войсками вермахта в Крыму Эрвина Энекке, нацисты лишь осенью 1943 г. должны были получить аппарат по сжиганию и дроблению костей трупов³⁶. Вероятно, отсутствие подобного «инструмента» приводило к тому, что тела людей не были уничтожены полностью. В ходе расследования ЧГК на территории Дубков было обнаружено 20 ям с находившимися в них останками. Чрезвычайная государственная комиссия обозначила общее число жертв – 8000 человек³⁷.

Однако это были не единственные места захоронения жертв. В рамках расследования по уголовному делу татарских коллаборационистов, уже через 25 лет после окончания войны, в 1970–1971 гг., были обнаружены и другие могилы. Проведенная эксгумация подтвердила наличие еще 2 тыс. 955 трупов. В итоге было уточнено: не менее 15 тыс. чел., ставших жертвами нацистского произвола и их преступлений против человечности, были убиты в концлагере совхоза «Красный». При этом основная масса людей была уничтожена при непосредственном участии добровольцев 152-го крымско-татарского батальона.

Отправной точкой перед отправкой на службу в концлагерь «Красный» для большинства добровольцев 152-го военного крымско-татарского батальона был сборный пункт в Джанкое. Именно там основная часть подразделения была сформирована, прошла первую строевую подготовку и в конце 1942 г. была направлена на охрану концлагеря в совхозе «Красный». Часть коллаборантов до отправки в «Красный» размещалась в Симферополе. Доброволец Аблякимов описывал свое прибытие в этот центр следующим образом: «В июле 1942 г. староста деревни Османов собрал всех мужчин в сельуправу, куда явились я, Мевлютов и другие, фамилии которых сейчас не помню и все мы на автомашине во главе со старостой деревни поехали в г. Белогорск в татарский комитет. В тот же день из г. Белогорска я Курселтов и др. были направлены в г. Симферополь. По прибытию в город Симферополь нас поместили в городскую тюрьму. Дня через четыре-пять, нас всех выстроили во дворе городской тюрьмы, представитель татарского комитета и немец объявили, что мы будем служить у немцев. Из группы выделили человек 20, куда попал и я, и нас направили в город Симферополь на улицу Студенческая 12, где помещался карательный отряд СД. По прибытию в этот отряд, представитель татарского комитета и немецкий офицер нам всем объявили, что мы призваны служить в немецком карательном отряде СД и будем нести службу по охране арестованных советских граждан, конвоировать заключенных в лагеря и на работы. В СД нас по одному начали вызывать к немецкому офицеру, который говорил, что мы должны верно служить немецкому командованию, заполнял анкету и отобрал подписку, что означало принятие присяги. После этого я был обмундирован в немецкую форму одежды, получили винтовку и зачислен на все виды довольствия немецкой армии»³⁸.

152-й крымско-татарский батальон включал 150–160 добровольцев, в основном крымских татар (хотя есть упоминания о службе в нем нескольких армянских, русских и украинских коллаборационистов)³⁹. Общее командование осуществлял немецкий офицер Карл Нойман. Старшиной батальона являлся Абкилям Аблякимов – бывший военнотрудовой

Красной Армии, который в конце октября 1941 г. был пленен немцами, затем освобожден (хотя в своих показаниях он отмечал, что сбежал) и в июне 1942 г. добровольно вступил в ряды 152-го батальона ⁴⁰.

Батальон подразделялся на 4 взвода по 35 человек. Командующими взводов были Ситабла Мевлютов, Ситабла Эмиров, Иван Марусич, Исрафиль Вайрамов. В каждый взвод входило 3 отделения из 10–12 человек ⁴¹. Переводчиком при батальоне являлся Давид Миллер ⁴².

По свидетельству одного из коллаборационистов – Шихая Асанова, в лагере всех коллаборационистов поместили в казармы, площадью 21–24 кв. м каждая. Здание казармы имело два подъезда, в каждом из которых было по две комнаты, разделенные коридором. В комнате размещались 20–24 добровольца. Они спали на двухъярусных четырехместных нарах, с «немецкими подушками и советскими одеялами» ⁴³. Старшина батальона, командиры взводов и писарь батальона проживали в отдельной казарме рядом с бараками рядовых добровольцев. За свою службу у немцев коллаборационисты кроме пайка, проживания и униформы получали 4–5 марок в месяц, у них также имелись отпуска и увольнительные ⁴⁴.

Первоочередной задачей батальона была охрана заключенных. Проводивший перед коллаборационистами первый инструктаж старшина батальона Аблякимов объявил им, что в случае побега узника из лагеря на его месте окажется охранник. Правда подобное заявление не подтверждается документами – ни один из коллаборационистов не оказывался в лагере за побег узника, максимум, что могло ему грозить, – увольнение ⁴⁵.

Караульная служба представляла собой следующее. Каждое утро на дверях канцелярии (барака, располагавшегося напротив казармы добровольцев) вывешивался список коллаборантов, в котором указывалось, кто должен отправиться конвоировать узников к месту работ, а кто оставаться в концлагере на караульной службе. В этом же списке обозначалась фамилия и имя старшего конвоя. Караульные следовали к своим постам (их было как минимум 9) на территории и по периметру концлагеря. Конвой подходил только к лагерным воротам, ожидая там, когда рабочие бригады заключенных выйдут из зоны, а далее сопровождал их к месту работы, где охранял в течение дня. Каждый взвод нес караульную службу в течение суток. Следующие двое суток предназначались для занятий по строевой подготовке и конвоирования узников ⁴⁶. Добровольцы также охраняли здание и тюрьму СД в Симферополе, конвоировали узников при их перемещении по тюрьмам, во время отправки в концлагерь «Красный» ⁴⁷.

Однако охрана лагеря и конвоирование узников были не единственными обязанностями коллаборационистов 152-го крымско-татарского батальона. Еще одной задачей, которая ставилась перед ними немецкими властями, являлась борьба с партизанами. Карательные акции против гражданского населения проводились в Симферопольском, Бахчисарайском и Зуйском районах. После проведения подобных «акций» часть жителей направлялась в тюрьму СД, концентрационный лагерь или расстреливалась. Несколько раз на протяжении функционирования концлагеря добровольцы 152-го батальона использовались в акциях массового уничтожения заключенных. Первая из них была осуществлена в конце октября – начале ноября 1943 года. Часть добровольцев осталась в кон-

цлагере, и перед ними была поставлена задача никого не впускать и не выпускать из него.

Остальные коллаборационисты были привлечены к расстрелам узников и советских граждан, доставленных из тюрем Симферополя. Расстрелы продолжались неподалеку от концлагеря в районе Дубки в течение как минимум трех дней. Бывший коллаборационист Менаметов заявлял, что в ходе осенней акции 1943 г. было убито 1 тыс. 500 заключенных⁴⁸. В живых остались гражданские лица, состоявшие в командах обслуживания концлагеря, представители лагерного «самоуправления», бригадиры и сожительницы добровольцев⁴⁹.

Второй массовый расстрел, продолжавшийся несколько дней с перерывами, был осуществлен в начале апреля 1944 года. Один из участников этой акции – Насрула Мензатов – в ходе расследования преступлений, совершенных добровольцами в концлагере «Красный», показал: «О том, что будет производиться расстрел заключенных, я узнал только в тот день, когда начали вывозить заключенных на машинах. Утром всех нас добровольцев построили у барачков. Построение проводил старшина Аблякимов Абкилям и командиры взводов и отделений... Командир взвода Мевлютов Ситабла перед строем сказал, что сегодня весь взвод будет привлечен к участию в расстреле заключенных... Как мне помнится, к тому времени в лагерь приехали две машины. Одна была крытая брезентом, а вторая обита железом. Вторая была «душегубкой». Обе машины заехали на территорию лагеря и остановились у гаража, задним бортом к гаражу... Я видел, что заключенных из зоны выводил переводчик по имени Яков, затем Шпекман и еще один немец, прибывший из Симферопольского СД... Под навесом гаража были добровольцы, которые помогали немцам связывать заключенным руки проволокой». После того, как узники были связаны, на машинах их отвозили в урочище Дубки, где и расстреливали. Расстрелы осуществляли добровольцы 152-го батальона, несколько немцев лишь наблюдали за происходящим, обеспечивая общее руководство. Всего коллаборационистами было уничтожено 2 тыс. узников⁵⁰. В ночь с 10 на 11 апреля 1944 г. около 200 оставшихся в концлагере заключенных – в основном старики, женщины и дети – были ликвидированы особо варварским образом. Один из добровольцев 152-го батальона, принимавший участие в этой бесчеловечной акции, свидетельствовал: «Добровольцы от барачков таскали заключенных мимо угла гаража к колодезю и там их расстреливали, приглушали прикладами еще в пути и сбрасывали в колодезь, как расстрелянных, так же и живых. Я, как и другие мои сослуживцы, хватал заключенных за что мог... и вел их к углу гаража... Один за другим поступали жертвы от барачков к колодезю, как по конвейеру. Все это делалось в таком своеобразном азарте, что некоторым добровольцам даже не хватало места... Заключенных хватали нарасхват, кто быстрее»⁵¹.

После этого последнего массового убийства нацисты вместе с добровольцами бежали из концлагеря – сначала в Севастополь, а в дальнейшем вместе с германскими войсками эвакуировались в Румынию⁵².

Коллаборационизм являлся сложнейшим феноменом периода второй мировой войны. Военно-политическое сотрудничество части крымских татар с нацистами не было исключением. Играя на межэтнических и ре-

лигиозных противоречиях, используя личные амбиции, обиду на советскую власть, эксплуатируя террор и пропаганду, нацистам удалось склонить к сотрудничеству тысячи татар, проживавших в Крыму. Благодаря участию последних в таких формах коллаборационизма, как мусульманские комитеты и добровольческие воинские подразделения, оккупационный режим реализовывал свою власть на Крымском полуострове.

Одним из главных инструментов оккупационной политики была лагерная система, позволявшая эксплуатировать и уничтожать население Крыма. Центральным элементом этой лагерной системы стал единственный концентрационный лагерь в совхозе «Красный». Прошедшие через него узники, о точном числе которых мы вряд ли когда-либо узнаем, в подавляющем большинстве случаев были уничтожены. О масштабах преступлений, ведущую роль в которых сыграли добровольцы 152-го военного татарского батальона вспомогательной полиции порядка, свидетельствует статистика. Количество жертв, расстрелянных, уничтоженных в «душегубках», погибших от нечеловеческих условий содержания и эксплуатации, составляет как минимум 15 тыс. человек. Без участия коллаборационистов несколько десятков нацистов просто не смогли бы уничтожить по несколько тысяч человек за сутки.

Практически в те же дни, когда в концлагере совхоза «Красный» совершались последние массовые убийства, а лагерная администрация готовилась бежать, в Москве было принято постановление органов госбезопасности «О мерах по очистке территории Крымской АССР от антисоветских элементов». Начиная с 18 мая 1944 г. и в течение следующих трех дней из Крыма было выселено 191 тыс. лиц татарской национальной принадлежности. Как и в других случаях, за преступления отдельных своих представителей должен был ответить весь крымско-татарский народ. Открытое выступление против оккупантов большинства населения, состоявшего преимущественно из женщин, детей, людей пожилого возраста, было нереальным. Значительная часть набравшихся в легионеры военнопленных руководствовалась стратегией выживания. Тем не менее, абсолютное большинство презирало коллаборационистов, считая их предателями, и относилось к ним как к врагам Родины. Ни изощренные методы нацистской пропаганды, ни обещания и угрозы, ни увещевания и массовые репрессии не смогли сломить волю народов оккупированных районов СССР и склонить их к тотальному коллаборационизму. Тот факт, что в Великой Отечественной войне участвовало около 60 тыс. крымских татар, из которых более 36 тыс. погибло, более 20 тыс. было насильно угнано в Германию, а 127 крымско-татарских сел и деревень стерты с лица земли, не принимался советским руководством в расчет.

Судьба настоящих преступников – немецкого руководства и коллаборационистов, охранявших концлагерь, – сложилась по-разному. Многие коллаборационисты 152-го батальона были обнаружены после войны советскими следственными органами и понесли различные наказания – от лишения свободы до смертной казни. Однако лагерное руководство сумело избежать заслуженной кары. Комендант концлагеря Карл Шпекман умер в Германии в 1949 году. Его заместитель Пауль Краузе и активно сотрудничавший с германскими оккупационными властями лагерный переводчик Яков Шурр были обнаружены немецкими следственными орга-

нами в ФРГ в начале 1970-х годов. В это время в СССР проходил суд над татарскими коллаборационистами 152-го батальона, и советская сторона обратилась к германским органам юстиции с просьбой о выдаче этих преступников. Однако немецкая сторона отказалась, обосновав свою позицию сроком давности совершенных преступлений и недостаточностью предоставленных улик. Другие нацистские преступники так и не были обнаружены.

Среди коллаборационистов были представители разных наций и народностей, но не было ни одного советского народа-предателя, полностью ступившего на путь сотрудничества с врагом. Можно с достаточной степенью аргументированности сделать вывод, что коллаборационизм и «лояльное отношение» к оккупационным властям не стали характерной чертой миллионов советских граждан, в том числе крымско-татарского народа. Действительность военных лет показала несостоятельность оценок руководителей Третьего рейха в отношении Советского Союза как этнического конгломерата, который должен был рухнуть в результате политики оккупантов.

Примечания

1. См. например: СЕМИРЯГА М. И. Коллаборационизм, природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М. 2000; КОВАЛЁВ Б. Н. Нацистский оккупационный режим и коллаборационизм в России (1941–1944 гг.). Новгород. 2001; ГИЛЯЗОВ И. А. На другой стороне: Коллаборационисты из поволжско-приуральских татар в годы Второй мировой войны. Казань. 1998; РОМАНЬКО О. В. Мусульманские легионы во Второй мировой войне. М. 2004; ДРОБЯЗКО С.И., РОМАНЬКО О.В., СЕМЁНОВ К. К. Иностранцы формирования Третьего рейха. М. 2009; Kooperation und Verbrechen. Formen der «Kollaboration» im östlichen Europa 1939–1945. Beiträge zur Geschichte des Nationalsozialismus Bd. 19. Göttingen. 2003; AZEMA J., WIEVIORKA O. Vichy, 1940–1944. Paris. 1997.
2. Центральный архив ФСБ России (ЦА ФСБ), ф. 100, оп. 11, д. 13, л. 85.
3. Там же, л. 87.
4. ХРИСТОФОРОВ В. С. История страны в документах архивов ФСБ России: Сборник статей и материалов. М. 2013, с. 685.
5. The United States Holocaust Memorial Museum (USHMM). RG-31.018M. Folder 57.SBU AR Crimea. Criminal Case No. 13 482, p. 906–1305.
6. ЦА ФСБ России, ф. 100, оп. 11, д. 13, л. 88.
7. Там же, л. 89.
8. РОМАНЬКО О. В. Крымско-татарские коллаборационистские формирования в период Второй мировой войны. <http://Www.Materik.Ru/Problem/Detail.Php? Id=10285&Print=Y>.
9. Государственный архив Республики Крым (ГА РК), ф. П-151, оп. 1, д. 388, л. 67.
10. USHMM. RG-31.018M. Folder 56. SBU AR Crimea. Criminal Case No. 18 711 (1 vol.), p. 1–46; RG-31.018M. Folder 56. SBU AR Crimea. Criminal Case No. 19 339, p. 70–135; RG-31. 018M. Folder 57. SBU AR Crimea. Criminal Case No. 13 759, p. 2212–2243.
11. ЦА ФСБ России, ф. 100, оп. 11, д. 13, л. 90, 92.
12. ГА РК, ф. П-151, оп. 1, д. 388, л. 75.
13. Нацистские лагеря смерти. Очевидцы свидетельствуют. Т. 2. Симферополь. 2010, с. 64.
14. Там же, с. 84, 119, 221.
15. Там же, с. 121.
16. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ), ф. 7021, оп. 9, д. 45, л. 29.
17. Нацистские лагеря смерти. Очевидцы свидетельствуют, т. 2, с. 310.
18. ГА РФ, ф. 7021, оп. 9, д. 45, л. 24.
19. ГА РК, ф. Р-1289, оп. 1, д. 5, л. 53–54.

20. Нацистские лагеря смерти. Очевидцы свидетельствуют, т. 2, с. 157.
21. ГА РФ, ф. 7021, оп. 9, д. 47, л. 24.
22. USHMM. RG-31.018M. Reel 69. GU SBU of AR of Crimea. No. 20416, vol. 1, p. 166.
23. Untersturmführer (нем.) – звание в СС, соответствовало званию лейтенанта вермахта.
24. Hauptscharführer (нем.) – самое высокое унтер-офицерское звание в СС, соответствовало званию оберфельдфебель вермахта.
25. USHMM. RG-31.018M. Reel 57. GU SBU of AR of Crimea. No. 11 881, p. 493.
26. Zentrale Stelle der Landesjustizverwaltungen Ludwigsburg (ZSL Ludwigsburg). B. 162–1009, Bd. 4, S. 634.
27. ГА РФ, ф. 7021, оп. 9, д. 47, л. 25.
28. USHMM. RG-31.018M. Reel 56. GU SBU of AR of Crimea. No. 18 805, p. 80–81.
29. Ibid., p. 80.
30. Нацистские лагеря смерти. Очевидцы свидетельствуют, т. 2, с. 318; USHMM. RG-31.018M. Reel 69. GU SBU of AR of Crimea. No. 20416, vol. 17, p. 22.
31. ZSL Ludwigsburg. B. 162–1010, Bd. 5, S. 1304.
32. Ibid., S. 1527–1528.
33. ГА РФ, ф. 7021, оп. 9, д. 47, л. 26.
34. USHMM. RG-31.018M. Reel 58. GU SBU of AR of Crimea. No. 11 721, vol. 1, p. 211.
35. Ibid. Reel 69. GU SBU of AR of Crimea. No. 20416, vol. 17, p. 31.
36. Нацистские лагеря смерти. Очевидцы свидетельствуют, т. 2, с. 338.
37. ZSL Ludwigsburg. B. 162–1012, Bd. 7, S. 1803.
38. USHMM. RG-31.018M. Reel 58. GU SBU of AR of Crimea. No. 13 413, vol. 2, p. 234.
39. О. В. Романько указывает 320 чел. в качестве численности личного состава 152-го батальона. См.: Немецкая оккупационная политика на территории Крыма и национальный вопрос. Симферополь. 2009, с.129.
40. USHMM. RG-31.018M. Reel 58. GU SBU of AR of Crimea. No. 13 413, vol. 1, p. 211.
41. Ibid. Reel 69. GU SBU of AR of Crimea. No. 20416, vol. 1, p. 152–153.
42. ZSL Ludwigsburg. B. 162–1010, Bd. 5, S. 1523.
43. USHMM. RG-31.018M. Reel 69. GU SBU of AR of Crimea. No. 20416, vol. 1, p. 149–150.
44. Ibid., vol. 17, p. 35, 41.
45. Ibid. Reel 56. GU SBU of AR of Crimea. No. 19002, p. 8.
46. Ibid. Reel 69. GU SBU of AR of Crimea. No. 20416, vol. 17, p. 17.
47. Ibid. Reel 58. GU SBU of AR of Crimea. No. 13 413, vol. 2, p. 14–15.
48. Ibid. Reel 69. GU SBU of AR of Crimea. No. 20416, vol. 17, p. 22.
49. Ibid. GU SBU of AR of Crimea. No. 20416, vol. 1, p. 194.
50. Ibid., vol. 17, p. 24.
51. Цит. по: Нацистские лагеря смерти. Очевидцы свидетельствуют, т. 2, с. 361.
52. ZSL Ludwigsburg. B. 162–1010, Bd. 5, S. 1521.

Контроль над коммунистами в годы гражданской войны (по материалам «партийного суда» Саратовской губернии)

П. А. Мистрюгов

Аннотация. В публикации рассмотрена недостаточно исследованная проблема «партийных судов» в местном чрезвычайном судопроизводстве на примере Саратовской губернской организации РКП (б). На основе ранее не введенных в оборот документов (протоколов, отчетов) проанализировано судопроизводство, определены этапы организации, подсудность и источники, которыми руководствовались члены суда при организации следственно-судебного процесса в отношении коммунистов, меры наказания, а также охарактеризовано взаимодействие Саратовского губкома РКП (б) с «партийным судом».

Ключевые слова: РКП (б), чрезвычайное судопроизводство, гражданская война, Саратовская губерния.

Abstract. The publication deals with the insufficiently studied problem of the «party courts» in the local practice of extreme management using the Saratov provincial committee of RCP (b) as an example. The examination of the proceedings and the stages of its arrangements is based on such kinds of documents as protocols and reports that have not been introduced earlier. The jurisdiction and the sources used by the members of the court in the organization of the investigative and legal process against communists have been analysed. Furthermore, the interaction between the Saratov provincial committee of RCP (b) and the party court has been characterised.

Key words: RCP (b), special judicial proceedings, the Civil War, the Saratov governorate.

В исследовании практики досудебного и судебного надзора над коммунистами, реализуемого РКП (б) и чрезвычайными органами власти, важно выявить значение «партийных судов». Стоит отметить, что в рамках деятельности «партсуда» Саратовского губкома РКП (б) в 1918–1919 гг. проводилось инициирование (не только компартией, но и советскими органами власти), расследование и вынесение приговора по делам коммунистов. Как правило, меры наказания носили дисциплинарный характер. В этих случаях «партсуд» выполнял роль внутривластной ква-

Мистрюгов Павел Алексеевич – кандидат исторических наук, старший преподаватель Самарского государственного медицинского университета. E-mail: Pavel892006@yandex.ru.

Mistryugov Pavel A. – candidate of historical sciences, assistant professor at the Samara State Medical University. E-mail: Pavel892006@yandex.ru.

зисудебной практики, сформировавшейся в условиях гражданской войны. Структуры РКП (б) контролировали рассмотрение дел коммунистов в судебных и внесудебных органах. Следует также отметить, что нередко Губком РКП (б) в обход импровизированной следственно-судебной процедуры «партсуда» принимал решения по делам коммунистов и отменял приговоры «партсуда». Кроме вышесказанного, некоторые решения «партийного суда» по делам коммунистов касались их передачи в народные суды, ревтрибуналы и органы ВЧК. Тем самым в ординарной (народные суды) и чрезвычайной (ревтрибуналы, органы ВЧК, наделенные судебными правами) судебной системе советской власти «партсуды» можно считать досудебными органами. При этом «партсуд» воспринимался как судебный орган. В связи с этим представляется целесообразным рассмотреть появление и деятельность «партсуда» Саратовского губкома РКП (б) с учетом трудов, посвященных местным чрезвычайным структурам, и работ по истории РКП (б) в годы гражданской войны.

Высшее советско-партийное руководство РСФСР, реализуя право на власть, полученное в ходе октябрьского переворота 1917 г., отстаивало его вооруженным путем на фронтах гражданской войны, а в прифронтовых и тыловых местностях создавало разнообразные административные подразделения с чрезвычайными полномочиями. Организационно-управленческие, судебные и репрессивно-карательные функции ординарных и чрезвычайных структур в исследуемый период по своим формам и методам воплощения являются актуальной областью для изучения становления советской государственности. Наделение властных и партийно-политических структур несвойственными им полномочиями, в том числе в сфере следственно-судебных отношений, было устойчивым чрезвычайным методом управления, использовавшимся партийно-советской властью. Важно отметить, что частота применения чрезвычайных методов в системе местного советского управления была высокой, однако степень их влияния на ход гражданского сопротивления изучена недостаточно. На советском этапе отечественной историографии объяснение сущности чрезвычайных структур прошло путь от признания их органами расправы (20-е гг. XX в.) до представления любых чрезвычайных подразделений временными и не изменявшими основ советской государственности и советской власти (60–80-е гг. XX в.)¹. На современном этапе развития отечественной историографии (1990–2000-е гг.) обширная практика чрезвычайных технологий управления только начинает подвергаться объективному анализу. Актуальными вопросами для исследования являются ситуации, в которых они создавались и применялись, определение чрезвычайных функций и задач советских структур и выявление их роли в генезисе местных институтов советской государственно-политической системы в 1917–1922 годах.

Рассматривая вклад региональной историографии в исследование чрезвычайных практик советского управления, можно сказать, что в Поволжье исследованы главным образом системы гражданских, военных и частично транспортных ревтрибуналов, ЧОН; в меньшей степени проанализированы местные органы ВЧК², а также различные административные комиссии, которые несмотря на свой временный характер, являлись одними из центров исполнения решений властно-политических структур

на местном уровне. Таким образом, местные чрезвычайные практики государственно-политических подразделений советской власти восстановлены фрагментарно, а накопленные в советское время данные требуют критического переосмысления. Наряду с обращением к результатам отечественной историографии чрезвычайных органов советской власти 1920–2000 гг., следует привлечь опыт изучения структур РКП (б). Они были необходимым звеном в функционировании чрезвычайного аппарата советской власти во взаимоотношениях с местными советами, правоохранительными и чрезвычайными структурами. Можно согласиться с утверждением Г. Л. Олеха о том, что ЧК/ГПУ являлись органичным компонентом партийного аппарата, а исполнительные учреждения РКП (б) служили «внутренней пружиной» функционирования всей государственной машины³. Установление приоритета структур РКП (б) над советскими подразделениями советской власти в планах большевистского руководства отмечается Д. Б. Павловым⁴.

В период становления советской государственности реализация судебных, административно-распорядительных, правоохранительных функций органами власти и управление и участие в ней комитетов РКП (б) приобретало специфические конфигурации, воплощаясь в самых разнообразных формах, принципах и методах работы. На местном уровне комитеты РКП (б), стремясь выполнить все директивы центра, прежде всего в стратегических сферах управления, осуществляли квазисудебные полномочия, проводя следственно-судебные действия над коммунистами в особом порядке или же влияя на следственно-судебные структуры советской власти. Важно заметить, что при осуществлении чрезвычайных мер действовала не «демократическая» логика, а жесткое отстаивание приоритетов высшего советско-партийного руководства РСФСР. Население, не одобрявшее фискальный прессинг и военно-мобилизационный нажим, спорадически превращалось из опоры власти в ее ожесточенного противника. В связи с этим понять происхождение и становление гражданского сопротивления возможно на путях изучения различных чрезвычайных подразделений, а также временных органов, наделенных чрезвычайными полномочиями. В годы гражданской войны были созданы десятки подобного рода подразделений, имевших, в том числе, квазисудебные полномочия. Одним из них были «суды», созданные в структуре РКП (б) для разбора проступков коммунистов. В некоторых случаях они выступали промежуточным звеном между выявлением преступного деяния и направлением его в ординарные и чрезвычайные органы. В фундаментальных работах Павлова, Олеха⁵ и других исследователей⁶ рассмотрены организационные, кадровые и функциональные принципы возникновения и деятельности структур РКП (б) в общероссийском и, частично, региональном масштабах. Несмотря на достигнутые результаты, в отечественной историографии проблеме организации и деятельности местных «партийных судов» уделено недостаточное внимание.

При изучении «партийного суда» Саратовской губернской организации РКП (б) следует учесть, что документы, сохранившиеся в его фонде, а также фонде Саратовского губкома РКП (б), затрагивают только некоторые аспекты его создания и судопроизводства. Тем не менее, опираясь на выявленные источники, можно выделить в процессе организации

и деятельности «партийного суда» два этапа: май 1918 – март 1919 г., когда происходил поиск и апробация принципов структурно-кадровой организации и следственно-судебного производства, а в основе координации следственно-судебного производства лежали рекомендации секретаря суда А. Москалевой; и март-октябрь 1919 г., когда выявлялись недостатки и недоработки, принятые мероприятия по выстраиванию и упорядочению следственно-судебного процесса носили паллиативный характер, так как не завершились разработкой нормативно-правовой базы функционирования «партсуда», однако необходимость судебного надзора над коммунистами сохранилась, изменилась лишь сама форма ее реализации.

Как показывают материалы судопроизводства «партийного суда», начало его деятельности относится к маю 1918 г.⁷, однако отчеты о его работе велись только с октября 1918 года. В последнем из выявленных отчетов обзор следственно-судебной работы заканчивался октябрём 1919 года⁸. Как же был устроен «партсуд»? Информационные сообщения о проступках коммунистов поступали в Саратовский губком РКП (б) от секретно-оперативного отдела ГубЧК⁹, местных исполкомов¹⁰, из частных заявлений граждан¹¹. Для следственно-судебного рассмотрения дел коммунистов было установлено правило, согласно которому каждые три месяца должны были избираться новые составы «суда». Анализ протоколов свидетельствует, что заседания проходили в присутствии обвиняемого, который в случае несогласия с приговором, мог его обжаловать, обратившись в «высшую инстанцию», которой выступал Саратовский губком РКП (б). В случае выбытия членов «суда» раньше установленного трехмесячного срока, происходили довыборы, например, городским комитетом РКП (б)¹². В местном периодическом издании («Красной газете») печатали протоколы постановлений по решенным делам и сведения о реорганизации «партсуда»¹³ (принцип публикации сведений о жизни членов партии соответствовал положению устава Российской социал-демократической партии 1917 г, согласно которому материалы об исключенных членах партии должны публиковаться в партийных органах)¹⁴. Тесная взаимосвязь Губкома РКП (б) и «партсуда» прослеживается на всех этапах судопроизводства. Кроме функций Губкома как кассационной инстанции и одного из источников кадрового комплектования суда, «партсуд» направлял протоколы по рассмотренным делам на утверждение в Губком РКП (б)¹⁵ (впоследствии это послужило одним из аргументов в пользу реорганизации «суда», так как происходило дублирование функций – одно и то же дело рассматривалось дважды). Как показывает сохранившаяся переписка, Губком РКП (б) в некоторых случаях также осуществлял следственные функции перед рассмотрением дела в «партсуде»¹⁶.

Принятые правила организации следственно-судебного производства были общим основанием для организации «партсуда», однако требовалось определить конкретные принципы его деятельности. К тому же «партсуд» не был изолирован от чрезвычайных условий военного времени, ослаблявших его и без того слабую кадровую основу. В докладе секретаря «партсуда» А. Москалёвой, адресованном ею в Саратовский губком 31 марта 1919 г., отмечались проблемы с кадровым комплектованием суда и его работой: вследствие ареста члена суда Краснова и перевода в ЧК

Бенатовского возникли трудности в осуществлении следственно-судебного процесса. Секретарь суда вынужденно совмещал свою деятельность с решением следственных задач, работа строилась без инструкций, разработкой проекта которой также занималась секретарь, но ее утверждение задерживалось. В качестве меры для исправления сложившейся ситуации Москалёва предложила членам «партсуда» самим составить план работы, однако это поручение также не было выполнено, в результате чего среди членов «суда» наблюдалась дезорганизация в принятии решений.

Актуальность налаживания координированной работы членов «партсуда» была обусловлена интересами не только Губкома РКП (б), но и уездных властей, которые посылали запросы об инструкциях по созданию и организации «партсудов» на местах. На данном этапе создание и деятельность «партсуда» регулировались местными инструкциями. Так, сам секретарь «суда» критически оценивала сложившуюся ситуацию и ссылалась на «партийную дисциплинированность» как единственную норму, которой она руководствуется в условиях нормативного вакуума. Для стабилизации работы Москалёва предлагала назначить новый состав «суда», назвав конкретных кандидатов из числа «старых партийцев», и настаивала на введении в его состав одного «опытного» следователя из-за сложности разбираемых в «партсуде» дел, желательно из состава Ревтрибунала. Доклад Москалёвой возымел свое действие. В тот же день в наложенной на доклад резолюции президиума Саратовского губкома РКП (б) содержались указания о назначении предложенного секретарем «партсуда» кандидата Сергеева, а также имелось указание выработать положение о «партсуде» в 3-дневный срок и предоставить его на утверждение в Губком РКП (б) ¹⁷. Однако, как показал опыт, этого не произошло.

К лету 1919 г. стабильность деятельности «партсуда» по-прежнему зависела от организационных и кадровых факторов его функционирования. На его заседании, состоявшемся 2 июня 1919 г., после выборов двух председателей (Миртова и Венатовского) было решено, что в случае отсутствия одного из членов «суда» необходимо приглашать на заседания одного из кандидатов для соблюдения установленного кворума. Налаживалась регулярность работы, для чего вводились постоянные заседания «партсуда» – два раза в неделю; одно – для знакомства с делом, другое – для его рассмотрения и вынесения приговора. Для разбора старых дел участники заседания решили пересмотреть их в порядке поступления, для чего каждый член «суда» должен был знакомиться с одним делом и на совещании выносить решение о правильности его прекращения. Какими нормативными документами руководствовались члены «партсуда», устанавливая такую организацию следственно-судебного процесса? Проясняет данный вопрос принятое решение о запросе ЦК РКП (б) установить круг постановлений, регулирующих организацию и деятельность «партсуда» ¹⁸. Таким образом, налаживание регулярной и слаженной деятельности «суда» проводилось в условиях недостаточного нормативного регулирования из Центра.

В сентябре 1919 г. трудности с кадровыми назначениями и качественным подбором членов «суда» обострились, в результате секретарь «суда» поставила вопрос о его пере выборах. Причинами этого было, во-первых, то, что вместо действительных членов, которые постепенно покинули

свои посты, в заседаниях участвовали кандидаты; во-вторых, вместо трех членов «суда» работали только два. Наряду с этими организационно-кадровыми недоработками, Москалёва отмечала, что в принятии решений нет «твердой и руководящей воли», а попытки утвердить инструкцию в конечном итоге закончились безуспешно из-за недостатка времени. Фактически вторая попытка разработать и ввести инструктивный документ оказалась безуспешной. Началась новая серия мер по нормализации функционирования судебного надзора над коммунистами.

Москалёва предлагала Саратовскому губкому провести перевыборы «партсуда» и закрепить исполнение функций секретаря за менее занятым его членом, чтобы он смог оперативно решать текущие вопросы судопроизводства¹⁹. Подобные аргументы были вполне закономерными в свете политики Центра по укреплению партийной дисциплины. На VIII съезде РКП (б), проходившем 18–23 марта 1919 г., подчеркивалось, что «строжайший централизм и самая суровая дисциплина являются абсолютной необходимостью»²⁰. Однако в октябре 1919 г. позиция «партсуда» в корне изменилась. Москалёва обратилась в Губком РКП (б) с предложением о его упразднении как постоянного органа, ссылаясь на проект Устава РКП (б) о специальных комиссиях для рассмотрения дисциплинарных проступков (§ 10 «О партийной дисциплине», пункт 3). Критически подойдя к оценке деятельности «суда», она отметила, что за целый год его работа не принесла «никаких результатов», а составы «партсудов» слаженно работали только первые недели после их избрания. «Партсуд» являлся, по ее мнению, «отдельным органом» и «ненужным придатком», не приносящим эффективности для Губкома РКП (б). Кроме этого, происходило ненужное дублирование работы Губкома, поскольку его члены также рассматривали следственные дела и часто не утверждали решения «партсуда». В проекте реорганизации «партсуда», предложенном Москалёвой, содержалось предложение о его упразднении, но не об отказе от функций судебного надзора над коммунистами. Согласно ее плану, целесообразнее выделять по необходимости особую следственную комиссию, призванную собирать и препровождать весь следственный материал вместе с докладом в Губком, который бы мог выносить приговор. Особые следственные комиссии должны избираться для каждого дела отдельно, что позволило бы ускорить процесс рассмотрения дел, ограничившись только Губкомом, который опирался бы на следственный материал, полученный от Особой следственной комиссии; функции секретаря «партсуда» Москалёва предлагала передать райкомам и Губкому²¹.

Фактически Москалёва предложила сохранить судебный надзор, но модифицировать его форму. Вводилось разделение следственного и судебного этапов. Временный принцип организации особой следственной комиссии по каждому делу соответствовал принятому на VIII партийной конференции в декабре 1919 г. уставу РКП (б), в котором устанавливалось, что «для рассмотрения различного рода дисциплинарных проступков каждый комитет имеет право назначать специальные дни заседаний, образовывать специальные комиссии, отнюдь не обращая, однако, последних в постоянные партийные суды», и вводилось правило: «дисциплинарные проступки рассматриваются комитетами и общими собраниями в обычном порядке по установленным инстанциям»²². Однако в Саратовской гу-

бернии «партийный суд» сохранился. В делопроизводстве Саратовского губкома РКП (б) находится выписка из протокола «следственной комиссии» «партийного суда при Саратовском губкоме РКП (б)», датированная 18 января 1920 г., что является косвенным свидетельством продолжения его работы. Согласно представленным в выписке данным, следственная комиссия «партсуда» рекомендовала Губкому РКП (б) исключить Вдовина за многочисленные уголовные преступления из членов РКП (б) ²³.

На основе анализа протоколов, постановлений, отчетов «партийного суда» установлено, что с октября 1918 г. поступило 33 дела, из которых 19 было разобрано и 10 прекращено. По составу действий, представленных в этих делах, можно разделить проступки коммунистов на следующие группы. Первая группа обвинений состояла в «неподчинении партийной дисциплине» (были уличены 11 коммунистов), а вторая включала обвинения против 8 коммунистов в «контрреволюционных действиях». Третья группа содержала обвинения в «пьянстве» 5 коммунистов. В четвертую группу входили дела 5 коммунистов о «растрате». Пятую группу образовывали такие действия, как «подлог документов» (4 коммуниста). Шестая группа содержала дело с обвинением 1 коммуниста в «спекуляции». Наиболее распространенные проступки касались нарушений службы в РКП (б). Разные вариации этих нарушений в некоторых случаях были вызваны приобретением хозяйственно-экономических выгод. Распространенной девиацией в военно-революционное время было пьянство коммунистов, угрожавшее реализации партийно-советского курса. Местные власти в российских регионах проводили радикальные мероприятия по его ограничению. Меры наказания «партсуда» по делам о пьянстве сводились к исключению из РКП (б) на 2 или 3 месяца и передаче дел в народный суд. По отношению к делам коммунистов, обвинявшихся в «контрреволюционных действиях», в качестве наиболее радикальных мер было вынесение порицания, а в большинстве случаев дела прекращались. Также имелись случаи оправдания и приостановления рассмотрения дела. В группе дел по обвинению в «неподчинении партийной дисциплине» также доминировало прекращение дел и числилось три случая вынесения порицания. За растрату было принято решение об исключении из РКП (б) на 6 месяцев, в отношении трех коммунистов дела были прекращены, отложены и не решены. Мера наказания, принятая к коммунисту, обвинявшемуся в спекуляции, ограничилась «вынесением предупреждения». Таким образом, в данный период меры наказания, избиравшиеся «партсудом», носили преимущественно дисциплинарный характер.

Проанализируем и сравним динамику судопроизводства «партийного суда» на основе данных, выявленных в его отчетах за 1919 год. Так, согласно одному из них, с января 1919 г. как число дел, так и видов нарушений, содержащихся в них, увеличивалось, составив 102 дела, а число разобранных дел, наоборот, сократилось: из 102 решено было только 7 и 20 прекращено. В «нарушении партийной дисциплины» был обвинен 31 коммунист (по сравнению с предыдущим периодом число возросло); примерно 29 коммунистам были предъявлены обвинения в преступлениях по должности (в списке перечислены не все, использовано сокращение и «др.», таким образом, этот подсчет – условный); 9 коммунистов были уличены в дезертирстве; 6 – в «злоупотреблении партийным билетом»; 5

обвинялись в пьянстве; 4 коммуниста и «группа немцев Поволжья (без указания числа ее членов) – в «контрреволюционных действиях»; в подлоге уличались 3 члена РКП (б); 2 коммуниста обвинялись в «неправильном исключении из партии»; 1 – в саботаже и 1 – в растрате.

Меры наказания были приняты следующие: по делам о пьянстве, поступившим в «партийный суд» и принятым к рассмотрению, сохранилось исключение из РКП (б) «совсем» и на 6 месяцев, дела троих не были решены. По обвинениям в дезертирстве не было принято ни одного решения. Приговоры по делам с обвинением в «нарушении партийной дисциплины» не были определены, а небольшая их часть прекращена. Дела трех коммунистов по обвинению «в контрреволюционных действиях» были прекращены, дело одного коммуниста и «группы немцев коммунистов» не решены. По «неправильным исключениям из партии», «подлоге», «саботаже», «растрате» дела решены не были, а дела двух коммунистов прекращены. По обвинениям в «злоупотреблении партийными билетами» дела в основном решены не были, а одно дело прекращено. Что касается приговоров по делам коммунистов, обвиненных «в преступлениях по должности», то по делам 19 коммунистов решение принято не было; по делам 4 коммунистов процесс прекращен; оправдано 2 обвинявшихся; дела 2 коммунистов направлены в ревтрибунал, и им вынесено порицание²⁴. Меры наказания сохранили свой дисциплинарный характер, но увеличилось число нерешенных дел, кроме того расширились виды нарушений и число случаев коллективного участия коммунистов в них.

Согласно подсчетам, проведенным на основе данных второго отчета, в период январь – 15 октября 1919 г. всего поступило 161 дело, из них решено было 40 дел, прекращено 57 (число дел возросло), нерешенными были 64 дела (большая доля их сохранилась). Лидирующим обвинением было «непризнание партийной дисциплины» (46 обвинений против коммунистов). Обвинения в «преступлениях по должности» были предъявлены 36 коммунистам. 19 коммунистов были обвинены в «пьянстве», 14 – в «дезертирстве», 9 – в «контрреволюционных действиях», 8 – в «растрате», что значительно больше, чем в предыдущем отчете; 6 обвинялись «в злоупотреблении партийными билетами»; незначительно уменьшилось число обвиненных в «подлоге» (3 коммуниста), 2 обвинялись «в неправильном исключении из партии», 1 – «в саботаже». По этим делам были приняты соответствующие меры наказания. По обвинениям в «пьянстве» нерешенными оставались 14 дел; исключили из РКП (б) на 6 месяцев двух коммунистов, одного – совсем; прекратили дело одного члена РКП (б); по обвинениям в дезертирстве нерешенными были дела 7 коммунистов и «дело товарищей не явившихся на мобилизацию 10 сентября»; были прекращены дела в отношении 4 коммунистов и дело в отношении «товарищей, не явившихся на обучение»; двух оправдали; дело одного коммуниста передали в ревтрибунал²⁵. По обвинению в «непризнании партийной дисциплины» нерешенными оставались дела в отношении 25 коммунистов; 17 дел было прекращено; одного коммуниста исключили из РКП (б); одного оправдали; дело одного коммуниста передали в народный суд и одного – отослали в Вольскую организацию РКП (б).

По обвинениям «в контрреволюционных действиях» дела в отношении 4 коммунистов были прекращены; нерешенными остались 3 дела и дело «группы немцев-коммунистов с Банквицером»; в военный ревтрибунал было отослано дело одного коммуниста и дело одного коммуниста направлено в ЧК. «Неправильные исключения из партии» являлись одними из самых редких обвинений. В отношении одного коммуниста дело не было решено, в отношении другого – прекращено. За «подлог» одного коммуниста перевели в сочувствующие, одно дело прекратили, другое решено не было. По обвинению в «саботаже» дело в отношении одного коммуниста прекращено. Дела 7 коммунистов по обвинению в «растрате» были прекращены, а дело одного передано в ревтрибунал. По обвинениям в «злоупотреблении партийным мандатом» 4 дела остались нерешенными, а одно было прекращено, одному коммунисту вынесли предупреждение. По обвинению в «преступлениях по должности» нерешенными были дела 24 коммунистов, «комиссии по учету буржуазии» и «председателя комиссии по мобилизации лошадей»; дела трех коммунистов переданы в ревтрибунал, двум вынесено порицание и двум – строгий выговор, двое оправданы, в отношении 6 дела прекращены. По обвинениям в «грубом отношении во время исполнения служебных обязанностей» остались нерешенными дела 6 коммунистов, один оправдан, одно дело отослано обратно в Райком РКП (б). По обвинению «игра в карты» дело 1 коммуниста осталось нерешенным. По обвинению в «клевете» 2 дела были прекращены и одно не было решено. Таким образом, общее увеличение дел сопровождалось ростом числа коллективных дел и отдельных видов нарушений. Лидирующим обвинением были нарушения партийной дисциплины, в том числе пьянство. Меры наказания по-прежнему носили преимущественно дисциплинарный характер.

Мотивация судей «партийного суда» и принятые ими решения были дифференцированными и зависели от типа разбираемых ситуаций. Можно выделить несколько типичных случаев. В «партсуде», как уже отмечалось, большую долю составляли дела о пьянстве коммунистов. Члены «суда» применяли к ним одно из радикальных средств – временное или постоянное исключение из партии. В судебных заседаниях 1919 г. пьянство представлялось не столько личной пагубной привычкой, сколько отрицательным политическим явлением. В постановлениях суда оно прямо связывалось с дискредитацией «чести Коммунистической партии», «оскорблением звания коммуниста»²⁶, соответственно, принимались меры к его ограничению. Другие цели преследовались при разборе группы дел о должностных нарушениях. Анализ дела Камышинской организации РКП (б) (протокол дознания следственной комиссии Губкома РКП (б), датированный августом 1918 г., сохранился в фонде «партсуда») показал, что члены следственной комиссии Губкома РКП (б) в своих решениях были нацелены на установление четкой субординации между Губкомом РКП (б) и сотрудниками местных коммунистических ячеек, которые ее нарушали; направляли усилия на активизацию агитационной работы коммунистов с целью предотвращения «антисоветских настроений»; выявляли и ограничивали нарушения организации работы местных структур

РКП (б) или вовсе бездеятельность их сотрудников по проведению обязательных мероприятий; боролись с отклонениями от «линии партии» (допущение альтернативных взглядов и действий)²⁷. Отношение к коммунистам, попавшим под следствие и суд ЧК и ревтрибуналов, также оформлялось особым образом. Так, «партсуд» Саратовского губкома РКП (б) «поставил на вид» президиуму ГубЧК и рекомендовал уведомлять Губком о задержании коммунистов и относиться к ним «осторожно»²⁸. В годы гражданской войны судопроизводство ревтрибуналов по делам коммунистов имело определенную специфику.

«Партийный суд» Саратовского губкома РКП (б) своим появлением и краткосрочной деятельностью отразил сразу несколько тенденций функционирования местной административно-политической системы советской власти в годы гражданской войны. Создание «партсуда» было свидетельством как общих закономерностей (тяга местной власти к организации различного рода временных структур, наделенных чрезвычайными следственно-судебными правами), так и внутренних процессов в структурах Саратовской организации РКП (б) – ее самоорганизации, потребности в налаживании системы управления кадрами, а значит созданию устойчивости всей местной коммунистической структуры. Важно, что РКП (б) в годы гражданской войны превратилась в полувоеннизированную структуру. В условиях, требовавших постоянных массовых мобилизаций коммунистов на фронт, происходила военизация службы в комитетах РКП (б) и закономерно принимались меры по укреплению ее рядов методами, в том числе, досудебного надзора силами квазисуда («партсуда») и судебного надзора с помощью чрезвычайных органов советской власти. «Партсуд» выступал одним из источников поступления дел в ревтрибуналы и органы ВЧК. Местные конституционные и чрезвычайные структуры советской власти отсылали в «партийный суд» информационные материалы о действиях коммунистов. Фактически расследование дел коммунистов в обычных и чрезвычайных структурах советской власти было ограничено и поставлено под контроль РКП (б), и, наоборот, исключение из рядов РКП (б) было равносильно приговору, так как лишало обвиняемого коммуниста «партийного иммунитета» и отдавало его во власть функционеров чрезвычайных структур. РКП (б) как закрытая полувоеннизированная структура создала внутри себя слабо оформленную альтернативную квазисудебную практику воздействия на своих членов. Для этого были разработаны принципы осуществления следствия и суда, определена простая форма «кассации», выделены меры наказаний, которые не имели значения жестких репрессий, а были нацелены на сохранение кадрового состава. Это еще раз доказывает, что государственное насилие в годы гражданской войны, несмотря на распространенность уголовных мотивов, тем не менее было организовано согласно целям и задачам, поставленным партийно-советской властью. В общей технологии чрезвычайных методов воздействия на общество «партсуды» являлись необходимым звеном в поддержании дееспособного кадрового состава РКП (б) и ее местных структур, которые, в свою очередь, выполняли координирующую и контролирующую роль в управлении местными чрезвычайными органами советской власти.

Исследование подготовлено в рамках реализации гранта Президента РФ «Становление и деятельность местных чрезвычайных подразделений советской власти в 1918–1922 гг.» (МК-6759.2018.6)

1. ЛАЦИС М. Я. Два года борьбы на внутреннем фронте. Популярный обзор двухгодичной деятельности Чрезвычайных комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией, преступлением по должности. М. 1920; КРЫЛЕНКО Н. В. Судостроительство РСФСР: лекции по теории и истории судостроительства. М. 1924; ТИТОВ Ю. П. Развитие системы советских революционных трибуналов. М. 1987.
2. ЧИГРИН М. В. Создание системы органов ВЧК в Советской России и образование её чрезвычайных структур в Симбирской губернии в 1917–1918 гг. – Казанский вестник молодых учёных. Т. 2, № 2 (5), 2018, с. 9–14; ЗОЛОТУХИНА Л. И. Деятельность чрезвычайных продовольственных органов по реализации продовольственно-распределительной политики советского государства в 1917–1921 гг. (на материалах Среднего Поволжья): дисс. канд. ист. наук. Чебоксары. 2011.
3. ОЛЕХ Г. Л. Партийная машина РКП (б) в начале 20-х гг.: устройство и функционирование. Новосибирск. 1995, с. 100.
4. ПАВЛОВ Б. В. Коммунистическая партия в советской политической системе. 1917–1925 гг. Ч. I. СПб. 2003, с. 53.
5. ПАВЛОВ Б. В. Коммунистическая партия в советской политической системе. 1917–1925 гг. Ч. I. СПб. 2003; ЕГО ЖЕ. Партийная машина РКП (б) в начале 20-х гг.: устройство и функционирование. Новосибирск. 1995.
6. ИВАНЦОВ И. Г. Место и роль внутривнутрипартийного контроля РКП (б) –ВКП (б) в партийном строительстве на Кубани, 1920–1930 гг. Краснодар. 2005; АНФЕРТЬЕВ И. А. Руководство РКП (б) в условиях перехода к новой экономической политике: центральная комиссия и «чистки» партийных кадров. – Новый исторический вестник. 2015, № 45 (3), с. 65–78.
7. Государственный архив новейшей истории Саратовской области (ГАНИСО), ф. 1328, оп. 1, д. 6, л. 1.
8. Там же, д. 1, л. 1.
9. Там же, д. 6, л. 5.
10. Там же, д. 3, л. 8.
11. Там же, д. 51, л. 33.
12. Там же, д. 40, л. 3, 8, 17, 19 и др.; д. 6, л. 1.
13. Там же, ф. 1328, оп. 1, д. 40, л. 2.
14. Устав Российской социал-демократической партии (1917 г.) [электронный ресурс]. <http://Opentextnn.Ru/History/Rushist/Sovigu/Libraries/Ustavkpss/Index.Html@Id=6653>.
15. ГАНИСО, ф. 1328, оп. 1, д. 40, л. 15.
16. Там же, л. 44.
17. Там же, д. 2, л. 11–11об.
18. Там же, ф. 1328, оп. 1, д. 40, л. 32.
19. Там же, д. 2, л. 18.
20. Восьмой съезд РКП (б). Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. I. 1898–1925. М. 1953, с. 444.
21. ГАНИСО, ф. 1328, оп. 1, д. 2, л. 20–20об.
22. Устав Российской коммунистической партии (большевиков). Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. I. 1898–1925. М. 1953, с. 467.
23. ГАНИСО, ф. 27, оп. 1, д. 635, л. 9.
24. Там же, ф. 1328, оп. 1, д. 1, л. 1–1об.
25. Там же, д. 2, л. 1об.—4.
26. Там же, д. 40, л. 17, 53.
27. Там же, д. 3, л. 2–3.
28. Там же, д. 40, л. 52а.

Благотворительность в обычно-правовых представлениях донских казаков во второй половине XIX в.

С. Ю. Краснов

Аннотация. В данной публикации автор проводит конкретно-историческую реконструкцию обычно-правовых представлений донских казаков о благотворительности во второй половине XIX в., основу которых составляли нормы обычного права, санкционированные к применению в каждой конкретной общине. Впервые обычно-правовые представления донских казаков о благотворительности будут рассмотрены на уровне хуторов и станиц. Проведенная реконструкция и сделанные выводы позволяют по-новому взглянуть на благотворительность в различных сферах ее проявления, с учетом историко-этнографических особенностей, с целью возрождения лучших обычаев и традиций донского казачества в современных условиях, особенно в местах компактного проживания потомков донских казаков.

Ключевые слова: донские казаки, благотворительность, обычное право донских казаков, обычно-правовые представления, культурно-просветительная деятельность, виды благотворительной деятельности и виды благотворительной помощи.

Abstract. In this publication the author will carry out a concrete historical reconstruction of the customary legal ideas of the Don Cossacks on charity in the second half of the 19th century, which were based on customary law, sanctioned for use in each specific community. For the first time, the usual legal ideas of the Don Cossacks on charity will be considered at the level of farms and villages. Our reconstruction and the findings allow us to take a fresh look at charity in various areas of its manifestation, taking into account historical and ethnographic features, in order to revive the best customs and traditions of the Don Cossacks in modern conditions, especially in the places of compact residence of Don Cossack descendants.

Key words: Don Cossacks, charity, customary law of the Don Cossacks, customary legal ideas, cultural and educational activities, types of charitable activities and types of charitable assistance.

Проведение конкретно-исторической реконструкции вопросов, связанных с благотворительностью и их обычно-правовым регулированием у донских казаков во второй половине XIX в., следует начать с восприятия и оценки указанных вопросов современниками, хорошо знавшими быт и обычаи донских казаков и наблюдавшими их непосредственно

Краснов Сергей Юрьевич – кандидат юридических наук, доцент Волгоградского государственного университета. E-mail: krasnov@volsu.ru.

Krasnov Sergey Yu. – candidate of sciences (Law), associate professor at the Volgograd State University. E-mail: krasnov@volsu.ru.

в хуторах и станицах Области войска Донского. К ним можно отнести как граждан отдельных донских казачьих общин, так и бытописателей и исследователей донского казачьего быта, путешественников, священников и других лиц, зачастую ставших непосредственными свидетелями происходивших событий. Их оценка представляет большой научный интерес, но при этом требует проверки на объективность с помощью привлечения заметок и сообщений других информаторов, которые в совокупности подтверждают или опровергают высказанные вышеперечисленными лицами мнения. «К чести донских казаков следует сказать, что горе и нужда частных лиц и даже обществ, поставленных вследствие какой-либо причины в затруднительное материальное положение, всегда находили и находят в казаках более или менее сочувственный отголосок. Один из недостатков, другие из скудных средств всегда помогают нуждающемуся брату.

Благотворительность казаков выражается, то в частных пожертвованиях первому встретившемуся бедняку, то в систематических жертвованиях в пользу нуждающихся.

Но если со стороны благотворительности большинство казаков стоит выше упрека, зато нельзя не отметить прискорбного факта, что жертвованные лепты, вследствие недобросовестности станичных воротил, не всегда достигают по адресу, чем естественно не может не подрываться самое дело благотворительности. Укажем пример. Атаман Сиротинской станицы Г. М. Захаров, в пользу погорельцев -ской станицы собрал, кроме разных вещей домашнего обихода, более 500 пудов пшеницы, которую и отправил с другими пожертвованиями в погорельскую станицу.

Между тем эта жертвованная пшеница, как жаловались -ские станичники, раздавалась далеко не всем тем, кто имел действительную нужду в помощи, а более тем, кто «угощал и могарычил»; потому-то и станичник, заведывавший раздачей хлеба, во все время раздачи буквально «без просыпу» пил...»¹

Перед нами образец не совсем верного представления об осуществлении отдельных видов благотворительной помощи. На самом деле, в данном конкретном случае речь идет не о нарушении, а, наоборот, о соблюдении норм обычного права, действовавших во второй половине XIX в. в станицах и на хуторах Области войска Донского. Знатоки донского казачьего быта и нормотворчества донских казачьих общин хорошо знали, что любое обращение члена общины с какой-либо просьбой к станичному сходу сопровождалось обязательным угощением как всего схода, так и лиц, принимавших непосредственное участие в осуществлении благотворительной деятельности. Нет никаких сомнений, что указанную местным корреспондентом в сообщении из станицы -ской помощь, в конечном счете, получили все нуждавшиеся в ней казаки и члены отдельных семей, только очередь на ее получение была отодвинута на более позднее время, и в основе этого лежали нормы обычного права, санкционированные к применению в каждой конкретной донской казачьей общине, а они могли отличаться между собой определенной вариативностью.

Это объясняется, прежде всего, тем, что основную роль в решении всех вопросов о необходимости оказания помощи тому или иному гражданину, семье и (или) целому обществу, всегда принимал только станичный сход, а станичный атаман и другие назначенные сходом и ответственные

лица обязаны были исполнять приговоры в полном соответствии с санкционированными сходами к применению традиционными и (или) выработанными на их основе новыми нормами обычного права.

Об этом также сообщали местные корреспонденты, причем в большинстве своем делали это анонимно, отправляя письма в газеты, которые стали издаваться на Дону во второй половине XIX века. Анонимность авторов заметок и сообщений из конкретных станиц и хуторов выражалась в использовании псевдонимов или указании только инициала (ов) вместо имен и фамилий. То же самое касалось в большинстве случаев и названий хуторов и станиц, из которых они сообщали те или иные факты о благотворительной деятельности донских казаков. Общины жестоко преследовали всех лиц, а не только некоторых своих граждан, которые сообщали в газеты факты о реальной, а не приукрашенной жизни донских казачьих общин. Главная цель, которую они при этом преследовали, заключалась в том, чтобы создать у вышестоящего начальства представление о том, что главным регулятором общественных отношений в общинах являлось исключительно официальное законодательство Российской империи, а не нормы обычного права.

«... вопрос о богатстве и убожестве решают у нас станичные сборы»² – прямо говорилось в конкретных приговорах станичных сходов. Но надо учитывать одно очень важное для понимания существа вопроса обстоятельство: сами приговоры станичных сходов в указанный период времени также были недоступны для других лиц, не являвшихся членами донских казачьих общин, а, следовательно, о нормах обычного права, регулировавших оказание благотворительной помощи у донских казаков, практически современникам ничего не было известно. Приведем примеры текстов приговоров станичных сходов с соблюдением их орфографии и пунктуации.

«1851 года ноября 25 дня в Гниловском станичном правлении на сборе граждане имели суждение, что при настоящем разделе жеребьевых сежных мест, за удовлетворением рыбопромышленников имеющих право получать сежные места необходимо помочь беднейшим жителям для поддержания их, полагаем: оставить в пользу вдов и сирот 6 рыболовных мест какие выйдут по жребью, а в пособие казакам отправляющим земскую повинность в станице назначить: сежное место в Урочище Сотницком под № № 10 и 11, а для станичных расходов по примерам прежде бывшим под № 4 с проходом, на уплату же просвирням двух церквей против малого острова одно место согласно прошлого года, которую продать с публичных торгов при собрании граждан станицы в станичном правлении»³.

«1851 года ноября... дня в Гниловском станичном правлении на полном станичном сборе общественное собрание рассуждая при предстоящем разделе сежных жеребьевых между жителями мест положило: 1) внести в списки всех промышленников постоянно и временно занимающихся на сежах рыболовством и беднейших жителей неимеющих даже мелких снастей к рыболовству, внести тоже по несколько человек на одно жеребьево сежное место, дабы они соединившись силами могли поставить сежу и тем удовольствуются 2) из нераздельных живущих семейств входить в жереб одно только лицо и получивший жеребовое место

занимается собственно сежею а мелкие снасти как в стестнение другим ему воспрещается за нарушение же того он лишается навсегда сежевого жеребьевого места. 3) жители неполучившие сежных жеребьевых мест, но имеющие сети и малые вентерья ставят их по прежним правилам, т.е. на известных плёсах и так же между сежами но с ограничением, чтобы сети и малые вентерья находились от сежи на 15 трёхаршинных сажень. 4) места для сежи должны быть распределены на известных урочищах следующим порядком именно: на Колузаевой, Чибубаровой и Сенной между сежами по 60-ти от Вербки до малого острова по 55-ти а оттоль до Границы гор. Ростова по 70-ти трёхаршинных сажень 5) получившие сежные места в посторонние руки никому не передавать кроме своих станичников иначе лишаются жереба.

Полагаем: при настоящем сборе по составленному списку сделать зараз же раздел жеребьевых мест, а по установлению льда тотчас заняться размером сеж и проведением установленного фарватера»⁴.

О том, что нуждавшиеся граждане станиц и хуторов получали все возможные виды благотворительной помощи от донских казачьих общин, современникам, исследовавшим донской казачий быт, можно было судить только по отрывочным и разрозненным сведениям и фактам, попадавшим на страницы газет, и сообщениям местных корреспондентов.

Подтверждением сказанного может служить, например, заметка, присланная в газету «Донская речь» в 1897 г. из станицы Луганской: «Пострадавшие от пожара станичники, благодаря содействию граждан, устроили плетянки, рубленые дома и домашние пристрои из разрешенных им гражданами лесосек. Теперь собирают подаяния на зиму для питания себя и семейств.

Достоин похвалы сочувственное отношение граждан к погорельцам, которым оказана значительная помощь, в виде денежной субсидии из приходских сумм»⁵.

Подобные заметки и сообщения с мест дают возможность восстановить целостную картину обычно-правовых представлений донских казаков о благотворительной деятельности во второй половине XIX века.

Пособия в указанный период времени могли выплачиваться и в денежной форме. Например, в станице Петровской Хопёрского округа в 1898 г. на выплату денежных пособий калекам и безродным старикам в бюджете станицы была заложена сумма в сто пятьдесят рублей»⁶. Если сравнить эту сумму с теми, что направлялись на денежные выплаты бедным вообще, то она окажется слишком маленькой.

«Расходы станичные (в 1873 г. в станице Старочеркасской. – С.К.): ... пособие бедным, вступающим в законный брак – 1000 рублей, пособие бедным казакам, отправляющимся на службу от 1500 до 3000 рублей»⁷.

Столь значительная разница в суммах, направляемых на материальную помощь своим гражданам из бюджетов станиц, только отчасти можно объяснить неравными финансовыми возможностями. В большинстве случаев основу этих различий составляли собственные варианты соединения традиционных и новых норм обычного права, выработанных на основе традиционных норм и санкционированных к применению в каждой конкретной донской казачьей общине. Именно указанные нормы обычного права определяли обычно-правовые представления донских казаков

о том, существует ли необходимость в оказании какой-либо помощи тем или иным членам донских казачьих общин или она отсутствует. При этом неизбежным результатом подобного казачьего нормотворчества становилась, с одной стороны, большая вариативность норм обычного права, но, с другой стороны, в них всегда наблюдалось некое общее традиционное начало.

«Да и те общества, у которых достаточно общественных денег, как-то не обращают должного внимания на бедствующих своих братьев в том, как видно, предположении, что неимущие могут, по старинному обычаю, пробавляться между родственниками и другими добрыми людьми.

Поэтому хотя и выдаются иногда вспомоществования бедным из станичных сумм, но в крайне ограниченном количестве и то лишь преимущественно бедным одиноким старухам, вдовам и весьма редко полтину какую и много – рубль доведется получить одному из бедных стариков. Есть таких из казачьих семейств, которые не смотря на свою бедность, дают еще у себя приют кому-либо из престарелых сиротствующих; их презирают и кормят, хотя обыкновенно с помощью других добрых людей.

Такое расположение жителей наших станиц к благотворительности вошедшее из старины в обычай, до сего времени (до 1876 г. – С.К.) заменяло общественные богодельни, обеспечивая в более или менее хорошей степени содержание бедных вообще»⁸. «... Этот же дух существует и в наших сиротах, поддерживаемый в них их воспитателями-казаками.

Даже какие бы ни были калеки из сирот казачьего сословия, нигде не видно, чтобы они допущены были до положения нищеты и занимались попрошайничеством. Каждый из наших бедняков готов переносить всевозможные лишения и всякого рода нужду, но не осмелится явиться в качестве побирושки»⁹. «Бедным сиротам помогает общество, с общих сил давая пособие тому, кто их принял на воспитание»¹⁰.

В основе имевших место различий лежали, прежде всего, обычно-правовые представления донских казаков об установлении и осуществлении опеки над малолетними и несовершеннолетними детьми и другими гражданами.

Опровержением всего сказанного выше, казалось бы, могли служить отдельные факты, свидетельствующие о появлении нищих донских казаков, особенно в самом конце XIX века. Но даже они являлись тем исключением, которое подтверждает общее правило о том, что в какие бы тяжелые жизненные и бытовые ситуации не попадали донские казаки, они надеялись, прежде всего, на помощь со стороны своих детей, родственников и других самых близких им людей, которые по обычному праву несли ответственность по долгам семьи (ей), которые, по нормам обычного права, считались общими.

«В последнее время (в 1895 г. – С.К.) в Новочеркасске появились казаки и казачки Луганской и Митякинской станиц, которые ходят по домам и просят милостыню «Христа ради». На вопрос, «какая причина заставляет их идти в город и побираться», они со слезами на глазах отвечают: «горе и нищета, родименький, гонят в город побираться Христовым именем. Хозяйства наши пришли в разорение вследствие неурожаев, падежа скота и выхода сынов на службу. На поправку его нет надежды, пока не возвратятся наши кормильцы-сынки». Такое явление, как нищенство

казаков на Дону, указывает на глубокое экономическое расстройство казачьего хозяйства»¹¹.

Кроме того, из данного сообщения следовало, что, во-первых, казаки и казачки Митякинской и Луганской станиц просили милостыню вне мест их постоянного проживания, где действовали указанные выше нормы обычного права, не допускавшие нищенства, а во-вторых, они надеялись на поддержку своих сыновей после возвращения последних со строевой службы.

Подтверждением того, что большинство казаков и казачек находилось на содержании родственников и благотворителей, служит еще одно сообщение из города Новочеркаска. Даже если не все из 30 слепых, указанных в этом сообщении, являлись казаками и казачками, все равно налицо была общая тенденция в оказании им благотворительной помощи: «По сведениям, собранным Новочеркасской городской полицией, в настоящее время (в 1887 г. – С.К.) в Новочеркасске находится 30 слепых, совсем невидящих на оба глаза, а именно: мужчин – 18 и женщин – 12. Из мужчин – 5 женатых, 6 вдовых и 7 холостых, из женщин – 3 замужних, 2 вдовых и 7 девиц. Наибольший процент слепоты произошел от простуды головы, именно: мужчин – 6, женщин – 9, потом от золотухи – 3 и 2, от старости 2 и 3, слепых от рождения 2 и 1, от оспы и письменных занятий – по одному на оба пола.

Слепые содержатся таким образом: милостыней питается – 5, на попечении родственников и благотворителей находится – 14, в богадельнях – 7, пособием от сиропитательного дома пользуется – 1 и неизвестно как содержатся – 2»¹².

Конкретно-историческая реконструкция обычно-правовых представлений донских казаков была бы неполной без выяснения вопроса об оказании благотворительной помощи любым иногородним лицам, оказавшимся на территории станиц и хуторов Области войска Донского во второй половине XIX века. «Вообще-же в станицах для странника, монаха, нищего и всякого прохожего дверь казачьего дома открыта всегда; отказывать в милостыне или ночлеге «побирушке» или страннику – каков-бы человек он ни был – у станичников считается грехом»¹³.

Подобная благотворительность выражалась у станичников и хуторян и в других действиях, в основе которых лежали все те же нормы обычного права. Именно содержание норм обычного права, санкционированных в указанное время к применению, а не боязнь совершить грех, определяло поведение хуторян и станичников, их долготерпение в вопросах гостеприимства.

«Из одного глухого уголка (хутора Обливского) местный священник пишет нам (в редакцию газеты «Донская речь». – С.К.) следующее:

«С некоторого времени у нас появилась масса греков (так они себя называют), которые, остановившись табором около хутора, не дают положительно покоя местным жителям. Как только настает утро, так и начинается их поход по домам: просят они все, что только может быть у хозяина и хозяйки, начиная с денег, одежды, хлеба и т.д. и кончая квасом и капустою.

Просители народ настолько назойливый, что от них не отделаешься. Станут (а то и посадятся) и клянчат до тех пор, пока или удовлетворят

все их требования, или выгонят вон. И это происходит целый день; идут мужчины, потом женщины, далее дети.

Замечательно при этом, что большинство их говорит очень удовлетворительно по-русски, а бранятся при отказах в чем-либо прекрасно. У меня один из них на днях просил сапоги. Когда я сказал, что нет таких сапогов, чтобы дать ему, он, указывая на те, которые были у меня на ногах, заметил: «что-ж ты брешешь? Сапоги есть, да дать не хочешь». Как они обращаются с женщинами можно судить по этому»¹⁴.

Налицо слабость традиционных норм обычного права донских казаков, которые не были рассчитаны на такие и многие другие случаи злоупотребления правами, предоставленными иногородним со стороны отдельных донских казачьих общин.

«В хуторах Манычской станицы, как нам передают, появилось много каких-то сборщиков милостыни, одетых в одежду духовного покроя. Различный зерновой хлеб, который им дают хуторяне, они ссыпают в ручные тачки, затем в мешки и куда-то отправляют»¹⁵. Оценка донскими казачьими общинами таких злоупотреблений со стороны иногородних приводила к выработке новых норм обычного права, призванных не допускать никаких злоупотреблений с их стороны в дальнейшем. Станичники и хуторяне стали отказывать чужакам в приюте и (или) милостыни, что приводило к их уходу из станиц и хуторов и переселению в большие города.

Один из местных корреспондентов сообщал о подобных фактах, которые подтверждают отток с хуторов и из станиц Области войска Донского различных иногородних лиц в связи с тем, что они не могли уже прокормить себя, пользуясь доверчивостью, щедростью и бескорыстной помощью со стороны донских казаков: «В городе Новочеркасске появилось много цыган, которые бродят по захолустьям города и самым нахальным образом обманывают обывателей. Цыганки гадают большей частью на стакане воды. Входят они во дворы под видом попросить пить и завязывают разговор. Когда обывательница соглашается погадать, цыганка просит стакан с водой и, накрыв его платком, начинает уговаривать обывательницу, чтобы та положила какую-нибудь серебряную монету. Монета кладется, и цыганка произносит какие-то бессвязные слова, затем требует положить уже не одну, а 2 серебряные монеты, обещая возвратить их.

Монеты положены. Цыганка, перевернув стакан, показывает гадающей, что вода чиста, затем берет деньги, кладет без всякого церемония в карман, а гадающей дает кусочек какого-то растения и уходит»¹⁶.

Нельзя не сказать и о других, очень важных особенностях и своеобразии обычно-правовых представлений донских казаков о благотворительности. Одной из таких особенностей был взгляд на нее, как на составную часть общей культурно-просветительной деятельности, а другой – желание скрыть истинное положение, сложившееся в этой сфере, от всех окружающих лиц и, в особенности, от окружного и войскового начальства. Это было связано со скрытым (латентным) характером обычного права у донских казаков в целом. Кроме того, та часть благотворительной деятельности, которая в глазах окружающих выглядела более успешной, и должна была, по мнению членов донских казачьих общин, выступать

в качестве доказательства их духовного и нравственного развития, общей высокой культуры и образованности всех членов общины, проживавших на хуторах и в станицах.

На данные аргументы ссылается один из авторов заметки в газету «Донская речь», как на попытку скрыть истинное положение дел в хуторах, принадлежавших станице Луганской во второй половине XIX века.

«В № 275 “Донской Речи” (за 1896 г. – С.К.) была помещена заметка о распущенности нравов населения хутора Герасимова. Мы должны сказать, что заметка эта, как говорит и сам автор, основана не на наличном наблюдении, а на слухах и потому не может давать точных сведений о нравственности населения. Единичный факт безнравственности как-то девицы не есть еще доказательство распущенности населения. Автор сам говорит, что он совсем не знает то общество, о котором пишет. Заметка его не больше, как случайный путевой набросок.

В видах справедливости, мы должны сказать, что население хутора Герасимова отличается безупречной нравственностью. Доказательством тому служит его отношение к храму и школе. Хутор Герасимов в числе первых шел на помощь голодающим, раненым воинам и их семействам, а жертвы населения по устройству своего храма, школы и сооружение богатых икон нужно признать примерным. Это такие дела, которые свойственны только обществу благоустроенному, строго оберегающему заветы служения церкви, Государю и отечеству.

В заключение остается сказать, что автор заметки, как видно, обыкновенную казачью вечеринку облек в безнравственное сборище; но ведь так думать, – значит, совсем не знать быт казаков. Он говорит будто упадку нравственности много способствует стремление женщин на заводы в г. Луганск; но и тут он не прав, так как из хутора Герасимова, за исключением иногороднего элемента, никто не думает ходить на заводы. Может быть, из Луганской станицы и ходят на заводы; но ведь станицу составляет не один хутор Герасимов, который к тому же находится дальше всех хуторов от Луганска»¹⁷.

Указание в этом сообщении на некие внутренние различия, якобы существовавшие между станицей и входившими в ее юрт хуторами, как раз и являлось одним из проявлений скрытого характера обычного права донских казаков, поскольку все действовавшие нормы обычного права в сфере благотворительности, в самом широком понимании ее отдельных проявлений, вырабатывались и санкционировались к применению только донскими казачьими общинами в лице полных станичных сходов.

Однако это не исключало наличия действительных внутренних противоречий и различий между так называемыми образованными гражданами (представителями станичной и хуторской интеллигенции) и всеми другими (в большинстве случаев необразованными) гражданами по поводу определения направлений благотворительной деятельности как проявления общей культурно-просветительной работы в самом широком понимании ценности и значения ее отдельных видов.

Эта борьба также носила скрытый (латентный) характер и возникала между станичными и хуторскими сходами и отдельными «сообществами» представителей интеллигенции по поводу того, какое из направлений частной благотворительной деятельности будет приносить благо и об-

щую пользу всей донской казачьей общине, а какое, по обычно-правовым представлениям донских казачьих общин, будет совершенно нежелательным и даже вредным, а также по существу излишним, ввиду наличия всегда применявшегося традиционного подхода в реализации данного направления. Вот как об этом говорилось в сообщении из станицы Константиновской.

«Читая сообщения из некоторых окружных станиц нашей области (Области войска Донского. – С.К.) о том печальном состоянии, в которых находятся в этих станицах общественные собрания (закрытые для посторонних частные клубы для местной интеллигенции. – С.К.), невольно получаешь отрадное впечатление при знакомстве с нашим местным общественным собранием. Собрание это, благодаря исключительно хлопотам и энергии бывшего предводителя дворянства С. В. Балабина, открыто в январе 1888 году.

Было бы несправедливо думать об этом собрании, что оно, согласно § 1-го своего устава, доставляет исключительно только своим членам и их семействам, возможность проводить с удовольствием, удобством и пользою свободное время. Нет, оно не раз и не одну сотню рублей уделяло из своих скромных средств нуждающейся учащейся молодежи. В 1891 году было выслано более 100 рублей в пользу голодавших и, наконец, это же собрание, вполне разделяя желание некоторых лиц устроить в станице бесплатную народную библиотеку-читальню и принимая во внимание скудость средств к осуществлению такого благого и симпатичного дела, в одном из своих заседаний почти единогласно постановило: выдавать из клубной экономической суммы по 50 рублей ежегодно на имеющуюся открыться в станице Константиновской бесплатную народную библиотеку-читальню.

Такая цифра, как 50 рублей, может быть, покажется слишком ничтожною; но надо же знать при этом и средства клуба... Народной бесплатной библиотеки-читальни пока еще в станице нет; однако собрание в данном случае невиновато, если за организацию настоящего дела взялись люди мало опытные. Конечно, достигнуть такого внешнего и внутреннего благоустройства собрания было не легко, в особенности для лиц, стоявших у дел клуба и перенесших многие невзгоды на своих плечах. Были смуты, волнения и недоразумения. Некоторые отдельные лица стремились к закрытию клуба, употребляя для этого всевозможные подвохи и ухищрения; но встретив дружный отпор и полнейшую солидарность со стороны учредителей клуба и лиц, дорожащих этим общественным учреждением, а самое главное – не преследующих своих личных, не всегда чистых, интересов, должны были по необходимости отказаться от своих желаний и снова обратиться в мирных членов клубной семьи»¹⁸.

В то же время, в этой же станице Константиновской по-иному решался вопрос о строительстве богадельни. «К числу отрадных явлений нашей спокойной и серенькой жизни надо отнести постройку в станице богодельни, на что одним гражданином В. Д. Травиным уже пожаловано 3 тысячи рублей. Вероятно будут еще пожертвования. На днях было заседание членов комиссии по устройству этой богодельни и, как говорят, решено немедленно приступить к заготовке нужного материала, чтобы с открытием весны начать и самую постройку здания. Дело – безусловно

хорошее, и деятелям его нельзя не пожелать от души полного успеха и искреннего сочувствия со стороны местного общества»¹⁹.

В других станицах Области войска Донского вопрос о строительстве богадельни был решен положительно и без особой борьбы. «21 сентября (1897 г. – С.К.) граждане станицы Новочеркасской на общественном сходе, обсудив доложенный станичным атаманом вопрос о выборе смотрителя богадельни находящейся в хуторе Персияновом Новочеркасской станицы, которая должна быть открыта с 1 октября настоящего года, произвели выбор на эту должность закрытою баллотировкою.

На должность смотрителя явилось несколько кандидатов. При баллотировке намеченных обществом лиц большинством шаров был избран войсковой старшина А. П. Князев, которого общество и постановило утвердить в должности смотрителя с окладом жалованья в 300 рублей в год»²⁰.

Разница в приведенных случаях, тем не менее, была существенной. В первом случае решение о строительстве и содержании, как клуба, так и богадельни в станице Константиновской, принималось и было поддержано не всем обществом станицы и хуторов на полном станичном сходе, а только членами клуба и вышестоящим окружным или войсковым начальством. А во втором случае, в Новочеркасской станице строительство и содержание богадельни было осуществлено по приговору полного станичного схода, с одобрения и поддержки всех членов донской казачьей общины. По этой причине донские казачьи общины отказывали в выделении денег на строительство и дальнейшее содержание не только перечисленных выше, но и любых других учреждений культуры, без чего они не могли долгое время существовать и развиваться и большей частью прекращали свою деятельность.

Подводя итог всему вышесказанному, можно сделать ряд выводов. Благотворительная деятельность в обычно-правовых представлениях донских казаков во второй половине XIX в., с одной стороны, выступала как проявление своеобразной культурно-просветительной деятельности донских казачьих общин, а с другой стороны, как альтернатива отдельным ее проявлениям, способным нарушить привычный, традиционный уклад жизни донских казаков. Подобная двойственность определяла в указанный период времени и все различия в понимании необходимости прогрессивных начинаний, и все внутренние противоречия, и постоянную борьбу между представителями станичной и хуторской интеллигенции и простыми неграмотными казаками при выборе конкретных и ближайших к осуществлению целей, задач и приоритетных направлений в реализации благотворительной деятельности внутри самих донских казачьих общин.

Следствием этого являлась большая вариативность норм обычного права, регулировавших во второй половине XIX в. направления и виды конкретной помощи нуждавшимся в ней лицам, устанавливать все виды которой не имеет никакого смысла, поскольку в отличие от устоявшегося мнения о благотворительности у жителей городов и представителей других сословий, у донских казаков речь не шла о строго определенном перечне благотворительной помощи, то есть узком представлении о сущности и содержании указанной деятельности.

В результате проведения данной реконструкции становятся ясными и понятными своеобразие и этнические особенности традиционной для донских казаков общественной психологии, их правосознания и правопонимания. Особый акцент сделан на справедливости и законности, достоинствах и недостатках, сильных и слабых сторонах, проявившихся в нормах обычного права, определявших и регулировавших самые разнообразные направления благотворительной деятельности и виды помощи как своим нуждавшимся и бедным гражданам, так и жителям других станиц, а также иногородним лицам неказачьего происхождения. Автор доказывает, что благотворительная деятельность регулировалась взаимосвязанными и взаимообусловленными нормами обычного права, без деления их на виды и направления при осуществлении данной деятельности, то есть на отсутствие какой-либо специализации норм обычного права, призванных регулировать только определенную часть общественных отношений. В этом заключалась еще одна из особенностей обычно-правовых представлений донских казаков о благотворительной деятельности во второй половине XIX века.

Примечания

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00054 «Обычное право донских казаков во второй половине XIX века. Регулирование культурно-просветительной, учебной, врачебной и религиозно-духовной деятельности».

1. Р. Наброски из станичной жизни. – Донская речь. 1890, № 35, с. 1–4.
2. З. Из 1-го Донского округа. – Донские областные ведомости. 1878, № 38, с. 1–4.
3. Приговоры станичного правления хозяйственного значения по различным делам и вопросам 1851 года. Государственный архив Ростовской области (ГА РО), ф. 338, д. 1329, л. 1–1об.
4. Там же, л. 3–3об.
5. ПРИХОЖАНИН. Станица Луганская. – Донская речь. 1889, № 140, с. 1–4.
6. ТИМОЩЕНКОВ И. Станица Петровская. – Приазовский край. 1898, № 223, с. 1–4.
7. Описание станицы Старочеркасской. – Донские областные ведомости. 1875, № 32, с. 1–4.
8. КАЗАК. Несколько слов в пользу безродных стариков. – Донская газета. 1876, № 74, с. 1–4.
9. ГРАЖДАНИН. О сиротском достоянии в станицах. – Там же. 1875, № 88, с. 1–4.
10. ХАРУЗИН М. Н. Сведения о казацких общинах на Дону. Материалы для обычного права. Вып. 1. М. 1885.
11. Нищие казаки. – Донская речь. 1895, № 86, с. 1–4.
12. Слепые в Новочеркасске. – Там же. 1887, № 33, с. 1–4.
13. ШКРЫЛЁВ Г. О станичных «побирушках». – Донская газета. 1876, № 62, с. 1–4.
14. ФОМА ФОМИЧ. Летопись времен текущих. – Донская речь. 1895, № 103, с. 1–4.
15. Сборщики милостыни. – Там же. 1891, № 93, с. 1–4.
16. Появление цыган. – Там же. 1895, № 86, с. 1–4.
17. СВОЙ. Хутор Герасимов Луганской станицы. – Там же. 1896, № 286, с. 1–4.
18. Станица Константиновская. – Там же. 1897, № 265, с. 1–4.
19. Там же, с. 2.
20. Выборы смотрителя станичной богадельни. Там же. 1897, № 210, с. 1–4.

Детская и младенческая смертность в областях Волго-Вятского региона накануне и в годы Великой Отечественной войны

Н. В. Чернышева, М. Н. Свинцова, Н. В. Сакович

Аннотация. Публикация посвящена одной из самых острых демографических проблем населения в предвоенные годы и в период Великой Отечественной войны – росту детской и младенческой смертности. Авторы анализируют динамику, выявляют факторы, сказывавшиеся на данном процессе, принципы защиты материнства и детства, формы помощи. Авторами анализируются меры государственной политики и их влияние на соответствующие показатели в Горьковской и Кировской областях РСФСР в военный период.

Ключевые слова: детская и младенческая смертность, Горьковская область, Кировская область, Волго-Вятский регион, Великая Отечественная война.

Abstract. The publication is devoted to one of the most acute demographic problems of the population in the pre-war years and during the Great Patriotic War – the growth of infant and child mortality. The authors analyze the dynamics, identify the factors that influenced these processes, the principles of protection of motherhood and childhood, forms of assistance. The authors analyze the state policy measures and their influence on the corresponding indicators in the Gorky and Kirov regions of the RSFSR during the war period.

Key words: child mortality, infant mortality, Gorky region, Kirov region, Volgo-Vyatka region, the Great Patriotic War.

Проблему охраны детства накануне и в годы Великой Отечественной войны необходимо рассматривать с точки зрения исторической значимости накопленного опыта по организации помощи и поддержки материнству и детству. Дети – это будущее, а в условиях войны, когда стоял вопрос о возможности существования государства и общества, забота о них имела особое значение.

10 октября 1941 г. нарком просвещения РСФСР В. П. Потёмкин (наркомат был эвакуирован в г. Киров) выступил с обращением к женщинам-общественницам: «Наши дети – драгоценный залог будущего. В суровых условиях войны мы обязуемся сохранить и воспитать подрастающее поколение»¹.

Плохое питание и недостаточное продовольственное снабжение, обострение жилищной проблемы, тяжелые условия труда и сама обстановка военного времени способствовали росту смертности по всей стране. Низ-

кий уровень сопротивляемости детского организма в обстановке ухудшения условий жизни влиял на показатели младенческой смертности.

Вначале необходимо уточнить некоторые понятия, используемые в данной публикации. Младенческая смертность – смертность детей в первые 12 мес. их жизни (до достижения 1 года). Это один из основных показателей здоровья населения в целом и индикатор социально-экономического развития страны или определенной территории ². Существует несколько методов расчета коэффициента младенческой смертности ³. Наиболее точным является метод, позволяющий учитывать влияние изменений уровня рождаемости и определяемый как отношение числа детей, умерших в течение первого года жизни в данном году, к сумме слагаемых: 2/3 детей, родившихся в данном году, и 1/3 детей, родившихся в предыдущем году, на 1 тыс. населения (промилле) ⁴.

Детская смертность – смертность детей в возрасте до 5 лет (в отечественной статистике до 1987 г., в мировой – до 1970-х гг. определялась как синоним младенческой смертности) ⁵. Следовательно, в данном исследовании за основу взят отечественный подход к определению детской смертности.

В СССР в изучаемый период органы статистики вели учет детской и младенческой смертности в нескольких формах, позволяющих в некоторых случаях довольно полно определить и проанализировать динамику. Сведения об общей смертности и младенческой смертности фиксировались в следующих формах: «Итоги регистрации актов гражданского состояния» (форма А); «Сведения о естественном движении населения» (форма 1). Для выявления детской смертности использовались форма 4-в «Сведения об умерших в возрасте до 5 лет» и форма 4 «Сведения об умерших по возрасту и полу». Статистические сведения военных лет не позволяют дать точную оценку причин смертности в связи с тем, что разработка по ним велась только в тех населенных пунктах («Сведения об умерших по причинам смерти» (форма 5)), где была возможна врачебная регистрация смертности (преимущественно в городах).

Как отмечает исследователь В. А. Исупов: «Для довоенных лет характерны резкие региональные и социальные различия условий существования населения, а, следовательно, и разнообразие тенденций смертности» ⁶. Важно определить данные тенденции в Горьковской и Кировской областях Волго-Вятского региона.

Чернышева Наталья Викторовна – кандидат исторических наук, доцент ФГБОУ ВО Вятского государственного университета. Киров. E-mail: natiche84@mail.ru; *Свинцова Марина Николаевна* – кандидат исторических наук, доцент ФГБОУ ВО Финансового университета при Правительстве РФ. E-mail: MNSvintsova@fa.ru; *Сакович Наталья Владимировна* – кандидат исторических наук, доцент ФГБОУ ВО Нижегородского государственного архитектурно-строительного университета. Нижний Новгород. E-mail: sakowich.nata@yandex.ru.

Chernysheva Natalia V. – PhD (History), associate professor at the FSBEI HE Vyatka State University. Kirov. E-mail: natiche84@mail.ru; *Svintsova Marina N.* – PhD (History), associate professor at the FSBEI HE Financial University under the Government of the Russian Federation. E-mail: MNSvintsova@fa.ru; *Sakovich Natalia V.* – PhD (History), associate professor at the FSBEI HE Nizhny Novgorod State University of Architecture and Civil Engineering. Nizhny Novgorod. E-mail: sakowich.nata@yandex.ru.

В довоенные годы рождаемость в Горьковской и Кировской областях снижалась. В абсолютном выражении: в Горьковской области – в среднем на 6,2% в год (с 1937 по 1940 гг.), в Кировской только за 1940 г. она сократилась на 12,3% ⁷.

В основе увеличения общих коэффициентов смертности гражданского населения лежал значительный рост детской смертности. Если посмотреть в целом по РСФСР, то коэффициент младенческой смертности превысил 212 промилле (т.е. каждый пятый младенец). Из них 61% скончался в течение первых двух недель жизни, что свидетельствует о негативных условиях вынашивания детей – повышенной заболеваемости беременных женщин и недостаточном их питании. В 1940 г. во всей совокупности умерших почти 56% приходилось на детей до 5 лет ⁸.

Не исключением являлись Горьковская и Кировская области. В Горьковской области уровень младенческой смертности в 1940 г. достиг предвоенного максимума – 247,5 промилле, то есть каждый четвертый ребенок не доживал до 1 года. Довоенные показатели младенческой смертности Кировской области также достигли своего максимума в 1940 г. – 274,7 промилле. Это было связано с увеличением заболеваемости детей корью и коклюшем. В 1940 г. 17,3% детей до 1 года в городах области умерли от кори, 12,8% – от коклюша ⁹.

Таким образом, уже в предвоенный период проблема детской и младенческой смертности была довольно значительной. С началом Великой Отечественной войны ситуация еще более обострилась.

Количественные параметры смертности населения тыловых районов в годы Великой Отечественной войны, по мнению исследователей, прошли в своем развитии два этапа: июнь 1941 – осень 1942 г., когда уровень смертности заметно увеличился, и осень 1942 – весна 1945 г. – в этот период наблюдалось снижение уровня смертности ¹⁰. Кроме того, на первом этапе темпы роста коэффициента смертности в городах были выше, однако начиная с 1943 г. сокращение смертности горожан проходило интенсивнее. Уже в 1942 г. по отношению к 1941 г. смертность выросла в городах Горьковской области – в 1,6 раза, Кировской – в 1,9 раза.

Статистика показывает, что до войны детская смертность носила резко выраженный сезонный характер. Как правило, рост числа желудочно-кишечных заболеваний в летние месяцы способствовал ее увеличению. Сезонные колебания были характерны и для военных лет. Неокрепший организм младенцев не обладал адаптационными возможностями к резкому ухудшению условий жизни. Повышение младенческой смертности летом и осенью 1941 г. в значительной степени можно отнести на счет обычных сезонных колебаний. Воздействие военного фактора стало ощутимым с октября 1941 г., когда показатели младенческой смертности оставались высокими.

В Горьковской области резкое увеличение уровня младенческой смертности пришлось на август-октябрь 1941 года. В эти месяцы в городах Горьковской области умирало в среднем по 3 тыс. младенцев. В первом военном полугодии в регионе сохранялась довоенная тенденция преобладания младенческой смертности в городах над смертностью младенцев в сельской местности. Эти сведения подтверждает и коэффициент младенческой смертности. В Горьковской области он составил 188,9 про-

милле (в городах – 204,8 промилле, т.е. умирал каждый пятый младенец). В Кировской области в первый год войны каждый пятый ребенок, родившийся в сельской местности, не доживал до года, а по области в целом коэффициент младенческой смертности был еще выше – 222,5 промилле.

Изменения претерпели и возрастные показатели. В 1941 г. доля детей до 5 лет в составе умерших в Кировской области составляла 46,7%¹¹. В 1942 г. возрастная поляризация смертности была не столь заметна. Количество умерших до 5 лет в общей их совокупности сокращалось. Так, за два военных года показатели смертности жителей Кировской области в возрасте 30–49 лет возросли в среднем в 2,2 раза¹².

В 1941–1942 гг. в РСФСР показатели смертности мальчиков и девочек росли одинаковыми темпами (в 1,6 раза). Как отмечает исследователь В. А. Исупов: «Это значит, что в военное время первичные биологические факторы, определяющие повышенную выживаемость девочек, играли второстепенную роль. Ведущими теперь стали факторы социального характера»¹³.

Среди умерших детей до 5 лет в 1941–1942 гг., как правило, преобладали мальчики, при этом доля смертей сокращалась ближе к 5-летнему возрасту. Особенно много детей умирало в младенческом возрасте. Так, в Горьком в 1941 г. доля детей, умерших на первом году жизни, составляла 56,6% (дети 1940 и 1941 г.р.), в 1–2 года – 26,1% (дети 1939 и 1940 г.р.), в 2–3 года – 9,7% (дети 1939 и 1938 г.р.), в 3–4 года – 4,7% (1937 и 1938 г.р.) и в 4–5 лет – 2,9% (1936 и 1937 г.р.)¹⁴.

В Кировской области в целом в 1941 и 1942 гг. чуть более 60% детей умирали в первый год жизни. В последующие годы войны детская смертность оставалась высокой и в более старших возрастных группах. Вероятно, что сказывалось не только общее ухудшение качества жизни и затянувшаяся война, но и ослабленность детей, родившихся накануне и в первые годы войны. Если в 1941–1942 гг. в Кировской области умер каждый пятый ребенок второго года жизни, то в 1943 г. – каждый третий¹⁵. В 1944 г. доля смертности детей, рожденных в 1940–1942 гг., оставалась значительной (на третьем и четвертом году жизни) – 22,1% и 15,3% соответственно.

Понимая сложность демографической ситуации, уже в 1941 г. государство приняло ряд неоднозначных мер поддержки семей с детьми. В ноябре 1941 г. Президиум Верховного Совета СССР издал указ «О налоге на холостяков, одиноких и бездетных граждан СССР», устанавливавший обложение налогом граждан репродуктивного возраста, не имевших детей, и граждан, имевших одного или двух детей¹⁶. Осенью 1941 г. в городах и рабочих поселках страны была введена карточная система снабжения. Определялись 4 категории населения, в том числе дети в возрасте до 12 лет. О роли карточной системы снабжения детей в конце 1941 г. в докладной записке наркома здравоохранения РСФСР А. Ф. Третьякова для представления в СНК РСФСР сообщалось: «Набор продуктов, предусмотренный продовольственными карточками, не обеспечивает нормального развития ребенка и не создает необходимых условий для предупреждения среди детей высокой заболеваемости и смертности»¹⁷.

Пытаясь выйти из демографического «пике», власть принимала отдельные решения, направленные на поддержку матерей и детей. О важ-

ности работы с детьми в газете «Правда» от 24 марта 1942 г. говорилось: «Как бы мы ни были поглощены войной, забота о детях, их воспитании остается одной из главных задач... Закон о всеобщем обучении остается незабываемым в условиях войны. Мы должны учесть всех детей и учесть хорошо, несмотря на сложность военного времени. Никаких ссылок на военную обстановку»¹⁸.

Детские учреждения создавали собственные хозяйства. Так, в январе 1942 г. были выделены земельные участки для всех детских учреждений, эвакуированных в Кировскую область. Планом предусматривалось обработать 290 га земли, из них засадить картофелем – 181 га, другими культурами – 109 га, на откорме в подсобных хозяйствах держать 511 свиней. План посевов по эвакуированным учреждениям был выполнен на 134%¹⁹.

В апреле 1942 г. Кировский областной торговый отдел установил нормы отпуска хлеба для эвакуированных детей дошкольного возраста – 400 г в сутки, а для детей школьного возраста – 600 г в сутки²⁰. В особом внимании нуждалась система родовспоможения. По результатам проверки Кировской областной больницы в марте 1942 г., в палатах были клопы. Поступающих больных в виду нехватки коек располагали в коридоре на стульях, без матрацев²¹. В родильном отделении зафиксирована высокая младенческая смертность, вызванная сепсисом и гриппом. Уход за новорожденными со стороны медицинского персонала практически отсутствовал. При выписке отмечалась недостача в весе детей, рожденных с нормальным весом. По данным обследования Кировской детской городской больницы, в первом полугодии 1942 г. из 477 лечившихся детей 66 умерли, то есть – каждый 5-й – 6-й пациент. Дети поступали в тяжелом состоянии с диагнозами «истощение» и «воспаление легких».

Осенью 1942 г. была восстановлена участковая система обслуживания детей в городских консультациях и детских поликлиниках с полным медицинским обслуживанием на дому и обеспечением новорожденных патронажем. Во всех городах и районных центрах создавались должности городских и районных детских врачей. Но повсеместно сказывалась нехватка медперсонала. В Кировской области работало 105 педиатров, в 18 районах врачи отсутствовали²². Один участковый врач курировал 1000–1200 детей в возрасте до 3 лет, на сельском участке работала одна патронажная сестра, а в городских – две.

В 1942–1943 гг. молоко и молочные продукты в ряде городов СССР (Новосибирске, Казани, Горьком, Кирове и т.д.) предполагалось отпускать: на детей в возрасте до 1 года – по 7 литров в месяц и в возрасте от 3 до 5 лет – по 5 литров. Для ослабленных детей в возрасте от 3 до 13 лет создавались детские столовые усиленного и диетического питания. В Кирове такая столовая, открытая в ноябре 1942 г., обслуживала ежедневно 3 тыс. детей²³.

Однако, несмотря на принятые меры, в течение 1942 г. негативная ситуация еще больше усугубилась. Рост детской смертности приобрел взрывной характер. Самое большое ее увеличение наблюдалось в районах массового вселения эвакуированных: Кировской, Архангельской, Свердловской, Омской областях, Татарской и Чувашской АССР. Среди

городов катастрофически высокие показатели смертности детей были характерны для Архангельска, Горького, Кирова, Новосибирска и др.²⁴

Уровень младенческой смертности в Кировской области (395,2 промилле) был значительно выше, чем в Горьковской (320,9 промилле). В сельской местности Кировской области он достиг максимальной за все годы войны отметки – 468,2 промилле, то есть каждый второй родившийся ребенок не дожил до 1 года. Умерло 19 580 младенцев. В городских поселениях показатель также оставался крайне высоким – 385,0 промилле. В Горьковской области цифры младенческой смертности по типу поселений существенно не отличались (каждый третий ребенок не дожил до 1 года). Умерло 27,7 тыс. младенцев. С марта 1942 г. в данной области отмечалась естественная убыль населения²⁵.

В 1943 г. в некоторых регионах РСФСР имело место значительное снижение младенческой и детской смертности. В этот год коэффициент младенческой смертности в Кировской области снизился до показателей довоенного уровня (258,9 промилле), но по-прежнему оставался высоким. В Горьковской области в 1943–1944 гг. наблюдалось существенное сокращение младенческой смертности – 126,8 и 127,6 промилле. В 1943 г. она уменьшилась в 2,5 раза по сравнению с предыдущим годом и в 1,9 раза – по сравнению с довоенным. Младенческая смертность в городских населенных пунктах преобладала над сельской в обеих областях, однако в Кировской области она оставалась очень высокой (265,3 промилле).

Регистрация причин смерти была крайне затруднена. Главными причинами младенческой смертности, особенно на первом месяце жизни, являлись болезни новорожденных, преждевременные роды, врожденная слабость. Из 280 детей, поступивших с эвакуированным из Ленинграда в Горьковскую область Домом малютки в 1942 г., 57 детей умерли в первые два месяца после прибытия²⁶.

Среди причин детской смертности преобладали дистрофия, общая слабость, туберкулез, острые инфекционные заболевания (брюшной и сыпной тиф, дизентерия). В Горьком в 1940 г. от расстройства питания умерло 997 детей, в 1941 г. – 1058, в 1942 г. – 1132 ребенка. Ставшая известной по своим дневниковым записям ленинградская школьница Таня Савичева, вывезенная в Горьковскую область с детским домом № 48 в июле 1942 г., умерла 1 июля 1944 г. от туберкулеза кишечника²⁷.

Необходимо отметить, что в перечне причин смерти значились: авитаминоз, истощение, а цинга появилась только в 1942 году. С каждым военным годом количество умерших от данной группы болезней увеличивалось. В донесении народного комиссара государственной безопасности правительству сообщалось о массовой смертности на почве голодания весной 1943 г. в селах Верховинского, Даровского, Мурашинского, Опаринского, Зуевского, Слободского районов Кировской области²⁸.

В Слободском районе семьи военнослужащих 4–5 месяцев питались верхушками льна (куколь), дети пухли от голода. Так, например, дети Г. Н. Долгоаршинных были истощены и с отеками отправлены в больницу. К этому времени двое детей в этой семье уже умерли голодной смертью. Колхоз семью хлебом не снабжал, так как первоочередной задачей было выполнение хлебопоставок на фронт, для семей фронтовиков хлеба просто не хватало. Члены семьи красноармейца Байшихина находились

в таком состоянии: «Жена плохо передвигается, 1 ребенок умер от истощения и 3 крайне истощены»²⁹.

Важным событием стало законодательное оформление прав усыновителей. В соответствии с указом Президиума Верховного Совета СССР «Об усыновлении» от 8 сентября 1943 г., усыновители обладали полным объемом прав и обязанностей родителей усыновляемого³⁰. За 1943 г. по Кировской области из 8639 детей-сирот были устроены на патронат 3305, подлежали усыновлению 767³¹. В следующем году в Кировской области насчитывалось уже 9294 сироты, из них 2719 находились на патронате, 2066 – под опекой и 533 были усыновлены.

1944 год стал переломным в динамике детской и младенческой смертности. Ее уменьшению способствовали не только реализуемое социальное законодательство, активная демографическая политика, но и возможность человеческого организма к мобилизации всех «внутренних резервов», определенная «прочность», повлекшая частичную адаптацию населения к тяготам военного времени. В качестве причин снижения детской и младенческой смертности нельзя не отметить развитие системы здравоохранения (разработка и внедрение новых препаратов, методов лечения, расширение системы медицинского обслуживания) и усиление санитарно-гигиенического контроля.

В Кировской области снижение младенческой смертности наблюдалось лишь в 1944–1945 гг., когда коэффициент младенческой смертности снизился в 1,7 и 1,3 раза соответственно к предыдущему году (151,2 промилле и 112,0 промилле) при преобладании смертности в городах. Убыль населения региона сохранялась. В Горьковской области младенческая смертность в 1945 г. была значительно ниже чем до войны и в годы войны и составляла 97,2 промилле, а в сельской местности – 86,7 промилле. С января 1945 г. здесь наблюдался стабильный естественный прирост.

Дефицит рождаемости в годы Великой Отечественной войны в Горьковской области составил 289,2 тыс. чел., в Кировской области – 194,5 тыс. человек. За 1941–1945 гг. в Горьковской области умерло 66 264 младенца, в Кировской – 47 648³².

Материальную и юридическую основу для дальнейшего развития охраны материнства и детства создал указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания «Мать-героиня» и учреждении ордена «Материнская слава» и медали «Медаль материнства»»³³.

Для беременных женщин увеличивались родовые отпуска (с 63 до 77 календарных дней). Начиная с четырех месяцев беременности запрещалось привлекать женщин к сверхурочным работам, а в период кормления – к ночным сменам.

Многодетным матерям предоставлялись льготы для получения мест в яслях и детских садах. Разрешалось использовать женский труд в промышленности только при условии обеспечения местами в детских садах их детей с четырехлетнего возраста. С июля 1944 г. родители, имевшие трех детей при зарплате до 400 руб. в месяц; четырех детей при зарплате до 600 руб. в месяц; пять и более детей, независимо от

размера заработка, получили 50-процентную льготу на оплату детского сада и яслей.

Государственные пособия многодетным матерям (имевшим мужа или вдовам) назначались и выплачивались, начиная с рождения третьего ребенка, и за каждого последующего (единовременно и ежемесячно). Одиноким матерям (не состоявшим в браке) на содержание и воспитание детей, родившихся после выхода этого указа, до достижения ими 12 лет, также выплачивалось пособие. Одиноким матерям, имевшим трех и более детей, государственное пособие выплачивалось одновременно как многодетным и одиноким.

Особыми льготами должны были пользоваться женщины, представленные к наградам: медаль «Мать-героиня» (присваивалась женщине, родившей и воспитавшей 10 детей) и «Медаль Материнства» (присваивалась за рождение и воспитание 5–6 детей (1-й и 2-й степеней)), а также орден «Материнская слава» (для женщин, имевших 7–9 детей (1-й, 2-й и 3-й степеней)).

В ноябре 1944 г. СНК СССР принял постановление «О мероприятиях по расширению сети детских учреждений и улучшению медицинского и бытового обслуживания женщин и детей»³⁴. К 1 января 1945 г. все помещения этих учреждений, занятые не по назначению, предполагалось освободить и отремонтировать. За полгода со дня издания указа количество родильных коек в Горьковской области увеличилось на 150, ясельных – на 804, количество женских и детских консультаций возросло на 28, было открыто 14 молочных кухонь, 4 дома ребенка на 200 коек и 41 социально-правовой кабинет³⁵.

Осенью 1941 г. в Кировской области работали 258 детских садов с 12 199 воспитанниками³⁶. В 1944 г. было 363 детских сада на 27 377 детей. Число детских садов и детей в них увеличилось главным образом за счет детских учреждений, работавших непосредственно при промышленных предприятиях и ведомствах, не относившихся к отделам народного образования и колхозам. В 214 таких учреждениях воспитывались 15 142 ребенка. На селе работали всего 67 детских садов на 2827 детей³⁷.

Указом Президиума Верховного Совета СССР «О порядке признания фактических брачных отношений в случае смерти или пропажи без вести на фронте одного из супругов» от 10 ноября 1944 г. были внесены изменения в Кодекс законов о браке, семье и опеке, предусматривавшие признание фактических брачных отношений, возникших до издания Указа от 8 июля 1944 г., в судебном порядке³⁸. Кроме того, лица, не состоявшие в браке, но имевшие общих детей, получали право на взыскание алиментов, назначение пенсии и пособия как семья военнослужащего.

Таким образом, задачи, стоявшие перед органами государственной власти в годы войны по снижению младенческой и детской смертности, были частично решены. Однако полностью справиться с проблемой повышенного уровня детской и младенческой смертности можно было лишь путем комплексной модернизации всех сфер жизни советского общества. Высокий уровень младенческой и детской смертности в предвоенные годы в областях Волго-Вятского региона приобрел характер катастрофы в 1942 г. (по статистике умирал каждый третий младенец и каждый третий ребенок в возрасте до 5 лет в структуре общей смертности). И, если

в Горьковской области уровень младенческой и детской смертности стабилизировался в 1943 г., то в Кировской области негативные процессы носили затяжной характер (неразвитость медицины, более низкий уровень жизни в целом и др.).

Защита материнства и детства в годы войны как система определенных мероприятий основывалась на двух главных принципах: сочетание государственных и общественных форм помощи; тесное переплетение демографической и социальной политики. И если в первые годы войны эти меры носили несистемный характер, имели форму срочной помощи, то с 1944 г. их можно определить как комплекс мер, рассчитанных на длительный период. Стремясь поддержать институт семьи, государство использовало материальные (выплата пособий, пенсий, предоставление льгот и пр.) и нематериальные (закрепление фактических брачных отношений, введение государственных наград и т.д.) формы.

Примечания

Статья подготовлена в рамках выполнения гранта РФФИ № 19-09-00251 «Население Волго-Вятского региона РСФСР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)».

1. О жизни детей города Ленина в Кировской области 1941–1945 гг.: альбом-отчет. Репринтное воспроизведение рукописного альбома 1945 г. Киров. 2014, с. 8.
2. Демографическая энциклопедия. М. 2013, с. 476.
3. РОДИНА Е. Как исчисляются коэффициенты младенческой смертности. – Вестник статистики. 1961, № 4, с. 70–72.
4. Народонаселение: энциклопедический словарь. М. 1985, с. 239.
5. Демографическая энциклопедия, с. 253.
6. ИСУПОВ В. А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века: Историко-демографические очерки. Новосибирск. 2000, с. 142.
7. ВАСЯГИН А. П. Естественное движение населения Горьковской области накануне и в годы Великой Отечественной войны. – Вопросы российской и всемирной истории. Арзамас. 2002, с. 369; Центральный государственный архив Кировской области (ЦГА КО), ф. р-2344, оп. 1, д. 2975, л. 2об.
8. ИСУПОВ В. А. Ук. соч., с. 127
9. ЦГА КО, ф. р-2344, оп. 1, д. 2975, л. 4об.
10. Население России в XX веке: в 2-х томах. Т. 2. 1940–1959 гг.: исторические очерки. М. 2002, с. 87.
11. ЦГА КО, ф. р-2344, оп. 2, д. 464, л. 11.
12. Там же, оп. 1, д. 2975, л. 58–58об.; оп. 2, д. 860, л. 14–14об.
13. ИСУПОВ В. А. Ук. соч., с. 145.
14. Российский государственный архив экономики (РГАЭ), ф-1562, оп. 20, д. 273, л. 16–17.
15. ЦГА КО, ф. р-2344, оп. 2, д. 464, л. 13–13об.; д. 860, л. 10–10об.; д. 1226, л. 7.
16. Указ «О налоге на холостяков, одиноких и бездетных детей» от 21 ноября 1941 г. с последующими изменениями и включении группы малосемейных граждан. В кн.: Свод законов СССР: в 11-и томах. Т. 5. М. 1989, с. 469–470.
17. Население России в XX веке, т. 2, с. 93.
18. Воспитание детей в условиях войны. – Правда, 1942, 24 марта, с. 1.
19. ЦГА КО, ф. р-2342, оп. 1, д. 239, л. 13.
20. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ), ф. р-327, оп. 2, д. 44, л. 17.
21. ЦГА КО, ф. п-1290, оп. 8, д. 103, л. 15.
22. Там же, ф. р-2169, оп. 1, д. 628, л. 51.
23. Постановление СНК СССР «О мероприятиях по улучшению работы органов НКЗ и детских учреждений по медобслуживанию детей и усиленному питанию нужд детей» от 27 октября 1942 г. ЦГА КО, ф. р-2192, оп. 1, д. 13, л. 62.

24. ИСУПОВ В. А. Ук. соч., с. 145.
25. РГАЭ, ф-1562, оп. 20, д. 341, л. 73–75; д. 251, л. 120–122; ЦГА КО, ф. р-2344, оп. 2, д. 464, л. 6; д. 860, л. 4–5об.
26. СЕРЕБРЯНСКАЯ Г. В. Горьковская область и эвакуация из Ленинграда. В кн.: Побратимы. М. 2019, с. 269.
27. Там же, с. 269–270.
28. ЗИМА В.Ф. О смертности сельского населения в тылу (по архивным сводкам 1941–1945 гг.). – Людские потери СССР в период Второй мировой войны: сб. статей. СПб. 1995, с. 161.
29. ЦГА КО, ф. р-2130, оп. 3, д. 43, л. 6.
30. Указ ПВС СССР «Об усыновлении» от 8 сентября 1943 г. В кн.: Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938–1967 гг.: в 2-х томах. Т. 2. М. 1968, с. 409.
31. ЦГА КО, ф. р-2169, оп. 1, д. 749, л. 19.
32. РГАЭ, ф-1562, оп. 20, д. 251, л. 122; д. 341, л. 75; д. 418, л. 59; д. 501, л. 88, 91; д. 577, л. 91, 94; ЦГА КО, ф. р-2344, оп. 2, д. 464, л. 6; д. 860, л. 4; д. 1226, л. 4; д. 1273, л. 4.
33. Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938–1967 гг., с. 415–416.
34. Указатель важнейших решений партии и правительства во время Великой Отечественной войны. М. 1980, с. 269.
35. Центральный архив Нижегородской области, ф.—3118, оп. 3, д. 399, л. 11.
36. ЦГА КО, ф. р-2344, оп. 2, д. 459, л. 3.
37. Там же, д. 1220, л. 6.
38. Указ от 10 ноября 1944 г. «О признании фактических брачных отношений в случае смерти или пропажи без вести на фронте одного из супругов». В кн.: Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938–1967 гг., с. 417.

МЕЖДУНАРОДНОЕ НАУЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

DOI: 10.31166/VoprosyIstorii201911Statyi12 ББК 63.3 (0)

Исторические предпосылки развития правотворческой деятельности в условиях цифровизации

Д. Р. Алимова, М. В. Залоило, Д. А. Пашенцев

Аннотация. В современных условиях динамично развивающиеся общественные отношения влияют на ряд важных аспектов, связанных с правом и его характеристиками, в том числе, на правотворчество. В публикации показаны и классифицированы исторические предпосылки развития правотворческой деятельности в России. Выявлено влияние этих предпосылок и исторических традиций на развитие правотворческой деятельности в условиях цифровизации.

Ключевые слова: исторические предпосылки; правотворческая деятельность; исторические традиции правотворчества; цифровизация; цифровые технологии.

Abstract. In modern conditions, dynamically developing social relations affect several important aspects related to law and its characteristics, including lawmaking. The publication shows and classifies the historical background of the development of lawmaking in Russia. The authors reveal influence of these background and historical traditions on the development of lawmaking activity in the context of digitalization.

Key words: historical background; lawmaking activities; historical traditions of lawmaking; digitalization; digital technologies.

Any phenomena of social reality, including those related to the legal sphere, from the standpoint of modern science can be considered as a certain construct, inextricably linked with existing social practices ¹. In turn, these practices arise under the influence of several factors: political, psychological and mental. Features of the impact of these factors are largely determined by the presence of relevant historical background. The historical continuity is traced in issues of constructing legal reality, that actualizes the appeal to historical analysis in the study of legal phenomena and processes. Modern scientific research, as a rule, has an interdisciplinary nature, which increases their theoretical significance and practical value. Therefore, it is logical to talk about the need for legal research to refer not only to special legal methods, but also to the methodology of historical science.

The modern stage of development of public relations is experiencing a strong impact of digital technologies, which are increasingly being introduced

into all spheres of society. Digitalization today determines not only the development of the economy, but also it determines the ongoing social processes. Law as a regulator of social relations is also affected by digitalization, which inevitably changes many parameters of legal regulation. The modernization of public relations in the context of digital reality leads to a change in legal norms, the emergence of new legal institutions, industries, the formation of cyclical legal arrays of which law scholars convincingly write ².

Formally, we observe the changes, that occur in the system of law itself, including the blurring of boundaries between branches of law. The relation between traditional sources (forms) of law is changing, including relation between the law and the by-laws. Moreover, the meaning of the law as a regulator, that is not flexible and effective is changing under the new conditions. There is a tendency towards the emergence of a new form of law as in the form of an electronic regulatory act. New ways of systematizing law actively arise, develop and being introduced into practice.

These processes require careful scientific analysis. But today it is obvious, that they must be taken into account, when the government develop and implement state reforms, including reform in the field of law ³.

All changes, that occur in the legal sphere of society under the influence of digitalization inevitably affect lawmaking.

First, the role of law in the system of formal sources of law is changing under the influence of digitalization. According to T. Ya. Khabrieva, in digital reality, the dominance of laws can adversely affect the effectiveness of legal regulation due to the difficulties of their operational change in the case of transformation of the subject of regulation ⁴. Some scholars believe, that the usual law will be replaced by a new form, the digital law, which will be a more flexible and effective tool for regulating relations in digital reality ⁵.

Changing the role and form of the law can lead to a change in the whole model of lawmaking. In the future, it is possible to predict the expansion of the circle of subjects of lawmaking activity, as well as the emergence of a new technology for creating texts of normative legal acts, in which the incoming opinions and proposals of a wide range of interested members of the society will be accumulated by using artificial intelligence.

Алимова Дина Рифатовна – младший научный сотрудник ФГНИУ «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации». E-mail: mail@miigu.ru; *Залоило Максим Викторович* – кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник ФГНИУ «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации». E-mail: mail@miigu.ru; *Пашенцев Дмитрий Алексеевич* – доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник ФГНИУ «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации». E-mail: Dp-70@mail.ru

Alimova Dina R. – junior researcher at the Institute of Legislation and Comparative Law under the Russian Federation Government. E-mail: mail@miigu.ru; *Zaloilo Maxim V.* – PhD (Law), leading researcher at the Institute of Legislation and Comparative Law under the Russian Federation Government. E-mail: mail@miigu.ru; *Pashentsev Dmitry A.* – doctor of Law, PhD (History), professor, leading researcher at the Institute of Legislation and Comparative Law under the Russian Federation Government. E-mail: Dp-70@mail.ru

The specifics of these processes will inevitably be determined by the historical preconditions, which exist in the legal system of Russia and continue to influence its development.

The legal tradition can be considered as the most important historical precondition for the development of the domestic legal system.

In previous works, it was proposed to define the legal tradition as historically developed within the framework of a particular society and as a developing set of principles for building a national legal system, which is expressed in existing norms, legal customs, values and ideas about the law ⁶.

For lawmaking, the lawmaking tradition as a part of the general legal tradition has an importance.

The lawmaking tradition is a set of principles and mechanisms of lawmaking activity, that has historically developed in a particular state and is stable over time and reflects the value orientations of society. In turn, these guidelines are quite stable, since they are formed over a rather long period of the historical existence of society, nation, and state.

The lawmaking tradition is multidimensional; in its structure, one can distinguish the technological aspect (the technology of lawmaking), the legal and technical aspect (legal technique), and the institutional aspect (lawmaking bodies). All these aspects also develop over a long historical period and, in fact, themselves appear as certain historical background for the development of lawmaking in the narrow sense.

The founder of a scientific analysis of those factors, that influence lawmaking was I. Bentham, who wrote the work «On the influence of the conditions of time and place on legislation». He named two types of factors influencing the change of laws: physical (insurmountable) and moral (mutable). Among the first, the scientist attributed the climate, soil, geographical location; to the second, the form (“image”) of government, religion and manners ⁷.

The second group of factors from this classification is directly related to the historical background of lawmaking, as it affects its moral content.

The lawmaking tradition is determined by a number of factors, among which are the following: features of the historical fate of the country and the people living on its territory; model of the relationship between government and society; the prevailing forms and methods of exercising state power; the established hierarchy of sources of law; correlation of law with other social regulators, first of all, morality and religion.

It seems possible to justify the periodization of the development of the domestic law-making tradition, considered as the most important historical background for the development of lawmaking in digital reality.

The first stage was from the emergence of the Old Russian state to the creation of the empire. The features of this longest stage of the historical formation of the Russian lawmaking tradition were as follows. Firstly, the concept of law was missing. Secondly, the first legal acts of Russia were formed based on three sources: customs, will of Knyaz and Byzantine canon law. Thirdly, the active participation of church hierarchs in the process of lawmaking was noted, a striking example of this was the adoption of the Stoglav in 1551. Fourth, there was one central legal act, that was complex in nature. At first it was the Russkaya Pravda, then it was replaced by the Sudebnik of 1497 and the Sudebnik of 1550, and then they were replaced by the large-scale in volume

and very important from the historical and legal point of view the Sobornoye Ulozheniye in 1649. As part of this stage, the period of estate-representative monarchy, which was characterized by the adoption of legal acts at Zemsky sobor. First of all, we are talking about the Sobornoye Ulozheniye, which was the source of law for over two hundred years. But in subsequent periods, the tradition of sobor adoption of legal acts was interrupted.

The second stage was from the creation of an empire (beginning of the 18th century) to the systematization of legislation in the 30s of the 19th century. The following features are typical for this stage. Firstly, the number of adopted legal acts sharply increased, which ultimately led to the emergence of numerous contradictions between the existing norms. Secondly, the adopted acts had various names: regulations, decrees, charters, institutions etc. Moreover, the hierarchy of these acts by legal force was absent. The uncertainty of Russian legal terminology, which modern scholars write about, has manifested especially clear in the field of lawmaking⁸. Thirdly, the newly created bodies of higher government: the Senate and the Synod began to play an important role in lawmaking. Fourthly, at this stage there was a need to systematize an ever-increasing legislative array. But the work of all the commissions created to solve this problem, including the famous Ulozhennaya Commission of Catherine II, was fruitless. Fifth, at this stage, there was the trend towards large-scale borrowing of foreign legislation. For example, the Military charter of Peter I was mainly compiled on the basis of foreign law, and the Bill of exchange of Peter II was borrowed from abroad completely.

The third stage was from the 30s of the 19th century to April 23, 1906 (adoption of a new edition of the Basic Laws of the Russian Empire). The beginning of this stage was associated with large-scale codification work of the 30s, when the First Complete Collection of Laws of the Russian Empire was prepared and published, as well as the Code of Laws of the Russian Empire, combining all existing legislation, it came into force on January 1, 1835. Edition of the Code of Laws of the Russian Empire became an important stage in the development of the lawmaking tradition. The manifesto of January 31, 1833, all material included in the Code of Laws, «regardless of its sources, the force of law was appropriated»⁹. At this stage, it became possible to separate laws from by-laws, the criterion was the fact of approval of the act by the emperor with its subsequent placement in the text of the Code of Laws. The structure of the Code of Laws served as the basis for the beginning of the formation of the legal system.

The fourth stage was from April 23, 1906 to the revolutionary events of 1917. In the new edition of the Basic Laws of the Russian Empire, adopted on April 23, 1906, Art. 86 established a new procedure for the adoption of laws, which required not only approval by the emperor, but also approval by the State Council and the State Duma. Thus, the State Duma as a representative body began to take part in the legislative process. The experience with the State Duma in the Russian Empire at the beginning of the 20th century from a formal standpoint is hardly to call successful. The First and Second Dumas were dissolved shortly after the convocation and practically did not manage to prove themselves in legislative activity. The Third Duma, which worked the entire term of its powers, adopted a fairly large number of laws, but almost all

of them were initiated by the government, and not by the deputies themselves. The Fourth Duma was dissolved ahead of schedule.

But from the standpoint of the formation of the Russian legislative tradition in the conditions of the development of parliamentarism, this experience was important. It is associated with the establishment of a dialogue between the legislative and executive powers, between chambers and factions within the parliament itself ¹⁰. The appearance of the State Duma as a representative body significantly changed the technology of legislative activity, as it brought into it transparency and public character ¹¹.

This stage, considering all its importance, became the shortest in time due to the revolutionary events of 1917.

The fifth stage was from 1917 to 1991 (Soviet period). This stage was heterogeneous. Firstly, the adoption of laws in the absence of a separation of powers was typical for it. By 1917 the concept of law had already practically formed, but then after the revolution it again lost its significance. Only with the adoption of the Constitution of the USSR in 1936 the legal concept of law again appeared as a legal act, accepted by the Supreme Soviet of the USSR. Thus, one of the main problems in the field of lawmaking from 1917 to 1936 was a problem of separation of laws from by-laws. In this regard, it was a step back compared to the previous period. Secondly, at this stage, initially a negative attitude towards the law, as well as to the law, prevailed. For example, one of the leaders of Soviet jurisprudence of the first years A. G. Goikhbarg, in fact, who was the main developer of the Civil Code of the RSFSR of 1922, called the law opium for the people and called for a merciless fight against it ¹². Thirdly, after a brief period of struggle with law as a bourgeois phenomenon, the Soviet legitimate government came up with the idea of strengthening the role of the law as the basis of the regime of legality, which resulted in a return to some previous traditions in this area. In particular, in accordance with the traditions of the Romano-German legal family, Soviet law was codified in 1922–1923. Seven codes were adopted at once. As a result, the division of domestic law into substantive and procedural was finally fixed. On the contrary, the division of law into private and public at this stage had lost its significance, it inevitably affected legislative activity. Fifth, at this stage the Constitution was first adopted, it became the main law, determining the content of other legislative acts and the general procedure for lawmaking activity.

From 1991, *the sixth* modern stage began. The issue of which historical background and traditions of lawmaking are reproduced at this stage is still open. Obviously, the legislative activity tends to codification, the tradition of dividing the law into private and public has again returned, the procedure for adopting laws has been clearly defined, similar to that which existed at the beginning of the 20th century.

After consideration of the features of each of the distinguished historical stages of the formation and development of the domestic lawmaking tradition, we could note, that the period of the Russian Empire, which combined several stages at once, seems to be the most important in this regard. The lawmaking traditions, that were developed during this period are partially reproduced today.

Among the historical preconditions, that had a decisive influence on the Russian lawmaking tradition and today affect the development of lawmaking in the context of digitalization, we can name the following:

- 1) multinational and multiconfessional composition of the state;
- 2) the absence of separation and even a noticeable separation of branches and structures of power in structurally-legal and in functional terms, for a long time ¹³;
- 3) the absence of national representative institutions (there was only such experience during the Zemsky Sobor and in the form of separate institutions on the national outskirts, such as, for example, the Finnish Sejm);
- 4) the negative attitude to the current law of a significant part of the country's population, which condemned its right for cruelty and injustice.

As a result of the influence of such background during the period of the Russian Empire, the following historical features, which directly influenced lawmaking, were formed:

1. The main subject of the legislative initiative was the government (in the broad sense). The state power in the person of higher bodies and officials initiated the adoption of new laws.
2. The legislation during the empire time was based on the reception of foreign legislation. Russian laws were created on foreign models, sometimes even on their exact copy.
3. In the 19th century, there was a tendency to a more critical attitude towards foreign law. The creation of each major bill began with the founding of an appropriate commission, which collected and studied materials on this issue. At the same time, the studied materials included both relevant foreign legislation and the history of the issue in Russia.
4. In the Russian Empire, which was a single state, a gap in lawmaking space was observed. National suburbs, such as the Kingdom of Poland, the Grand Duchy of Finland, Central Asia had their own legislation and, accordingly, the features of the legislative process.
5. It was typical for the Russian Empire, that there were legislative bodies under the emperor, which were involved in the development and discussion of bills, that were subsequently subject to approval by the emperor.
6. The nature of lawmaking activity in the Russian Empire was determined by the fact that, with the absolute monarchy remaining, it was the sovereign, who actually was the sole creator of laws; but the application of these laws and other legal acts remained entirely in the hands of officials.

The considered historical background influenced the fact that, as a result, lawmaking in Russia tended toward systematization and codification. If we look at the legislation of the period of Moscow Russia, we will see the existence of one central, main legislative act, which tried to cover the widest possible range of issues. First, there were the Sudebnik of 1497 and the Sudebnik of 1550, then the Sobornoye Ulozheniye of 1649.

During the period of the empire, legislation began to regulate such wide range of social relations, that it was already impossible to implement on the basis of a single, albeit very extensive legal act. But, despite the multiplicity and heterogeneity of legal acts adopted during the period of the empire, the government's desire to systematize them was constant. This is evidenced by all those numerous commissions, which worked on the drafting of the «New Ulozheniye» for almost the entire 18th century. These attempts remained fruitless, and only at the end of the first third of the 19th century, as a result of tremendous efforts, the Complete collection of laws of the Russian Empire and the Code of laws of the Russian Empire were compiled.

This trend continued even after the change of state regime and form of government in 1917. Moreover, in 1918 the first two codes were finally adopted: the Code of Laws on the Registration of Civil Status Acts, Marriage, Family and Guardianship Law and the Labor Code. As a result of large-scale codification of 1922–1923s Soviet law was formalized in a system of codes in accordance with the traditions typical for the Roman-German legal family. The tendency of domestic legislation to systematize and codify had been fully realized.

Many of these lawmaking traditions are preserved in our days. First, we are talking about such features as the unspoken priority of the executive branch in legislative initiative, the important role of by-laws, the widespread use of foreign legal experience, the desire for systematization and codification etc. Awareness of these and other stable traditions, their doctrinal and practical understanding can contribute to the further improvement of lawmaking in the Russian Federation, including in the context of modernization of the lawmaking process under the influence of digital technologies.

The bearer of the legal tradition is the subject of law, whose legal consciousness is formed under the influence of a whole set of factors, including those, that can be considered within the framework of historical background. The implementation of new rules of law, which will be adopted under the influence of the rapid development of digital technologies and their impact on public relations, will also be carried out as a result of the actions of the subject of law, which is guided by its legal consciousness, under pressure from the legal tradition. Thus, the influence of historical background, to varying degrees, will continue. At the same time, despite the preservation of the influence of the legal tradition on the development of lawmaking, the content of this tradition in digital reality is inevitably changing. The main directions of such change require further scientific analysis.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, научный проект 18–29–16219 «Новации механизмов правотворчества и правореализации в условиях развития цифровых технологий»

This article was prepared with the financial support of the Russian Federal Property Fund, the scientific project 18–29–16219 «Innovations in the mechanisms of lawmaking and law enforcement in the development of digital technologies»

References

1. PASHENTSEV D. A. The construction of crime in Russian law of the limited monarchy period. – Russian journal of criminology. 2016, vol. 10, No. 3, p. 431.
2. KHABRIEVA T. Ya., CHERNOGOR N. N. Law in digital reality. – Journal of Russian law. 2018, No. 1, p. 90.
3. SMORGUNOVA V.Y., DORSKAIA A.A., PASHENTSEV D.A., PAVLENKO E.M., IGNATIEVA M. V. Legal reform as an administrative decision: the risks and performance criteria. – Journal of Advanced Research in Law and Economics. 2016, vol. 7, No. 6, p. 1488.
4. KHABRIEVA T. Ya., CHERNOGOR N. N. Law in digital reality. – Journal of Russian law. 2018, No. 9, p. 8
5. HOWES D. E-Legislation: Law-Making in the Digital Age. – McGill Law Journal. 2001, vol. 47, p. 49.

6. PASHENTSEV D.A., CHERNOGOR N. N. Legal tradition and the rule of law: correlation and mutual influence. – Human rights activist. 2017, No 1, p. 2. [Http://pravozashitnik.net/ru/2017/1/2](http://pravozashitnik.net/ru/2017/1/2).
7. BENTHAM I. Principles of legislation; on the influence of the conditions of time and place on legislation; Guide to Political Economy. M. 2012, p. 78.
8. TOMSINOV V.A. «The sovereign's and state's interest should be kept for everyone”: Peter I as a legislator. In: Legislation of Peter I. 1694–1725. M. 2014, p. XXIII.
9. BLOSFELDT G. E. The «legitimate» power of the Code of Law in the light of archival data. Pg. 1917, p. 201.
10. GAMAN-GOLUTVINA O. V. Russian parliamentarism: history and modernity. – Vestnik RUDN. Series: Political Science. 2007, No. 1, p. 6.
11. The doctrinal foundations of legal technology. M. 2010, p. 75.
12. GOIKHBARG A. G. Fundamentals of private property law. M. 1924, p. 51.
13. SMIRNOV A. F. State Duma of the Russian Empire. 1906–1917: historical and legal essay. M. 1998, p. 38.

Махатма Ганди и его роль в борьбе за права человека

Е. Е. Гришнова, Е. В. Майстрович, Е. В. Муратова,
И. В. Федякин

Аннотация. История развития прав человека изучается с точки зрения многих аспектов, однако, не стоит забывать о важнейшей роли отдельных исторических личностей в борьбе за установление прав отдельных групп людей. Публикация посвящена изучению личности Махатмы Ганди. Махатма Ганди был индийским юристом, впервые организовавшим ненасильственные акции протеста, когда он жил в Южной Африке. В течение своей жизни он возглавлял народ Индии в ненасильственной кампании гражданского неповиновения. Авторами рассматривается политическая и правозащитная деятельность Махатма Ганди и его роль в защите прав женщин, борьбе за индуистско-мусульманское единство и независимость Индии от Великобритании.

Ключевые слова: Махатма Ганди, борьба за независимость Индии, борьба за права человека.

Abstract. The history of the development of human rights is studied from the point of view of many aspects, however, do not forget about the crucial role of individual historical figures in the struggle to establish the rights of individual groups of people. The publication is devoted to the study of the personality of Mahatma Gandhi. Mahatma Gandhi was an Indian lawyer, who first organized non-violent protests when he lived in South Africa. Throughout his life, he led the people of India in a non-violent campaign of civil disobedience. The authors examine the political and human rights activities of Mahatma Gandhi and his role in protecting the rights of women, the struggle for Hindu-Muslim unity and independence of India from Great Britain.

Key words: Mahatma Gandhi, struggle for independence of India, struggle for human rights.

Mohandas Karamchand Gandhi was born on October 2, 1869 in the family of the Minister of the small West Indian principality of Porbandar. The surname of Gandhi in India is quite common and translated into Russian literally means «grocery merchant»¹. The name of Gandhi, who was called by his contemporaries «Mahatma,» «a great soul» and who became «Bapu,» the father for the Indian nation, is usually mentioned with unquestionable respect in the speeches of politicians, in the works of scholars, and in the literary works of different countries².

In fact, there were grocers in the Gandhi family. Gandhi, like his family members, belonged to the trading caste «Bania». The Gandhi family belonged to the educated circles of the principality, however, it did not belong either to the cultural elite or to the local rich nobility. One of the Gandhi brothers was a lawyer, and the other was a police inspector. Gandhi's father wanted to see him as prime minister of the principality. Huge impact on the formation of

Gandhi as an individual had his mother Putlibay³. She was a religious person, but not fanatical, and led an ascetic lifestyle. Gandhi was the youngest child in the family. Gandhi got married early at 13 years old. His wife name was Kasturbay. Early marriage, to some extent, was due to Indian tradition.

In 1884, despite the protests of the caste to which he belonged, Gandhi left country to study in London⁴. The problem was that until this moment, none of the caste members left India and for violating this prohibition Gandhi was excommunicated and became an outcast, even though he promised to strictly follow Hindu customs before leaving for England and kept his word. In the UK, Gandhi studied law, there he became a vegetarian. This manifested the influence of the Jain religion on him, in particular, the principle of ahimsa – do no harm for living beings⁵. Upon returning from England, Gandhi decided to return to his caste⁶. Gandhi's return to his caste was connected with a rite of purification. He performed this rite in the sacred river in the town of Nasik. In 1893, Gandhi went to South Africa to work as a legal adviser in a Gujarati trading company. There he took one of the rites of Jainism – the brahmacharya, which provides for the abandonment of property, from animal products and sexual abstinence. For most of his life, Mahatma Gandhi wore homespun dhoti- a piece of white cloth, that acts as clothing, for which Winston Churchill called him the «half-naked fakir». Gandhi knew six languages: Gujarati, Hindi, Marathi, Tamil, Telugu, English⁷.

The situation of Indian citizens, who came to work in South Africa was very difficult, the empire did not give up, participants in non-violent resistance – satyagrahi – went to jail⁸.

In 1909, Gandhi concluded, that the families of arrested Satyagraha supporters needed systematic help. Gandhi's friend Herman Kallenbach bought a Tolstoy farm 34 kilometres from Johannesburg. Gandhi, Kallenbach and several families were living there. There were children: Hindus, Christians, Muslims.

Gandhi established a strict order at the farm: there were no chairs or beds, they slept in the open air, each had a pillow and two blankets, they ate little, they served themselves, sewed clothes and made shoes. Children lived as well

Гришнова Елена Евгеньевна – доктор политических наук, доцент ФГБОУ ВО «Московский государственный технический университет имени Н. Э. Баумана (национальный исследовательский университет)». E-mail: grishnovaiip@yandex.ru; *Майстрович Елена Витальевна* – доцент АННИО «МИИГУ им. П. А. Столыпина», научный сотрудник ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов». E-mail: elena.maystrovich@yandex.ru; *Муратова Елена Владимировна* – кандидат юридических наук, старший преподаватель ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов». E-mail: muratova_ev@pfur.ru; *Федякин Иван Владимирович* – доктор политических наук, доцент, профессор ФГАОУ ВО «Российский университет транспорта». E-mail: fedyakin_iv@mail.ru.

Grishnova Elena Ye. – doctor of political sciences, associate professor at the MSTU of N. E. Bauman. E-mail: grishnovaiip@yandex.ru; *Maystrovich Elena V.* – associate professor at the Stolypin International Institute of Informatization and Public Administration, researcher at the RUDN University. E-mail: elena.maystrovich@yandex.ru; *Muratova Elena V.* – PhD (Law), assistant at the RUDN University. E-mail: muratova_ev@pfur.ru; *Fedyakin Ivan V.* – doctor of political sciences, associate professor, professor at the Russian University of Transport. E-mail: fedyakin_iv@mail.ru.

as adults, but also went to school. They did not have special teachers: it was expensive, so the teachers were adult family members. In addition, Gandhi was a supporter of home education: «I knew only one thing, that in ideal conditions only parents can give the right education, and help from outside should be minimized». He saw his role as follows: «Tolstoy's farm was a family in which I was instead of my father and, to the best of my ability, I was responsible for educating young people»⁹.

Gandhi was strict not only with those, who lived on the farm, but also with himself: after tiring physical labour, he always came to class in order to teach children. Children also had to clean, cook, grow vegetables on an equal basis with adults. To form children physically and to give them a profession was the main goal, and general subjects were educated about three hours a day. Hindi, Gujarati, Urdu and Tamil languages were taught; the training was conducted in the languages native to the students. Gandhi himself taught children Urdu and Tamil. After some time, the families were able to reunite and the farm was almost empty, and Gandhi himself returned to England. It is difficult to judge how such life on the farm and such school helped the children in the future, but at that time it was one of the best options.

Later, Gandhi opened six elementary schools in different villages of the Champarani province, where the poor lived. The areas were so poor, that residents could not maintain basic hygiene, terrible unsanitary conditions were everywhere, so volunteer teachers again «not only taught arithmetic and grammar, but made children wash themselves»¹⁰.

The personality of Mahatma Gandhi was of great importance in the struggle for the independence of India. In the struggle for Indian independence, Gandhi used non-violent methods, urging the Indians to boycott British institutions. Mahatma Gandhi decided to organize a one-day «hartal», which is a nationwide strike, where all participants had to spend this day in fasting and prayers. The strike took on enormous proportions: life in all of India froze, from the Himalayas to Cape Komorin all institutions, shops were closed, traffic stopped, the streets were almost empty. The confused government arrested Gandhi. The news, that Gandhi was behind bars stirred up India. Brutal strikes with the police broke out. A lot of blood was spilled. Gandhi was shocked, he publicly admitted, that he had made a mistake of «Himalayan scale» – the masses were not ready for satyagraha. Gandhi announced a three-day penitential fast¹¹.

On the day April 13, 1919, when Gandhi was about to fast, an unarmed crowd was shot in Amritsar. Gandhi said, that from now he no longer has respect for a government, that defends its immorality. Gandhi called for a boycott of the colonial regime. It provided for the following forms: refusal of honorary posts and ranks, from participation in official receptions and events, boycott of English schools, legislative elections, boycott of foreign goods.

Bonfires flamed across the country, foreign-made things were burned, rich ladies threw Parisian silks into the fire and changed into coarse homespun clothes, institutions stopped working, students ignored classes in educational institutions, and thousands of «walkers» went «to people» to the most remote corners countries, explaining to people the essence of the protest. Women first came to the streets from house imprisonment, that had never happened in India¹². Gandhi personally evaporated sea salt, thereby violating the British state monopoly on its production. He constantly resorted to hunger strikes.

Mahatma Gandhi paid great attention to the fight against inequality, believing that untouchability should be expelled from temples and other spheres of life completely.

During World War II, India came into conflict on the side of Great Britain: India's resources were working for war. At the same time, India remained a country torn by all sorts of contradictions: community, ethnic and religious. During this period, an internal opposition began to form, led by Subhas Chandra Bose, who had previously been a companion of Gandhi, and now led the army, which took the side of the Japanese, who approached the eastern border of India. In the same period, Indian Muslims demand from England the approval of the creation of a separate Muslim state – Pakistan. Despite all the efforts of Gandhi and long protests, hunger strikes, the Hindu-Muslim war continued after the end of World War II. England said, that it was ready to grant independence to India, with the condition, that British India be divided into two parts: Muslim Pakistan and Hindu India. Officially, the partition of the country took place on August 15, 1947. Gandhi spent that day praying and fasting in Calcutta, in the same Calcutta where exactly one year ago he tried to stop the massacre by risking his life, he made a peacekeeping trip to the surrounding villages, where the pogroms were spread. But the Muslim population did not hear him, they followed Jinn and was ready to die for Pakistan.

Gandhi made hunger strike fifteen times, the last time in independent India, protesting against religious pogroms ¹³.

Gandhi was killed on January 30, 1948 at the age of 79 during his sermon at point blank-range by three points by the Indian N. Godse. N. Godse belonged to the reactionary party «Hindu Mahasabha», literally «The Great Union of Hindus» ¹⁴. According to Hindu custom, Gandhi was cremated, and the ashes scattered along the Jamna River. His killer was sentenced to death by hanging. All states expressed condolences on the Gandhi's death, with the exception of the Soviet Union, the flags of the United Nations were flipped, his memory was honoured by the UN Security Council.

References

1. IVASHCHENKO A. S. The origins, content and essence of Gandhism. – Bulletin of the Adygea State University. Series 1: Regional studies: philosophy, history, sociology, jurisprudence, political science, cultural science. 2009, p. 1–7.
2. SHCHEDRINA A. M. The experience of Mahatma Gandhi in the light of crisis management problems. – Bulletin of Moscow University. Series 21. Management (state and society). 2010, No. 4, p. 33–54
3. YUDOVSKAYA A. Ya. Mahatma Gandhi: the search for truth. In: XX century. People and destinies. St. Petersburg. 2001, p. 351–370.
4. KOMAROV E.N., LITMAN A. D. The worldview of Mohandas Karamchand Gandhi. M. 1969.
5. GANDHI M. K. My life. M. 1959.
6. STEPANYANTS M. The philosophy of non-violence. Reflections on Gandhi and his experiments. – Communist. 1990, No. 13, p. 106–112.
7. KASHIN V. P. Mahatma Gandhi's Experiments as Brahmachari. – Asia and Africa Today. 1998, No. 9, p. 65–69.
8. BAYRAMUKOV A.S., GAGUEVA F. R. Where and what did Mahatma Gandhi study and teach. In the collection: Innovative Scientific Researches: theory, methodology, practice

collection of articles of the IX International Scientific and Practical Conference: in 2 parts. 2017, p. 183–185.

9. Ibidem.

10. Ibidem.

11. FIRSOVA G. I. India: the path to civil peace through the «fight against evil» in the politics of Mahatma Gandhi. In the collection: Civil Peace – Civil War: understanding and forecasts Materials of an international scientific conference. 2018, p. 408–410.

12. MIRONENKO O. Mahatma Gandhi: Fighter for Indian Independence // URL: <http://bigasia.ru/content/pub/review/makhatma-gandi-borets-za-ezavisimost-indii-chast-2>.

13. Ibidem.

14. KASHIN V. P. The death of Mahatma Gandhi. – Questions of history. 1988, No. 10, p. 138–145.

Роль Г. Ф. Шершеневича в развитии российской юриспруденции

М. Е. Жукова, В. С. Калиновская, Д. А. Пашенцев,
А. Н. Приженникова

Аннотация. Габриэль Феликсович Шершеневич внес значительный вклад в гражданское и торговое право и в законотворчество Российской империи. В публикации рассматривается его личность, профессиональная и политическая деятельность; авторами анализируется роль Габриэля Феликсовича в развитии отечественной и мировой юриспруденции.

Ключевые слова: отечественная юриспруденция, российское право, Г. Ф. Шершеневич, развитие российской юриспруденции.

Abstract. Gabriel Feliksovich Shershenevich made a significant contribution to civil and commercial law and the law-making in the Russian Empire. The article examines his personality, professional and political activities, the authors analyse the role of Gabriel Feliksovich in the development of domestic and world jurisprudence.

Key words: domestic jurisprudence, Russian law, G. F. Shershenevich, the development of Russian jurisprudence.

One of the outstanding Russian lawyers, who have made an invaluable contribution to the development of domestic jurisprudence is Gabriel Feliksovich Shershenevich. His professional work took place in parallel with the events,

Жукова Мария Евгеньевна – ассистент ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов». E-mail: mzh.law@gmail.com; *Калиновская Виктория Сергеевна* – ассистент кафедры АННИО «МИИГУ имени П. А. Столыпина»; научный сотрудник НОЦ «Правовые исследования», ФГАОУ ВО «Российского университета дружбы народов». E-mail: vi.arhipova@yandex.ru; *Пашенцев Дмитрий Алексеевич* – доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. E-mail: Dp-70@mail.ru; *Приженникова Алёна Николаевна* – кандидат юридических наук, доцент ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации». E-mail: alenaprizhen@mail.ru.

Zhukova Maria Ye. – assistant at the RUDN University. E-mail: mzh.law@gmail.com; *Kalinovskaya Victoria S.* – assistant professor at the Stolypin International Institute of Informatization and Public Administration, researcher at the Legal Studies Center of the RUDN University. E-mail: vi.arhipova@yandex.ru; *Pashentsev Dmitry A.* – doctor of Law, PhD (History), professor, leading researcher at the Institute of Legislation and Comparative Law under the Russian Federation Government. E-mail: Dp-70@mail.ru; *Prizhennikova Alena N.* – PhD (Law), assistant professor at the Financial University under the Government of the Russian Federation. E-mail: alenaprizhen@mail.ru.

that were crucial for Russia: the bourgeois reforms of the 60–70s of the 19th century, the transformation of the feudal monarchy into a constitutional monarchy, the first Russian revolution ¹. All this affected both the development of Russian science as a whole and the development of legal science in particular, which could not be reflected in the writings of the jurist. Gabriel Feliksovich was born on January 1, 1863 in the Kherson province. He received his secondary education in Kazan, and then graduated from the Law Faculty of Kazan University in 1885, with a degree of Doctor of Philosophy (Law) with the presentation of the work «On Joint-Stock Companies» ². After that he remained at the Department of Commercial Law to obtain a professorship. In 1888, Gabriel Feliksovich began his teaching career as a private assistant professor in the Department of Commercial Law and gave two test lectures – «On the right of a married woman to trade» (by his own choice) and «On checks» (as appointed by the faculty). Being later approved by the Department of Civil Law at Kazan University, Gabriel Feliksovich returned twice to teaching commercial law from 1896 to 1898 and from 1900 to the 1904–1905 academic year ³. Gabriel Feliksovich returned to the same course in 1906 when he was transferred to Moscow University. Gabriel Feliksovich received a master's degree in civil law in 1888 from Moscow University for the defence of a dissertation on the «System of Trade Actions. Criticism of the basic concepts of commercial law». After defending his doctoral work «Copyright in Literary Works» in Kazan in December 1891, Gabriel Feliksovich was appointed as professor of Kazan University in the Department of Commercial Law and Commercial Proceedings the following year, and from 1896 transferred to the department of civil law and legal proceedings ⁴. Since then, the teaching activity of G. F. Shershevich continues until the end of 1905, when he left the professorship. During this period, the time has come for the political activity of Gabriel Feliksovich, leading to the election of him as a deputy from the city of Kazan to the First State Duma. Almost simultaneously, at the suggestion of the Faculty of Law, the Council of Moscow University decided to solicit the transfer of Gabriel Feliksovich as a professor in the Department of Commercial Law, but in view of the subsequent resignation and the adoption of parliamentary powers by Gabriel Feliksovich, he could only be appointed as supernumerary professor at Moscow University. He remained in this rank until February 28, 1911, when, according to the petition, he quits from Moscow University. The last year of his life, Gabriel Feliksovich carried the teaching of civil and commercial law at the Moscow Commercial Institute ⁵.

In domestic legal science, Gabriel Feliksovich was remembered for the most part as a theorist of law, since he made a significant contribution to the theory of law ⁶. In addition, Gabriel Feliksovich was a specialist in civil and commercial law ⁷. Unfortunately, the lawyer did not manage to leave voluminous works, which would detail his views on the development of the judicial and law enforcement systems, however, in his writings you can find many important, conceptual provisions that even at the present stage have not lost their relevance ⁸.

Historical events surrounding the development of creative thought of Gabriel Feliksovich, allowed him to analyse the problems of civil society, comprehend the problems of the development of the state and state bodies ⁹. In studying the concepts of the interaction of law and the state, Gabriel Felikso-

vich paid special attention to the constituent elements of civil society ¹⁰: family, social groups and classes, political parties, the system of upbringing and education, democratic institutions, and independent justice. Also, Shershenevich was a principled supporter of the abolition of the death penalty.

Gabriel Feliksovich was mainly a dogmatist of law, but he covered historical, sociological and philosophical elements, which is rarely combined. The first monographic works and general courses of trade (1888 and 1894) and civil law (1894) already found in him the qualities of a dogmatist of synthetic type ¹¹. The «Civil Law Course» (1901–1902) explores the methodological techniques of law, which shifts the focus of research interest to the study of issues of the general theory of law. The framework of the private turns out to be crossed, and in the «History of the Philosophy of Law» (1904), where a sequential change of views on the relationship between law and the state is considered ¹². The issues of public law are already being checked and revised, and on the basis of the extracted material the idea of a higher legal generalization – the philosophy of law – was born. According to Gabriel Feliksovich, it should cover three branches: the general theory of law, the philosophy of law and the politics of law. Since 1911, separate parts of the general theory of law had appeared, but the work was not completed in connection with the death of Gabriel Feliksovich in 1912.

Many of his works are devoted to the building of a civil society and the role of the state in this process. According to Gabriel Feliksovich, the main tasks of the state are to ensure the security and well-being of the individual. In his opinion, issues of morality and culture are the business of society. The state must create conditions for the development and strengthening of moral principles ¹³. One of the concepts often used in the works of the thinker is the rule of law: «Laws can be bad, but without a lawful order it will be even worse. Life itself confirms this position better than any theoretical considerations» ¹⁴. In addition, much attention is paid to the judicial system, having analysed the modern (for him) judicial system, Gabriel Feliksovich formulated a number of conclusions about the changes, that needed to be made to improve the work of the judiciary. In his opinion: «A well-arranged court is the main defence against lawlessness and arbitrariness» ¹⁵. In particular, Gabriel Feliksovich spoke of the need for ¹⁶:

- separation of the court from the administration;
- administration of justice only by the court;
- independence and irremovability of judges;
- inclusion in the judicial system of justices of the peace;
- participation of citizens in the administration of justice, namely, the involvement of jurors;
- publicity of the trial as one of the basic principles of the organization of the courts;
- ensuring the right of the suspect and the accused to defence;
- the introduction of conditional conviction ¹⁷.

Analysing the extensive materials of judicial practice in his writings, the lawyer pointed out the inadmissibility of replacing the rule of law with expediency and justice in making judicial decisions ¹⁸. Gabriel Feliksovich also noted the significance of the introduction of the arbitration court: «... one cannot but approve the system of the arbitration court., which was known in the old

days in our legislation. The arbitration court provided an opportunity for the litigants to choose a competent judge»¹⁹.

It can be noted that these ideas were progressive for that time, but still have not lost their significance in the rule of law and fair trial²⁰.

The scientific heritage that Gabriel Feliksovich left behind shows how his talent developed, his analytical work expanded, and how objective he was in his presentation. The constant expansion of the scope of his research into new areas of law allowed Gabriel Feliksovich to reveal his appeal to the social ideal, the content of which, according to the general positive view of Gabriel Feliksovich, was revealed in the study of the variable content of various areas of law.

References

1. ZORKIN V. D. Theses on legal reform in Russia. – Legislation and Economics. 2004, No. 2.
2. KRASNOKUTSKY V. Gabriel Feliksovich Shershenevich. – Bulletin of the University named after O. E. Kutafin (Moscow State Law Academy). 2015, No. 1 (5), p. 220–223.
3. Ibid., p. 220–223.
4. KIYCHENKO K. I. Shershenevich Gavriil (Gabriel) Feliksovich. In the collection: Philosophy of Politics and Law. 100 main personalities Dictionary. Tutorial. Moscow State University named after M. V. Lomonosov. Faculty of Philosophy. Department of Philosophy of Politics and Law. M. 2015, p. 330–333.
5. KRASNOKUTSKY V. Op. cit., p. 220–223.
6. MARNEY L.P. G. F. Shershenevich and the creation of university textbooks in Russia at the end of the 19th century. In the collection: World Political and Cultural Space: History and Present Materials of the International Scientific Conference. 2007, p. 76–82.
7. DZHIGIBA S., PRATSKO G. S. Forms of law in the legal aspect of G. F. Shershenevich. In the collection: Legal science in the 21st century: history, theory, practice. Materials of the international scientific-practical conference. 2018, p. 421–423.
8. OVOD I.V., SHIGAPOVA Yu.S. Historical aspects of the development of civil society and law in the works of G. F. Shershenevich. – Fundamental and applied research in the modern world. 2014, v. 4, No. 8, p. 119–120.
9. BELYAEVA O. M. Shershenevich G. F. on the interpretation of law, judicial precedent and analogy of law. – Law and Education. 2016, No. 5, p. 144–150.
10. SHERSHENEVICH G. F. General doctrine of law and state. M. 1908.
11. KRASNOKUTSKY V. Op. cit., p. 220–223.
12. KIYCHENKO K. I. Op. cit., p. 330–333.
13. SHERSHENEVICH G. F. Op. cit.
14. EJUSD. About a sense of law. Kazan. 1897.
15. EJUSD. The program of the constitutional democratic party in a public statement. Kazan. 1905.
16. PANOV N. I. Methodological aspects of the formation of the conceptual apparatus of legal science. – Jurisprudence. 2006, No. 24.
17. ZHELDYBINA T. A. Problems of history and theory of constitutional development of the judicial and law enforcement system of the Russian Federation. – Bulletin of KGU named after ON. Nekrasov. 2006, No. 5, p. 10–11
18. SHERSHENEVICH G. F. About a sense of law.
19. EJUSD. Copyright in literary works. Kazan. 1891.
20. ASTAFIEV V.V., GALIULLINA D.M., MALYSHEVA S. Yu., SALNIKOVA A. A. Studying and teaching domestic history at Kazan University. Kazan. 2003.

Роль Международного уголовного суда в защите прав человека и международной безопасности

А. А. Галушкин, С. А. Гримальская, П. А. Кучеренко,
Р. А. Мамедов

Аннотация. Созданный в конце прошлого столетия Международный уголовный суд является первым постоянным международным органом, осуществляющим международное преследование. Авторами публикации рассматривается история создания и правовой статус Международного уголовного суда. В работе освещается деятельность Международного уголовного суда на современном этапе, оценивается его роль в системе международного уголовного правосудия.

Ключевые слова: международное право, международный суд, Международный уголовный суд, международное уголовное правосудие.

Abstract. The International Criminal Court was created at the end of the last century as the first permanent international body, which carry out international prosecution. The authors of the publication examine the history of creation and the legal status of the International Criminal Court. The work highlights the activities of the International Criminal Court at the present stage, evaluates its role in the international criminal justice system.

Key words: international law, international court, International Criminal Court, international criminal justice.

Proposals for the creation of bodies similar to the International Criminal Court came long before its formation, while there is no consensus on the moment of creation of such body among legal scholars. For example, A. G. Volevodz and V. A. Volevodz say, that the countdown should be conducted from 1815, when the anti-French coalition intended to bring Napoleon to justice¹. G. Verlet, in his turn, believes that the Versailles Peace Treaty of June 28, 1919 is the starting point². However, in our opinion, it is most true to consider the moment of the idea of a full-fledged body of international criminal justice to be born in 1872, when G. Moynier³, as president of the International Committee of the Red Cross, called on the international community to establish an international tribunal to convict the persons, which were guilty of serious crimes during the Franco-Prussian war and the violation of the Geneva Convention, on improving the situation of the sick and wounded in the warring armies of August 22, 1864⁴. Another important stage in the development of the idea of international criminal justice is the doctoral dissertation of the Russian scientist of the Moscow Imperial University L. A. Kamarovsky⁵. The uniqueness of his work consisted

in a description of the mechanism of work of such institution and an analysis of institutions similar to it, from the resolution of interethnic conflicts in ancient Greece to the 19th century. His work earned recognition not only in domestic jurisprudence, but also in Europe; subsequently, the book was translated into French. The idea of the International Criminal Court at the international legal level was entrenched thanks to the Versailles Peace Treaty, however, so far only as an ad hoc court. Article 227 of the Versailles Peace Treaty was devoted to international criminal prosecution. It was in accordance with this article, that the German Emperor Wilhelm II of Hohenzollern, «... guilty of a grave insult to international morality and the inviolability of international treaties»⁶, had to stand specially created international trial. However, the Netherlands refused to extradite him, and the subsequent war criminal trials organized in Germany clearly demonstrated the inadequacy of national criminal jurisdiction to prosecute international crimes⁷. The prosecution of war criminals by international military courts did not take place, as Germany simply refused to extradite the requested persons. And even after Germany passed the Law on the Prosecution of War Crimes and Misconduct, out of more than 1,500 initiated processes, only 13 were brought to the stage of a court hearing⁸.

The next significant step was the Convention on the Creation of an International Criminal Court for the Prosecution of Perpetrators of Terrorism, which was opened for signature in Geneva in 1937. Despite the fact, that the Convention was signed by 13 states and, as a result, it did not enter into force, the expediency and necessity of creating an international institution with the possibility of criminal prosecution were formulated within its framework⁹.

The key milestone in the development of international criminal justice, of course, was the trial of war criminals in Nuremberg and Tokyo after the Second World War. In 1948, the United Nations General Assembly created a special Commission of International Law, the purpose of which was to «consider the desirability and feasibility of creating an international legal body that would be charged with the consideration of cases of persons accused of committing crimes of genocide and other crimes, which will fall within the competence

Галушкин Александр Александрович – кандидат юридических наук, профессор РАО, первый проректор, проректор по научной работе АННИО «МИИГУ им. П. А. Столыпина», директор НОЦ «Правовые исследования» ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов». E-mail: alexander.galushkin@yandex.ru; *Гримальская Светлана Александровна* – кандидат юридических наук, доцент ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации». E-mail: SGrimalskaya@fa.ru; *Кучеренко Пётр Александрович* – доктор юридических наук, профессор ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов». E-mail: kpete@mail.ru; *Мамедов Руслан Ахатович* – аспирант ФГНИУ «Институт законодательства и правоведения Российской Федерации». E-mail: ruslan-agat@mail.ru.

Galushkin Alexander A. – PhD (Law), professor, first vice-rector, vice-rector for research at the Stolypin International Institute of Informatization and Public Administration, director of the Legal Studies Center of the RUDN University. E-mail: alexander.galushkin@yandex.ru; *Grimalskaya Svetlana A.* – PhD (Law), assistant professor at the Financial University under the Government of the Russian Federation. E-mail: SGrimalskaya@fa.ru; *Kucherenko Petr A.* – doctor of Law, professor at the RUDN University. E-mail: kpete@mail.ru; *Mamedov Ruslan A.* – postgraduate of the Institute of legislation and law of the Russian Federation. E-mail: ruslan-agat@mail.ru.

of this body on the basis of international conventions' ¹⁰. In 1950, was created a special committee, that prepared the draft Statute of the court by 1951. According to the latter, the court should have jurisdiction over any cases, that could be referred to it by the contracting parties ¹¹. Subsequently, the draft was finalized, but the General Assembly decided to postpone its consideration until the definition of the crime of aggression would be given. Later, work was completely suspended due to the outbreak of the Cold War ^{12, 13}. After the end of the Cold War, the period of the revival of the idea of the institution of international criminal prosecution began. The UN Security Council created two international criminal tribunals: The International Tribunal for the Former Yugoslavia and the International Tribunal for the Former Rwanda, as «subsidiary bodies' to implement measures «to maintain or restore international peace and security" ¹⁴. It is noteworthy, that the statutes of these tribunals directly affirmed their superiority over national law and justice systems in Yugoslavia and Rwanda. The International Tribunal for the Former Yugoslavia has made a significant contribution to the development of the international criminal procedure sphere. For example, in comparison with the Nuremberg Tribunal, the procedural and evidentiary standards of which activity were criticized, it contained the possibility of appeal ¹⁵.

In addition, it is worth noting, that the International Tribunal for the Former Yugoslavia not only became a prototype for the International Tribunal for the Former Rwanda, but was also directly connected with it, in particular, until 2003 they had a single Office of the Prosecutor. In connection with these, many jurists ^{16, 17} claim, that the International Tribunal for the Former Yugoslavia and the International Tribunal for the Former Rwanda became «not only the so-called pioneers, who cleared the way for the International Criminal Court, but that they continue to pave it to this day" ¹⁸.

In 1989, the UN International Law Commission again began work on a draft code of crimes against the peace and security of humankind. The initiators of the work were the countries of the Caribbean, in particular Trinidad and Tobago, as they urgently needed international assistance in the fight against drug trafficking, which was enormous in the region. Five years later, in 1994, the International Law Commission submitted to the UN General Assembly a report on the work done during the 46th session, which reflected the Draft Statute of the International Criminal Court, detailing the legal nature of the court, its relationship with the UN, applicable law, court proceedings. On December 17, 1996, the Preparatory Committee presented its report on the formation of the International Criminal Court, noting that it would be most appropriate to hold a diplomatic conference on the adoption of the Statute of the International Criminal Court in 1998. Over two years, the draft International Criminal Court has been repeatedly revised and revised. According to the results of the conference held in Rome, on its final day, July 17, 1998, the overwhelming majority of votes adopted the Rome Statute of the International Criminal Court. After the necessary number of sixty ratifications was exceeded on July 1, 2002, the Rome Statute entered into force.

The first who appealed to the International Criminal Court was the Ugandan government in January 2004. It was complaining about the activities of an anti-government rebel group in the north of the country. As a result of the preliminary investigation, the International Criminal Court issued arrest

warrants for four leaders of this anti-government group, namely Joseph Kony and his three associates, but they have not yet been detained.

A similar situation developed in the Democratic Republic of the Congo. There, also at the initiative of the government of this country, the International Criminal Court was investigating the actions of the leaders of various anti-government armed groups. At the same time, four out of five accused are at the disposal of the Court and the Court's first sentences in the history of the Court have already been handed down for Thomas Lubang Dyilo (conviction in July 2012), Mathieu Ngujolo Chui (acquittal in December 2012) and Jermen Katang (conviction in March 2014). With respect to Kallikst Mbarushiman, the Pre-Trial Chamber did not confirm the charges against him, and he was released in December 2011. Bosco Ntaganda voluntarily surrendered to the Court in March 2013, and in February 2014 the charges against him were confirmed.

The Government of the Central African Republic appealed to the International Criminal Court in December 2004. The Prosecutor of the Court launched an investigation in May 2007, and in November 2010 hearings began in the Trial Chamber on charges of Jean-Pierre Bembo Gombo. This case is of interest since, during its consideration, the International Criminal Court for the first time in its history used the powers granted to it by Art. 70 of the Rome Statute. According to it, the Court has the right to prosecute persons who have committed crimes against the administration of justice in it. In November 2013, warrants were issued for the arrest of five people, including J. – P. Bemba Gombo.

In 2012, the Government of Mali appealed to the International Criminal Court. A preliminary investigation was launched in January 2013; no specific charges have yet been brought. In this case, the most interesting fact is that in 2014, Barack Obama, who was then the president of the United States, made an official statement according to which the North American military personnel in Mali do not fall under the jurisdiction of the International Criminal Court in accordance with a special agreement that was concluded between Mali and the USA ¹⁹.

It is important to note, that common to all the above examples of the work of the International Criminal Court is that the states turned for help voluntarily and themselves needed cooperation, which means that there were no disputes about the jurisdiction of the court. A dispute over jurisdiction arose in a case against former Libyan leaders. In February 2011, the UN Security Council, in resolution No. 1970, instructed the International Criminal Court to examine the situation in Libya, and already in June of that year, the Pre-Trial Chamber issued arrest warrants for Muammar Gaddafi, who had already ousted the Libyan leader, his son Seif Al-Islam Gaddafi and Abdullah Al-Senussi on charges of crimes against humanity, committed from February 15 to 28, 2011 ²⁰. In November 2011, the case against Muammar Gaddafi was dismissed due to his death, and according to the new regime in Libya the other two defendants weren't transferred to the International Criminal Court.

Another interesting case before the International Criminal Court was the situation in the Sudanese region of Darfur. In March 2005, the UN Security Council, by its resolution No. 1593, instructed the International Criminal Court to investigate the situation in the Sudanese region of Darfur, where

there was an armed conflict between government forces and anti-government movements. As a result of the study of the situation, the Court issued arrest warrants for a number of persons, including the former Minister of the Interior of the Sudan, Ahmad Harun, and the head of the pro-government militia; Ali Kushaib, and then against the President of the Sudan, Omar al-Bashir. This case is noteworthy, because the UN Security Council for the first time exercised its right to instruct the International Criminal Court to consider a certain situation and in relation to a state, which is not a member of the Court. In this case, there was no dispute over jurisdiction, since the Government of the Sudan does not recognize the right of the International Criminal Court to exercise its functions on its territory; today, everyone, to whom were issued arrest warrants, remain at large ²¹.

The International Criminal Court is also examining situations in a number of other countries to decide whether there are grounds for initiating criminal cases. Of particular interest in this article are the situations in Afghanistan and Georgia, since the permanent members of the UN Security Council – the United States and Great Britain have relations with these situations and which troops, as well as the troops of other NATO countries, which are fighting against opposition forces in Afghanistan since 2001 and also the Russian Federation, which participated in the armed conflict with Georgia in 2008. Despite the fact, that the International Criminal Court has received hundreds of reports of various acts in two states, no criminal prosecutions have yet been initiated.

In conclusion, we can say, that the International Criminal Court quite harmoniously interacts with states in the framework of the fight against international crimes, however, for the most part, the Court does not intervene in situations, which are ambiguously assessed by the international community.

References

1. VOLEVODZ A.G., VOLEVODZ V. A. Historical and international legal prerequisites for the formation of the modern system of international criminal justice. – International Criminal Law and International Justice. 2008. No. 2.
2. VERLE G. Principles of international criminal law. Odessa-M. 2011.
3. MOYNIER G. Note sur la creation d'une institution judiciaire internationale propre a prevenir et a reprimer les infractions a la convention de Geneve, lue au comite international de secours aux militaires blesses dans sa seance du 3 janvier 1872. Revue. 1872.
4. KOVALEV A. A. From Nuremberg to the International Criminal Court (problems of international criminal jurisdiction). In: Russian Yearbook of International Law. SPb. 2007.
5. KAMAROVSKY L. A. About the international court. M. 1887.
6. MARUSIN I. S. International criminal justice institutions: the judiciary and legal proceedings. SPb. 2004.
7. Ibidem.
8. VERLE G. Op. cit.
9. Convention on the Establishment of an International Criminal Court for the Prosecution of Perpetrators of Terrorism of 11.16.1937 URL: http://legal.un.org/ilc/documentation/english/a_c_n4_15.pdf.
10. UN General Assembly Special Resolution 260 (III) of 9.12.1948 URL: [http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/RES/26Q\(III\)](http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/RES/26Q(III)).
11. VERLE G. Op. cit.

12. BOGUSH G. I. International Criminal Court and the problems of the formation of international criminal justice. In: International Criminal Court: problems, discussions, search for solutions. M. 2008.
13. PECHEGIN D. A. The Formation of International Criminal Justice: Background. – Bulletin of the Tambov University. Series: Humanities. 2014, No. 12.
14. VERLE G. Op. cit.
15. PECHEGIN D. A. Op. cit.
16. CASSESE A. International Criminal Law. Oxford. 2008.
17. HEBEL H., LAMMERS J., SCHUKKING J. Reflections on the International Criminal Court. Hague. 1999.
18. PECHEGIN D. A. Op. cit.
19. Van der WILT H. Bilateral agreements between the United States and states-parties to the Rome Statute: Are they compatible with the object and the purpose of the Statute? – Leiden journal of international law. 2005, No. 1, p. 93–111.
20. MARUSIN I. S. Differentiation of jurisdiction of the International Criminal Court and state judicial bodies. – Bulletin of St. Petersburg University. Series 14. Law. 2014, No. 4, p. 199–207
21. Ibidem.

История политических и гражданских прав женщин в Великобритании

М. Е. Жукова, Е. В. Майстрович, Е. В. Муратова,
А. В. Федякин

Аннотация. Становление и развитие прав женщин в Европе имеет длительную историю, различную внутри каждого из государств. Публикация посвящена изучению политических и гражданских прав женщин в Великобритании с момента принятия Habeas corpus акта и до сегодняшних дней. Авторами проводится рассмотрение имущественных, семейных и политических прав женщин в Великобритании в исторической ретроспективе. Авторы рассматривают развитие прав женщин и суфражистского движения на фоне политических событий, разворачивающихся в Великобритании и во всем мире.

Ключевые слова: права женщин, избирательное право, история прав женщин, права женщин в Великобритании, история прав женщин в Великобритании.

Abstract. The formation and development of women's rights in Europe has a long history, which is different within each of the states. The publication is devoted to the study of the political and civil rights of women in the UK from the moment of adoption of the Habeas corpus act to the present day. The authors conduct a historical review of women's property, family, and political rights in the UK. The authors consider the development of women's rights and the suffrage movement against the backdrop of political events unfolding in the UK and around the world.

Key words: women's rights, suffrage, history of women's rights, women's rights in the UK, history of women's rights in the UK.

In the middle of the 19th century, women's movements were gaining strength, and the demands of feminists in different countries began to take the

Жукова Мария Евгеньевна – ассистент ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов». E-mail: mzh.law@gmail.com; *Майстрович Елена Витальевна* – доцент АННИО «МИИГУ им. П. А. Столыпина», научный сотрудник ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов». E-mail: elena.maystrovich@yandex.ru; *Муратова Елена Владимировна* – кандидат юридических наук, старший преподаватель ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов». E-mail: muratova_ev@pfur.ru; *Федякин Алексей Владимирович* – доктор политических наук, профессор ФГАОУ ВО «Российский университет транспорта». E-mail: avf2010@yandex.ru.

Zhukova Maria Ye. – assistant at the RUDN University. E-mail: mzh.law@gmail.com; *Maystrovich Elena V.* – associate professor at the Stolypin International Institute of Informatization and Public Administration, researcher of the RUDN University. E-mail: elena.maystrovich@yandex.ru; *Muratova Elena V.* – PhD (Law), assistant at the RUDN University. E-mail: muratova_ev@pfur.ru; *Fedyakin Aleksey V.* – PhD (Political Sciences), professor at the Russian University of Transport. E-mail: avf2010@yandex.ru.

form of public campaigns and political actions. The feminist movement of the 1840s – 1920s was the first wave of feminism. First wave of feminism referred to a long period of feminist activity during the 19th century and early 20th century in the United Kingdom and the United States. Initially, it focused on promoting equal contractual and property rights for women and on counteracting marriage and the possession of married women (and their children) by their husbands. However, towards the end of the 19th century, activism focused mainly on gaining political power, especially women's suffrage. However, feminists, such as Volterin de Clare and Margaret Sanger still actively participated in the campaign to protect women's sexual, reproductive and economic rights. In 1854, Florence Nightingale established female nurses as military assistants ¹.

In the UK, suffragists campaigned for women to vote. In 1918, the Law on Representation of the People was passed, according to which women over 30, who owned houses, received the right to vote. In 1928, such practice was extended to all women over 21 years old ².

The emergence in several European countries, including the UK, during this period of independent women's organizations, requiring the independence of a woman and respect for her rights, was not accidental. The industrial revolution and democratic reforms required a revision of relations between various social groups, including between men and women. However, while men gradually gained civil and political freedoms, the legal status of women did not change, that is, liberal ideas of equality extended mainly to men ³. Such contradiction became more and more obvious. The UK Women's Rights Movement: the 18th century and subsequent years were a period of slow changes in the situation with women's rights in the UK. Enlightenment and the industrial revolution bring new thoughts about women's rights, but at that time women were not so worried about voting as the inability to divorce, to have property, as well as custody of their own children. However, as the number of single women increased during the 18th and 19th centuries, the issue of women's empowerment became prevailing. Researchers note, that the greatest development of the women's movement took place in Protestant countries with a prevailing liberal theory (mainly in the UK and the USA). O. N. Shmeleva, relying on the studies of historians Bonnie Anderson and Judith Zinsser, writes that the Protestant church, in contrast to the Catholic Church, which advocated the maintenance of traditional female roles, although it opposed feminism, nevertheless preached spiritual equality ⁴.

For example, the Quakers (members of an English Protestant sect of a radical trend) claimed, that women could apply for priestly positions. Such views made women doubt the traditional beliefs about their role. In addition, as noted by B. Anderson and J. Zinsser, women were more literate in Protestant countries ⁵. On the other hand, the basic principles of Western liberal doctrine were the beliefs, that society should ensure its members the freedom to realize their potential and, that a citizen is the bearer of inalienable rights. The leading trend of 19th century feminism was the liberal trend, the main idea of which was that "since women are the same rational creatures as men, they must have the same legal and political rights" ⁶. Liberal feminists demanded an end to the legal, economic, social dependence of women, and the granting of rights to education and creativity ⁷. The main ideologist of liberal feminism was the English philosopher, sociologist and economist John Stuart Mill, who can be

called a “feminist”, because he was one of the first to put forward the concept of “complete equality” of the sexes in the family and society. His main feminist work was the book “The Woman’s Subordination”, which he co-authored with his wife, Harriet Taylor in 1869, and he devoted it to prove theses on gender equality ⁸.

At the beginning of the 19th century, significant changes took place in the family law of Great Britain. The traditional style of family, where the woman did not have the right to divorce and property began to gradually change ⁹. In 1857, the Law on Family Relations was published, it consolidated the norms of statutory law contained in previously adopted acts of Parliament. In 1857 (The Divorce Act of 1857), divorce was legalized in family law, allowing, at the request of the husband or wife, to terminate the marriage, but the legal grounds for this differed between the spouses. So, for a wife, “simple adultery” of a husband could not be a legitimate reason for divorce, but a husband could demand a divorce in the case of “adultery committed by a wife after marriage” ¹⁰. The law allowed the dissolution of a marriage at the initiative of the wife only in the case of “qualified adultery” of the husband associated with bigamy, incest, ill-treatment or leaving the spouse without good reason for more than two years.

At the same time, the English legislation of the second half of the 19th century showed a tendency to gradually eliminate discriminatory norms regarding women’s property rights, which, in particular, can be explained by the growing influence of the suffrage movement on political and legal processes.

Then, Parliament adopted “The Married Women’s Property” Act of 1870, legislating a derogation from the principle of common property of spouses. The Act defined, that the money earned by the wife during the marriage by her labour as her separate property, which she could dispose of at her own. This norm was retroactive and applied to marriages concluded before 1870. The Act established, that the spouse may own movable property obtained by her right of legal inheritance or gift, worth not more than 200 pounds, she also received the right to personal use of income from real estate inherited by law ¹¹.

The next important step was the adoption of “The Married Women’s Property Act” of 1882, the norms of which established the right of a married woman to “acquire, hold and dispose of her personal property in accordance with her desire”, moreover, “separate” property now included not only her movable, but also immovable property, regardless of the time and method of its acquisition ¹². Thus, as she received the right to dispose of her “isolated” property, the married woman was recognized as fully capable in civil law relations, which can be considered the first step on the path to gender equality.

Also, it should be noted, that the UK had become one of the two countries, where legislative regulation of the conditions of female labour had been established ¹³. The legal policy of England to involve women in the manufacturing industry was systematic, which followed from an analysis of the statistical sources of that time and the laws adopted, which established the procedure for the use of female labour. However, it is important to understand, that it was not primarily about caring for women’s health or the desire to involve an increasing number of women in fair work, but about health problems and the need to increase fertility ¹⁴.

Returning to the political rights of women in the UK, it is worth saying, that women have traditionally been underrepresented in political institutions in the UK. Although, as already mentioned, women gained voting rights in 1918, they remained less than one in ten members of Parliament until 1997.

In 1990, the United Nations recognized, that the minimum percentage of women representatives required for the legislature to be considered to represent the interests of not only men but also women was thirty percent. Thirty percent was considered a “critical mass” of women in the institution, their presence in such numbers should affect the results of its work, practice and culture and ensure the normalization of the representation of women.

At the national level, in 1990, only four Western European countries had the required number, and Great Britain was not among them. By 2000, three more countries in Western Europe had crossed the 30 percent threshold, but Britain was still not among them. However, at the subnational level, the Scottish Parliament and the Welsh Assembly, created in the mid-90s, had the necessary mass of women members ¹⁵.

Since 1997, significant improvements have been achieved. The number of women in Parliaments has nearly doubled, and new institutions have been created with a high proportion of women members. These new institutions should also work in different directions, starting with new policy-making processes, that are more relevant to women and their problems. Political parties are making more and more efforts to ensure the representation of women, and the first women’s party is also being formed ¹⁶.

The UK shows a useful thematic example of a transition between countries. The representation of women is growing, and a new culture can develop at present.

The UK is also an example of a series of barriers to women’s wider representation and the way to overcome them. The long traditions and structure of political institutions show, that barriers to women’s participation were particularly high. Recent changes have occurred thanks to institutional reform, but mainly due to the positive actions taken by political parties after the long campaigns of women activists.

References

1. DURRHEIM M., C., K. Foucauldian feminism: The implication of govern mentality. – Journal for the Theory of Social Behavior. 2002, vol. 32, No. 1, p. 42–60.
2. ROCHELLE J. The feminist dialogue: Multidimensional identities and internal diversities. – Development. 2005, vol. 48, No. 2, June, p. 53–56.
3. KRYKOVA I. V. Suffrage as a Political Direction of Feminism. In: Analytics of Cultural Studies. 2009, p. 1–5
4. SHMELEVA O. N. Discursive analysis of feminist texts (Based on portrait essays of the German political feminist magazine «EMMA”): Dissertation of PhD (philology) sciences: 10.02.04. Astrakhan. 2006.
5. Ibidem.
6. BRYSON V. Political theory of feminism. M. 2001.
7. Gender aspects of political sociology. Textbook. M. 2004.
8. Introduction to gender studies. M. 2005.
9. FREDMAN S. Women and the Law. Oxford University Press. 1997, p. 429.

10. SHANLEY M. L. *Feminism, Marriage, and the Law in Victorian England. 1850–1895.* Princeton. 1989, p. 223.
11. Property rights of married women in England under the law of 1870. *Legal Bulletin.* November. Edition of the Moscow Law Society. Book 8. M. 1871, p. 39–46.
12. SMIRNOV E.R., POVAROVA A. E. Institute of marriage and the legal status of women in England in the XIX century. – *Bulletin of the Nizhny Novgorod University.* N. I. Lobachevsky. 2013, No. 3, p. 332–335.
13. FEDOROV A. Factory legislation of civilized states. On the work of minors and women in factories. St. Petersburg. 1884, p. 36.
14. VYASELYOV R. R. Legislative regulation of women’s labor in England in the 19th century. – *Bulletin of the Saratov State Law Academy.* 2013, No. 1, p. 31–34
15. ROULSTON C. *Inclusive Others: The Northern Ireland Women’s Coalition in the Peace Process.* – *Scottish Affairs,* 1999, No. 26.
16. WHITELEY P., SEYD P., RICHARDSON J. *True Blues: The Politics of Conservative Party Membership.* Oxford 1994.

О роли трудов Осмонаалы Сыдыкова в историографии Кыргызстана

М. Ч. Кожобеков, С. К. Мамбаева

Аннотация. Один из зачинателей киргизской истории О. Сыдыков обучался в мусульманских учреждениях и для своего времени считался достаточно образованным человеком. Значение трудов Сыдыкова для современной историографии является бесценным. Анализ произведений дореволюционного автора и сличение текстового материала поможет восстановить картину общественной жизни и понимания истории народом, а также реально воссоздать этапы становления исторической науки в Кыргызстане.

Ключевые слова: Осмонаалы Сыдыков, история, генеалогия, санжыра.

Abstract. O. Sydykov is one of the pioneers in the Kyrgyz history was educated in Muslim institutions and for his time he was considered as a fairly educated person. An analysis of the prerevolutionary works of the author and comparison with the text material will help to restore the picture of social life and understanding the history by people. And also to recreate more realistically the formation stages of the of historical science in Kyrgyzstan.

Key words: Osmonaly Sydykov, history, genealogy, sanjyra.

Осмонаалы Сыдыков является автором двух ценных книг: «Муктасар тарих-и Кыргызиа» и «Тарих-и кыргыз Шадмания». Первая книга была издана в Уфе в «Электро-типографии Товарищества «Каримов, Хусаинов и К°» в 1913 г., вторая – в «Электро-типографии Восточная печать» в Уфе в 1914 году. Взгляды на жизнь и творчество писателя менялись в зависимости от государственной политики. В советское время обвиненный в родственных связях с «врагом народа» выходец из «аристократической семьи», он был вынужден бежать в чужую страну, оставив на Родине малолетних детей и семью. Его труды были запрещены и хранились в особых папках Рукописного отдела Национальной академии наук Киргизии. Только в годы перестройки, в период возросшего интереса к неизвестным страницам истории киргизского народа началась вторая жизнь творчества

Кожобеков Муратбек Чалакеевич – кандидат исторических наук, доцент Кыргызско-Турецкого университета Манас. Бишкек. E-mail: muratbek.kojobekov@manas.edu.kg; *Мамбаева Салтанат Канатбековна* – кандидат филологических наук, доцент Кыргызско-Турецкого университета Манас. Бишкек. E-mail: saltanat.mambaeva@manas.edu.kg

Kozhobekov Muratbek Ch. – candidate of historical sciences, associate professor at the Kyrgyzstan-Turkey Manas University. E-mail: muratbek.kojobekov@manas.edu.kg; *Mambaeva Saltanat K.* – candidate of philological sciences, associate professor at the Kyrgyzstan-Turkey Manas University. E-mail: saltanat.mambaeva@manas.edu.kg

первого просветителя, и научная общественность получила возможность ознакомиться с трудами «запрещенного» автора.

В данной публикации мы постараемся найти ответ на вопрос: для кого писал свои произведения О. Сыдыков, и осветить содержание его произведений.

Использованные общенаучные традиционные методы позволяют провести системный анализ, конкретизировать факты и сделать обобщающие выводы. В качестве источников привлечены оригиналы произведений самого автора, переизданный вариант его книги, а также научные исследования и популярные публикации по данной теме.

В годы всеобщего интереса к национальным истокам среди «новооткрытых» представителей просветительства не случайно достойное место занял Осмонаалы Сыдыков. Вначале интерес вызвали неизвестные факты его биографии и значение научного наследия писателя. В 1990 г. Х. Карасаев перевел с арабской графики на кириллицу его книгу «Тарих-и кыргыз Шадмания», снабдив ее вступительной статьей и комментариями¹. Тем не менее, из-за отсутствия перевода труда «Муктасар тарих-и Кыргызия» у научного сообщества не было цельного представления как об авторе, который написал в течение двух лет две исторические книги, так и об их содержании. Хотя китайские ученые уже в 1986 г. издали оба произведения Сыдыкова, однако, из-за трудности чтения арабской графики², вторая книга была обделена вниманием киргизской историографии. Только в 2014 г. издательством «Турар» был выпущен сводный труд Сыдыкова со вступительной статьей и комментариями М. Ч. Кожобекова³.

Произведения Сыдыкова написаны «старотатарским литературным языком – сплавом чагатайского и татарского»⁴. Однако имеется и другая точка зрения: знаток старокыргызской письменности Х. К. Карасаев считает, что книги Сыдыкова написаны «исконно кыргызским языком», однако при подготовке к печати, без ведома автора, существенную корректуру внесли татарские редакторы, и поэтому язык книги стал «пестрым»⁵.

Сам Сыдыков по-разному обозначал цель написания своих произведений. В вводной части первой книги, например, сообщается, что она предназначена «... для кыргызов, чтобы другие народы знали о кыргызах»⁶, а «Тарих-и кыргыз Шадмания» составлена для восхваления Шабдан Жантаева, «... чтобы память Шабданбаатыра осталась потомкам»⁷. Одним из первых к изучению трудов Сыдыкова обратился китайский историк А. Байтур. Он придерживался мнения, что Сыдыков «... написал свои произведения, чтобы положить конец приписываемой лжи о происхождении кыргызов от сорока девушек»⁸.

В исторической литературе ошибочно принято считать, что «Муктасар тарих-и Кыргызия» переводится как «Краткая история кыргызов». Однако на самом деле Сыдыков словом «Кыргызия» обозначал не народ, а название страны. Как известно, суффикс «стан» восходит к индоевропейскому корню «stā» – «стоянка, земля» и на персидском языке означает «место стоянки, стойбище». В современном языке данный суффикс означает и «место» и «страна». Видимо, в то время для указания страны суффикс «стан» еще не использовался, поэтому автор применял другой суффикс – «иа». Так, например слово Россия он писал «Русийа», точно так же используя суффикс «иа»⁹. Поэтому труд Сыдыкова «Муктасар тарих-и

Кыргызия» следует переводить как «Краткая история страны кыргызов» или «Краткая история Кыргызстана».

Другая книга – «Тарих-и кыргыз Шадмания», по указанию самого автора, была посвящена Шабданбаатыру. Но, из-за искажения антропонима Шабдана Джантаева¹⁰ появилось непонятное для киргизов название «Шадмания». Писатель Ч. Омуралиев считал, что имя Шабдан было изменено на ласкательное «Шатман, Шатманым» (соответственно – радость, моя радость). Со слов писателя, имя Шабданбаатыра, в самом деле, могло звучать как «Шатман» и со временем поменялось на «Шабдан»¹¹.

Тюрколог Э. Р. Тенишев название второго труда автора восстановил как «Тарих-и кыргыз-и Шабдания» и перевел его так: «Шабдано-ва история киргизов». Возможно, было и так. Но если учесть тот факт, что уфимские «редакторы» «Электро-типографии Восточной печати» по своему усмотрению вносили не только текстовые изменения, но и исправили фамилию автора книги, согласно своим представлениям¹², то есть повод предположить, что в процессе читки рукописи название книги было изменено на татарский лад – «Шадман (иа)». Текстологическая сверка также подтверждает это. Например, на некоторых страницах имя Шабдан не было исправлено на Шадман¹³. Сам автор во ввводной части книги пишет: «... мы написали эту книгу на память в будущем об ажи Шабданбаатыре, а также для служения родным кыргызам, невзирая на усталость и на жаркие, холодные дни, добавили две фотографии Шабданбаатыра и нашу фотографию»¹⁴. Эти строки являются прямым доказательством того, что данный труд был посвящен Шабдан Джантаеву, который открыл медресе в родном селении, при котором и служил Осмонаалы Сыдыков.

Еще одним косвенным доказательством того, что «Тарих-и кыргыз Шадмания» посвящен Шабданбаатыру, является то, что значительную часть книги занимают сведения о данном герое¹⁵. Надо заметить, что Сыдыков в своих книгах ни одному персонажу не уделял такого внимания, как Шабдану Джантаеву. Кроме того, в своем труде «Муктасар тарих-и Кыргызия», он еще в 1913 г. указал, что напишет «длинную историю» о Шабданбаатыре¹⁶.

В предисловиях к обеим книгам отмечено, что для их написания автор собирал материал в течение 15 лет¹⁷. Исходя из этой информации, ученые по-разному оценивают начало исследовательской деятельности Сыдыкова. Например, А. Байтур, намекая на его поездку в 1901 г. в Китай, указывает, что написание труда «Кыргызия» начиналось в 1901 г. и завершилось после смерти полковника Чарросии (Царской России) Шабдана¹⁸. По мнению А. Койчиева, для будущей работы Сыдыков приступил к сбору информации в 1898–1899 годах¹⁹.

Сверив период становления творческого пути со временем получения писателем образования, можно сделать вывод, что указанный автором «15-летний сбор материала» начался в 1898 году²⁰.

Как менялся творческий подход автора, можно заметить, сравнив цели написания двух произведений. В ввводной части «Муктасар тарих-и Кыргызия» автор пишет: «Мы написали эту книгу для служения родным кыргызам и оставить наследие будущему поколению. У каждого народа есть (своя) история. Поскольку, у наших кыргызов не было человека,

написавшего историю, приписывали сказку-небылицу Шайхы Мансура, якобы кыргызы происходили от «сорока девушек». Надоевшим словам обманщиков-торговцев кожных изделий, в течение пятнадцати лет разыскав и проверив предков двухсот тысячных кыргызов, довел до Адама алейхисалама»²¹.

А в «Тарих-и кыргыз Шадмания» Сыдыков определяет методологическую направленность цели исследования так: «Как говорится, в каждом деле должен быть порядок (Ала хум фала хум – самое нужное, а потом еще нужнее) и по этому правилу должны двигаться. Самое главное нужно знать свой род, а затем других народов»²².

Несмотря на обучение только в мусульманских учреждениях, писатель для своего времени был достаточно образованным человеком²³. Возможно поэтому в методологическом подходе к изложению событий он отличался от религиозных деятелей. Для восточных авторов (Рашид ад-Дин и потом Абу-л-Гази) генеалогический подход изложения истории соответствовал библейской традиции. По канону жанра эпические герои рассматривались в срезе сопоставления с легендарными персонажами.

В свое время киргизская общественность ознакомилась с отрывками из книги «Муктасар тарих-и Кыргызия» и полным текстом «Тарих-и кыргыз Шадмания» благодаря переводу Карасаева. Ученый, уделив внимание языковой особенности, орфографии и содержанию книги «Муктасар тарих-и Кыргызия», считал, что «... она не историческая книга, а санжыра (родословие. – М.К., С.М.). В ней отражается разделение кыргызов на правое и левое крыло и разбирается их происхождение»²⁴.

Оценивая же труд «Тарих-и кыргыз Шадмания», он писал: «Конечно, информацию в книге нельзя считать научно обоснованной. В то время сделать это было невозможно. Автор использовал то, что услышал от народа, рассказы некоторых санжырачи (знатоков родословных. – М.К., С.М.), и то, что сам знал, изложил на бумаге. Для использования литературы то не было. Поэтому в данной работе есть и ошибки, и другие недочеты»²⁵.

Действительно, обе книги Сыдыкова написаны на родословной основе. Отрицать это невозможно. В то же время, в вводной части к трудам затрагиваются такие методологические понятия, как: что такое история, необходимость знания истории. Своё отношение к этой науке автор указал таким образом:

История дает знание о предках,
О двухсоттысячных домах кыргызов.
История, это знание о состоянии прошлого,
О положении святых отцов и дедов.
Приумножится ум, и мнение заострится,
Целиком, становясь другим человеком²⁶ (здесь и далее перевод наш).

Особо хочется отметить вклад Сыдыкова в изучение проблемы этногенеза киргизов. Автор был категорически против легенды о происхождении киргизов от «кырккыза»²⁷, т.е. сорока девушек, и участия в этом некоего «Мансура»²⁸. Со слов автора, этот факт и разные инсинуации по этому поводу послужили толчком к написанию «Муктасар тарих-и

Кыргызия». В условиях тотальной безграмотности населения взгляды автора были новаторскими. Естественно, в условиях историографического вакуума и нехватки академического образования Сыдыкову не позволяли развить эту мысль до логического умозаключения. Тем не менее, он попытался связать проблему происхождения киргизов с легендарным Огузом. Он считал, что одним из 24 внуков Огуза был киргиз, и двести тысяч семейных киргизов можно считать арабами²⁹. По мнению автора, название «кыргыз» в форме «арап», означает «степной человек»³⁰. По мнению Сыдыкова, некоторые также считали, что от слова «кыргыз» появился термин «кыргыз». Следует заметить, что в историографии этнонима «кыргыз» имеется аналогичная точка зрения. По мнению венгерского исследователя А. Вамбери, этноним «кыргыз» состоит из «кыр» – степь и «гез» – *kezmek*, что в конечном итоге означает «степные кочевники» (*Feldwanderer*)³¹. Хотя есть сомнение в знакомстве Сыдыкова с работой Вамбери, однако в то время такое мнение бытовало среди народов Средней Азии.

В «Муктасар тарих-и Кыргызия» встречаются ценные сведения, связанные с этнографической и политической терминологией киргизского народа. Например: «Берет гоулууларгаминденакча, көтөрмегесарт, ногой берекалса» (Отдаете же господам тысячи денег, если даст сарт, ногоец в кредит)³². Из этого отрывка можно получить сведения о социально-экономических отношениях, а также денежно-долговых обязательствах того периода. Термин «көтөрмө – көтөрүү» (поддержка) – устаревшее слово и в современном лексиконе не употребляется. Однако этот термин означал также «оказание помощи» внутри кровнородственных отношений. Помимо этого, данный термин можно рассматривать как вид кредита в его особой, кабальной, форме, когда должник через определенный срок обязан был с большим процентом уплатить кредитору скотом или сырьем³³. В современных условиях нехватки исторической терминологии киргизского языка необходимо внимательно присмотреться к наследию просветителей и ввести некоторые нужные термины в научный оборот, что, с одной стороны, обогатило бы терминологический запас, а с другой – стало бы данью уважения к их наследию.

Поскольку оба произведения являются родословной историей, в них можно найти уникальные сведения о происхождении киргизских родов и племен. Если в свое время ученые могли бы работать с теми материалами, которые оставил Сыдыков, результаты их изысканий несомненно, были бы еще лучше.

Естественно, объективной причиной «недооценки» наследия Сыдыкова является написание книг арабской графикой и, по словам Карасаева, на очень сложном, непонятном языке. Что касается идеологической составляющей, то «классово чуждый» характер трудов Сыдыкова был объявлен академическими изданиями «Истории Киргизской ССР». По определению историков, «до революции были попытки создания исторических трактатов в среде киргизской аристократии. Известна, например, книга О. Сыдыкова, в которой восхваляется роль господствующей верхушки – баев (богачей), манапов (представителей верхушки кыргызской феодально-родовой знати), а народные массы показаны безликой толпой»³⁴.

Если рассматривать произведения Сыдыкова не через призму «классового подхода», а методом объективной оценки, то можно установить, что эти обвинения были продиктованы идеологическими установками. По большому счету, «обвинители» даже не были хорошо знакомы с содержанием книг, и поэтому отношение Советской власти к личности Осмоналы Сыдыкова было перенесено на его произведения. Хотя на самом деле Сыдыков обличал чрезмерную эксплуатацию со стороны господствующей верхушки и ее реакционную роль:

Хитрость и жадность приумножается,
Благодеяние и честь теряется.
Манапы выуживают народ,
Жалкие богачи, отдавая им скот.
Горемычный бедняк батрачил,
Нынче кыргыз стал таким.
Безграмотность причина тому ³⁵.

Возможно, те «специалисты», которые голословно обвиняли Сыдыкова, не были знакомы с этими строками. Просветитель не оскорблял и не обделял вниманием народ, а, наоборот, призывал его получить образование и освоить ценности цивилизации:

Невежество бывает таким,
На голову беду накличет.
Взятку брали от манапов,
На голову мучения собрав ³⁶.

Сыдыков указывал, что путь к объективному общественно-политическому прогрессу связан только с познанием исторической науки. По мнению просветителя, благодаря научному и образовательному потенциалу страны Европы и Россия, освоив законы исторического развития, смогли продвинуться к прогрессу. Поэтому автор с нескрываемой завистью писал: «Смотрите на верховенствующую Русийу, наука и творчества лучшая в целом» ³⁷. Сыдыков с горечью замечал, что такие народы, как киргизы и казахи, оказались на обочине истории, находясь в болоте «в неведении и невежестве», не избавляясь от мелких ссор и разборок» ³⁸.

К великому сожалению, некоторые замечания просветителя не потеряли своей актуальности и в нынешней политической и общественной жизни страны. Например, он с тревогой писал о проведении нечестных выборов:

Появились эти выборы лет сорок назад,
Эти выборы и стали причиной бедности.
Опьяненный некто хотел стать бием ³⁹,
Став врагом другим желающим.
Еще другой выступит, забыли меня,
Если позволят, не стесняясь взятки получая.
Оспаривая за болушества ⁴⁰ деньги сдавая,
Увидишь, что идиоты за него горой станут.

Найдутся те, которые скажут, как от них отстану,
Если не так, то пять-десять денег то получу ⁴¹.

Сыдыков предвидел, что партийная принадлежность станет фактором риска и сыграет разрушительную роль в единстве народа:

Партийность давит уже,
С каждым годом усиливаясь все больше.
Хитрость и жадность приумножается,
Благодеение и честь теряется ⁴².

От присоединения Киргизии к России он интуитивно ждал изменений в обществе и желал, чтобы его народ не отстал и был готов к вызовам времени. Сыдыков видел этот путь через призму развития науки и образования.

Произведения Осмоналы Сыдыкова созданы на основе генеалогических данных и традиций устного изложения родословной истории. Состояние исторической науки того времени не позволило писателю создать произведения, отвечающие методологическим требованиям исторической науки. По мере возможности он собирал материалы там, где побывал, слушая информаторов.

В то же время, даже по меркам нынешнего состояния исторической науки, стремление Сыдыкова написать историю Кыргызстана и издать ее в далекой Уфе было историческим событием. Для народа, у которого не было опыта создания исторического произведения, тем более издательской деятельности, исполненный труд заслуживает самого пристального внимания и тщательного изучения в будущем.

Примечания

1. КАРАСАЕВ Х. К. Осмонаалы Сыдык уулу жөнүндө бир-эки сөз. В кн.: СЫДЫКОВ О. Тарих кыргыз Шадмания. Кыргыз санжырасы. Фрунзе. 1990, с. 3–7.
2. Молла Осмонаалы Сыдык. Муктасар тарихи Кыргызыйа. Үрүмчү. 1986, с. 23–85.
3. СЫДЫКОВ О. Ук. соч. 2014, с. 3–16.
4. ТЕНИШЕВ Э.Р. О киргизском литературном языке в донациональный период. – Вопросы языкознания. 1989, № 5, с. 34.
5. КАРАСАЕВ Х.К. «Муктасар тарих-и Кыргызия» жана анын түзүүчүсү. В кн.: СЫДЫКОВ ОСМОНААЛЫ. «Муктасар тарих-и Кыргызия», «Тарих-и кыргыз Шадмания». Бишкек. 2014, с. 167.
6. СЫДЫКОВ ОСМОНААЛЫ. «Муктасар тарих-и Кыргызия», «Тарих-и кыргыз Шадмания», с. 23.
7. Там же, с. 90.
8. БАЙТУР А. «Кыргызийа» жана «Шадмания» жөнүндө (баш сөз ордуна). В кн.: Молла Осмонаалы Сыдык, с. 5–23.
9. СЫДЫКОВ ОСМОНААЛЫ. «Муктасар тарих-и Кыргызия», «Тарих-и кыргыз Шадмания», с. 86.
10. Шабдан Джантаев (1939–1912) – видный государственный и военный деятель. За особый вклад в развитие российско-киргизских отношений в 1883 г. был пожалован в казачий чин войскового старшины, что соответствовало чину полковника.
11. ӨМҮРАЛИЕВ Ч. Алыскы замандаш же соңку сөз ордуна. В кн.: СЫДЫКОВ ОСМОНААЛЫ. «Муктасар тарих-и Кыргызия», «Тарих-и кыргыз Шадмания», с. 212–218.

12. Отца Осмонаалы звали Кыдык, следовательно, фамилия автора должна была быть Кыдыков.
13. СЫДЫКОВ ОСМОААЛЫ. «Муктасар тарих-и Кыргызия», «Тарих-и кыргыз Шадмания», с. 90, 107–108, 110, 114–124.
14. Там же, с. 90.
15. Там же, с. 107–125.
16. Там же, с. 46–47.
17. Там же, с. 28, 91.
18. БАЙТУР А. «Кыргызийа» жана «Шадмания» жөнүндө (баш сөз ордуна). В кн.: Молла Осмонаалы Сыдык, с. 6–7.
19. КОЙЧИЕВ А. Осмонаалы Сыдык уулу жана анын мурастары. – Мугалимдер газетасы. 1990. 16-март.
20. КОЖОБЕКОВ М. Ч. Осмонаалы Сыдык уулунун өмүр баянына айрым тактоолор. Kirgizistan-Türkiye Manas Üniversitesi. – Sosyal Bilimler Enstitüsü Dergisi. 2005, № 14, с. 22.
21. СЫДЫКОВ ОСМОААЛЫ. «Муктасар тарих-и Кыргызия», «Тарих-и кыргыз Шадмания», с. 18.
22. Там же, с. 91.
23. БАЙТУР А. «Кыргызийа» жана «Шадмания» жөнүндө (баш сөз ордуна). В кн.: Молла Осмонаалы Сыдык, с. 5–6; КАРАСАЕВ Х. К. Осмонаалы Сыдык уулу жөнүндө бир-эки сөз. В кн.: СЫДЫКОВ О. Тарих кыргыз Шадмания. Кыргыз санжырасы, с. 169; ДҮЙ-ШЕМБИЕВА Ж. Галия медресесинин изи менен. В кн.: СЫДЫКОВ ОСМОААЛЫ.. «Муктасар тарих-и Кыргызия», «Тарих-и кыргыз Шадмания», с. 245–248.
24. КАРАСАЕВ Х. К. Осмонаалы Сыдык уулу жөнүндө бир-эки сөз. В кн.: СЫДЫКОВ О. Тарих кыргыз Шадмания. Кыргыз санжырасы. Фрунзе. 1990, с. 166.
25. Там же, с. 184.
26. СЫДЫКОВ ОСМОААЛЫ. «Муктасар тарих-и Кыргызия», «Тарих-и кыргыз Шадмания», с. 23.
27. Легенда о 40 девушках впервые встречается в китайском источнике «Юань ши». По сообщению источника, «40 девушек земли Хань вступили в брачный союз с мужчинами Усы. По этому значению (сорок) и назвали свои земли». Юань ши. Материалы по истории кыргызов и Кыргызстана. Бишкек. 2003, с. 53–59. Аналогичную версию, но позже, рассказали и мусульманские авторы. По сообщению анонимного автора «Шаджарат ал-атрак» (XV–XVI вв.), «... во время поражения из народа моголов сорок девушек бежали в одном направлении и тридцать юношей бежали в другом направлении. От потомков тех сорока девушек произошли кыргызы, а от потомков тридцати юношей отузугуль». Шаджарат ал-атрак. Рукописный фонд Национальной академии наук Кыргызской Республики, инв. № 629 (5176).
28. Шейх Мансур аль Халладж – выдающиеся суфий, религиозные убеждения которого сформировались во время учебы у Сахла ат-Тустари. Аль-Халладж со своими учениками в 897 г. прибыл в Восточный Туркестан и пробыл там в течении четырех лет. По мнению В. В. Бартольда, шейхи и дервиши с успехом распространяли свое учение среди кочевых народов. БАРТОЛЬД В. В. Улугбек и его время. Т. II. Соч. 2. М. 1964, с. 25–198. По мнению мусульманских авторов, он стал говорить о себе: «Я–бог» (ана-л-хакк). За внесенный раскол в религиозное учение был приговорен к смерти в 922 году [19]. Согласно сообщению аль Бируни, аль-Халладж получил тысячу ударов бичом, потом ему отрезали руки, ноги и отсекали голову. Тело, побрызгав нефтью, сожгли, а пепел бросили в Тигр. БИРУНИ А. Избранные произведения. Т. 1. Ташкент. 1957. Аналогичная трактовка происхождения киргизского народа содержится в народной легенде. ВИННИКОВ Я. Р. Родо-племенной состав и расселение киргизов на территории Южной Киргизии. Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции. Т. 1. М. 1956, с. 136–181.
29. СЫДЫКОВ ОСМОААЛЫ. «Муктасар тарих-и Кыргызия», «Тарих-и кыргыз Шадмания», с. 33.
30. Там же, с. 10.
31. ВАМБЕРИ А. Путешествие по Средней Азии. М. 2003.
32. СЫДЫКОВ ОСМОААЛЫ. «Муктасар тарих-и Кыргызия», «Тарих-и кыргыз Шадмания», с. 27.

33. ЮДАХИН К. К. Киргизско-русский словарь. Фрунзе. 1985.
34. В академическом издании название первой книги и год издания второй книги ошибочно указаны, соответственно: «Муктаситарихи Кыргызия» («Краткая история киргизов») и «История Шабданова». Казань. 1915. См.: История Киргизской ССР. Т. 1. Фрунзе. 1968, с 18.
35. СЫДЫКОВ ОСМОНААЛЫ. «Муктасар тарих-и Кыргызия», «Тарих-и кыргыз Шадмания», с. 83–84.
36. Там же, с. 85–86.
37. Там же, с. 87.
38. Там же, с. 81, 83–84, 87.
39. Бий – выборная должность в дореволюционном Кыргызстане.
40. Волость, на киргизский лад была изменена на «болуш».
41. СЫДЫКОВ ОСМОНААЛЫ. «Муктасар тарих-и Кыргызия», «Тарих-и кыргыз Шадмания», с. 26.
42. Там же, с. 83.

Политика России в Дагестане в конце XVI – первой четверти XVIII в.

Б. Г. Алиев, А. О. Муртазаев

Аннотация. В публикации освещается дагестанский вектор кавказской политики России в конце XVI – первой четверти XVIII в., анализируются тактика, методы и меры по привлечению дагестанских феодальных владетелей в подданство Российского государства. Характеризуется деятельность российских властей на Кавказе, в частности в Дагестане, ее трансформация в зависимости от внешнеполитической обстановки в регионе: от активных военно-политических акций (походов) в конце XVI – начале XVII в. до перехода к политико-дипломатическим и экономическим средствам усиления своего влияния в XVII в. и закрепления полного военного и политического господства над регионом в первой четверти XVIII века.

Ключевые слова: Дагестан, Россия, Турция, Иран, Хворостинин Бутурлин, шамхал, феодальные владетели, Пётр I, принятие в подданство.

Abstract. The publication highlights the Dagestan vector of the Caucasian policy of Russia at the end of the XVI – the first quarter of the XVIII century, analyzes: tactics, methods, measures to attract Dagestan feudal lords into the citizenship of the Russian state. The activity of the Russian authorities in the Caucasus, in particular in Dagestan, its transformation depending on the foreign policy situation in the region: from active military and political actions (campaigns) in the late XVI – early XVII is characterized, before the transition to political, diplomatic, and economic means of strengthening its influence in the XVII century. and consolidation of full military and political domination over the region in the first quarter of the XVIII century.

Key words: Dagestan, Russia, Turkey, Iran, Khvorostinin Buturlin. Shamkhal, feudal lords, Peter I, acceptance into citizenship.

Россию всегда интересовал Дагестан как в политическом, так и в экономическом плане. Еще в конце XVI – начале XVII в. была сделана попытка

Алиев Багомед Гадаевич – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН. Махачкала. E-mail: arslist777@mail.ru; *Муртазаев Арсен Омарович* – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН. Махачкала. E-mail: arslist777@mail.ru.

Aliev Bagomed G. – doctor of historical sciences, professor, chief researcher at the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Dagestan Scientific Centre. RAS. Makhachkala. E-mail: arslist777@mail.ru; *Murtazaev Arsen O.* – candidate of historical sciences, senior researcher at the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Dagestan Scientific Centre. RAS. Makhachkala. E-mail: arslist777@mail.ru.

ка закрепиться в этом районе с помощью военных акций, завершившихся неудачей. Планам России противостояла Турция, также стремившаяся к господству в Дагестане. На стороне России выступала Персия, обещавшая за союз против Турции уступить Баку, Дербент и Кахетию ¹. Россия, в 1556 г. присоединив Астрахань и получив, таким образом, выход к Каспийскому морю, понимала, что если Турция займет Дагестан, это создаст угрозу ее юго-восточным границам. В 1559 г. Турция и ее постоянный союзник – крымский хан – организовали поход 80-тысячной армии к Астрахани ².

В 1590 г. завершилась длившаяся многие годы борьба между Ираном и Турцией. Согласно мирному договору, заключенному между ними, под власть султана перешло почти все Закавказье. Турция приняла ряд мер к укреплению Гянджи, Баку, Шемахи, Дербента и др. городов, где располагались турецкие гарнизоны. Выйдя к берегам Каспийского моря, она спешно стала создавать свой флот с тем, чтобы продолжить проникновение в Дагестан и на Северный Кавказ.

К этому времени относится и междоусобная борьба между шамхалом и крым-шамхалом, которая подогрелась Турцией. Враждующие стороны пытались использовать силы соседних феодальных владетелей: крым-шамхал обратился за помощью к России, а Турция покровительствовала шамхалу. Все это не могло не сказаться на политике России в отношении Дагестана, влиять на который без военного вмешательства она не могла. К тому же появился повод – обращение за помощью крым-шамхала. На шамхала жаловались также кабардинские князья и грузинский царь.

Россия, «чтобы опередить распространение влияния Турции на весь Дагестан», попыталась «подчинить себе приморскую часть Северного Дагестана, в частности шамхальство» ³. Для этого в Дагестан в 1590–1591 гг. были направлены воевода Г. Засекин и князь П. М. Шаховский с войсками. Как было объявлено, целью похода являлось приведение под царскую руку шамхала, который ориентировался на Турцию. Царские войска из Терского города направились в Эндирей, захватили его и после кровопролитного боя сожгли. Как отмечается в источнике, воевода Засекин «со своею ратью... шевкала князя воевали и город шевкала взяли Ондреевской» ⁴. Тогда же был восстановлен Сунженский острог у впадения Сунжи в Терек ⁵.

Но шамхал не отказался от протурецкой политики. Засекину не удалось подавить его сопротивление. Да и царь Кахетии Александр был недоволен действиями России. Таким образом, желаемых результатов достичь не удалось. Новый поход возглавил князь А. И. Хворостинин. Закрепившись на берегах Койсу, он приказал построить крепость, где «сел с ратными людьми воевода князь В. Д. Долгорукий». Затем были заняты Эндирей и Тарки. Чтобы закрепиться в Тарках, было решено возле них построить крепость, но «град поставить» не удалось ⁶. Сыновья шамхала Чубана, собрав ополчение, как писал А. К. Бакиханов, «из черкесов, кумыков и дагестанцев, воспрепятствовали этому» ⁷. Русские войска были вытеснены из Тарков и изгнаны из пределов шамхальства, потеряв до 3 тыс. стрельцов ⁸. Это поражение царских войск «почти на десять лет нейтрализовало политику самодержавия в Дагестане», хотя Россия про-

должала «... сохранять за собой стратегические пункты в бассейнах рек Терек и Койсу»⁹.

И, конечно, после поражения отряда Хворостинина Россия была вынуждена поменять свою тактику – ей «пришлось довольствоваться переговорами с владельцами Дагестана, попытками договориться с ними»¹⁰. Лишь в начале XVII в. Россия опять стала на путь силового подчинения Дагестана. Воспользовавшись занятостью Ирана и Турции возобновившейся в 1603 г. войной между ними, царское правительство решило сделать еще одну попытку утвердиться на плоскостной части территории шамхальства.

Весной 1604 г. Борис Годунов отправил в Дагестан около 10 тыс. стрельцов под командованием воевод И. М. Бутурлина и О. С. Плещеева. К 10 тыс. стрельцов присоединились терские казаки, а также ногайские мурзы. Русские войска, «не встретив сопротивления»¹¹, заняли Эндирей и Тёплые воды, заложили крепость на Тузлуке. Шамхал бежал в горы. Русские вошли в Тарки и сразу же приступили к строительству укрепления, назвав его Новым городом¹². Однако была допущена ошибка. Как писал Н. М. Карамзин, придя в Дагестан, они «пленили людей в селениях, брали хлеб, отгоняли табуны и стада»¹³. Все это не могло не вызвать недовольство дагестанцев, выступивших против завоевателей. Объединенные отряды эндиреевского Султан-Мута, объединившего, как писал А. – К. Бакиханов, 13 тыс. чел., шамхала, крым-шамхала, даргинцев и аварского хана, всего численностью более 20 тыс. чел.¹⁴, атаковали отряды Бутурлина после выхода из Тарков и разбили их. Из 10 тыс. стрельцов 7 тыс. погибли, в том числе сам Бутурлин и его сын¹⁵. Об участии отмеченных народов и владельцев Дагестана в бою против стрельцов, посланных Борисом Годуновым, говорилось в сообщении Бутурлина в Москву: «... как приходили шефкалова дети, собравшись со всеми кумыцкими и горскими людьми всех земель на государевых людей, которые шли назад на Терку из Тарков, и бой был весь день»¹⁶.

После этого поражения, как писал М. – С. К. Умаханов, «царское правительство в дальнейшем изменило тактику борьбы за влияние в Дагестане. Оно после рассмотренных событий более 118 лет¹⁷ не совершало военных акций в отношении Дагестана, а стало на путь привлечения его владельцев на свою сторону разного рода торгово-экономическими привилегиями»¹⁸.

В начале XVII в. контакты между Россией и Дагестаном продолжались, о чем говорят, в том числе, отправка в Москву послов и принятие многими феодальными владельцами Дагестана подданства России¹⁹. С 1614 по 1642 г. только в Москву прибыло около 20 посольств из Дагестана²⁰. Царское правительство поощряло феодальных владельцев, снижая или отменяя таможенные пошлины, устанавливая жалованье, посылая им различные подарки, заступаясь за них перед персидскими шахами и т.д. Это способствовало усилению его влияния в Дагестане, и уже в первой половине XVII в. в подданство России вошли кумыцкие владельцы Гирей, Султан-Мут, эндиреевский Казаналип, кафыр-кумухский Багомет, эрпелинский Будачеев, карабудагский Сурхай, казикумухский Алибек, аварский Махти, кайтагский уцмий Рустам-хан, аварский нуцал и многие другие²¹.

В эти годы расширилась торговля Дагестана с Россией. Как писал В. Г. Гаджиев, «развитие торгово-экономических связей укрепляло ориентацию Дагестана на Россию, способствовало сближению народов Дагестана с русским народом»²², что, конечно, шло вразрез с интересами Турции и Ирана, стремившихся помешать этому процессу. В 1722 г. началась русско-турецкая война²³, неудачно завершившаяся для России, после чего Турция стала проводить активную завоевательную политику на Кавказе.

Россия не могла относиться к этому безразлично. Именно в эти годы посланный на Северный Кавказ кабардинец по происхождению Бекович-Черкасский писал в донесении Петру I, что не добившись успеха в Кабарде, турецкие посланцы или агенты прибыли к «владельным князьям кумыцким и шавкалам, дабы преклонить их томожде обещая им много, и некоторых из них преклонили к своему желанию через дачу..., а паче всего они (эmissары Турции. – Б.А., А.М.) желают, дабы всех тех народов соединить даже до персидской границы, и тако особливо край тот в волю свою привести и подданными учинить». И если Турции удастся подчинить народы Дагестана, то при возникновении войны они «могут не малую силу показать, понеже оный народ лучше к войне кроме регулярного войска». Поэтому, чтобы «онный народ не допустить под руку турецкую, но паче привести под власть свою, то надлежит, не пропуская времени, о том стараться, а когда уже турки их под себя утверждать, тогда уже будет поздно и весьма невозможно». А привести в подданство России, продолжал далее Бекович-Черкасский, не будет никакой трудности «понеже этот народ вольный», и с давних времен шамхалы и другие владельцы находились в подданстве России «и детей своих в манаты давали»²⁴.

Посланцы Петра I, такие как А. П. Волынский, капитан А. Баскаков, Ф. И. Саймонов, изучали военно-политическое и экономическое положение, природные ресурсы, Каспийское море и обстановку в крае. В эти годы происходило восстание народов Северного Азербайджана и Южного Дагестана против Сефевидского Ирана. Как писал участник Каспийского похода Петра I майор И-Г. Гербер, на призыв одного из главарей восставших – казикумухского Сурхая – присоединиться к ним, «все куралинцы, курей, дагистанцы, лезгины и прочие из гор к ним пристали и с начала всю Ширванскую и Кубу раззорили, потом пошли оные к Шемахе,... силою ворвались, хана и всех людей высоких чинов побили и других обитателей... порубили, город ограбили, раззорили и великое богатство их онаго взяли»²⁵. Среди ограбленных были и русские купцы. Как писал в донесении Петру I Волынский, «купцы, которые в.в. были оные обнадеживаемы, что их грабить не будут, но потом ввечеру и к ним в гостинный двор напали..., иных порубили..., а товары все разграбили, которых было около 5000000 (в том числе у одного М. Евреина на 170000 руб. персидскою монетою)»²⁶.

За событиями, происходившими в Северном Азербайджане, внимательно следили не только Россия, но также Иран и Турция. Последняя хотела принять «в свою протекцию... Дауд-бека и Сурхая»²⁷. Иран предложил Турции совместно выступить против них, но Турция отказалась, мотивируя это тем, что они единоверцы – сунниты²⁸. Более того, Турция,

пользуясь «замешательствами в Персии, готова была к себе присовокупить» владения на Кавказе²⁹. В. Г. Гаджиев писал: «Хорошо осведомленный в делах Кавказа Волынский, опасаясь турецкого вмешательства, советовал Петру I начать военные действия и присоединить к России прикаспийские провинции Кавказа»³⁰.

Учитывая сложившуюся обстановку на Кавказе и планы Турции, как отмечал Гаджиев, «дальновидный Пётр I заявил: «Нам крайне нужда будет берега по Каспийскому морю овладеть понеже... турок тут допустить нам невозможно»»³¹. Так заявил Пётр I правительству Ирана, одновременно дав инструкцию резиденту в Константинополе потребовать от Турции отказа от притязаний на Грузию и Азербайджан.

Поводом к выступлению России явилось ограбление русских купцов при взятии г. Шемахи отрядами Дауд-бека и Сурхая. Для похода была сформирована 46-тысячная армия. К весне 1722 г. построили 47 парусных и более 400 гребных судов. Летом русские войска направились морем и сушей вдоль западного побережья Каспийского моря³².

Перед выступлением русских войск на юг 15 июля 1722 г. был обнародован манифест на «татарском, турецком и персидском» языках. Для его распространения в Дагестан и Азербайджан были отправлены дворянин А. Лопухин, полковник Наумов, поручики Лунин и Чеботарёв. Население извещалось о том, что поход предпринимается для наказания «возмутителей и бунтовщиков», поднявшихся против шаха и ограбивших в Шемахе русских купцов. Населению же гарантировалась безопасность»³³. «Но не это было основной причиной похода. Шемахинские события использовались Петром I лишь в качестве повода для начала военных действий. В действительности же целью похода было присоединение к России важных для нее в экономическом и политическом отношении прикаспийских провинций Кавказа»³⁴.

Весть о начале похода Петра I «вызвала сильную тревогу в правящих кругах Турции»³⁵. Страна начала готовиться к войне, о чем сообщал русский резидент в Константинополе Неклюев, доносивший: «Здесь великое приготовление к войне. Посылают беспрепятственно и амуницию, и артиллерию в Азов и Арзрум. И во всю Азию указы посланы, чтобы войско собиралось»³⁶. В другом рапорте Неклюева говорилось об угрозе Дагестану. В частности, он писал, что турецкие войска стягиваются к Эрзеруму, и эрзерумскому паше приказано «маршировать с тем войском в Дагестанскую землю»³⁷. Еще в одном сообщении Неклюев отмечал, что Турция «принимает в свое подданство Дауд-хана и хочет сначала овладеть персидскою Грузиею, а потом вытеснить русские войска из Дагестана»³⁸. Участник Каспийского похода Петра I майор Гербер писал об этом: «Как в 1722 году российская армия к Ширване приближалась, то Даудбек и Зурхай, боясь, что им русским противиться невозможно будет, то и поддались турецкому владению, которое от турков с лезгинцами и с другими бунтовщиками в протекцию приняты. Хаджи-Дауд был подтвержден (назначен. – *Б.А., А.М.*) ханом ширванским, и ему Шамаха была означена для пребывания»³⁹. Таким образом, Хаджи-Дауд стал властелином всего Дагестана и Ширвана, о чем 10 февраля 1722 г. было официально объявлено русскому послу Неклюеву. Это способствовало возникновению неприязненных отношений между Сурхай-ханом и Турцией.

27 июля 1722 г. русские войска высадились в Аграханском заливе. Коннице и пешим, идущим «сухим путем», оказал сопротивление лишь эндириевский владетель, который ждал «российского мщения» за то, что в 1721 г. причинил много вреда «окольным городам Терки». Другие кумыкские феодальные владетели – князья Костека и Аксая, а также шамхал Адиль-Гирей – выразили покорность. Более того, шамхал передал Петру I 600 быков, запряженных в телеги, и 150 – на пополнение провианта, а также трех персидских лошадей. А аксаевский владетель выделил 6 лошадей и 100 быков на содержание войска⁴⁰. На пути следования русские войска снабжались водой и фуражом и 12 августа дошли «до стоянки на приготовленном шамхалом месте, недалеко от Тарков»⁴¹.

Через три дня, 15 августа, русские войска двинулись к Дербенту. Султан Утамышский попытался оказать сопротивление Петру I, но был разбит. 23 августа русские войска под предводительством Петра I без боя вступили в Дербент. «Наиб сего города, – писал Пётр I в Сенат, – встретил нас и ключи поднес от ворот. Правда, что сим люди нелицемерно любовью приняли и так нам были рабы, как бы своих из осады выручили»⁴². Но главное, почему и поднят вопрос о походе Петра I в Прикаспие, – к нему стали обращаться феодальные владетели с изъявлением покорности и просьбами принять их в подданство России. Так, уцмий Кайтага и Султан-Махмуд, которые выступили против него во время прохождения в Дербент русских войска, «со всеми старшинами отдались в подданство России» и по обычаю того времени «представили аманатов». Уцмию было назначено жалованье в 2 тыс. руб., и он обязался составлять отряд по требованию русского начальства. Тогда же владетель Бойнака и «кадий Табасаранский Рустем-бек и сайсум Махмуд-бек... подчинились дербентскому коменданту»⁴³. В сентябре 1722 г. «за верные свои услуги грамотой Петра I был признан Адиль-Гирей шамхалом и было объявлено, что передано ему полную силу и власть владеть всеми землями и местами, и жилищами владения Солтан-Магмута утемышского»⁴⁴. Кроме того, шамхалу было установлено жалованье и выданы подарки⁴⁵.

Пётр I имел намерение продолжить поход. Однако из-за внезапно возникших затруднений с продовольствием и снаряжением, вызванных крушением у Аграханского залива двух эскадр, а также ростом заболеваемости среди солдат и падежом лошадей, на военном совете 29 сентября было решено приостановить поход, а большую часть войска вернуть в Россию.

Оставив гарнизон в Дербенте и ретраншементах на Рубасе, Бойнаке, Тарках, Пётр I с оставшимися силами вернулся в Аграхань. Отношения России и Турции еще больше обострились. И все же войну, казавшуюся неизбежной, удалось предотвратить благодаря заключенному в Константинополе в июле 1724 г. договору, согласно которому Россия и Турция разделили территорию Кавказа на сферы влияния⁴⁶. По этому договору, за Россией закреплялись прикаспийские провинции Дагестана и Азербайджана. Эта была прибрежная полоса шириной 119 верст у Дербента и 43 версты от Шемахи⁴⁷. Остальная территория Дагестана, Азербайджана, а также Грузии и Армении отошла к Турции.

Сурхай не признал условия Константинопольского договора 1724 года. Турция стремилась склонить его на свою сторону, но безуспешно.

но, так как в свое время она сделала владетелем Шемахи Хаджи-Дауда. Хотела сделать его своим сторонником и Россия. Однако тот «выжидал, какая из сторон предложит ему более выгодные условия»⁴⁸. В результате, он обратился «... к русскому правительству с просьбой о принятии его в подданство со всеми владениями»⁴⁹. Однако Россия ответила отказом, а Турция, недовольная Хаджи-Даудом, в 1727 г. предложила Сурхаю чин двухбунчужного паши и жалованье в 3 тыс. рублей. Это склонило его на сторону Турции. Затем он стал ханом Шемахи, а Хаджи-Дауд был арестован и сослан на остров Кипр, где и умер.

Турция не отказалась от антирусской политики и после заключения Константинопольского договора. Она и ее ставленники в Ширване пытались всеми возможными средствами подчинить своей власти народы Восточного Кавказа. А Россия тем временем, стремясь закрепить в присоединенных землях, заложила ряд крепостей и ретраншементов. К 1724 г. было завершено строительство крепости Святого Креста. Шамхал Адиль-Гирей, так радушно встретивший Петра I, с обидой воспринял возведение в его владениях крепости. К тому же и турки «его подогревали, чтоб он российскую партию оставил, их покровительству», обещая «против России сильною рукою охранять и оборонять»⁵⁰. Адиль-Гирея поддерживали отдельные феодальные владетели и горные общества, и все они, собрав большое ополчение, осадили крепость Святого Креста, но были разбиты. Адиль-Гирея арестовали и сослали в Архангельскую область, где он позднее скончался⁵¹.

А феодальные владетели и руководители союзов сельских общин продолжали переходить в подданство России. Дав в аманаты сына, «российской империи поддался и присягу учинил» Султан утемышский, «с сыновьями и всеми старшинами от уездов присягу учинил и аманатов дал уцмий Кайтага, купно с ним» присягал старшина Кубачи. В подданство России вступили акушинцы и владетели Табасарана⁵². Присягали на верность России также «дургелинский, кубденский» владетели, «владелец буднацкий» – племянник шамхала, приехавший в русский лагерь со своими узденями⁵³, и т.д.

Турция ревностно и со злобой смотрела на происходившее в Дагестане. Она со своими вассалами даже после установления в 1727 г. русско-турецкой границы не перестала вести антирусскую пропаганду, пытаясь инсценировать выступления горцев против России. Но усилия Порты оказались безуспешными. «Как дагестанские, так и горские владельцы, – доносил кн. Долгорукий, – без противности себя показывают»⁵⁴. Даже те народы Дагестана, которые по Константинопольскому договору отходили к Турции, не признавали себя ее подданными. Как писал Гербер, «оные... с турецкой стороны в покое оставлены могут быть, понеже силою их в подданство привести труд не заплитится, не почитая убытку»⁵⁵.

Однако Россия в Дагестане была недолго. Приход к власти в Иране Надир-шаха прервал присутствие России в этом районе. Согласно Гянджинскому мирному договору, заключенному 21 марта 1735 г., Россия отказывалась в пользу Ирана от территорий Дагестана, которые перешли под ее владение по Константинопольскому договору с Турцией в 1724 году.

Дальнейший этап политики России в Дагестане – это особый период в истории их взаимоотношений, который требует отдельного изучения.

Примечания

Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках поддержанного проекта № 16–31–01067 /17-ОГОН «Интеграция Дагестана с Россией. Конец XVI – первая половина XIX в.».

1. Российский государственный архив древних актов (РГАДА), ф. 77. Сношения России с Персией. 1588–1593 гг., д. 1, л. 188; СМЕРНОВ Н. А. Россия и Турция в XVI–XVII вв. Т. 1. М. 1946, с. 3.
2. Путешествия русских послов XVI–XVIII вв. Статейный список. М. – Л. 1954, с. 64–85; Архив Маркса и Энгельса. Т. VIII. М. 1946, с. 164.
3. УМАХАНОВ М. – С. К. Взаимоотношения феодальных владений и освободительная борьба народов Дагестана в XVII веке. М. 1973, с. 121.
4. БЕЛОКУРОВ С. А. Сношения России с Кавказом. Материалы из Московского главного архива Министерства иностранных дел. Вып. I. М. 1889, с. 251–252.
5. КУШЕВА Е. И. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI–XVII вв. М. 1963, с. 276; Очерки истории Дагестана. Махачкала. Т. 1. 1957, с. 131.
6. БЕЛОКУРОВ С. А. Ук. соч., с. 253.
7. БАКИХАНОВ А. – К. Гюлистан-Ирам. Баку. 1926, с. 251–252.
8. ПОТТО В. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. СПб. 1887, с. 12.
9. УМАХАНОВ М. – С. К. Ук. соч., с. 128.
10. Там же, с. 128–129; История Дагестана. Т. 1. М. 1967, с. 286.
11. ПОТТО В. Кавказ до Петра. СПб. 1896, с. 3.
12. БЕЛОКУРОВ С. А. Ук. соч., с. СХ; КАРАМЗИН Н. М. История государства Российского. Т. XI. СПб. 1892, кн. III, с. 367.
13. КАРАМЗИН Н. М. Ук. соч., т. XI, с. 37; БЕЛОКУРОВ С. А. Ук. соч., с. 180.
14. БАКИХАНОВ А. – К. Ук. соч., с. 89; МАРШАЕВ Р. Г. Казикумухское шамхальство в русско-турецких отношениях во второй половине XVI – начале XVII вв. В кн.: Ученые записки Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР (УЗ ИИЯЛ ДФ АН СССР). Махачкала. 1963, с. 157; Кавказский Календарь на 1851 г. Тифлис. 1850, отд. II, с. 44; ПОТТО В. Ук. соч., с. 12.
15. СОЛОВЬЁВ С. М. История России с древнейших времен. Т. 8. М. 1960, кн. IV, с. 374; БЕЛОКУРОВ С. А. Ук. соч., с. СХ; ЛАВРОВ Л. И. Тарки до XVIII в. В кн.: УЗ ИИЯЛ ДФ АН СССР. Махачкала. Т. IV. 1958, с. 18–20.
16. БЕЛОКУРОВ С. А. Ук. соч., с. 480.
17. КАРАМЗИН Н. М. Ук. соч., т. XI, с. 43; ПОТТО В. Ук. соч., с. 14.
18. УМАХАНОВ М. – С. К. Ук. соч., с. 136.
19. БЕЛОКУРОВ С. А. Ук. соч., с. 530–531, 533, 536–537; Русско-дагестанские отношения..., с. 89–91, 94–96, 117–131, 138; РГАДА, ф. Кайтагские дела. 1635 г., л. 52; ф. 21. Кумыкские дела. 1635 г., л. 34; 1637 г., л. 76.
20. ГАДЖИЕВ В. Г. Роль России в истории Дагестана. М. 1968, с. 88.
21. Там же.
22. Там же.
23. ПСЗ, т. V, № 2815; Русско-дагестанские отношения..., с. 223–225; Русский вестник. Т. 68. СПб. 1867, с. 558–559; ГАДЖИЕВ В. Г. Ук. соч., с. 103.
24. ПСЗ, т. V, № 2815; Русско-дагестанские отношения..., с. 223–225; Русский вестник. Т. 68. СПб. 1867, с. 558–559; ГАДЖИЕВ В. Г. Ук. соч., с. 103.
25. ГЕРБЕР И. – Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728 г. В кн.: История, география и этнография Дагестана. (ИГЭД). XVIII–XIX вв. М. 1958, с. 95.
26. РГАДА, ф. Кабинет Петра I. 2 отд. Кн. 54, л. 645–646; СОЛОВЬЁВ С. М. Ук. соч. Т. XVI–XX. СПб. 1901, кн. IV, с. 671; ГАДЖИЕВ В. Г. Ук. соч., с. 107.

27. Архив внешней политики России (АВПР), ф. Сношения России с Турцией 1722 г., д. 4, л. 41; ГАДЖИЕВ В. Г. Ук. соч., с. 109.
28. Там же.
29. Там же.
30. РГАДА, ф. Кабинет Петра I. 2 отд., кн. 54, л. 645–646; ЛЫСЦОВ В. П. Персидский поход Петра I. 1722–1723. М. 1951, с. 114; МУРТАЗАЕВ А. О. Противостояние уцмий Ахмед-хана политике Петра I в Дагестане в период Каспийского похода. В кн.: Материалы Международной научной конференции «Кавказ и Ближний Восток: от Петра I до распада державы Надир-шаха». Махачкала. 2012, с. 198–204.
31. Очерки истории СССР. XVIII в., первая четверть. Т. VIII. М. 1957, с. 606.
32. История СССР. Первая серия. Т. I–II. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. М. 1967, с. 339.
33. Полный текст манифеста Петра I. В кн.: Русско-дагестанские отношения. XVII – первая четверть XVIII в. Махачкала. 1958, с. 244–246.
34. ГАДЖИЕВ В. Г. Ук. соч., с. 110; История Дагестана. Т. 1. М. 1967, с. 346.
35. Там же.
36. АВПР, ф. Сношения России с Турцией. 1722 г., д. 6, ч. 1, л. 139; ГАДЖИЕВ В. Г. Ук. соч., с. 111.
37. Очерки истории СССР. XVIII в., первая четверть, с. 606.
38. АВПР, ф. Сношения России с Турцией. 1722 г., д. 6, ч. 1, л. 468; ГАДЖИЕВ В. Г. Ук. соч., с. 111.
39. ГЕРБЕР И. – Г. Ук. соч., с. 95.
40. БУТКОВ П. Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. СПб. 1869, ч. 1, с. 21.
41. Там же, с. 23.
42. СОЛОВЬЁВ С. М. Ук. соч., т. XVI–XX, кн. 4, с. 677; КАСПАРИ. Покоренный Кавказ. Владикавказ. 1901, с. 83.
43. Центральный государственный архив Республики Дагестан, ф. 150, оп. 1, д. 18, л. 8.
44. АВПР, ф. Сношения России с Персией. 1722, д. 17, л. 133; ГАДЖИЕВ В. Г. Ук. соч., с. 113.
45. Там же, л. 123–126; Русско-дагестанские отношения..., с. 267.
46. Полный текст Константинопольского договора см.: ПСЗ, т. VII, № 4531, с. 303–309.
47. История Дагестана, т. 1, с. 349–350.
48. Там же, с. 350.
49. НЕВЕРОВСКИЙ А. Краткий исторический взгляд на Северный и Средний Дагестан до уничтожения влияния лезгинов на Закавказье. СПб. 1848, с. 21.
50. ГЕРБЕР И. – Г. Ук. соч., с. 72.
51. БУТКОВ П. Г. Ук. соч., ч. 1, с. 81–82; Шамхалы Тарковские. В кн.: Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис. 1868, вып. 1, с. 59.
52. ГЕРБЕР И. – Г. Ук. соч., с. 74–75, 83, 102; БУТКОВ П. Г. Ук. соч., ч. 1, с. 83.
53. Дагестан в известиях русских и западно-европейских авторов XIII–XVIII вв. Махачкала. 1992, с. 179, 181.
54. СОЛОВЬЁВ С. М. Ук. соч., кн. IV, т. XVI, с. 989.
55. ГЕРБЕР И. – Г. Ук. соч., с. 78.

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

DOI: 10.31166/VoprosyIstorii201911Statyi21 УДК 930

Литературная репутация и творчество писателя А. Я. Яшина (исторический контекст)

А. С. Столетова

Аннотация. В публикации на основе впервые вводимых в научный оборот архивных и опубликованных в периодической печати источников освещается место писателя А. Я. Яшина в культуре XX века. Особое внимание уделяется периоду 1960-х гг., связанных с кардинальной социальной трансформацией деревенской бытности, повлекшей образование в российском обществе новых черт мировосприятия и миропонимания. Исследование проявлений уровня самоидентификации прозаика и отождествление его личности с сельским социумом позволяет автору сформировать точку зрения на изменения, происходившие в литературе, официальной государственной идеологии и книгоиздании, а также в процессах регулирования пропагандистской работы писателей; на появление возможности «рисовать» сельскую жизнь противоречиво, в ключе, не совпадавшем с общепринятыми взглядами.

Ключевые слова: культура, художественная литература, писатель, социалистический реализм, деревенская проза, идеологическая кампания, литературная репутация, А. Я. Яшин.

Abstract. The publication on the basis of the first introduced into scientific circulation archival and published in the periodical press sources highlights the issue of establishing the role of the writer A. Ya. Yashin in the culture of the XX century. In this context, special attention is paid to the period of the 1960s, associated with the radical social transformation of rural life, which led to the formation in Russian society of new features of worldview and worldview. The study of the manifestations of the level of self-identification of the prose writer and identification of his personality with the rural society allows the author to form a point of view on the changes taking place in literature, official state ideology and book publishing, as well as the processes of regulating the propaganda work of writers, the emergence of the opportunity to «draw» rural life is contradictory, in a manner inconsistent with the generally accepted views.

Key words: culture, fiction, writer, socialist realism, village prose, ideological campaign, literary reputation, A. Ya. Yashin.

Александр Яковлевич Яшин (1913–1968) – писатель-вологжанин, литературный авторитет которого в контексте осмысления вопроса драматической судьбы крестьянства и становления художественного направления «деревенская проза» на современном историческом этапе весьма высок, незыблем и неоспорим. Оформление литературного статуса прозаика произошло во время его непосредственного участия в основании отделений Союза писателей в Архангельске и Вологде

(1935, 1961 гг.). Автор приложил немало усилий для расширения писательского поля Русского Севера и обозначения данного региона на литературной карте страны. «Я считаю своей особой поэтической удачей, что таким моим любимым местом на земле оказался Север, Вологодская и Архангельская области. Здесь много своеобразия в производственной жизни людей, в их быте и языке. Через свой родной Север мне легче было почувствовать мощь нашей великой Родины и ее великого русского народа», – признавался литератор ¹.

Взлет литературной популярности А. Я. Яшина, как крупного советского поэта, относится к началу 1950-х гг., когда за поэму «Алена Фомина» автор был удостоен Сталинской премии. Вторую половину 1950-х – первую половину 1960-х гг. можно обозначить как время, связанное с кардинальным искажением его образа как борца за светлое коммунистическое будущее. В этот период фигура Яшина характеризовалась термином «очернитель» советской действительности. Со второй половины 1960-х гг. начался восстановительный период в процессе признания художественного мастерства и наследия прозаика. С 1970-х гг. и по сей день имя Яшина стоит в ряду выдающихся писателей-деревенщиков, изучены и продемонстрированы литературные особенности его творчества, проанализированы важнейшие заслуги в организаторской деятельности. За скобками исследовательского поля остаются вопросы модификации мировоззрения литератора, мотивов написания многих дискуссионных очерков, идентификации источниковедческого материала, заключенного в произведениях. Данный труд является усилием по устранению названных недостатков и сопряжен с изысканиями по проблеме наиболее полемичного, как принято считать в литературоведении, творческого периода жизни писателя. Отметим, что репутация Александра Яшина складывалась под воздействием множества факторов и, в первую очередь, критики и идеологических кампаний, инспирированных властью. Анализ общественного восприятия инициатив очеркиста, обзор панорамы режима публичности, рассмотрение доминантного вектора читательского горизонта составляют концепцию настоящего исследования.

В качестве источников привлечены воспоминания современников и самого писателя о его творческой деятельности. Научный интерес представляют данные периодической печати о формировании литературного статуса Яшина и всей вологодской литературной школы. Большую научную ценность имеет эпистолярное наследие, извлеченное из архивных фондов Государственного архива Вологодской области (ГА ВО) и Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ). Документы личного характера информируют о событиях в художественной среде и цензурном режиме анализируемого периода.

Столетова Анна Сергеевна – кандидат исторических наук, доцент Института истории и филологии ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет». E-mail: Stoletowa-A-S@yandex.ru.

Stoletova Anna S. – candidate of historical sciences, associate professor at the Institute of History and Philology of the FGBOU VO «Vologda State University». E-mail: Stoletowa-A-S@yandex.ru.

Методологически работа основывается на применении социокультурного и системного подходов, обусловивших формирование целостного, интегрального взгляда на сеть литературных институтов (печатные и цензурные органы, Союз писателей, его отделения и др.), их представителей и читателей, а также определение связей между ними.

О литературной судьбе Яшина рассказывают книги А. А. Павлова², А. И. Разуваловой³, под редакцией С. А. Тихомирова⁴. Данное исследование – попытка совокупного междисциплинарного освещения процессов, повлиявших на формирование литературной репутации А. Я. Яшина и изучение феномена ее нерушимой стойкости в контексте неиссякаемого интереса к личности и творчеству автора.

Всестороннее изучение инициатив прозаика Яшина невозможно без рассмотрения вопроса, связанного с воплощением писательского таланта в конкретных сюжетах книг и творческих замыслах. В данной связи представляется убедительным анализ наиболее дискуссионных очерков. В 1950 г. поэт в письме к критику В. В. Гуре, рассказывая о своей жизни, утверждал: «Творческие условия созданы для нас такие, что только не ленись, работай, и если ты честный советский человек, преданный своему народу и партии, то все к тебе придет – и добрая слава, и ордена, и звание лауреата Сталинской премии. Радостно сознавать, что мы простые люди, дети крестьян, рабочих, возглавляем все передовое и прогрессивное человечество. Значит мы не такие уж «простые». Подумаешь обо всем этом и в душе начинает звучать песня о нашем Сталине и сердце преломляется любовью к нему»⁵. С течением времени в данных взглядах и воодушевленных чувствах появился некий надлом. Уже на Всесоюзном съезде писателей в 1954 г. Яшин с тревогой говорил о сложностях жизни послевоенной деревни, о недоделках и запущенности в колхозах северных и центральных областей России⁶. С середины 1950-х гг. Яшин начал писать в некотором роде сенсационные произведения о русской деревне, шедшие вразрез с официальной позицией государственной власти. В определенный момент писатель ясно почувствовал, что Сталинская премия была дана ему не за художественное мастерство и правду жизни, а за сокрытие этой правды. «Ложь во спасение – смерть для души», – считал он⁷.

Еще в 1954 г. Яшин предложил «Новому миру» текст, в котором ставился вопрос о кризисе коммунизма. Рассказ был отклонен, а автору посоветовали сжечь или хорошо спрятать рукопись⁸. В марте 1956 г. произведение под наименованием «Рычаги» все-таки было издано. В письме Гуре от того же года литератор сообщал: «Рад, что вы работаете все более активно и последовательно. Во втором номере «Литературной Москвы» идут «Рычаги». Начинаю понемногу оживать и я»⁹.

Написанное накануне XX съезда партии повествование стало прозаическим дебютом поэта, в котором автор сообщал о том, какова реальная деревенская жизнь и как сильно она отличается от указаний ЦК КПСС. Более половины данного издания занимал откровенный разговор о проблемах колхозной жизни, о том, что мешает людям вести хозяйство с умом, с учетом многовекового крестьянского опыта. Сюжет рассказа был взят из существовавшей действительности: партийная организация колхоза собирается на свое очередное собрание, где обсуждение вопро-

сов повестки дня ведется казенным языком, формально и так, как угодно представителю райкома, который считает коммунистов не людьми, имеющими свои собственные мнения, а рычагами райкома. Произведение произвело впечатление разорвавшейся бомбы и вызвало изумление, негодование, восхищение, яростный огонь критики. Оно было признано клеветническим, порочащим советский строй. Диспуты прошли по всей стране. На пленуме Московского отделения Союза Советских писателей царил обстановка лжи. Писатель Т. Семушкин, встретив Яшина до рассмотрения произведения, восклицал: «Саша! Молодец! Смело написал», а во время дискуссии обвинял: «Яшин сгустил краски, много взял черной. Яшин не помогает нам строить светлое будущее. Его «Рычаги» – злобная клевета на партию»¹⁰.

Стойко перенося нападки, Яшин был воодушевлен иными творческими идеалами. Примером может послужить описание обсуждения в ЦДЛ (Центральный дом литераторов) романа В. Д. Дудинцева «Не хлебом единым». В разговоре о событиях октября 1956 г. с Гуре Яшин отмечал: «Это был триумф, рождение новой литературы – боевой и живой. Улица перед ЦДЛ была загружена народом. Работала милиция, подкрепления вызывались отрядами по 10–20 соловьев-разбойников. Многие даже с билетами не смогли попасть в клуб. С трудом пробрался сам автор. Конвой провел сквозь толпу Симонова и председательствовавшего на вечере Вс. Иванова. Вот как народ ждал право литературы на подлинное погружение в жизнь. Я чуть не плакал от радости»¹¹.

13 мая 1957 г. на совещании писателей в ЦК КПСС выступил Н. С. Хрущёв. Защищая «лакировщиков», он высказался следующим образом: «Нельзя, чтобы в Москве разводилась гниль... Драться надо... С теми, кто делает антипартийные дела, сделайте то, что коммунисты должны сделать»¹². В декабре 1962 г. секретарь ЦК Л. Ф. Ильичёв попытался оправдать партию и опровергнуть тезисы о том, что политическая организация не поддерживает произведения критической направленности. Неблагонадежных лиц, утверждающих обратное, он обвинил в том, что они стали сходить с принципиальных позиций социалистического реализма, в результате чего из-под их пера выходят антисоветские человеконенавистнические произведения¹³. В «Рычагах» Ильичёв обнаружил не только «предательство», но и «бред душевнобольного»¹⁴.

В сельской местности дискуссии о рассказе проводились в правлениях колхозов. Собрания шли как обычно: формально, для райкома, для галочки. На обсуждениях – единогласие, в кулуарах – критика всех и вся. Как позже предполагал А. В. Никитин, негативная реакция на публикацию была связана с тем, что «“Рычаги” – это не миниатюра из деревенской жизни, а больной и полнокровный символ действительности»¹⁵.

Авторскую линию продолжила «Вологодская свадьба». Произведение было написано в 1962 г. в деревне Скочково Вологодской области, куда писатель приехал на свадьбу своей двоюродной сестры Нины. Прозаик запечатлел характер деревенской жизни, колхозный уклад, описал, как проходят северные свадьбы, как своеобразно переплетается на этих сельских колхозных праздниках новое и старое. Выход «Вологодской свадьбы» в свет в № 12 журнала «Новый мир» за декабрь 1962 г. стал

большим событием не только в литературной, но и в общественной жизни России. О произведении высказывались полярные суждения, давались далеко не однозначные оценки. Одни отвергали подход писателя к изображению жизни и требовали показа благолепных картин. Другие не понимали, как это можно о своей родине, о своих земляках писать столь открыто. По словам А. Павлова, повесть сразу же стала знаменитой: ее с большим интересом читали в деревнях и городах рядовые читатели, а профессиональные критики изощрялись в «избиении» автора ¹⁶.

Размышляя о развитии литературы, 23 ноября 1962 г. Яшин записал в дневнике: «Вчера прочитал «Один день Ивана Денисовича» Солженицына. Резонанс может быть сильный, страшный во всем мире. Прогрыш или выигрыш для нашей системы? Одно: такие вещи спокойно не читаются». 22 января 1963 г. литератор упомянул, что «прочитал в № 1 «Нового мира» два рассказа Солженицына. Слава Богу: Русская литература жива. Будет жить и Россия» ¹⁷. Пока писатель беспокоился о коллеге, против него самого была подготовлена кампания литературной «осады».

Откровенный разговор литератора, его тревога за судьбу родного края, желание способствовать повороту деревни к лучшей жизни и в материальном и в духовном плане вызвали бурю негодования в ЦК партии. В январе-феврале 1963 г. развернулась травля Яшина, было инициировано идеологическое давление с целью разрушить его репутацию. Проводились читательские конференции и организовывались так называемые «письма читателей».

Повели свое наступление и московские критики. По команде из ЦК КПСС и заданию ЦК ВЛКСМ в январе 1963 г. в Вологду прибыл журналист Петерсон с особым указанием: заклеить писателя устами его земляков и открыть, таким образом, дорогу столичным центральным журналам. Подготовленным заранее людям были даны наставления. Однако обесславить Яшина не удалось. В его защиту выступили студент пединститута В. Крюков, преподаватель этого же института Г. В. Тропина, поэт А. Романов ¹⁸. Крюков, в частности, рассказал о недостатках села: «Молодым специалистам нужно смелее ехать на работу в глушь, помогать быстрее искоренять отрицательные явления. В некоторых деревнях нет еще радио и электричества. Об этом свидетельствуют факты, приведенные в межрайонной газете «Знамя коммунизма». Тропина утверждала, что «А. Яшин изобразил то, как новое побеждает старое». Поэт Романов заключал: «Нам нужно бороться с тем, что осталось от прошлого и Яшин помогает нам в этом». Однако большинство выступавших на конференции не согласилось с подобными мнениями. Секретарь комитета ВЛКСМ Вологодского пединститута В. Козлова подчеркнула, что «своей «свадьбой» Яшин очернил не только Вологодскую область, но и весь Советский Союз». «Герои очерка – подонки, жулики, пьяницы...», – вторил ей П. И. Петухов. «Не такая у нас молодежь, как изображает Яшин!» – заявил В. Казунин. Подводя итоги совещания, первый секретарь обкома ВЛКСМ В. Н. Кукушкин обозначил «серьезный шаг назад в идейных позициях автора», выделил недвусмысленные фразы: «Вступил в члены – терпи», «люди обременены семилетним и восьмилетним образованием» и выразил надежду, что писатель

в своем дальнейшем творчестве пойдет по реалистичному пути показа советской действительности¹⁹.

По мнению В. Старковой, Москва гудела от публикации «Вологодской свадьбы», Вологда кипела от негодования, Ленинград – от удивления, на дискуссиях «кричали ради своей карьеры». К. Коничев телеграфировал: «Питер потрясен Яшинской правдой»²⁰.

В начале 1960-х гг. прошла череда конференций-порицаний в районах Вологодской области. Важнейшим фактором и механизмом формирования литературного статуса писателя выступила критическая заданность периодической печати. В прессе публиковались такие статьи, как: «Открытое письмо главному редактору «Нового мира» А. Т. Твардовскому от студента Вологодского пединститута А. Берсенева»²¹, «Нет, не прав Яшин!»²², «Вы смотрите через темные очки, товарищ Яшин», «Свадьба с дегтем»²³, в которых выражалось несогласие с представленным писателем обликом Никольского района. Как отмечал Д. Шеваров, газета гвоздила Яшина высказываниями: «Как могла подняться у вас рука?», «Вы черните даже то, что принес в деревню колхозный строй», «Свадьбу играют как в старину», «В райкомовской машине Вы везете сваху с иконой», «Вы не скрываете восторженного отношения к старинным обрядам». В действительности писатель рассказал о деревне пьющей, замордованной нищетой и директивами, но живой, хранящей в душе традиции²⁴. Важно отметить, что текст «писем» составлялся в Москве, в этом впоследствии признались некоторые из земляков Яшина. Так, под статьей «Свадьба с дегтем» было поставлено 6 подписей и добавлены слова: «Всего 43 подписи». Как выяснилось позднее, число «43» отражало количество присутствовавших в зале Никольской районной библиотеки имени Г. Н. Потанина, где состоялось обсуждение «Вологодской свадьбы». Впоследствии пенсионер А. Гомзижов отмечал, что письмо не подписывал и, более того, предлагал провести обсуждение этого произведения во всех колхозах и лесопунктах с тем, чтобы лечить социальные болезни²⁵.

Ни «Новому миру», ни Яшину не удалось ответить на материалы, направленные против «Вологодской свадьбы», хотя, казалось бы, они предполагали и требовали ответа. В то же время Твардовский нашел возможность защитить повесть и ее автора в газете «Правда» в интервью, которое он дал американскому корреспонденту Шапиро²⁶.

Следует отметить и профессиональных критиков, таких как Н. Сергованцев, Г. Бровман, А. Дымшиц²⁷, выполнивших данное им задание. Их статьи и рецензии в столичных журналах формировали репутацию писателя как «дегтемаза, уничтожающего собственную деревню». В марте 1963 г. не состоялись юбилей прозаика, творческий вечер и посвященная ему передача по радио²⁸. Закрылись двери издательств, редакций, поведение Яшина обсуждалось на партсобраниях. Писатель, безусловно, сильно переживал. «И столько белых пятен на карте жизни, когда опускались руки. Я ничего не делал. Годы пропали – словно в лагерях...», – гласит его запись, свидетельствующая об идеологическом давлении²⁹.

Позиция государственной власти, связанная с отрицанием творчества Яшина, формирующееся мнение о враждебном настрое автора,

несомненно, наносили удар по его литературной репутации. Однако убежденность в своей правоте заставляла прозаика отображать развитие русской деревни реалистично. «Всегда пишите правду о крестьянине. Нельзя желать добра мужику, умалчивая о недостатках в сельском хозяйстве», – призывал писатель³⁰. В данной связи большой интерес представляет коллективное сообщение от сельского схода колхоза «Родина» деревни Блудново Пермасского сельского совета Никольского района от 15 ноября 1963 г., адресованное редакции газеты «Комсомольская правда» и имеющее 57 подписей. «Мы считаем, что выдержки Вологодской свадьбы справедливы. В деревне не было кино больше года. Не имеем лампочки Ильича, сидим с керосиновыми лампами наполовину даже без стекол, поскольку в магазине они бывают редко. Свадьба правда происходила по старому обычаю. Лапти есть у нас и поныне», – писали земляки Яшина. Для писателя это разоблачение имело особое значение, он признавался, что впервые крестьяне принимали участие в литературных делах, иные же «открытые письма» содержали искажения³¹.

А. Романов, рассуждая о свободе творчества, вспоминал не только инициативы Яшина, но и деятельность Ф. Абрамова, Н. Рубцова. Вологодский поэт утверждал, что они не согнулись, остались личностями и крупными русскими писателями не благодаря диктатуре, а вопреки ей³². Решительность Яшина поддержали и другие литераторы. Например, в декабре 1965 г. в Доме творчества в Малеевке был проведен семинар молодых очеркистов, где прозвучало: «О деревне надо писать со смелостью В. Овечкина и А. Яшина. В проблемы села влезайте до самых корней, до глубины. Только это может хорошо помочь аграрнику в устранении трудностей и помех в развитии экономики и быта». Участник семинара А. Сушинов вспоминал, как Г. Радов рассказал ему, что работал над статьей в защиту «Вологодской свадьбы», но не располагал цифрами и фактами по социально-культурному развитию вологодского села. Будущий член Союза журналистов переслал ему данные факты. Вскоре большая статья известного советского публициста, направленная в защиту творчества Яшина, появилась в «Журналисте».

Спустя время «Вологодская свадьба» стала включаться в книги Александра Яковлевича³³. Начиная с 1973 г. в критических очерках и статьях повесть единодушно определялась как произведение высокохудожественное. После «реабилитации» автора в районных учреждениях культуры появились стенды о писателе, сложилась своеобразная «мода» на Яшина³⁴.

Достоинство произведений писателя состоит в том, что он продемонстрировал, как русское село испытало на себе коренные потрясения: молодежь бросала землю, уезжала на производство, в ветхих избах оставались одинокие старики. Впервые в литературе тех лет были задеты наиболее болезненные проблемы: неумелое руководство и пагубность очковтирательства, пьянство и бездорожье. Таким образом, Яшин в своем творчестве тяготел к показу действительной картины развития деревни, он соперничал, стремился служить людям. «Люд как люд, очень живой, болеющий не за свой тын и палисад, а за государственный лес да колхозный лен, за свое советское хозяйство», – отмечал А. Павлов³⁵. Прозаик не мыслил своей работы в отрыве от народа. На вопрос николь-

ской районной газеты о перспективах, открывающихся перед писателями по итогам XXIII съезда КПСС, он с надеждой отвечал: «Как и все советские писатели, рассчитываю на большие животворные перемены нашей жизни»³⁶.

Необходимо признать, что повесть «Вологодская свадьба» – свидетельство не только трансформации сознания ее автора, но и нравственного обновления значительной части общества. «В тридцатилетнем возрасте я стал думающим читателем. Толчок к этому своей «Свадьбой» дал А. Яшин», – с искренней благодарностью вспоминал А. Павлов³⁷. Яшин стал примером для многих своих коллег и соратников, повлиял на качественное переосмысление концепции художественного повествования. Его знаменитая строка – «Спешите делать добрые дела!» – была не просто обращением, а сутью его отношения к людям и миру. Конечно, данный призыв услышали далеко не все.

В контексте поднятой темы важно рассмотреть проблему восприятия публикаций Яшина в обществе, среди его коллег и рядовых читателей. В оценках не было полного единодушия. Отдельные писатели называли его рассказы «антисоветскими» и отворачивались от него. Немногие решились сказать правду. «Автор “Рычагов” навсегда останется в русской литературе, те рычаги кое-что повернули», – отмечал А. Солженицын³⁸. Е. Евтушенко подчеркивал, что «Рычаги» – это выступление в защиту попранного русского крестьянства³⁹.

Поддержка единомышленников не заглушила боль поэта. Груз времени был выражен в стихотворении «Показуха» 1956 г., имеющем и другое название: «Слезы из глаз». Со слезами в сердце поэт говорил о том, какими бы ему хотелось видеть колхозы и каких он не видел. В письме К. Коничеву Яшин писал: «В 1956 г. мне было очень тяжело. Мне бы хотелось, чтобы все вы, мои товарищи, знающие деревню, смогли сказать, что никакого вреда, злого умысла, своим землякам я не хотел и не хочу. И я ничего не выдумывал и не обобщал»⁴⁰. Тем не менее, оправдание Яшина устроило отнюдь не всех. Часть земляков прозаика, как утверждает А. Смолин, вполне искренне считала, что «Вологодской свадьбой» писатель «ославил» их на всю страну, одновременно подтверждая, что в современный период единомышленники признают значение поэзии и достижения Яшина⁴¹.

И все же преимущественно общественность встретила появление «Вологодской свадьбы» с интересом. Классик русской поэзии В. Костров подчеркивал, что Яшин писал в сложное советское время правду, сотрясающую основу политического тоталитаризма. Пример писателя, его смелости, непримиримости в борьбе может заткнуть всех диссидентов своими жестко-правдивыми, но не клеветническими рассказами и стихами⁴². Огромной поддержкой в те дни для Яшина стала заметка, опубликованная в «Литературной России» от 29 марта 1963 года. «Мы часто пользуемся выражением «сын народа». А. Яшин – подлинный талантливый сын нашего Севера, участник братства простых трудовых людей, и в этом – его сила», – писал К. Паустовский⁴³. И. Белозерцев отозвался о яшинском слове, как одном из востребованных после революционных бурь 1990-х гг., упомянув, что Солженицын называл имя Яшина в ряду предтеч грядущих изменений в жизни общества⁴⁴.

Нельзя не сказать о том, что произведения Яшина вызывали огромный интерес среди местных жителей. Прототипы «Вологодской свадьбы» жили в трех деревнях: в Скочкове, Вырыпаеве, Теребаеве. Все они подтверждали, что видели Яшина на мероприятии, и отзывались о нем положительно⁴⁵. Несмотря на критику, «Вологодская свадьба» оказала сильнейшее влияние на литературное сообщество и творческую общественность, раскрыла талант и показала гражданскую позицию автора. Писатель, размышляя над проблематикой произведений, связанной с трудностями в преобразовании деревни и верой в светлое будущее, подверг себя своеобразной перестройке, которая соизмерялась с критериями совести. Он увидел и показал ломку традиционного жизненного уклада, связанного с сельским социумом. Это являлось обязательством и целью жизни Яшина.

Резюмируя сказанное, отметим, что в культурном пространстве Русского Севера и страны в целом фигура Яшина занимает одну из важнейших, стержневых позиций. Изображение в художественном произведении социальной реальности середины XX в. отражало уровень общественного самосознания писателя, отличный от бытовавшего партийного. Безусловно, демонстрация «свадьбы» как некоего среза жизни в деревне являлась актуальным запросом времени. Именно этот обряд аккумулировал характеры людей, обнажал бытность сельской общности, показывал потребность и нужность преобразований. Яшин выступил личностью, осознающей необходимость грядущих перемен. Исторический контекст накладывал на литературную репутацию писателя, как автора откровенного, сильного духом, стремящегося к писательской свободе, ратовавшего за свой народ, испытывавшего большую любовь к нему, в середине 1950-х – второй половине 1960-х гг. особые тяготы. Одним из ключевых факторов формирования литературного авторитета Яшина стала жизненная позиция прозаика, послужившая примером для многих литераторов, отходящих в своем художественном творчестве от идейных позиций социалистического реализма в сторону критического осмысления картин жизни и представляющих сюжеты своих очерков в полемично-реалистичном ключе. В результате появилось множество произведений, вошедших в золотой фонд отечественной литературы XX века. Важно отметить, что запущенный механизм в форме идеологической кампании критики и стратегия власти не смогли исказить вектор литературного процесса, изменить читательское отношение к автору и ограничить его роль в писательском поле российского общества. Воззрения и принципы Александра Яковлевича снискали уважение передовой части литературных деятелей. Острота деревенской тематики вскоре проявилась в произведениях В. И. Белова и Ф. А. Абрамова.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что творчество Яшина выдержало испытание временем. Многие его поэтические и прозаические произведения удивительно актуальны. Нельзя не согласиться с утверждением А. Павлова, упомянувшего имя Яшина в ряду писателей-деревенщиков, к голосам которых нужно было прислушаться. Течение жизни вызвало закономерные вопросы: «Как закрепить молодежь на селе?» или: «Как восстановить былую власть земли над душой земледельца?»⁴⁶. По сей день непримиримость автора к социально-экономи-

ческим проблемам жизни сельского социума, их выявление и раскрытие вызывают восхищение, являясь призывом к действию.

Примечания

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Президента РФ, проект МК-2952.2018.6 «Писательская среда Русского Севера в контексте советской действительности середины – второй половины XX в.: проявления уровней общественного самосознания».

1. Государственный архив Вологодской области (ГА ВО), ф. 5081, оп. 1, д. 61, л. 1; д. 1443, л. 1.
2. Павлов А. А. Высоко пылают сосны над Юг-рекой. Никольск. 2003.
3. РАЗУВАЛОВА А. И. Писатели-«деревенщики»: литература и консервативная идеология 1970-х годов. М. 2015.
4. Край добра и чудес. Юбилейное возвращение Александра Яшина: литературная критика: исторический портрет. Вологда. 2008.
5. ГА ВО, ф. 5081, оп. 1, д. 1443, л. 5.
6. Павлов А. Злободневность публицистики. – Авангард. 1987, 26 марта.
7. ЦИНМАН Г. В. Обсудили, да не осудили «Вологодскую свадьбу». – Авангард. 2003, 26 июля.
8. ТОМИЛОВ В. Правды он выдал слово критически. – Авангард. 2005, 7 июля.
9. ГА ВО, ф. 5081, оп. 1, д. 1443, л. 26.
10. ТОМИЛОВ В. Ук. соч.
11. ГА ВО, ф. 5081, оп. 1, д. 1443, л. 26–27.
12. Томилов В. Ук. соч.
13. Там же.
14. БЕРЕСНЕВА М.В., ТОМИЛОВ В. Г. Александр Яшин как предшественник и участник революции 1980-х – 90-х годов. В кн.: Тоталитаризм и тоталитарное сознание. Томск. 2013, вып. 11, с. 197.
15. Павлов А. «Но высоко пылают сосны над Юг-рекой...» – Авангард. 1998, 7 июля.
16. ЕГО ЖЕ. Печаль его светла: К 30-летию публикации «Вологодской свадьбы» А. Яшина. – Авангард. 1993, 19 января.
17. ЯШИНА Н. А. Из дневников А. Яшина. – Авангард. 1993, 30 марта.
18. Павлов А. Был ли Невзоров меценатом Яшина?: [об отношениях А. Яшина и В. Невзорова, руководителя областной печати] . – Авангард. 1992, 11 июля.
19. ПЕТРОВ А. Вологжане о «Вологодской свадьбе». – Вологодский комсомолец. 1963, 8 февраля.
20. Старкова В. Негаснувшие искры памяти. – Авангард. 1995, 11 июля.
21. Томилов В. Ук. соч.
22. БЕРСЕНЕВ А. Нет, не прав Яшин! – Красный Север. 1963, 26 января.
23. Свадьба с дегтем: открытое письмо писателю А. Яшину. – Комсомольская правда. 1963, 31 января.
24. ШЕВАРОВ Д. «Спешите любить, жалеть и любить...» – Первое сентября. 2004, № 76, с. 7.
25. ПАВЛОВ А. Яшин и Абрамов. – Авангард. 1987, 26 марта.
26. ЕГО ЖЕ. О критиках А. Я. Яшина. – Там же. 1990, 11 октября.
27. ЕГО ЖЕ. Печаль его светла: К 30-летию публикации «Вологодской свадьбы» А. Яшина.
28. СТАРКОВА В. Все во имя совести. – Вологодский комсомолец. 1985, 2 августа.
29. Слово о писателе. Федор Абрамов, Константин Симонов, Наталия Яшина и др. – Русский Север. 1993, 25 марта.
30. СУШИНОВ А. Уроки Александра Яшина. – Авангард. 1979, 7 июля.
31. ЯШИН А. Пишет сельский сход. – Литературная газета. 1967, 1 ноября.
32. ЕЛЕСИН В. О свободе творчества. – Красный Север. 1990, 15 марта.
33. СУШИНОВ А. Ук. соч.
34. ПАВЛОВ А. Борение добра со злом. – Красный Север. 1988, 9 июля.
35. ЕГО ЖЕ. «Ты для других торил пути». – Авангард. 1973, 27 марта.

36. КАПЛИН В. Н. Интервью в Чистом бору. – Там же. 1974, 26 марта.
37. ПАВЛОВ А. «Ты для других торил пути».
38. Автор «Рычагов» навсегда останется в русской литературе: [письмо А. И. Солженицына к А. Я. Яшину, написанное в больнице 11 июля 1968 года] . – Эхо. 1990, № 6 (июнь).
39. КУВАЕВ А. Поэт в России, больше чем поэт. – Авангард. 2003, 17 июля.
40. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ), ф. 2290, оп. 1, д. 52, л. 1.
41. Россия, Вологда, Никольск...: [перепеч. из газеты «Красный Север». 1996, 29 июня] . – Авангард. 1996, 9 июля.
42. ЛУКИН Б. Вечер памяти Александра Яшина. – Вологодская тетрадь. 2005, Апрель, № 8 (107).
43. ШЕВАРОВ Д. «Спешите любить, жалеть и любить...» – Первое сентября. 2004, № 76, с. 7.
44. БЕЛОЗЕРЦЕВ И. Тайны Бобришного Угора. – Авангард. 2003, 1 февраля.
45. О «Вологодской свадьбе» и ее авторе. – Авангард. 1996, 11 июля.
46. ПАВЛОВ А. Борение добра со злом.

Белый Крым в начале 1920 г.: Я. А. Слещов и Н. И. Орлов

А. С. Пученков

Аннотация. В публикации рассказывается о положении в Крыму в начале 1920 г. – времени отступления армий генерала А. И. Деникина, сопряженного с общим развалом и деморализацией белых. В центре внимания автора фигура одного из самых известных белогвардейских военачальников – генерала Я. А. Слещова, сумевшего отстоять полуостров под натиском красных, тем самым предопределив продолжение антибольшевистского сопротивления на Юге России до ноября 1920 г., когда разбитая армия генерала П. Н. Врангеля ушла на чужбину. Кроме того, автор пишет о таком малоизвестном эпизоде гражданской войны, как «орловщина» – восстание под командованием капитана Н. И. Орлова.

Ключевые слова: гражданская война, Крым, Я. А. Слещов, Н. И. Орлов, Белое движение, А. И. Деникин, П. Н. Врангель.

Abstract. The publication describes the situation in the Crimea at the beginning of 1920 – the time of the retreat of the armies of General A. I. Denikin, coupled with the general collapse and demoralization of the Whites. The author focuses on the figure of one of the most famous White Guard commanders, General Ya.A. Slashchov, who managed to defend the peninsula from the onslaught of the Reds, thereby predetermining the continuation of anti-Bolshevik resistance in southern Russia until November 1920, when the defeated army of General P. Wrangel left to a foreign land. In addition, the author writes about such a little-known episode of the Civil War as «Orlovschina» – an uprising under the command of captain N. I. Orlov.

Key words: Civil War, Crimea, Ya.A. Slashchov, N. I. Orlov, White Movement, A. I. Denikin, P. N. Wrangel.

В начале 1920 г. Крым превратился в один из важнейших регионов – именно здесь была закрыта последняя страница истории гражданской войны в европейской части России. Исход врангелевцев с территории полуострова за границу положил начало масштабному русскому рассеянию. Для Крыма «проклятый», по выражению поэта Д. Самойлова, двадцатый год стал одним из самых трагических в многовековой истории полуострова.

Весной 1920 г. в Тавриду из Новороссийска эвакуировались разбитые в зимних боях 1919/1920 г. белогвардейские части генерала А. И. Деникина. Здесь нашли приют не только военнослужащие белой армии, но

Пученков Александр Сергеевич – доктор исторических наук, профессор Института истории Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: ap80@mail.ru, a.puchenkov@spbu.ru.

Puchenkov Alexandr S. – doctor of historical sciences, professor at the St. Petersburg State University. E-mail: ap80@mail.ru, a.puchenkov@spbu.ru.

и мирные жители – «недобитые буржуи», по большевистскому определению. Дальше Крыма белым отступить было некуда.

Знаковой фигурой для белого Крыма в начале 1920 г. был генерал Яков Александрович Слащов (1885–1929) – один из самых известных белогвардейских военачальников. Благодаря Слащову белые сумели удержать Крым на рубеже 1919–1920 гг. и сберечь его для эвакуации остатков частей Деникина; кроме того, зачастую, именно Слащов ассоциируется в массовом сознании с образом белогвардейца благодаря вдохновенной игре артиста В. Дворжецкого, воплотившего образ Хлудова в картине В. Наумова и А. Алова «Бег», вышедшей на советские киноэкраны в 1970 году. Сколь бы долго не велись споры о том, насколько Хлудов походил на реального Слащова или наоборот, сути дела это не меняет: как Хлудова, так и его возможного прототипа объединяла какая-то болезненная, не очень укладывающаяся в концепцию пролетарского интернационализма, граничащая с религиозным чувством любовь к своей Родине. Вовсе не идеализируя участников Белого движения, следует признать, что подобными Слащову были не единицы, а тысячи белогвардейцев.

Было ли в «безумии» Хлудова что-то, напоминающее реального Слащова? Почему о Слащове остались столь противоположные отзывы? Кем он был в действительности – эпатажным кривлякой или хорошо образованным и умным генералом? Или же, вспоминая известное стихотворение Евтушенко, он был «разный... целе- и нецелесообразный»?

В мемуаристике о Слащове встречаются прямо противоположные отзывы: о генерале вспоминают и как о «полупьяном кретине»¹, производившем впечатление «чего-то не совсем нормального»², и одновременно – как о «храбром и решительном военачальнике»³.

Непримиримые оппоненты – А. И. Деникин и П. Н. Врангель – удивительным образом сходились в своем негативном отношении к Слащову. По иронии судьбы в разное время они оба видели в фигуре Якова Александровича потенциального соперника в борьбе за высший пост в иерархии Белого Юга. Вместе с тем, военную деятельность Слащова они оба оценивали высоко⁴.

В свою очередь, по признанию советского автора Тантлевского, Слащову удалось «вытравить железными репрессиями как на фронте, так и в паникующем все время белом тылу» мысли об эвакуации, благодаря чему белые смогли превратить Крым в свою базу и создать впоследствии «врангелевский южный фронт»; благодаря эффективным мерам, вовремя принятым Слащовым, красным не удалось войти на полуостров «на плечах противника»⁵. По утверждению Тантлевского, «успех в Перекопском бою и железный слащовский режим несколько отрезвили части и взяли их в кулак аппарата управления белого командования»⁶.

Слащов был храбр, чрезвычайно амбициозен и, вероятно, хотел бы занять место Деникина – Главнокомандующего Вооруженными Силами Юга России. Кроме того Якову Александровичу невозможно отказать в патриотизме, горячей любви к отечеству. Были у генерала и несомненные литературные способности: в его воспоминаниях можно встретить и вдумчивость профессионального аналитика-генштабиста, и едкие, насмешливые, подчас злые характеристики как «коллег» по борьбе, так и оппонентов – красных военачальников. Словом, Слащов – фигура яркая

и самобытная, которой невозможно дать однозначную характеристику. Кажется, что он был перенесен из времен славных екатерининских орлов в прагматичную эпоху построения нового мира. Не случайно, вдумчивому П. Б. Струве, занимавшему пост министра иностранных дел в правительстве Врангеля, Слащов напоминал князя Г. А. Потёмкина-Таврического ⁷.

Качества Слащова как сильного администратора и выдающегося военного профессионала отмечают разные мемуаристы. «Энергия и характер» – таким он выделялся белогвардейцу С. Н. Шидловскому ⁸; «Генерал Слащов отступил на Крым... Все вздохнули свободно. Действительно, сразу тыл подтянулся, прекратились грабежи и пьянство, но не надолго», – отмечал в своих записках другой офицер ⁹. Действия Слащова позволили не пропустить части 13-й Советской армии в Крым и тем самым почти на год продлить существование белой территории на Юге России ¹⁰. Удержать полуостров Слащову невольно помогли и красные, откровенно недооценившие важность крымского направления, в чем сошлись столь разные авторитетные военные эксперты, как белогвардейский генерал В. В. Чернавин и прославленный советский военачальник М. В. Фрунзе ¹¹.

Почетная приставка «Крымский», которую получил генерал в ознаменование своих беспримерных заслуг перед Белым движением, была им получена по праву: без военных успехов Слащова история никогда бы не узнала про феномен врангелевского Крыма – олицетворения белой России, пассионарность и удача генерала продлили сопротивление белого Юга красным до ноября 1920 года.

Однако помимо военной доблести, Слащов 1920 г. – это еще и знаменитые «суворовские приказы», и печальная практика виселиц для устрашения неподвластного населения, которые советский автор Е. М. Штейнбах именовал «подвигами» «сумасбродного» генерала и «чудовищными гнусностями...» ¹² В жестокой непреклонности генерала была своя логика: Слащов был буквально одержим идеей того, что Крым нужно, а главное можно защитить ¹³. Для осуществления этой задачи он был готов пойти на любые, самые непопулярные, меры.

В Крыму, несмотря на беспрецедентную энергию и харизму Слащова, в начале 1920 г. обстановка была крайне тревожной. Ярким показателем этого служит знаменитое выступление капитана Н. И. Орлова, уроженца Симферополя, чья деятельность дала название такому историческому эпизоду, как «орловщина» – самому известному выступлению офицерства против главного командования ¹⁴. Один из мемуаристов даже озаглавил ее «обер-офицерской революцией» ¹⁵. По словам Деникина, выступление капитана Орлова свидетельствовало «ярко о том развале, который охватил армейский тыл, флот, администрацию, одним словом, всю жизнь Крыма...» ¹⁶

В начале 1920 г. командир Симферопольского офицерского полка капитан Николай Иванович Орлов поднял мятеж и без боя захватил Симферополь. Это был храбрец, имевший 10 ранений, однако, согласно Слащову, «неудачник, за время войны не подвинувшийся выше капитана, но со страшным самолюбием и самомнением» ¹⁷. В подобном ключе в те дни высказывался и генерал В. Л. Покровский, осуществлявший крат-

ковременную поездку по Крыму: «Орлов, достаточно известный своими боевыми заслугами, представляется мне человеком неширокого идейного размаха, а более всего личностью, самолюбие которого ущемлено тем, что она пребывала в тени. Все движение Орлова лишено программы, не имеет определенной цели, системы...»¹⁸ Впрочем, помимо ущемленного самолюбия, нельзя отрицать и тот факт, что за Орловым стояла определенная часть младшего офицерства, убежденного в том, что «Генералы нас предадут красным, они неспособны спасти положение. Долой их. Станем вместо них и поведем борьбу»¹⁹. Кроме того, совершенно очевидно и то, что бесхитростным Орловым «владели еще два сливающиеся воедино чувства: справедливости и сохранения в чистоте риз белого движения»²⁰. По словам хорошо знавшего его мемуариста Скулера, Николай Иванович «искренне желал вытащить из грязи Белое движение»²¹. Примечательно, кстати, что Орлов был первым, кто открыто заявил о том, что своим «молодым вождем» считает именно генерала Врангеля, отправив в адрес последнего телеграмму, в которой сообщил о готовности немедленно ему подчиниться и предоставить в распоряжение Врангеля свой отряд²². Несмотря на то, что Врангель выслал в адрес Орлова ответную телеграмму, в которой «горячо» призвал капитана во «имя блага» России «подчиниться требованиям Ваших начальников»²³, «орловщина» могла быть использована Врангелем в свою пользу как очередной аргумент для доказательства факта разложения денкинского тыла. Впрочем, вряд ли есть основания говорить о наличии какой-то связи между выступлением Орлова и самим Врангелем²⁴, видимо, нельзя и утверждать, подобно Г. З. Иоффе, что движение Орлова «было спровоцировано... не без участия врангелевских сторонников»²⁵. Удивительно, но на контакт с белогвардейцем Орловым решилось пойти даже коммунистическое подполье Симферополя. Впрочем, капитан так и не смог раскрыть свое политическое кредо, лишь дал понять, что склоняется к поддержке какого-то из ответвлений эсеровской программы²⁶.

В ответ на поступивший приказ выйти на фронт, отряд 22 января (4 февраля) 1920 г. поднял в Симферополе мятеж. После ареста губернатора и других представителей власти, Орлов объявил себя начальником местного гарнизона²⁷. В Симферополе он продержался всего 2 дня. Услышав о приближении войск Слащова, отряд оставил город, прихватив с собой 10 млн. руб., изъятых из симферопольского казначейства²⁸. Из Симферополя отряд ушел на Южный берег, где занял Ялту. Приехавшему из Одессы генералу Н. Н. Шиллингу после долгих уговоров удалось убедить Орлова сдаться при условии, что он остается командиром своего отряда. Однако через месяц Орлов самовольно покинул позиции и вновь пошел на Симферополь²⁹. Вдогонку ему неслись воззвания, подписанные Слащовым и Шиллингом, предписывавшие чинам отряда немедленно разоружиться и сдаться, и грозившие военно-полевым судом всякому, кто не сообщит властям о местонахождении мятежников³⁰. Для Слащова стало очевидно, что Орлов неуправляем. За ним была отправлена погоня. Приверженцев капитана вынудили сдаться, наиболее активных участников выступления казнили, сам Орлов скрылся в горах, где вскоре сколотил настоящий «зеленый» отряд. Позднее, после взятия большевиками Крыма, как вспоминал знаменитый адъютант генерала В. З. Май-Маев-

ского, а по совместительству красный лазутчик и партизан П. В. Макаров, «Орлов явился в особый отдел и заявил, что своей фронтовой работой, в качестве чуть ли не вождя красно-зеленых, он ускорил падение Перекопа. Орлову поверили и поручили сформировать отряд по борьбе с бандитизмом. Авантюриста разоблачили симферопольские партийные работники, и он был расстрелян...»³¹.

Как справедливо писал Деникин, выступление Орлова «от начало до конца имело характер неумной авантюры, только эта авантюра... разыгрывалась на вулкане»³². Ясно, правда, и то, что это выступление играло на руку генералу Врангелю, в начале 1920 г., осуществлявшему «поход на власть», с целью сменить Деникина на его посту. В этой ситуации «орловщина» лишней раз показала уязвимость системы управления тылом и армией, созданной Деникиным, свидетельствовала о кризисе доверия к власти³³, подчеркивая достоинства главного критика Деникина – блестящего генерала Врангеля. Вскоре деморализованный Деникин сам предложит совету старших начальников Вооруженных Сил Юга России избрать «достойнейшего» в качестве его преемника и собственноручно подпишет приказ о назначении генерала Врангеля на свой пост – Главкома ВСЮР. Предшествовать этому будет сложнейшая интрига, заслуживающая отдельного повествования. После прихода к власти барона Врангеля начался последний этап истории южнорусского Белого движения, закончившийся в ноябре 1920 г. Великим Русским исходом на Чужбину.

Примечания

Исследование выполнено в рамках проекта Российского фонда фундаментальных исследований (проект 19–09–00430: Врангелевский Крым в 1920 году: опыт государственно-культурного строительства и этно-конфессионального диалога).

1. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ), ф. Р-5827, оп. 1, д. 97. Записка генерала П. С. Махрова «Военный совет в Севастополе». 1926, л. 24.
2. Там же, д. 97. Богаевский А. П. Выборы Главнокомандующего, март 1920 г., л. 17–18.
3. Там же, ф. Р-5881, оп. 2, д. 612. Дневник добровольца В. Саханева «Галлиполи», запись от 21.2. (4. 3).1921, л. 58.
4. ДЕНИКИН А. И. Очерки русской смуты. Т. V. М. 2003, с. 773; Мемуары ген. П. Н. Врангеля. – Иллюстрированная Россия. Париж. 1930, 26 апреля, с. 6.
5. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф. 71, оп. 35, д. 893. Статья Тантлевского «На Врангеля!» с правкой Е. А. Щаденко, л. 3.
6. Там же, л. 4.
7. СТРУВЕ П. Б. Дневник политика (1925–1935). М. 2004, с. 424.
8. ШИДЛОВСКИЙ С. Н. Записки белого офицера. СПб. 2007, с. 69.
9. ГА РФ, ф. Р-5827, оп. 1, д. 263. Воспоминания бывшего ротмистра Крымского конного полка. «Орловщина», л. 5.
10. МАЛЬГИН А. В. От Галиции до Галлиполи – Первая мировая война и Крым: сб. статей. Симферополь. 2015, с. 58.
11. ГА РФ, ф. Р-5956, оп. 1, д. 391. Заметки В. В. Чернавина об эвакуации Одессы в 1920 г., л. 22; ФРУНЗЕ М. В. Врангель. Избранные произведения. М. 1951, с. 166–167.
12. ШТЕЙНБАХ Е. М. Профессиональное движение в Крыму. 1917–27 гг. Симферополь. 1927, с. 51, 54.
13. ЗАРУБИН А. Г., ЗАРУБИН В. Г. Без победителей. Из истории Гражданской войны в Крыму. Симферополь. 2008, с. 553.
14. УШАКОВ А. И., ФЕДЮК В. П. Белый Юг. Ноябрь 1919 – ноябрь 1920. М. 1997, с. 32.

15. ГА РФ, ф. Р-5881, оп. 1, д. 471. Скулер. Как возникла орловщина. Воспоминания строевого офицера. 1922 г., л. 3.
16. ДЕНИКИН А. И. Ук. соч., с. 774.
17. СЛАЦОВ Я. А. Белый Крым. 1920 г.: Мемуары и документы. М. 1990, с. 58.
18. ГЕН. В. Л. Покровский о текущем моменте. – Юг. Севастополь. 1920, 14 февраля.
19. СЛАЦОВ Я. А. Ук. соч., с. 58.
20. ЗАРУБИН А.Г., ЗАРУБИН В. Г. Ук. соч., с. 555.
21. ГА РФ, ф. Р-5881, оп. 1, д. 471, л. 2.
22. Там же, оп. 2, д. 324. Друян. Орловское выступление, л. 20.
23. ВРАНГЕЛЬ П. Н. Воспоминания: в 2-х частях. 1916–1920. М. 2006, с. 356.
24. ШАФИР Я. Орловщина – Антанта и Врангель. Сб. статей. М. – Пг. 1923, с. 134.
25. ИОФФЕ Г. З. Крах российской монархической контрреволюции. М. 1977, с. 257.
26. УШАКОВ А. И., ФЕДЮК В. П. Ук. соч., с. 33.
27. Там же.
28. АЛЬМЕДИНГЕР В. Орловщина – Последние бои Вооруженных Сил Юга России. М. 2004, с. 396.
29. УШАКОВ А.И., ФЕДЮК В. П. Ук. соч., с. 33.
30. Российский государственный военный архив (РГВА), ф. 40308, оп. 1, д. 53, л. 42, 44, 74–75, 78–79.
31. МАКАРОВ П. В. Адъютант генерала Май-Маевского. Из воспоминаний начальника отряда красных партизан в Крыму. Л. 1927, с. 86.
32. ДЕНИКИН А. И. Ук. соч., с. 775.
33. ЦВЕТКОВ В. Ж. Белое дело в России. 1919–1922 гг. (формирование и эволюция политических структур Белого движения в России). М. 2013, ч. I, с. 161.

Профессор Митрофан Довнар-Запольский: крымские страницы биографии

А. А. Непомнящий

Аннотация. В публикации восстановлен неизвестный для биографов историка крымский аспект научной и общественно-педагогической деятельности профессора Митрофана Викторовича Довнар-Запольского (1867–1934). На основе сохранившегося эпистолярного наследия, документов Государственного архива Российской Федерации и Государственного архива Республики Крым, публикаций крымских газет революционных лет воссоздана активная общественная деятельность ученого, изучавшего историю региона, крымскую этнографию. Раскрыто участие М. В. Довнар-Запольского в работе Таврической ученой архивной комиссии и его роль в организации в 1920 г. Боспорского университета в Керчи. Ученый стал ректором этого непризнанного властями учебного заведения. В научный оборот вводится разносторонняя информация по истории кримведения начала XX столетия.

Ключевые слова: М. В. Довнар-Запольский, кримведение, Таврическая ученая архивная комиссия, Боспорский университет.

Abstract. In this research the author restored the unknown subject for biographers of professor Mitrofan Viktorovich Dovnar-Zapolsky (1867–1934). It is the Crimean aspect of scientific and public and pedagogical activity of this historian. The author recreated vigorous civic activity of this scientist on studying of sources on history of the region, the Crimean ethnography on the basis of the remained epistolary heritage, documents of the Public Records Office of the Russian Federation and the Public Records Office of the Republic of Crimea, publications of the Crimean newspapers of revolutionary years. Also in the text of article the researcher covered the topic of participation of M. Dovnar-Zapol'skiy in work of the Taurida academic archival committee and his role in the organization in 1920 of the Bosporan University in Kerch. Professor became the rector of this educational institution, unrecognized the authorities. As a result, versatile information on history of a Crimean studies of the beginning of the XX century is introduced for scientific use.

Key words: M. Dovnar-Zapol'skiy, Crimean studies, Taurida academic archival committee, Bosporan University.

Биография и научное наследие крупного российского, советского историка, выходца из Белоруссии Митрофана Викторовича Довнар-За-

Непомнящий Андрей Анатольевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Симферополь; ведущий научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН Республики Татарстан. E-mail: dr.aan@mail.ru.

Непомняшчы Андрей А. – doctor of historical sciences, professor, head of the Department of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Simferopol; leading researcher of Sh. Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. E-mail: dr.aan@mail.ru.

польского (1867–1934) в последние годы активно разрабатываются белорусскими и украинскими коллегами ¹. Существенным вкладом в развитие дознания стали подготовленный в Минске и Гомеле свод библиографии ученого ² и частично изданная его переписка с коллегами за 1893–1908 годы ³. При этом значительное участие ученого в развитии кримоведческих штудий в начале XX в., его активная и продуктивная деятельность по организации первых университетов на полуострове не попали в поле зрения биографов.

Выходец из Белоруссии (местечко Речица Минской губернии) М. В. Довнар-Запольский начал обучение в Минской гимназии. После переезда семьи в Киев юноша учился в 1-й Киевской гимназии, откуда был исключен в 1888 г. за чтение «книг преступного содержания». Экзамены за гимназический курс Митрофан сдал экстерном и в 1889 г. поступил на историко-филологический факультет Университета Св. Владимира в Киеве. Специализировался на кафедре российской истории, изучал региональную историю. В 1894 г., благодаря рекомендации профессора В. Б. Антоновича, Довнар-Запольского оставили при университете профессорским стипендиатом. Под руководством Антоновича он писал магистерскую диссертацию «Финансовое хозяйство Литовско-Русского государства», разрабатывал документы, освещавшие дипломатические контакты Великого Княжества Литовского с Крымским ханством. Для исследовательской работы Митрофан Викторович получил длительную командировку в Москву, где работал в Московском архиве Министерства юстиции сначала как исследователь, а с 1895 г. – старшим помощником архивариуса Литовской метрики. Молодой ученый в 1896 г. стал инициатором создания и секретарем Археографической комиссии Московского археологического общества ⁴.

В это время стали налаживаться контакты исследователя с Таврической ученой архивной комиссией – основным центром исторического кримоведения в стране. Молодой историк искал издание для публикации предварительных результатов своих штудий и документов по истории литовско-крымских дипломатических контактов. В этом отношении ставшие хорошо известными во всей стране, издававшиеся в Симферополе «Известия Таврической ученой архивной комиссии» были для него самым желанным изданием. В личном архивном фонде Довнар-Запольского, который отложился в Центральном государственном историческом архиве Украины в Киеве, сохранилась его переписка с секретарем, а впоследствии председателем Таврической ученой архивной комиссии Арсением Ивановичем Маркевичем (1855–1942) за 1896–1899 годы ⁵. А. И. Маркевич много сил прилагал для привлечения к работе в местном историко-краеведческом обществе специалистов из различных университетских центров России. Когда в 1896 г. Довнар-Запольский отослал в Симферополь свою первую статью, Маркевич сразу откликнулся и предложил продолжить сотрудничество. Для публикации в «Известиях» комиссии историк выслал сначала свои наработки по изучению Литовской метрики. Рукопись присланной им статьи «Заметка о Крымских делах в Метрике Литовской» сохранилась среди архивных документов ТУАК ⁶. После ее публикации ⁷ Маркевич 30 октября 1896 г. отослал автору сборник с его статьей и 100 экземпляров оттисков ⁸. При этом лидер

крымских краеведов сообщил: «Имею честь представить Вас в члены нашей Комиссии и в следующем заседании состоится Ваше избрание»⁹. Митрофан Викторович стал членом ТУАК 9 декабря 1896 года. Вслед за первой статьей в крымском научном издании последовала и публикация, посвященная средневековой истории полуострова¹⁰.

Продолжалось и эпистолярное общение двух ученых. Маркевич, будучи выходцем из Белоруссии, активно переписывался с земляком, как видно из писем, не только по научным делам. Два деятеля не раз встречались на проходивших раз в три года археологических съездах. Маркевич, отправляя сына учиться в Университет Св. Владимира в Киев, советовался с Довнар-Запольским о возможности снятия жилья в этом губернском городе. Он информировал коллегу о новостях Таврической ученой архивной комиссии, высылал ему все выпуски «Известий». Хорошая осведомленность Довнар-Запольского о делах ТУАК чувствуется по содержанию его статьи с обзором деятельности губернских ученых архивных комиссий в стране, которая была зачитана им в виде доклада на XI археологическом съезде в Киеве¹¹.

В 1916 г. Довнар-Запольский помимо работы в Университете Св. Владимира в Киеве стал основателем и первым директором Киевского археологического института, просуществовавшего до 1920 года. В 1916–1917 гг., когда в профессорской корпорации Университета Св. Владимира возникла идея открыть Таврический филиал в Ялте для студентов с ослабленным здоровьем, по поручению ректора именно Митрофан Викторович неоднократно приезжал в Симферополь и Ялту для решения организационных вопросов и подбора первого состава профессуры будущего учебного заведения.

Вопрос о необходимости открытия высшего учебного заведения в Крыму в начале второго десятилетия XX в. активно обсуждался. На полуострове в это время плодотворно работали Никитский ботанический сад под Ялтой, Карадагская биологическая станция, Институт физических методов лечения в Севастополе, отделение Пулковской обсерватории в Симеизе, филиал Пастеровского института в Феодосии, Помологическая станция в Симферополе, более 10 музеев в разных городах Крыма. В эти научные центры постоянно приезжали столичные ученые, академики, профессора, проводившие здесь исследования. Вставал вопрос, почему в губернии отсутствует высшее учебное заведение? Общественное движение за открытие вуза активизировалось летом 1916 г., когда была опубликована «Записка» министра народного просвещения П. Н. Уварова об учреждении университетов в Ростове-на-Дону и Перми на базе эвакуированных в связи с начавшейся войной вузов, соответственно, из Варшавы и Юрьева. Показательно, что когда Юрьевский университет был переведен не в Пермь, а в Воронеж, общественность Перми все же добилась открытия университета в своем городе. Одновременно Ялта, Симферополь, Севастополь и Керчь стали ходатайствовать перед правительством о создании университетов в этих городах¹².

Интересы профессуры Университета Св. Владимира, стремившейся открыть филиальное отделение, и местной общественности, выступавшей за собственное высшее учебное заведение, слились. С 24 октября 1917 г. Довнар-Запольский работал в коллегии ялтинских профессоров

рассматривавших этот вопрос¹³. В 1917 г. он входил в правление Таврического филиального отделения Университета Св. Владимира.

Переписка Довнар-Запольского и Маркевича свидетельствует и о том, что Митрофан Викторович периодически бывал в Крыму и на отдыхе, а его интерес к крымско-татарской истории сочетался с желанием заниматься этнографией этого народа. Свидетельством тому служит неизвестная статья ученого об этнографическом изучении полуострова, помещенная в разделе «Хроника» «Записок Крымского общества естествоиспытателей и любителей природы», издаваемых в Симферополе. Довнар-Запольский, находясь в этом городе по делам организации университета, заметил: «... нельзя не приветствовать самой мысли об изучении крымских татар, что помогло бы изучать русскую историю»¹⁴. В качестве примера он привел цеховую организацию у крымско-татарских ремесленников. При этом историк заметил, что в Московском государстве тоже существовало цеховое устройство, «но не по западным образцам. Я бы искал оригинал его в Золотой Орде и Крыму»¹⁵. Ученый с горечью отметил отсутствие в Симферополе этнографического музея: «... я бродил по базару – нет ничего и там». В итоге он заключил: «Давно пора изучать татарскую этнографию»¹⁶.

Участие Довнар-Запольского в деле открытия Таврического университета было прервано из-за политической чехарды в Киеве. В это время ученый много ездил, пытаясь найти более комфортную политическую среду. Однако частая смена властей не давала такой возможности. Показательно приглашение Довнар-Запольского в качестве преподавателя в созданный в 1918 г. Донской археологический институт, открытый для подготовки историков искусства, архивистов и археологов. Проректор этого учреждения А. С. Ходоровский обращался с просьбой о переезде к Довнар-Запольскому и Н. Д. Полонской-Василенко, также имевшей опыт чтения курсов в аналогичном киевском учебном заведении¹⁷.

Однако Довнар-Запольский выехал в Белоруссию, где занялся организацией Белорусского университета в Минске. Осенью 1919 г. он вынужден был переехать в Харьков. Причиной этого стало изменение политической ситуации в Белоруссии. Там он познакомился с начинавшим тогда научную карьеру историком и археологом Константином Эдуардовичем Гриневичем (1891–1970), который находился там временно из-за невозможности попасть в Петроград. Эта встреча послужила причиной последующего появления Довнар-Запольского в Керчи.

Керчь-Еникальская городская дума подняла вопрос о необходимости создания университета еще 12 января 1917 года. К этому времени на страницах губернской периодики уже давно шла дискуссия о характере высшего учебного заведения, который отвечал бы потребностям развития края. Порой высказывались диаметрально противоположные мнения. Сходились в одном – будущий университет или политехнический институт должен сочетать классические специальности с практическими, нужными для Крыма. Как наиболее перспективные назывались сельскохозяйственное, медицинское и историко-археологическое направления подготовки будущих специалистов¹⁸. Тогда же, 12 января 1917 г., Керчь-Еникальская городская дума приняла постановление, в котором говорилось о необходимости открытия вуза¹⁹. Местное самоуправление не

настаивало на университетском статусе будущего учебного заведения. Как отмечали думцы, достаточно было политехнического института. Городу следовало взять вуз на полное финансирование и выделить помещения.

События революций 1917 г., начало политической чехарды, перешедшей в кровавое лихолетье, прервали дискуссию об открытии вуза в Керчи. Вопрос вновь оказался на повестке дня в 1918 г., когда были открыты филиалы Университета Св. Владимира в Ялте и Симферополе, преобразованные вскоре в самостоятельный Таврический университет. Керчь была наполнена политическими беженцами, искавшими спасения от большевиков. Там, как и в других крымских городах, оказалось немало деятелей культуры, науки, в том числе, профессуры.

Благодаря протекции крымских коллег К. Э. Гриневич, получивший в это время должность директора Керченского музея древностей, действуя по рекомендации Довнар-Запольского, развернул энергичную работу по организации в городе Археологического института наподобие существовавших в досоветское время в Санкт-Петербурге, Москве и Киеве. Как первую ступень для этого он организовал платные курсы историко-археологического профиля. Историко-археологический лекторий был торжественно открыт при музее 19 января 1920 года²⁰. Однако существовал он и в 1919 г., о чем свидетельствует письмо Гриневича в Государственную археологическую комиссию (написано 21 января 1921 г., автор не знал о состоявшемся уже переименовании этого учреждения)²¹.

По приглашению Гриневича, в Керчь, а не в Симферополь, прибыл Довнар-Запольский. Об этом свидетельствуют дневниковые записи третьей жены Митрофана Викторовича – Надежды Маркиановны Федорович, с которой он познакомился в Керчи. Этот дневник частично опубликован гомельским историком В. М. Лебедевой в 2012 г. без атрибуции упоминавшихся там фигурантов, большая часть которых была обозначена только первыми буквами фамилий и инициалами. Митрофан Викторович приехал в Керчь в конце декабря 1919 г., и Гриневич предложил ему поселиться у него – в квартире директора Керченского музея древностей. По пути в Крым Довнар-Запольского обокрали, забрали чемодан и пальто. Поэтому он предстал перед Гриневичем в меховой поддевке без рукавов²².

Ученый, имевший имя в кривоветении, сразу развил бурную деятельность по открытию в Керчи университета. 30 января 1920 г. Довнар-Запольский выступил на заседании Керченской городской думы, где поставил вопрос о необходимости учреждения «высшего учебного заведения особого типа» под названием «Боспорский университет». Об этом сообщала севастопольская газета «Юг», назвав в публикации новый вуз «Босфорским», а не Боспорским²³. Керчь-Еникальская городская дума на заседаниях 2и 9февраля единогласно постановила открыть в городе высшее учебное заведение на правах общественного, присвоив ему название «Боспорский университет» «в память славного исторического прошлого Керчи»²⁴. Решение строилось, в частности, на том, что у бывшего директора Киевского коммерческого и Киевского археологического институтов, профессора Довнар-Запольского и у директора Керченского музея древностей, приват-доцента Гриневича имелись разрешения Министер-

ства народного просвещения на открытие в Керчи Высших коммерческих и археологических курсов. Эти курсы изначально рассматривались как база для будущего университетского набора.

Надежда Маркиановна Федорович записала 11 февраля 1920 г. в дневнике: «По вторникам и субботам у нас в музее оживление. Очень много молодежи, и местной и приезжей, записались на «Курсы по археологии», открытые К [онстантином] Эд [уардовиче] м при Музее. По этим дням и читаются лекции К [онстантином] Эд [уардовичем] по археологии, М [итрофаном] В [икторовичем] – по истории Керчи, папа – секретарь. Приезжает жена начальника порта с тремя дочерьми...»²⁵ Из отчета Гриневича, отправленного в Российскую академию истории материальной культуры в Петроград, стало известно, что Довнар-Запольский читал на курсах лекции по темам «История торговых отношений в Восточной Европе в течение древней истории и средневековья» и «Основы архивоведения»²⁶.

Дневник Федорович дает представление об организации досуга керченской интеллигенции в то время: «12 февр [аля] 1920. Очень веселые у нас обеды. Устраиваем их вскладчину, называется эта складчина «Пантикапейская коммуна» – К [онстантин] Эд [уардович], М [итрофан] В [икторович] и я с Папой. Готовит Маша. К [онстантин] Э [дуардович] декламирует стихи, он их знает наизусть уйму, М [итрофан] В [икторович] и Папа всегда что-нибудь рассказывают интересное или анекдотическое. В общем, очень оживленно. Приехал в Керчь Пав [ел] Ив [анович] Голландский, профессор-искусствовед, удивительно милый, простой и очень эрудированный. Часто к нам приходит»²⁷.

20 февраля 1920 г. Надежда Маркиановна записала: «Вчера были на «Скарабее», вечер прошел очень удачно, много декламировали, я играла и аккомпанировала. Был сервирован чай. Возвращались втроем, все были в хорошем настроении. У М [итрофана] В [икторовича] проект открыть здесь филиал симферопольского университета – историко-филологический и юридический факультеты, послал он приглашения или вернее предложения двум профессорам-юристам из Харькова и одному финансисту из Москвы»²⁸.

Запись свидетельствует, что в связи с отказом администрации А. И. Деникина признать Боспорский университет, местные научные силы рассматривали возможность влиться в состав Таврического университета на правах отделения. На имя Главнокомандующего Вооруженными силами Юга России начиная с января 1920 г. неоднократно отправлялись прошения и ходатайства с просьбой утвердить решение Керчь-Еникальского городского самоуправления об организации университета. Однако Деникин либо оставлял их без ответа, либо отвечал отказом. Он сделал ставку на поддержку только Таврического университета в Симферополе и не видел возможности финансирования сразу двух вузов. Ситуацию проясняет запись в дневнике Федорович от 27 февраля 1920 г.: «Вчера было торжественное заседание в городской думе. М [итрофан] В [икторович] выступал очень хорошо, доказывал, что здесь, в Керчи, необходимо давать высшее образование молодежи, открыть на средства местного купечества Боспорский университет как отделение симферопольского унив[ерсите]та, пока же факультеты, которых нет в Симферополе: экономи-

ческий и историко-археологический. В общем, дело удастся. После него выступали еще многие другие, нашли и здание, правда, не одно. В одном нашелся зал для лекций, в другом – для библиотеки-читальни и для канцелярии. Папа – секретарь, временный, конечно. Я буду работать в библиотеке. 15-го III Университет должен быть открыт...

4 марта 1920. Приехали профессора из Симферополя, Н.И. П [ален] ко с женой и дочерью Лелей, говорят, что ей 16 лет, но я думаю, что ей больше. Б.В. П [опо] в-холостяк, очевидно, это *menage en trois*, уже давно налаженное. А финансист с женой Нат [альей] Дм [итриевной] будет жить в другом доме, недалеко от нас. Первым же двум К [онстантин] Э [дуардович] предоставил две комнаты налево от столовой. Итак, у нас в Музее уже заселено все, направо от столовой – комната М [итрофана] В [икторовича], потом кабинет К [онстантина] Э [дуардовича], налево от нее – мы с Папой. Везде, конечно, во всех комнатах огромные полки до потолка с книгами, все их приобрел К [онстантин] Э [дуардович] для музея у жены бывшего директора (В. В. Шкорпила. – *А.Н.*), который умер»²⁹.

О времени непосредственного открытия вуза в Керчи имеется разноречивая информация. Один из источников – свидетельство В. И. Вернадского, находившегося в 1920 – начале 1921 г. в Крыму и ставшего в октябре 1920 г. ректором Таврического университета. Вернувшись в Москву, он опубликовал на страницах журнала «Наука и ее работники» развернутый очерк «О научной работе в Крыму в 1917–1921 гг.». В нем академик указал, что в Керчи «по инициативе энергичного историка, проф. русской истории киевского Университета св. Владимира – Довнар-Запольского в 1919 г. возник при поддержке кооперативов и города второй Университет – Боспорский Университет с тремя факультетами. Судьба его не ясна»³⁰. В 1919 г. в Керчи начали работать курсы, на основе которых затем возник Боспорский университет. Курсы эти, организованные директором местного музея древностей Гриневичем, широко рекламировались в печати как «университетские», что, очевидно, и ввело в заблуждение Вернадского.

После передачи Деникиным полномочий барону П. Н. Врангелю Довнар-Запольский, как руководитель местной профессорской корпорации, организовал повторные обращения в надежде, что новый руководитель благосклонно отнесется к идее университета в Керчи, который уже работал. 28 марта в Министерство народного просвещения было отправлено ходатайство, подписанное керчь-еникальским городским головой, председателем профессорской корпорации Боспорского университета Довнар-Запольским, секретарем Попечительского совета университета Денисовым и председателем торгово-промышленного союза А. Бородулиным. В нем отмечалось, что Боспорский университет ни в коем случае не дублирует в учебном процессе Таврический университет в Симферополе: «... интересуется учреждение факультетов, отсутствующих в Таврическом Университете, а именно: коммерческо-экономического, историко-археологического (с отличиями от историко-филологического) и сельско-хозяйственного. Эти факультеты должны дать научное освещение естественным богатствам Керченского полуострова и близлежащего Кавказского побережья. Основываемый Университет должен-

ствует быть оплотом русской культуры за ее преобладание на Ближнем Востоке. Смеем думать, что сейчас это является ближайшей государственной и национальной задачей. Наконец, с точки зрения педагогической и общественной, нам представляются разлив просвещения в малые города и дифференциация высшей школы, которая устранил скопления учащихся в центрах и приблизит эту школу к населению, в высшей степени желательными и естественными при создавшихся условиях»³¹.

18 мая Довнар-Запольский получил ответ от начальника Отдела народного просвещения в правительстве Врангеля, подписанный 2 мая: «Рассмотрев Ваше заявление от 28 марта сего года о санкции открытия в г. Керчи Высшего учебного заведения и предоставление ему всех прав, присущих российским университетам, Отдел народного просвещения доводит до Вашего сведения, что в настоящее время совершенно не представляется возможным возбуждение подобного ходатайства перед Правителем и Главнокомандующим в виду тяжелого финансового положения, а также и вследствие того, что на территории Крыма имеется совершенно оборудованное высшее учебное заведение. Тем не менее, Отдел народного просвещения приветствует это новое культурное учреждение в виде Частного Университета.

Сообщая о вышеизложенном прошу Вас, если предвидится учреждение Частного Университета, возбудить соответствующее ходатайство»³².

Официальное подтверждение разрешения на открытие Боспорского университета последовало из Отдела народного просвещения 3/16 июля 1920 г. (№ 9784): «... начальник Гражданского управления разрешил открыть в г. Керчи городское общественное высшее учебное заведение под именем «Боспорский Университет»»³³.

Вернадский в упомянутой статье сообщал: «Университет не поддерживался правительством Врангеля, существовал на частные средства – но сильно пострадал при смене власти. Как пр [офессор] Довнар-Запольский, так и некоторые другие профессора, должны были оставить Крым. Очень своеобразную и важную черту этого Университета составляло его стремление обратить внимание на изучение археологии и истории искусства в Крыму. Необходимость создания такого центра является сейчас насущной потребностью и намечалась уже при первоначальных планах создания высших учебных заведений в Крыму, когда она была выдвинута акад. М. И. Ростовцевым»³⁴.

С 1 марта 1920 г. в Боспорском университете шли занятия на коммерческо-экономическом факультете, «как отвечающему данному моменту». А Отдел народного просвещения правительства Врангеля окончательно разрешил открытие «Общественного городского Боспорского университета» в составе трех факультетов. Занятия по остальным специальностям планировалось запустить с сентября. Точных данных о составе и численности студентов керченского вуза найти не удалось. Известно, что существовавшая при главном управлении торгово-промышленных предприятий города общественно-благотворительная организация «Добрая – населению» учредила 50 стипендий в размере годичной платы за обучение каждая для вдов и детей воинов, убитых на войне; воинов, уволенных от службы в армии вследствие ранения или контузии; жен и детей воинов, находившихся в армии не менее шести месяцев³⁵.

Второй учебный год университета был торжественно открыт в воскресенье 6 сентября 1920 г. в помещении гимназии О. А. Машкиной. Ректор Довнар-Запольский выступил с докладом о задачах, стоящих перед вузом в новом учебном году. Он подтвердил, что университет находится на содержании Керченского городского самоуправления, местных торгово-промышленного союза и купеческого общества. Из трех факультетов (коммерческо-экономический, историко-археологический и сельскохозяйственный) в полную силу работал лишь первый, «как отвечающий насущным нуждам населения Юга России вообще и г. Керчи в частности», а студенты университета были уравнены в правах со студентами других русских университетов. Археологические курсы планировалось реформировать в историко-археологический факультет, однако для этого не находилось достаточного количества желающих обучаться. Местом проведения занятий стала городская Толстовская библиотека. Помещение также предоставила гимназия О. А. Машкиной. Городская дума отвела 20 десятин на территории Старого Карантина у береговой полосы для устройства опытного поля и организации биологической станции.

В осеннем семестре второго учебного года были заявлены курсы русской истории до конца XVIII в., древней всеобщей истории, русского государственного права, гражданского права, социологии, энциклопедии права, теории политической экономии, истории экономического развития Западной Европы, статистики, финансовых вычислений, а также спецкурс о праве личности в гражданском праве. Преподавались турецкий, новогреческий и английский языки³⁶. О том, что историко-археологический факультет работал и профессор Довнар-Запольский читал там курс русской истории и архивоведения, свидетельствует другая заметка той же керченской газеты «Русское дело», где говорилось, что, несмотря на то, что пока занятия идут только на «археологическом факультете, вскоре будет открыт нумизматический факультет». Кроме действительных студентов и вольнослушателей на лекции допускались лица, которые записывались на какой-либо из объявленных курсов. Такие слушатели оплачивали 2000 руб. за прослушиваемый курс в семестр, однако к экзаменам они не допускались. Двери университета были открыты и для просто «любопытствующих, желавших познакомиться с характером университетского преподавания»³⁷.

На основе анализа архивных документов и публикаций местной прессы, удалось восстановить лишь часть имен профессорско-преподавательского состава Боспорского университета. Кроме ректора Довнар-Запольского и приват-доцента Гриневича с ним сотрудничали известные профессора права: Николай Иванович Палиенко (1869–1937) – преподавал уголовное право и осенью 1920 г. переехал в Симферополь, в Таврический университет; Борис Васильевич Попов (1875—?) – вел гражданское право; Сергей Константинович Гогель (1860–1933) – уголовное право и судопроизводство, перебрался осенью 1920 г. в Севастопольский юридический институт и стал его директором, эмигрировал; Василий Иванович Касперов – экономист; Николай Иванович Товстолес (1872–1956) – архитектор; Павел Иванович Голландский (1865–1939) – архитектор, специалист по памятникам искусства и старины, а также совершенно неизвестные преподаватели, о которых есть только упоминания: Э. А. Ду-

босарский, Г. А. Люст, Ю. Ю. Марти (сотрудник музея), П. М. Федотов (историк). Однако уже в октябре начался отток профессуры из Керчи. Б. В. Попов и Н. И. Палиенко перебрались в Таврический университет в Симферополе. Юристов более прельщал Юридический институт в Севастополе, в котором было гораздо больше слушателей, а положение города представлялось стабильнее в это беспокойное время. Отъезд из Керчи в конце октября одного из главных организаторов вуза Гриневича³⁸ привел к фактическому прекращению учебного процесса.

После установления в Керчи советской власти, в ноябре 1920 г., по решению местного ревкома, Боспорский университет как рассадник буржуазных идей был закрыт. В специальном рапорте заведующий Отделом народного образования Керченского военно-революционного комитета отмечал, что после прихода Красной Армии количество студентов выросло в четыре раза. Студентами стали бывшие белогвардейцы и праздная публика. Занятий в университете не проводится, а собирающаяся публика просто обсуждает политическую ситуацию в городе³⁹. Боспорский университет, как и Таврический в Симферополе, был закрыт. Но если симферопольскому вузу, благодаря непосредственному вмешательству М. В. Фрунзе, удалось воскреснуть под именем Крымского университета им. М. В. Фрунзе, то керченские студенты были распущены окончательно. Довнар-Запольский и другие сотрудники были арестованы. Всех приезжих выпроводили из Крыма. 22 декабря 1920 г., согласно записи в дневнике Федорович, Митрофана Викторовича под конвоем пешком отправили в Джанкой, откуда поездом вывезли в Харьков⁴⁰. В январе 1921 г. на базе Боспорского университета был открыт Рабочий факультет.

Таким образом, деятельность профессора Довнар-Запольского в области крымоведения и организации первых университетов на полуострове – отдельное направление в его многогранной творческой биографии. Хотя созданный им Боспорский университет, просуществовавший около года, не успел сделать ни одного выпуска специалистов, он стал крупным культурным центром в Восточном Крыму, объединявшим многочисленную научную интеллигенцию, оказавшуюся там волею судеб. Это яркий образец организации выживания российских ученых в сложных условиях гражданской войны и политической нестабильности.

Примечания

1. ДЕНИСЕНКО Г. Довнар-Запольський Митрофан Вікторович. – Видатні діячі науки і культури Києва в історико-краєзнавчому русі України: біографічний довідник: у 2-х ч. Київ. 2005, ч. 1, с. 181–186; ЛУЦЕНКО Є. Археографічна діяльність професора М. В. Довнар-Запольського. В кн.: Спеціальні галузі історичної науки: зб. на пошану Марка Якимовича Варшавчика. Київ. 1999, с. 194–197. (Серія: «Історія архівної справи: спогади, дослідження, джерела»; вип. 2).
2. Мітрафан Віктаравіч Доўнар-Запольскі: біябібліяграфічны паказальнік. 2-е вид.: доп. Мінск. 2017.
3. Перапіска М. В. Доўнар-Запольскага з дзеячамі навукі Украіны (1893–1908 гг.). Гомель. 2005.
4. Центральный государственный исторический архив Украины в г. Киеве (ЦГИА УК), ф. 262, оп. 1, д. 1, л. 1–2.
5. Там же, ф. 262, оп. 1, д. 168, л. 7–24.

6. Центральный музей Тавриды, фонды, кп. 23 119, д. 8819.
7. ДОВНАР-ЗАПОЛЬСКИЙ М. В. Заметка о Крымских делах в Метрике Литовской. – Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1897, № 26, с. 11–23.
8. ЦГИА УК, ф. 262, оп. 1, д. 168, л. 7.
9. Там же, л. 8.
10. ДОВНАР-ЗАПОЛЬСКИЙ М. В. Литовские упоминки татарским ордам: Скарбовая книга Метрики Литовской, 1502–1509. – Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1898, № 28, с. 1–18.
11. ЕГО ЖЕ. Обзор деятельности ученых губернских архивных комиссий, 1896–1898. В кн.: Труды Одиннадцатого археологического съезда в Киеве, 1899 г. Т. 2. М. 1902, с. 90–99.
2. История Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского в документах и фотографиях. Белгород. 2018, с. 6–13.
3. Государственный архив Республики Крым (ГА РК), ф. 522, оп. 1, д. 2312, л. 211.
4. ДОВНАР-ЗАПОЛЬСКИЙ М. В. [Об этнографическом изучении крымских татар]. В кн.: Записки Крымского общества естествоиспытателей и любителей природы. Т. 6. 1916, с. 135.
5. Там же.
6. Там же.
7. ЕРЕМЕЕВА А.Н. «Находясь по условиям времени в провинции...»: практики выживания российских ученых в годы Гражданской войны. Краснодар. 2017, с. 88.
8. ЛИННИЧЕНКО И. А. Какой тип высшей научной школы желателен в Тавриде? – Крымский вестник. 1916, 24 авг.
19. ГА РК, ф. 455, оп. 1, д. 9590, л. 1–424.
20. ГРИНЕВИЧ К. Керченские археологические курсы. – Голос жизни. 1920, № 1, 1 янв.
21. Институт истории материальной культуры РАН, научный архив (ИИМК), ф. 2 (1921 г.), д. 70, л. 2.
22. ЛЕБЕДЕВА В. М. Крымский период жизни М. В. Довнар-Запольского по материалам дневника жены. – Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Исторические науки. Т. 25 (64). 2012, № 1, с. 100.
23. Босфорский университет. – Юг. 1920, № 158, 7 февр.
24. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ), ф. Р-4959, оп. 1, д. 5, л. 12об.
25. ЛЕБЕДЕВА В. М. Ук. соч., с. 101.
26. ИИМК, ф. 2 (1921 г.), д. 70, л. 16–17.
27. ЛЕБЕДЕВА В. М. Ук. соч., с. 101.
28. Там же, л. 102.
29. Там же.
30. ВЕРНАДСКИЙ В. О научной работе в Крыму в 1917–1921 гг. – Наука и ее работники. 1921, № 4, с. 9–10.
31. ГА РФ, ф. Р-4959, оп. 1, д. 5, л. 12–12об.
32. Там же, л. 26.
33. Там же, л. 42.
34. ВЕРНАДСКИЙ В. Ук. соч., с. 10.
35. От Боспорского университета. – Таврический голос. 1920, 3 апр.
36. К. Открытие Боспорского университета. – Русское дело. 1920, № 78, 10 (23) сент.
37. Н.А.Ж. Обзорение г. Керчи: для приезжих. – Там же, № 55, 12 (25) авг.; Открытие Боспорского университета. – Время. 1920, № 54, 11 сент.
38. Хроника. – Русское дело. 1920, № 116, 27 окт. (9 нояб.).
39. ЛАВРОВ В.В., БОБКОВ В. В. Боспорский университет (1917–1920 гг.): к истории становления высшего образования в Крыму. – Ученые записки Таврического национального ун-та им. В. И. Вернадского. История. Т. 18 (57). 2005, № 1, с. 116–117.
40. ЛЕБЕДЕВА В. М. Ук. соч., с. 103–104.

От науки к политике: судьбы участников студенческих объединений Санкт-Петербургского университета 1880-х гг.

Д. А. Баринов, Б. М. Абдулина

Аннотация. Студенчество Санкт-Петербургского университета имперского периода являлось не только источником кадров для ученого сообщества или царской бюрократии, но и той средой, где зарождались будущие политики самых разных направлений. Значительную роль в формировании политических взглядов студентов играли кружки, которые в 1880-е гг. переживали расцвет своей деятельности. В публикации прослеживается, какой политический путь проделали лидеры таких научных организаций, как Научно-литературное общество, Кружок Ольденбурга и кружки, созданные студентами с национальных окраин. Также обращается внимание на то, как представители разных типов студенческих организаций относились к научно-просветительской и политической деятельности.

Ключевые слова: студенческое Научно-литературное общество, Кружок Ольденбурга, студенческое движение, Санкт-Петербургский университет.

Abstract. Not only did students of the St. Petersburg University of the Imperial period become members of scientific personnel or imperial bureaucracy, but they also formed the environment in which they could share their political views. Politicians of different views came out of this environment. The circles flourishing in the 1880s played a significant role in the formation of students' political views. In this article we will observe which political paths were chosen by the leaders of such circles as Scientific and literary society, the Oldenburg's circle and the circles organized by students from remote regions. We will also try to find out how students of different political views have introduced new functions to scientific communities.

Key words: Scientific and literary society, the Oldenburg's circle, student movement, St. Petersburg University.

Санкт-Петербургский университет второй половины XIX в. играл важную роль как в научной, так и в общественной жизни империи. На 1880-е гг. пришелся первый расцвет деятельности студенческих организаций. Часто создаваясь как чисто научные общества, студенческие объединения становились стартовой площадкой для будущей политической карьеры молодежи. В настоящей публикации будут рассмотрены различные типы перехода от науки к политике в период, начавшийся после 1 марта 1881 г., и до конца 1880-х годов.

Деятельность студенческих организаций 1880-х гг. оставила яркий след в отечественной истории и нашла заметное отражение в историографии. Интерес к этой теме возник еще до революции. Из посвященных собственно студенческим организациям следует назвать книгу С. П. Мельгунова¹; для реконструкции мнений правительства по университетскому вопросу важны работы А. И. Георгиевского², С. В. Рождественского³. Советская историография, несмотря на известную тенденциозность, представлена работами, задавшими основные векторы в изучении темы. Отметим только наиболее важные из них, с нашей точки зрения. Так, Г. И. Щетинина в монографии «Университеты России и устав 1884 г.» рассматривает деятельность Министерства народного просвещения по отношению к университетской корпорации как «университетскую контрреформу», указывая на излишнюю бюрократизацию в управлении высшей школой⁴. С другой стороны, внимание исследователей привлекала тема студенческого движения, во многом связанная с революционной борьбой. Основанные на богатом фактическом материале, их работы позволили составить представление о повседневных практиках членов студенческих, прежде всего радикальных, организаций⁵. Университетский вопрос в России становился также объектом внимания зарубежных историков⁶. На современном этапе можно говорить о многоаспектном изучении отечественной высшей школы. Обращаясь собственно к теме студенческих организаций, следует назвать работы О. Б. Вахромеевой⁷, Д. А. Завьялова⁸, А. Е. Иванова⁹, Н. Я. Олесич¹⁰, Е. А. Ростовцева¹¹ и других современных ученых, в которых пересматриваются оценки советской историографии, а также выявляются новые проблемы истории студенческого движения в дореволюционной России (в частности деятельность неполитических кружков или революционных групп, не связанных с социал-демократическим движением). Весомый вклад в развитие темы истории высшей школы по-прежнему вносят зарубежные исследователи¹².

Путь 1. Революционный. Наиболее скоротечную политическую «карьеру» сделали участники террористического народнического движения, которые начинали свою деятельность с работы в научных кружках. В 1882 г. при столичном университете было создано легальное Научно-литературное общество (НЛО), возглавляемое профессором и филологом О. Ф. Миллером и его заместителем, известным юристом, профессором Н. Л. Дювернуа. Согласно мнению, утвердившемуся в историографии, общество явилось противовесом нелегальным студенческим организациям и должно было занимать студентов научными изысканиями, отвлекая от подпольной политической борьбы. Разумеется, в официальных доку-

Баринов Дмитрий Андреевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: barinovdima1990@yandex.ru; *Абдулина Бэлла Марсельевна* – бакалавр IV курса Института истории СПбГУ. E-mail: abdulina97@mail.ru.

Barinov Dmitriy A. – PhD (History), researcher at the Institute of History, St. Petersburg State University. E-mail: barinovdima1990@yandex.ru; *Abdulina Bella M.* – IV year bachelor of the St. Petersburg State University, Institute of History. E-mail: abdulina97@mail.ru.

ментах подчеркивалась исключительно научная мотивация создания общества: «Члены их сходятся между собой вполне случайно, и не связаны никакими внешними интересами... необходимо образоваться значительному, сплоченному кругу молодежи, единение которого зиждилось бы... на основе общих, высоких идей»¹³.

Однако реальная деятельность НЛЮ и поведение его участников значительно отличались от заявленных официально. Член общества А. А. Корнилов вспоминал: «Вскоре после открытия обнаружилась скрытая цель общества – сплотить те элементы студенчества, которые могли бы деятельно противиться весьма распространенной в студенческой среде революционной пропаганде. Как только эта скрытая цель обнаружилась, произошел раскол и разлад, поведший к выходу из его состава большей части его учредителей»¹⁴. Вероятно, слова Корнилова являлись до определенной степени преувеличением, однако несомненно, что помимо студентов, сторонившихся политики и желавших заниматься наукой, общество притягивало к себе и революционно активную молодежь. При этом попытки отдельных членов заявить, что основной целью общества является борьба с левым студенчеством и помощь в построении будущей карьеры, вызвали всеобщую негативную реакцию¹⁵. Большинство сторонников подобных «правых» идей были вынуждены покинуть общество. Некоторые из них являлись членами монархической «Священной дружины» (отметим, что среди «дружинников» – членов НЛЮ – были также известные в будущем консервативные деятели: А. А. Бобринский – член Государственного совета и попечитель С. – Петербургского учебного округа, И. И. Толстой – министр народного просвещения, адмирал А. Ф. Гейден, промышленник С. С. Абамелек-Лазарев).

Несмотря на то, что председатель НЛЮ – профессор О. Ф. Миллер – был бесконечно далек от революционного радикализма, власть смущали его славянофильские убеждения. Так, в декабре 1885 г. И. Д. Делянов сообщал попечителю учебного округа И. П. Новикову, что в своих лекциях «судить и разбирать поэтов Пушкина и Лермонтова он (О. Ф. Миллер. – Д.Б., Б.А.) будет не по их внутренним достоинствам, а потому насколько каждый из них преклоняется перед народом и служит ему». Особенное возмущение министра вызывала будто бы высказанная профессором мысль о том, что вышеназванных великих поэтов «загубила «чернь, не та чернь, которую мы привыкли так называть, а настоящая та сволочь, плавающая с комфортом, повторяю, сволочь плавающая с комфортом»»¹⁶. В 1887 г. Миллер был отстранен от преподавания в связи с тем, что в лекции, посвященной кончине М. Н. Каткова, осудил политику государственно-консервативного абсолютизма, проводимую правительством. Он отказался дать письменное изложение своей лекции по требованию попечителя учебного округа, но опубликовал ее в газетах. Делянов назвал такой поступок «присвоением себе ничем не ограниченной свободы слова на кафедре». Миллер, в свою очередь, говорил о профессорской совести и обязанности делиться своим «мнением и сомнением» со слушателями лекций¹⁷. Этот инцидент послужил поводом для отстранения Миллера. Основной же причиной этого шага послужили связи возглавляемого им НЛЮ с кружком А. И. Ульянова.

Необходимо отметить, что в определенной степени изначально цели общества были реализованы – в его рамках свою научную карьеру начали будущие крупные ученые: В. И. Вернадский, А. С. Лаппо-Данилевский, А. А. Корнилов, И. М. Гревс, М. А. Дьяконов и др. Однако во второй половине 1880-х гг. в ряды общества проник и революционный «элемент» – в частности, секретарем общества был избран А. И. Ульянов, с докладами выступали В. В. Водовозов, В. В. Бартенев; членами НЛО также были П. А. Шевырев, И. Д. Лукашевич, П. И. Андреюшкин, В. Д. Генералов, М. Н. Канчер и др., т.е. почти весь актив будущих вторых «первомартовцев»¹⁸.

Пользуясь прикрытием Научно-литературного общества и созданного впоследствии Союза землячеств, а также связями, заведенными в нем, будущие народники смогли через широкую сеть землячеств организовать подпольную структуру, которая ставила перед собой радикальные политические задачи. Первоначально они заключались в организации демонстраций (крупнейшая – в феврале 1886 г. по поводу годовщины смерти Н. А. Добролюбова), изучении и распространении нелегальной литературы (специальная библиотека находилась на квартире Ульянова). Впоследствии сторонники Ульянова встали на путь революции, создав «Террористическую фракцию партии «Народная воля»», подготовившую покушение на Александра III.

Разумеется, в этот период в университете были и другие заметные революционные общества (Кружок Благоева, Центральный кружок Народной Воли), но они изначально позиционировали себя как политические, а не научные, и на этом основании остались за рамками настоящего исследования.

В итоге, можно говорить, что студенты, осознавшие необходимость революционной борьбы, пользовались легальными структурами научных обществ, в которых состояли на тот момент, либо пытались навязать политическую повестку сообществам, которые изначально ставили перед собой иные цели (землячества). Судьба студентов, вставших на радикальный путь борьбы и вошедших в состав Террористической фракции, довольно печальна: члены ядра вторых «первомартовцев» были казнены в 1887 году. Та небольшая часть, что пережила каторгу, не вернулась в политику (за исключением М. В. Новорусского, ставшего эсером, и Ю. Пилсудского, вошедшего в ряды Польской социалистической партии).

Путь 2. Вне политики. Другим студенческим обществом, ставившим перед собой исключительно научные задачи, стал Ольденбургский кружок. Его принципиальное отличие от НЛО состояло в том, что он не был разрешен властями, а был сформирован университетскими товарищами без присмотра со стороны профессуры. Среди участников кружка были известные в будущем ученые и общественно-политические деятели: братья С.Ф и Ф. Ф. Ольденбурги, А. А. Корнилов, Д. И. Шаховской, В. И. Вернадский, А. А. Кауфман. Кружок ставил перед собой задачу изучения народной литературы, ведения научных дискуссий, а также сотрудничества с Комитетом грамотности при Вольном экономическом обществе¹⁹. При этом члены кружка Ольденбурга активно участвовали и в деятельности НЛО.

Кружок не только декларировал свой отказ от политической деятельности, его члены старались на деле противодействовать политическому радикализму и студенческой фронде: в ноябре 1882 г. они выступали против сходки, однако, согласно воспоминаниям, вместе с «бунтарями» были задержаны полицией²⁰. Члены кружка позиционировали себя как своеобразный резерв научной интеллигенции и готовились к общественной деятельности, но только в будущем. Вот как излагал подобные идеи Шаховской: «... мы собирались заниматься все такими важными материями, разгадывать такие глубокие тайны, решать столь общие вопросы – о судьбе России, о свойствах русского народа»²¹.

В это же время, вероятно, через участие в работе Научно-литературного общества члены кружка Ольденбурга имели неплохие личные контакты с кружком Ульянова. Например, обе группы поддержали В. И. Семевского, после запрета чтения его курсов по русской истории (впоследствии Корнилов посвятит народнику Семевскому несколько комплиментарных статей). Им работа в научном кружке помогла укрепить неформальные связи и выработать общую политическую идеологию, которой они оставались верны долгие десятилетия²². Немалую роль в сохранении этих связей сыграло созданное на базе кружка Приютинское братство²³.

Между тем, кружок Ольденбурга не был единственным в своем роде, с начала 1880-х гг. в университете под руководством С. Ф. Платонова действовал «Кружок русских историков», который также сознательно сторонился политической активности. Расхождения между этими двумя кружками стало важным фактором в формировании будущего уклада университетской жизни. Как отмечает Е. А. Ростовцев: «Противостояние, начавшееся в это время, в дальнейшем во многом сформировало как расстановку сил в научном мире «петербургской исторической школы», так и внутрикorporативные отношения на историко-филологическом факультете, а отчасти и «партийные» отношения между «кадетами» и «консерваторами» в университетском мире в 1900-е – 1910-е гг.»²⁴.

Несмотря на схожесть поставленных перед кружками задач «ольденбургцы» все же пошли дальше чисто научной карьеры и в отличие от «русских историков» оставили заметный след не только в науке, но и в политической жизни империи. А. А. Корнилов, В. И. Вернадский, А. А. Кауфман, С. Ф. Ольденбург, Д. И. Шаховской, И. М. Гревс, А. С. Лаппо-Данилевский были заметными деятелями либерального движения страны и выступили одними из основателей кадетской партии. С. Ф. Ольденбург и Шаховской впоследствии стали министрами Временного правительства. Только С. Е. Крыжановский приобрел более консервативные взгляды и после 1905 г. стал ближайшим соратником П. А. Столыпина, получив пост товарища министра внутренних дел и государственного секретаря.

Путь 3. В борьбе за национальное освобождение. Отдельного рассмотрения заслуживают студенческие общества, созданные по национальному принципу, прежде всего, наиболее заметные из них, организованные латышами и эстонцами.

Ярким примером активной деятельности национальных организаций 1880-х гг. является деятельность кружка студентов-латышей²⁵, состав которого, как покажет время, был действительно выдающимся. В него

входили будущий поэт Я. Райнис (Плиекшанс), революционер, правовед и государственный деятель П. И. Стучка, будущий член большевистской партии В. В. Курнатовский ²⁶.

Стучка являлся студентом юридического факультета и вместе с другими студентами (среди которых был и Ян Райнис) участвовал в выпусках периодического издания на латышском языке «Dienas Lapa» («Ежедневный листок»), которое являлось важной частью национально-освободительного движения Латвии конца 1880–1890-х годов. Газета публиковала как статьи на злободневные темы, так и переводы художественных произведений и литературную критику ²⁷. При этом основной посыл материалов был направлен не против России, а, как вспоминал Райнис, против «немцев и их господства» ²⁸.

Постепенно издательский коллектив «Ежедневного листка» существенно расширился за счет студентов и представителей латышской интеллигенции не только столицы, но и провинции. Результатом этого укрупнения стало образование движения «Jaunā strāva» («Новое течение»). Изначально в него входили как либералы, так и социалисты (имевшие контакты с кружками рабочих). Но под давлением последних «Ежедневный листок» приобретал все более левый «окрас» ²⁹.

Представителем студентов-латышей в Союзе землячеств 1880-х гг., руководимом Ульяновым, был рижанин В. К. Курнатовский. Исследователи отмечают, что он принимал участие в деятельности Союза, вел пропаганду среди рабочих за Невской заставой ³⁰ и определенно имел связи с террористами-народниками. Тем не менее, следствие, проведенное после неудавшегося покушения на императора, не выявило оснований для тюремного заключения Курнатовского, поэтому власти ограничились его отчислением из университета и в качестве «неблагонадежного» передали под надзор полиции. Впоследствии было принято решение о его высылке и запрете на поступление в высшие учебные заведения, а также проживание в университетских городах ³¹.

Активной политической деятельностью отличалось эстонское студенчество. С начала 1880-х гг. в Петербурге существовал «Кружок друзей», создатели которого, как и студенты-латыши, преследовали исключительно просветительские цели. Первоначально численность кружка была крайне небольшой – около полутора десятков студентов универсантов и учащихся Духовной академии. Кружковцы проводили собрания, участвовали в мероприятиях, проводимых Эстонским благотворительным обществом. Постепенно активность «Кружка друзей» начала сходиться на нет, однако деятельность студентов университета Г. А. Эрьяпеа и А. Ф. Томбаха способствовала его сохранению ³². Нелегальная по своей сути деятельность не помешала первому успешно закончить университет, по окончании которого он получил справку о своей непричастности к деятельности противоправительственных организаций ³³.

В середине 1890-х гг. студенты стали занимать главенствующую позицию в «Кружке». Его главой был избран Я. Теэмант, который в 1920–1930-х гг. дважды станет президентом независимой Эстонии. Видным участником кружка являлся В. Лендер – первый эстонец, градоначальник Ревеля.

Эстонские и латышские организации – наиболее яркие, но не единственные примеры внедрения научных и образовательных практик в по-

литику. Для последних десятилетий XIX – начала XX в. были характерны многочисленные студенческие кружки, связанные с разными национальными группами (украинцы, поляки, евреи, белорусы и др.). Деятели таких научных и просветительских студенческих объединений стали заметными фигурами в истории национальных республик в революционный и постреволуционный периоды.

В заключение необходимо определить, какую роль сыграли научные и просветительские студенческие кружки в политической карьере их наиболее выдающихся членов. В той или иной степени кружки служили местом формирования общественно-политических связей будущих деятелей консервативного, либерального, революционного лагерей, а также национальных политических элит. Для студентов разных взглядов научные организации служили местом обретения единомышленников. Наиболее ярким примером в данном случае может служить история Научно-литературного общества.

Для организаторов национальных кружков, как и для студентов-революционеров научная и просветительская деятельность была неотделима от политической борьбы. Борьба за собственный язык, культуру неминуемо подталкивала их к выступлениям против самодержавия. Студенты, сторонившиеся революционной деятельности, заявляли об аполитичности организуемых ими научных обществ. Вместе с этим необходимо отметить, что аполитичность, которая должна быть главной характеристикой университетской жизни, понималась разными кружками (и разными преподавателями) по-разному. Студенты-революционеры рассматривали аполитичность как проявление реакционности и пассивное соглашательство. Кружок Ольденбурга считал непозволительным участие студентов в революционном движении, но допускал проявление либеральных взглядов. В «Кружке русских историков» полагали, что в университете нет места ни либеральной, ни революционной фронде и по общей характеристике воззрений своих участников он может быть отнесен к консервативному лагерю (т.е. к тем, кто не выступал против самодержавия). Таким образом, декларируемая членами научных кружков цель – «быть вне политики» – являлась во многом фиктивной, поскольку даже форма подобной «декларации» на деле отражала приверженность той или иной идеологии. Это позволяет объяснить, почему все вожаки «аполитичного» кружка Ольденбурга в итоге стали активными членами либеральной кадетской партии.

При этом связи, обретенные в кружках, также играли большую роль в будущей общественно-политической карьере студентов. В этом смысле очевидно, что правительственная инициатива, направленная на создание неполитической, «научной» альтернативы нелегальным студенческим организациям, не только полностью провалилась, но и дала эффект, противоположный ожидаемому. В это же время организации, созданные студентами «снизу», по собственной инициативе, куда успешнее справлялись с поддержанием идеологической «линии», то есть приверженцы революционной борьбы преуспели в поиске и объединении сторонников, кружок Ольденбурга и «Кружок русских историков» успешно занимались научной деятельностью, оставаясь вне политики и не допуская радикалов в свои ряды.

Таким образом, функции и задачи студенческих сообществ, даже будучи закрепленными документально, могли меняться в зависимости от приоритетов их лидеров. При этом деятельность научных кружков, не замыкаясь исключительно на академических целях, послужила началом политической карьеры для многих их членов.

Примечания

Статья подготовлена при поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук МК-5118.2018.6 (Высшая школа Российской империи как центр формирования политических элит (1884–1917 гг.).

1. МЕЛЬГУНОВ С. П. Из истории студенческих обществ в русских университетах. М. 1904.
2. ГЕОРГИЕВСКИЙ А. И. Краткий очерк правительственных мер и предначертаний против студенческих беспорядков. СПб. 1890.
3. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ С. В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения, 1802–1902. СПб. 1902.
4. ЩЕТИНИНА Г. И. Университеты России и устав, 1884 г. М. 1976.
5. ВОЛК С. С. Народная воля. 1879–1882. М. – Л. 1966; КАЗАКЕВИЧ Р.А., МАНДЕЛЬ С. З. Научная и культурно-просветительная деятельность прогрессивного студенчества 80-х годов XIX в. Л. 1967; ЖУЙКОВА Р. Г. Революционные студенческие кружки С. – Петербургского университета 80-х годов XIX века. В кн.: Очерки по истории Ленинградского университета. Т. 2. Л. 1968, с. 41–51.
6. См. напр.: BROWER D. Training the Nihilists: Education and Radicalism in Tharist Russia. Ithaca-N.Y. 1975; KASSOW S. D. Students, Professors and the State in Tsarist Russia. Berkeley. 1989.
7. ВАХРОМЕЕВА О. Б. Студенческое «научно-литературное общество» при Петербургском университете в 1880-х гг. В кн.: Материалы XXX Межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов. Секция истории филологического факультета. СПб. 2001, с. 17–22.
8. ЗАВЬЯЛОВ Д. А. Студенческие научные общества в конце XIX – начале XX вв.: Дисс. канд. ист. наук. СПб. 2006.
9. ИВАНОВ А. Е. Студенческая корпорация России конца XIX – начала XX века: опыт культурной и политической самоорганизации. М. 2004.
10. ОЛЕСИЧ Н. Я. Господин студент Императорского С. – Петербургского университета. СПб. 1998.
11. РОСТОВЦЕВ Е. А. Столичный университет Российской империи: ученое сословие, общество и власть. М. 2017.
12. BALZER H. The problem of Professions in Imperial Russia. In: Between Tzar and People: Educated Society and the Quest for Public Identity in Late Imperial Russia. West. Princeton, NJ. 1991, p. 183–198; MORRISSEY S. K. Heralds of Revolution. Russian Students and the Mythologies of Radicalism. N.Y. 1998; МАРУЕР Т. «Барометры» или «маяки» общества? Избранные статьи по социальной истории русских и немецких университетов. М. 2015.
13. [ЖУКОВСКИЙ Я. Е. Желательное положение студентов]. Рукописный отдел Института русской литературы Российской Академии наук (РО ИРЛИ РАН), ф. 341, оп. 1, д. 200, л. 24 об.—25.
14. КОРНИЛОВ А. А. Воспоминания о юности Ф. Ф. Ольденбурга. – Русская мысль. 1916, август, № 8, с. 49–86.
15. РОСТОВЦЕВ Е. А. Ук. соч., с. 336.
16. [Министр народного просвещения И. Д. Делянов – Попечителю Санкт-Петербургского учебного округа И. П. Новикову 7 декабря 1885 г. № 369]. Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 733, оп. 149, д. 827, л. 591–591об.
17. МАЛИНОВ А. В. Петербургский славянофил Орест Фёдорович Миллер. – Вече. 2016, № 28, с. 163–165.

18. КАЗАКЕВИЧ Р.А., МАНДЕЛЬ С. З. Ук. соч., с. 63.
19. Там же, с. 26–27.
20. ГАЛИМЗЯНОВА Е. А. Федор Ольденбург и его друзья: у истоков Приютинского Братства. – Вестник МГУ. Серия.8. 2015, № 3, с. 69.
21. ШАХОВСКОЙ Д. И. Письма о Братстве. – Звенья: Исторический альманах. М. – СПб. 1992, вып. 2, с. 186.
22. ЛЕВАНДОВСКИЙ А. А. Из истории кризиса русской буржуазно-либеральной историографии. А. А. Корнилов. М. 1982, с. 10–13; КАГАНОВИЧ Б.С. С. Ф. Ольденбург: опыт биографии. СПб. 2006, с. 14–19; ВОРОНКОВА И.Е. Д. И. Шаховской. Жизнь, отданная людям. М. 2007, с. 13–21.
23. См. подробнее: ЕРЕМЕЕВА С. А. Приютинское братство как феномен интеллектуальной культуры России последней трети XIX – первой половины XX вв. Автореф. дисс. канд. ист. наук. М. 2007; КАГАНОВИЧ Б.С. О генезисе идеологии «Ольденбургского кружка» и «Приютина братства». В кн.: Русская эмиграция до 1917 г. – лаборатория либеральной и революционной мысли. СПб. 1997, с. 90–103.
24. РОСТОВЦЕВ Е. А. Ук. соч., с. 335–336.
25. РОМАНОВА Н.М., МИХАЙЛОВА В. В. Национальные общества Санкт-Петербурга XVIII–XXI вв. СПб. 2004, с. 64.
26. ВОЛЧЕК Г., ВОЙНОВ В. Курнатовский. М. 1961, с. 23–24.
27. ДРИБИН Л. Знаменосец ленинизма в Латвии. Очерк жизни и деятельности П. И. Стучки. М. 1981, с. 14; ДАУГЕ П., РАЙНИС И. Певец борьбы, солнца и любви. М. 1920, с. 19–20.
28. Цит. по: КРАУЛИНЬ Л. Ян Райнис. М. 1957, с. 21.
29. Там же, с. 28.
30. ОКУЛОВА Е. Виктор Константинович Курнатовский. М. 1948, с. 3.
31. МОРШАНСКАЯ М. В. К. Курнатовский. Л. 1926, с. 12.
32. ИСАКОВ С. Г. Эстонские общества и организации в Петербурге в XIX – первые годы XX в. и их культурно-просветительная деятельность. – Россия и Балтия. М. 2004, вып. 3, с. 176.
33. [Студент Ганс Антонович Эрьяпеа]. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб.), ф. 14, оп. 3, д. 27 142, л. 75.

К проблеме сейидов в кавказском государстве Имамат (XIX в.)

Т. М. Айтберов, М. А. Исмаилов

Аннотация. Публикация посвящена одному из слабо разработанных вопросов, касающихся внутреннего строя государства кавказских суннитов XIX века. Речь идет о месте сейидов в кавказском Имамате позапрошлого столетия. В ходе работы удалось выявить и ввести в научный оборот местный материал, написанный в том числе и в главной канцелярии Имамата.

Ключевые слова: Имамат, Дагестан, сейид, Казикумух, имам Шамиль, Нурадин.

Abstract. The publication is devoted to one of the poorly developed issues relating to the internal system of the state of the Caucasian Sunnis of the XIX century. It is about the place of seyids in the Caucasian Imamate. In the course of work it was possible to identify and then introduce into scientific circulation local material, written including in the main office of Imamate.

Key words: Imamate, Dagestan, seyid, Kazikumuh, Imam Shamil, Nuradin.

В среде профессиональных ученых, а также в широких кругах любителей кавказского прошлого существует запрос на создание максимально подробной и достоверной истории Кавказской войны. В рамках данной публикации хотелось бы представить картину внутреннего строя государства, которое именуют Имаматом ¹.

Эта социально-политическая единица XIX в. включала в себя два больших региона. Во-первых, значительную часть Восточного Кавказа – Чечню, Нагорный Дагестан, закавказские зоны исконного расселения этнических дагестанцев, а также земли тюркоязычных кумыков. Во-вторых, территорию с 200-тысячным населением из «черкесов» (адыго-абхазские племена) на Западном Кавказе, которая раскинулась «между Анапой, Сухумом и Карачаем».

Сведения о границах, экономике, системе управления, средневековой государственности, существовавшей в горных районах Дагестана, фиксируют самые различные источники. Они представлены не только дагестанскими историческими преданиями, записанными русскими разведчиками

Айтберов Тимирлан Магомедович – кандидат исторических наук, доцент Дагестанского государственного университета. Махачкала. E-mail: timirlan222@mail.ru; *Исмаилов Магомедсаид Абдулмуслимович* – доктор юридических наук, профессор Дагестанского государственного университета. Махачкала. E-mail: adako28@yandex.ru.

Aitberov Timirlan M. – PhD (History), associate professor at the Dagestan State University. Makhachkala. E-mail: timirlan222@mail.ru; *Ismailov Magomedsaid A.* – doctor of Law, professor at the Dagestan State University. Makhachkala. E-mail: adako28@yandex.ru.

и чиновниками в XIX – начале XX в., но и восточными сочинениями IX–XII веков. Последние датируют становление государственности в Нагорном Дагестане VI веком. Существует, впрочем, научное мнение, которое выводит названный процесс за пределы обозначенного столетия ².

Таким образом, Кавказский Имамат возник не на пустом месте. Родина его создателей представляла собой благодатный, многолюдный, достаточно крупный дагестанский регион, где имелись многовековые традиции политически-организованной жизни. Указанная территория столетиями находилась под управлением мусульманских правителей. Что же касается Имамата, то он представлял собой мусульманское государство, во внутренней структуре которого должен был быть представлен влиятельный общественный слой, именуемый сейиды, то есть «потомки пророка Мухаммеда».

Эти выходцы из арабского племени корейш пользовались в мусульманской среде определенными привилегиями. Там же, где существовала мусульманская государственность, сейиды обладали правом на получение солидной «доли» доходов, в первую очередь, военных трофеев. Это порождало элементы мошенничества и коррупции, и с какого-то времени претендентами на почет в обществе и на древнюю сейидскую «долю» стали выступать самозванцы. Очевидно сбор сейидской «доли» практиковался в пределах Нагорного Дагестана уже с XIV в. в рамках исламизации южной части этого региона ³. Чуть позже здесь распространилось тарикатское учение, что являлось признаком углубления данного процесса ⁴.

Что же касается появления в дагестаноязычной среде самозванцев, желавших получать сейидскую долю, то оно относится к началу XVIII века. В местном арабоязычном документе говорится, что в городе Казикумух (Нагорный Дагестан) проживали настоящие сейиды (90 душ). Они были представлены лакоязычными горцами, хранившими соответствующие арабоязычные бумаги, и, по мнению дагестанских ученых того времени, имевшими право на получение сейидской «доли».

Тогда же в названном горском городе проживало некоторое количество амбициозных личностей, не имевших под рукой каких-либо старинных – арабских или персидских – документов, но все же объявлявших себя сейидами. Большинство земляков считало их потомками слуг (*вакил* (араб.) – «поверенный») настоящих сейидов. К началу XVIII в. потомки сейидских слуг стали «притязать... на сейидство», а также на сейидские «доли» от получаемых военных трофеев.

Интересно, что и имам Шамиль (XIX в.) столкнулся с подобными самозванцами. Последние достаточно активно проявляли себя в предыдущие эпохи, а именно, при ханах XVIII – начала XIX в. ⁵, когда дагестанские войска практически не покидали территорию Южного Кавказа. Как рассказывал Шамиль, находясь в Калуге, своему приставу А. Руновскому, некоторые сейидские «поверенные»-вакили, занимавшиеся сбором сейидских «долей», стали – по прошествии многих лет – менять свое традиционное положение и «присваивать» сейидскую «привилегию», то есть право «потомков пророка Мухаммеда» на уважение и на сейидскую «долю». Делали это самозванцы, устрняя от названной «доли» «настоящих» сейидов.

Шамиль был прекрасным знатоком и толкователем мусульманского права (*фикх*), крупным политиком и военачальником. Он посчитал правильным пригласить в пределы территории, которая находилась под его имамской властью, жителя г. Казикумух, известного тарикатского наставника начала 40-х годов XIX в. Джамалудина, происходившего из зажиточного казикумухского клана Батыровых (лак. *Батирхъул*). Его представители еще в середине XVIII в. добивались от дагестанцев признания себя сейидами и, соответственно, обладателями права на получение «доли», бывшей в то время особенно солидной.

Интересно, что ханы Казикумуха, являвшиеся мусульманами, не признавали, по сути, сам институт сейидства. Джамалудина же они считали всего лишь уважаемым шейхом накшбендийского «пути» в исламе, чей предок жил еще в XVI веке. Шамиль пригласил Джамалудина переселиться в Имамат, учитывая его значимость. Немаловажным моментом было также существование давних, примерно столетних, связей между кланом Джамалудина и Аваристаном, где его признавали сейидом.

Итак, в 1842 г. названный выше «наставник» перебрался вместе со своими особо близкими людьми в пределы Имамата и занял почетное место в формировавшейся государственной системе. Вместе с ним на земли Имамата в 1842 г. перебрался и другой казикумухец – Нурадин. С личностью последнего связан документ, написанный по-арабски и заверенный личной печатью имама Шамиля, в котором утверждалось (под 1275/1858–59 г.), что Нурадин Казикумухский признается в Имамате сейидом, имеющим полное право на сейидскую «долю».

Была на территории Имамата и еще одна семья, которую признал имам Шамиль в качестве сейидской и которой дал право на получение сейидской «доли». Это были жители аварского сел. Кудали (в Гунибском районе РД), считавшие себя потомками казикумухца по имени Бутта, жившего в первой половине XVIII века. В середине XIX в. главой данной кудалинской фамилии считался некий сейид Абдурахман – представитель авароязычной общины автохтонного народа на Восточном Кавказе ⁶.

Прибытие в Имамат шейха Джамалудина вместе с близкими ему людьми, а также Нурадина и его брата Саййидхусайна, причем вместе с «племянниками», как и признание сейидом Абдурахмана Кудалинского, обострило, на наш взгляд, проблему лже-сейидов.

Как следует из так называемого *Кодекса Шамиля* – русскоязычного текста, принадлежащего руке российского офицера XIX в., а также из арабоязычного документа, составленного в имамской канцелярии, имам Шамиль, первым делом, затребовал «родословные», имевшиеся у проживавших в Нагорном Дагестане претендентов на сейидство. Он обязал последних предоставить их в канцелярию вместе со всеми «привилегиями», проистекающими из сейидства. При изучении документов Шамиль пользовался консультациями дагестанских ученых, находившихся тогда в пределах Имамата, а также «старцев», то есть тарикатских авторитетов.

Казикумухская устная традиция утверждает, что при отделении настоящих сейидов от бескорыстных претендентов на сейидство и от самозванцев главную роль играл Джамалудин. С этим можно согласиться, ибо названный тарикатский шейх был тестем Шамиля. Вместе с тем, все важные решения в государстве принимал сам Шамиль. Так, например,

авароязычные сейиды из сел. Кудали получили из имамской канцелярии заверенное оттиском печати Шамиля утверждение себя как личностей, «являющихся потомками Пророка», то есть «сейидами», к 1850 году. Что касается упомянутого выше Нурадина Казикумухского, то ситуация с ним развивалась своеобразно. Решение имама Шамиля признать его сейидом имело место только через 16 лет после переселения Нурадина на территорию Имамата, то есть незадолго до его крушения.

Итак, в сейиды отбирались люди умные и надежные для государства, но, в то же время, имевшие известное всем дагестанцам восточное происхождение, что должно было быть подтверждено письменно. Впрочем, с точки зрения современного источниковедения, письменный материал, имевшийся у дагестанских сейидов, не является бесспорным подтверждением их принадлежности к потомству пророка Мухамеда.

Примечания

1. ДАДАЕВ Ю. У. Государство Шамиля: социально-экономическое положение, политико-правовая и военно-административная система управления. Махачкала. 2006, с. 493.
2. ГАДЖИЕВ М.Г., ДАВУДОВ О.М., ШИХСАИДОВ А. Р. История Дагестана с древнейших времен до конца XV в. Махачкала. 1996, с. 462.
3. ХАПИЗОВ Ш.М., ШЕХМАГОМЕДОВ М. Г. Распространение ислама в Анкратле и Цунте в XV–XVIII вв. – Вопросы истории. 2018, № 3, с. 166–175.
4. KHAPIZOV SH.M., SHEKHMAGOMEDOV M., ABDULMAZHIDOV R. The Khalwatiyya Sheikhs in Dagestan (16th—17th centuries). – Iran and the Caucasus. 2017, т. 21, № 3, с. 303–309.
5. АУТБЕРОВ Т., ХАПИЗОВ S. Pro-Qajar elements in Dagestan (early 19th century). – Iran and the Caucasus. 2010, т. 14, № 2, с. 279–286.
6. ХАПИЗОВ Ш.М. К вопросу о происхождении этнонима Авар. – Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2016, № 2 (46), с. 99–106.

Проблема происхождения и этнической принадлежности племен андроновской культурной общности в работах советских ученых

Е. Б. Барина

Аннотация. Публикация посвящена обзору теорий отечественных ученых второй половины XX в. по вопросу этнической принадлежности племен андроновской культурной общности, которые опирались, прежде всего, на данные археологических, этнографических, лингвистических и антропологических исследований. Для решения этой проблемы советские ученые использовали такие этнодифференцирующие признаки как скотоводческо-земледельческий тип хозяйства, реконструированный по остаткам земледельческих культур и костям животных; топография поселений и тип жилищ; погребальный обряд и ремесленное, в частности гончарное, производство. Установление индоиранской принадлежности племен андроновской культурной общности дало исследователям возможность проследить на археологическом материале продвижение индоиранских племен во II тыс. до н.э. в Среднюю Азию, Индию, Афганистан и Иран, а также преемственность андроновской культуры со сменяющей ее в VIII в. до н.э. культурой ираноязычных народов савроматов и саков.

Ключевые слова: андроновская культурная общность, индоари, этническая принадлежность.

Abstract. The publication is devoted to a review of the theories of Russian scientists of the second half of the 20th century on the ethnic affiliation of the Andronovo cultural community. They relied primarily on data from archaeological, ethnographic, linguistic and anthropological research. To solve this problem, Soviet scientists used such ethno-differentiating features as a pastoral-agricultural type of farm, reconstructed from the remnants of agricultural crops and animal bones, the topography of settlements and the type of dwellings; funeral rite and handicraft, in particular, pottery production. The identification of the Indo-Iranian affiliation of the Andronovo cultural community gave the researchers the opportunity to trace, on archaeological material, the advance of the Indo-Iranian tribes to Central Asia, India, Afghanistan and Iran in the 2nd millennium BC. It also showed the continuity of the Andronovo culture with its replacement culture of the Iranian-speaking peoples Savromat and Sakas in the VIII c. B.C.

Key words: andronovo cultural community, Indo-Aryans, ethnicity.

Проблема происхождения и этнической принадлежности племен андроновской культурной общности для исследователей XX в. была важна не только сама по себе, чтобы приоткрыть очередную малоизученную страницу истории. Прежде всего ее решение интересовало ученых, исследовавших вопросы передвижений древних иранских народов. Занима-

ющая огромную территорию в 3 тыс. км² и простирающаяся в зоне степи и лесостепи от Уральских гор до Енисея, а на юге – вплоть до правого берега Амударьи, андроновская общность находилась на перепутье миграций. Перед ирановедами стоял вопрос о проникновении иранских племен в Переднюю Азию, которые могли прийти либо с востока, либо с севера через Кавказ. Следовательно, доказывая индоиранскую атрибуцию племен андроновской культурной общности, советские ученые могли пролить свет на загадку прародины индоариев. Первоначально она предполагалась в Европе, затем в Передней Азии и даже в Иране и Средней Азии, но окончательно не установлена до сих пор.

Чтобы определить этническую атрибуцию андроновцев, ученые опирались, прежде всего, на данные археологических исследований, которые давали информацию о материальной культуре этих народов и косвенно указывали на их идеологические представления и духовную культуру в целом. Интерпретация археологических материалов позволяла выделить такие этнодифференцирующие аспекты как хозяйственный уклад, погребальный обряд, приемы и технологические особенности строительства жилья, некоторые аспекты ремесленного производства, например, гончарного и ювелирного. Особое внимание уделялось декоративным особенностям и орнаментальным мотивам, которые несли на себе отпечаток духовных представлений на предметах материального мира.

Параллельно с археологическими материалами изучались древнейшие письменные памятники Авеста, Ригведа, Атхарваведа, Махабхарата, а также нарративные источники о культуре ираноязычных народов савроматов и саков, сменивших андроновцев в VIII в. до н.э.

Важную информацию советские ученые получали также из данных этнографических исследований потомков арийских народов, проживающих ныне в Осетии, Гиндукуше, Памире и Индии.

Впервые понятие культурной общности по отношению к андроновским памятникам было введено А. А. Формозовым еще в 50-е гг. XX века¹. К середине 1980-х гг. определение этого понятия окончательно сформировалось. Согласно ему, культурная общность – это динамическая система близко родственных, взаимосвязанных этнических общностей, которые образуют непрерывную сеть в пределах ограниченного ареала. В этой системе должно совпадать большинство этнодифференцирующих признаков, что не исключает возможного разнообразия в пределах этой общности, включая различие в истории расположенных далеко друг от друга субэтносов. Однако единая культурная общность подразумевает единство основных категорий культуры и принадлежность к одной языковой семье.

Баринова Елена Борисовна – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. E-mail: BarinovaElena@rambler.ru.

Barinova Elena B. – PhD (History), associate professor at the Institute of Ethnology and Anthropology named after N. N. Miklukho-Makhlay. Russian Academy of Sciences. E-mail: BarinovaElena@rambler.ru.

При этом было определено, что единицей археологической культурной общности является тип памятников, обладающий определенными этнодифференцирующими признаками, включающими: хозяйственно-культурное развитие, орудия труда и приемы их изготовления, облик поселения и жилища, погребальный обряд с учетом всех его особенностей, керамику и ее орнаментацию, другие специфические черты, не связанные непосредственно с хозяйством, в том числе культуру, верования, язык.

Проведя исследования по этим признакам, ученые пришли к выводу, что петровская, алакульская, федоровская и андроновидные (черкаскульская в Зауралье, сузгунская в Прииртышье и еловская в Томско-Нарымском Приобье) составляют андроновскую культурную общность, генезис которой проходил в три этапа ².

Когда андроновская культура была выделена С. А. Теплоуховым, вопрос о ее происхождении решался на основе преемственности с более ранними на этой территории комплексами ³. Однако с открытием все новых и новых памятников на огромных расстояниях друг от друга, из единой андроновской культуры исследователи стали выделять локальные культуры: алакульскую, федоровскую и др.

При рассмотрении вопроса о происхождении андроновской культуры отечественные исследователи XX в. придерживались двух теорий. Одни полагали, что она возникла в каком-то одном центре и впоследствии распространила свое влияние на другие культуры. Другая группа ученых предполагала одновременное сложение андроновских культурных признаков в каждом отдельном районе их происхождения.

А. А. Формозов считал, что на территории распространения андроновцев уже существовал ряд более ранних культур ⁴. К определенному моменту племени, носители этих культур, достигли такой стадии развития хозяйства (скотоводства, земледелия и металлургии), когда отпала необходимость в специализации по типам хозяйства. Одинаковый образ жизни обусловил одинаковость жилищ и, в связи с этим, типов керамики, создал общность земледельческой идеологии и магической орнаментации сосудов. Таким образом, ученый основывал происхождение андроновской культуры на скрещении различных культур, базировавшихся на развитии скотоводства, земледелия и металлургии. «Широкое взаимодействие культур большой территории и разных антропологических типов вызвало сложение не только единой материальной культуры, но и нового антропологического типа» ⁵.

С этой точкой зрения был не согласен В. Н. Чернецов, считая, что Формозов оперирует абстрактными понятиями, не объясняя, почему именно эти локальные культуры составили общность, а другие, сходные с ними в развитии, например, степные причерноморские, не вошли в нее. Неверным он также считал и то, что Формозов условно объединя племена в общность, не затронул вопроса ее этнической принадлежности.

Чернецов выдвинул гипотезу, согласно которой всю обширную территорию, на которой в будущем будет располагаться андроновская общность, в эпоху позднего неолита и ранней бронзы занимала какая-то весьма развитая культурно-этническая общность, близкая кельтеминарской ⁶, которая и повлияла на андроновцев вместе с западными культурами. Од-

ной из таких культур он считал новокуманскую, имеющую общие черты со срубной. Что касается этнической принадлежности, то Чернецов относил ее к финно-угорской культуре: «На протяжении неолита и бронзы лесные районы Зауралья и Приобья показывают совершенно несомненную культурную и, насколько можно судить по орнаментации керамики, этническую общность с более южными лесостепными и степными областями, влияние которых сказывается все сильнее, особенно в эпоху бронзы... Кельтеминарская культура Приуралья имеет на севере, в лесной полосе, исключительно близкие ей аналоги, что позволяет говорить о наличии на всей этой обширной территории в эпоху ранней бронзы... глубокой культурно-этнической общности. Позднее в пределах этой общности появляются черты уже близкие к андроновским, а вслед за тем... мы видим... на этой же территории расцвет андроновской культуры. Андронидная орнаментация послужила основой для орнаментальной системы манси и хантов, что можно объяснить лишь глубокими этническими связями»⁷. Что касается атрибуции федоровской и алакульской культур, то Чернецов считал их генетически несвязанными. Федоровцев он связывал с протоуграми, близкими к лесным культурам Зауралья, а алакульцев – с населением южных степных областей, срубниками и иранцами. Таким образом, он предполагал, что очаг становления алакульской культуры охватывает западные районы андроновского ареала – Южное Приуралье и Зауралье, Западный и Северный Казахстан.

Теория Чернецова в отношении происхождения федоровской культуры была опровергнута последующими исследованиями Э. А. Фёдоровой-Давыдовой⁸, М. Ф. Косарева⁹ и других ученых. Например, Е. Е. Кузьмина считала, что данные археологических исследований не подтверждают теорию Чернецова, поскольку, во-первых, федоровские комплексы были открыты далеко на юге – на Тянь-Шане, в среднеазиатском междуречье и Южном Таджикистане; во-вторых, установлено, что элементы федоровского орнаментального комплекса сохранились не только у угров, но и у народов других языковых семей: кетов, тюркоязычных казахов, киргизов и якутов, ираноязычных таджиков и народов Индостана; в-третьих, погребальные обряды угров не связаны с федоровской традицией и, в-четвертых, на федоровской территории Сибири выявлены иранские и, возможно, индоиранские топонимы, тогда как в Средней Азии угорских топонимов нет¹⁰.

Таким образом, можно сделать вывод, что ни первая, ни вторая точка зрения не смогла найти себе достаточно веских доказательств, чтобы быть принятой исследователями XX в. в качестве наиболее научно обоснованной версии происхождения племен андроновской общности. Однако большая часть андроноведов предполагает этническую принадлежность андроновцев к индоиранским народам¹¹.

Эта теория была выдвинута еще И.М. и М. М. Дьяконовыми¹². Исследователи доказывали эту теорию путем сопоставления категорий андроновской материальной культуры с культурами ираноязычных народов савромат и саков, живших на этой же территории в XII–XV вв. до н.э. По их мнению, преемственность устанавливалась не только по элементам материальной культуры, но и по функционально обусловленным, этнически значимым форме и орнаменту керамики; традициям архитектуры жи-

лица, которая сохранилась не только в наземных сооружениях, но и в погребальных памятниках – домах мертвых (подкурганых сооружениях); деталям костюма, в том числе, головных уборах, служивших племенным показателем, и т.д.

Одним из важнейших признаков, позволяющих установить родство групп населения, культур и даже общностей, является технология гончарного производства и орнаментация сосудов, так как они специфичны у разных этнических групп. В условиях домашнего ремесла традиции производства передаются и устойчиво сохраняются из поколения в поколение. Особенно этот аспект важен для выяснения этнической принадлежности племен андроновской культурной общности, поскольку это самый массовый археологический материал с поселений и из погребальных памятников.

К. Ф. Смирнов считал, что прослеживается «прямая зависимость ряда форм и орнаментов савроматской керамики от срубно-андроновской, причем в самом производственном процессе сохранились традиции местного населения эпохи бронзы»¹³. Савроматская керамика формовалась, как и алакульская, из глины с примесью песка, дресвы, шамота и других добавок ленточным способом кольцевого налета на широкое выступающее днище с закраинами. По этим и ряду других признаков Смирнов видел в этом «несомненную прямую генетическую связь савроматской керамики с керамикой срубной и андроновской культур»¹⁴.

Сравнивая технологию изготовления андроновской керамики с техникой гончарного производства ариев, исследователи нашли определенные сходные черты. О технологии гончарства ариев известно из этнографических исследований потомков индоариев на Памире, Гиндукуше, в Индии, Пакистане. Другим источником информации по этому вопросу служили ведийские тексты.

Ученые-этнографы полагают, что традиционные способы изготовления керамики сохраняются в общине и передаются от матери к дочери, что делает технологию гончарства надежным этническим признаком. Как считает Е. Е. Кузьмина, «прослеженная преемственность производственных традиций гончарства от современных индийцев Пакистана и ираноязычных таджиков к ираноязычным усуням, сакам и сарматам и, наконец, алакульцам и петровцам является важнейшим аргументом в пользу признания иранской принадлежности андроновцев»¹⁵.

Для решения проблемы атрибуции андроновской культурной общности через данные археологических исследований советские ученые использовали такие этнодифференцирующие признаки как скотоводческо-земледельческий тип хозяйства, реконструированный по остаткам земледельческих культур и костям животных, топографию поселений и тип жилищ; погребальный обряд и ремесленное производство. Дав характеристику андроновской культурной общности по этим признакам, они соотнесли данную информацию со сведениями, полученными в результате изучения древних текстов, отражающих арийские традиции, а также с данными этнографии народов, потомков ариев, в чьей культуре прослеживаются древние традиции. В результате, ряд исследователей пришли к заключению, что, по археологическим данным, племена андроновской культурной общности относятся к индоиранским.

Это прослеживается по специфичным признакам, в совокупности совпадающим только у андроновцев и древних ариев, таких, как:

– земледельческо-скотоводческий тип хозяйства, где особое внимание уделено разведению лошадей, полностью отсутствует свиноводство, но используются собаки. Важную роль играют быки, двугорбые верблюды и овцы;

– в строительстве жилищ применяется каркасно-столбовая конструкция домов; схожи планировка помещений и типы перекрытий, обряды, связанные с возведением и вселением в дом; скот содержится в одном помещении с людьми;

– в погребальном обряде отмечаются два способа погребений – трупоположение и кремация – и сопровождающие их обряды; виды погребальных камер и надмогильные сооружения – курганы; особая роль коня в жертвоприношении; наличие в погребальном инвентаре соляной символики;

– в гончарном производстве: изготовлением посуды занимаются женщины; производство керамики – ручное; совпадают технологии производства формовки на матерчатом шаблоне, кольцевого налёпа и наложения лент и подлёпа дна, трехзонная конструкция; характерный соляной орнамент. Андроновский орнамент можно трактовать через арийские символы как отражающий мировоззрение;

– сходство антропологических типов.

Установление индоиранской принадлежности племен андроновской культурной общности дало исследователям возможность проследить на археологическом материале продвижение индоиранских племен во II тыс. до н.э. в Среднюю Азию, Индию, Афганистан и Иран, а также преемственность андроновской культуры со сменяющей ее в VIII в. до н.э. культурой ираноязычных народов савроматов и саков.

Итогом изучения проблемы этнической принадлежности андроновцев в XX в. стало комплексное подробное исследование Кузьминой, опубликованное в 1994 году¹⁶. Свою задачу автор видела в том, чтобы сопоставить лингвистические и археологические данные по разным аспектам происхождения и расселения индоиранцев. Она провела этническую атрибуцию андроновской культуры, проанализировав археологический материал, накопленный за 80 лет ее изучения, выполнив реконструкцию материальной культуры и хозяйственно-культурного типа. Исследователь пришла к выводу, что «проникновение на юг носителей различных индоиранских диалектов, вероятно, было длительным и одновременным процессом, не сопровождавшимся массовой сменой аборигенного населения...» При этом те изменения, которые наблюдались в духовной и материальной сферах, могли быть связаны с приходом населения, говорившего на различных индоиранских диалектах.

Примечания

1. ФОРМОЗОВ А. А. К вопросу о происхождении андроновской культуры – Краткие сообщения института истории материальной культуры (КСИИМК). 1951, вып. 39, с. 3–18.

2. САЛЬНИКОВ К. В. Бронзовый век Южного Зауралья. В кн.: Материалы и исследования по археологии СССР (МИА). 1951, № 21; ЕГО ЖЕ. Очерки древней истории Южного Урала. М. 1967, с. 315–325.
3. ТЕПЛОУХОВ С. А. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края. В кн.: Материалы по этнографии. Т. IV. Вып. 2. 1929, с. 43–44, 58; ЕГО ЖЕ. Андроновская культура. В кн.: Сибирская энциклопедия. Новосибирск. 1929.
4. ФОРМОЗОВ А. А. Ук. соч.
5. Там же.
6. ЧЕРНЕЦОВ В. Л. К вопросу о месте и времени формирования финноугорской этнической группы. В кн.: Методология этногенетических исследований. М. 1951; ЕГО ЖЕ. Древняя история Нижнего Приобья. – МИА. № 35, 1953, с. 49–62; ЕГО ЖЕ. К вопросу о месте и времени формирования уральской (финно-угро-самодийской) общности. В кн.: Congress internationalis Fenno Ugristarum. Budapest. 1963, с. 405–411.
7. ЧЕРНЕЦОВ В. Н. Древняя история Нижнего Приобья, с. 58–61.
8. ФЁДОРОВА-ДАВЫДОВА Э.А. К вопросу о периодизации памятников эпохи бронзы в Южном Приуралье. В кн.: Археология и этнография Башкирии. Т. II. Уфа. 1964, с. 92.
9. КОСАРЕВ М. Ф. О культурах андроновского времени в Западной Сибири. – Советская археология. 1965, № 2, с. 243.
10. КУЗЬМИНА Е. Е. Откуда пришли индоариини? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. М. 1994, с. 33.
11. КУЗЬМИНА Е. Е. История изучения памятников андроновской культурной общности. URL: <https://arheologija.ru/istoriya-izucheniya-pamyatnikov-andronovskoy-kulturnoy-obshhnosti>.
12. ДЬЯКОНОВ И. М. История Мидии. М. – Л. 1956; Дьяконов М. М. Очерк истории древнего Ирана. М. 1961.
13. СМИРНОВ К. Ф. Савроматы. М. 1964, с. 115–116.
14. Там же, с. 188.
15. КУЗЬМИНА Е. Е. Гончарное производство у племен андроновской культурной общности. В кн.: Восточный Туркестан и Средняя Азия в системе культур древнего и средневекового Востока. М. 1986, с. 178.
16. КУЗЬМИНА Е. Е. Откуда пришли индоариини?

К вопросу об инкорпорации монгольских народов в состав Цинской империи

Б. В. Базаров, Д. Д. Бадараев, А. Д. Гомбожапов,
Е. В. Нолев

Аннотация. В публикации рассматриваются основные аспекты и механизмы процесса инкорпорации монгольской политической элиты в имперскую административную структуру. Анализируются основы этнонациональной политики маньчжурской династии и место в ней Монголии. Особый статус внешнего вассала северной Монголии был продиктован стратегической важностью и военно-политическим значением региона как в начальный период становления маньчжурского государства, так и на последующих этапах территориального расширения империи Цин. Показано, что система управления регионом была построена на иерархии военно-административной организации населения Монголии при интеграции родовой аристократии в бюрократический аппарат цинского государства.

Ключевые слова: Монголия, Цин, аристократия, владетельные князья, маньчжуры, титулы.

Abstract. The publication discusses the incorporation of the Mongolian political elite into the imperial administrative structure of the Qing state. The foundations of the ethnonational policy of the Manchu dynasty and the place of Mongolia in it are analyzed. The special status of the external vassal of northern Mongolia was due to the strategic importance and military-political significance of the region both in the initial period of the formation of the Manchu state and in the subsequent stages of the territorial expansion of the Qing Empire. It is shown that the system of management of the region was built on the hierarchy of the military-administrative organization of the population of Mongolia with the integration of the clan aristocracy into the bureaucratic apparatus of the Qing Empire.

Key words: Mongolia, Qing, aristocracy, sovereign princes, Manchus, titles.

В истории Китая правление династии Цин было периодом глубоких и важных изменений. На это время приходится значительное расширение территории Китая, более чем в два раза превысившей размеры империи Мин, расцвет экономики и небывалый рост народонаселения, «закрытие» и вовлечение в систему мирового рынка как полуколониальной державы. Императорам династии Цин пришлось столкнуться с большим количеством вызовов, включавших в себя проблемы централизации и легитимизации власти, обустройство огромной территории, внутренние беспорядки, проведение активной внешней политики.

В ходе завоевательных войн цинские правители создали огромную империю, в едином политическом пространстве соединившую этнические территории маньчжуров, проживавших на северо-востоке (Маньчжурия), монголов в Монголии, китайцев во внутреннем Китае, тибетцев в Тибете, Мяо на юго-западе и уйгуров на северо-западе империи или в современном Синьцзяне.

Исследователи склонны рассматривать Цинскую империю в одном ряду с такими империями эпохи раннего модерна как Российская, Оттоманская, Великих Моголов. Основные характеристики, такие, как обширность территории, многонациональность, поликонфессиональность, пограничная политика, административное управление окраинами, идеологический вектор, находят аналогии в других евразийских континентальных державах. В то же время Цинская империя имела свои особенности. Как и в случае с предыдущими иноземными династиями в истории Китая, в культурном и этническом отношении правление маньчжурской династии имело своеобразные черты, свидетельствующие о хрупкости положения элиты завоевателей. Маньчжуры, как, впрочем, и кидани, чжурчжени и монголы, стремились демонстрировать свое расположение и приверженность идеалам конфуцианства, в то же время сохраняя принцип этнической привилегированности. Маньчжуры ценили свою сплоченность, следовательно, доминирование, монополизировав ключевые позиции, внушая страх, объединившись с другим некитайским населением, поддерживая неравенство перед законом, тем самым подчеркивая этнические различия между собой и китайцами хань. Более того, в целом в империи, как утверждает П. Пердью, они стремились нивелировать влияние ханьской культуры, обратившись к некитайским региональным культурам народов Внутренней Азии. Эта политика, гораздо менее синоцентричная, чем политика династий Мин или Сун, укорененная в тюрко-монгольских традициях, поставила собственно ханьский этнос в один ряд с другими

Базаров Борис Ванданович – академик РАН, доктор исторических наук, профессор, врио директора Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. Улан-Удэ. E-mail: bazarov60@mail.ru; *Бадараев Дамдин Доржиевич* – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. Улан-Удэ. E-mail: damdin80@mail.ru; *Гомбожапов Александр Дмитриевич* – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. Улан-Удэ. E-mail: Agombozh@gmail.com; *Нолев Евгений Владимирович* – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. Улан-Удэ. E-mail: nolev@inbox.ru.

Bazarov Boris V. – full member of the Russian Academy of Sciences, doctor of historical sciences, professor, head of Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian branch of RAS. Ulan-Ude. E-mail: bazarov60@mail.ru; *Badaraev Damdin D.* – candidate of sociological sciences, senior researcher at the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian branch of RAS. Ulan-Ude. E-mail: damdin80@mail.ru; *Gombozhapov Aleksandr D.* – candidate of historical sciences, senior researcher at the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian branch of RAS. Ulan-Ude. E-mail: Agombozh@gmail.com; *Nolev Evgeniy V.* – candidate of historical sciences, senior researcher at the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian branch of RAS. Ulan-Ude. E-mail: nolev@inbox.ru.

народами империи и возвела цинских правителей на вершину подлинно универсальной, многоэтнической империи. Способность династии Цин преодолеть исторические территориальные барьеры на северо-западной границе Китая было отражением существенной близости и глубокого понимания маньчжурами степной культурой. Экспансия Цинской империи иллюстрировала те же модели территориальной консолидации, что и Российская. Это позволило Пердю утверждать, что между 1600 и 1800 гг. от Западной Европы до Японии были представлены аналогичные модели политической и культурной интеграции ¹.

Интеграция Внутренней Азии и собственно внутреннего Китая под властью маньчжуров была построена на тонком балансе политических сил и интересов. С одной стороны, сохранялась ограниченная автономность в политическом, социальном и культурном отношении входивших в нее этнических регионов, с другой стороны, угроза национального сепаратизма требовала от центральных властей принятия мер непосредственного контроля, унификации и их постепенного вхождения в общеимперское правовое пространство. Маньчжурские правители стремились дистанцироваться от сближения и слияния не только с китайским этносом, которое бы резко противопоставило их другим неханьским народам, но также от того, чтобы стать выразителями узких национальных интересов, стремясь приобрести наднациональный характер, соответствующий имперским устремлениям.

В то же время маньчжурскими императорами были приняты конкретные законы, направленные на сохранение этнической целостности вассальных территорий, предприняты меры, препятствовавшие проникновению китайской колонизации в национальные регионы. Отсюда вытекало правовое неравенство, дифференцированное отношение со стороны государства к различным этническим группам. Большое значение имели этнические границы между маньчжурами как правящей элитой и ханьцами – самым многочисленным народом в империи. Маньчжурское господство и привилегированное положение маньчжуров среди других этносов были отличительными характеристиками социально-политической структуры Цинской империи. В силу данных обстоятельств этнокультурный фактор играл определяющую роль в политике цинских властей.

Наиболее ярко характер и содержание этой политики проявились в деятельности созданных маньчжурами оригинальных институтов управления завоеванными территориями. Ввод в научный оборот и публикация новых источников на маньчжурском, монгольском и тибетском языках позволили не только взглянуть в целом на окраинную политику цинского правительства, институциональным выражением которой стали Лифаньюань (Палата по делам вассальных земель) и Либу (Палата цензоров), но и обратиться к анализу непосредственно самой деятельности этих центральных органов, выявить их место и роль на определенных этапах становления и развития Цинской империи как мультиэтнического и поликонфессионального государства. Немаловажным обстоятельством служит тот факт, что языковая политика в империи Цин была такова, что наряду с китайским языком указы, касавшиеся управления внешними вассальными территориями, издавались на маньчжурском, монгольском и тибетском языках ².

В ранний период истории Цин внешнеполитические дела были сосредоточены в двух органах центрального правительства – в Палате по делам вассальных территорий (Лифаньюань) и в Министерстве обрядов (Либу). В управлении первого находились Внешняя Монголия, Тибет, Непал, Цинхай. На Министерство обрядов были возложены вопросы по взаимодействию с Кореей, Вьетнамом, Бирмой, Таиландом и другими южно-азиатскими странами ³.

По мере расширения территории и включения в ее состав разных народов и народностей оба учреждения подвергались постоянным институциональным изменениям. Лифаньюань сыграл ключевую роль в создании многонациональной империи Цин как «одной из великих империй в мировой истории» ⁴. Изначально возникнув как учреждение по монгольским делам, вскоре Лифаньюань превратился в полноценный орган правительства по управлению всеми подчиненными Китаю территориями Внутренней Азии, по важности и статусу сопоставимый с остальными шестью ведомствами центрального правительства.

Согласно китайским источникам, основание Лифаньюань относится к 1638 году. Однако, по мнению ряда ученых, маньчжурские источники позволяют говорить о более ранней дате – 1634 году. Точкой отсчета в этом случае предлагается считать приказ Абахая о том, чтобы решения о военных делах относительно монголов Харачин не принимались без консультаций с Монгольским приказом (Мэнгу Ямэнь) ⁵. О том, что создание Лифаньюань было связано с регулированием маньчжуро-монгольских отношений, сказано в географическом справочнике «Цзяцин» Великой Цинн ⁶.

Особое внимание к союзническим отношениям с соседними монгольскими племенами было вызвано их первостепенным значением в пока еще набирающем силу процессе становления маньчжурского государства. Склонив монгольских вождей на свою сторону, маньчжуры усилили военную мощь, получив при этом безусловные стратегические преимущества.

По мере укрепления государственности и абсолютизации власти, связи между маньчжурскими правителями и монгольскими князьями, носившие характер личных, постепенно эволюционировали в отношения подчинения монарху его подданных, введенные в институциональные рамки. Немецкая исследовательница Д. Хёшерт-Лааге пишет, что личные отношения, сложившиеся во времена Хун Тайцзи, поддерживались обменом подарками и выражением дружественного расположения, регулярной перепиской и визитами к императорскому двору. В период правления Хун Тайцзи эти контакты отнюдь не были строго формализованными, но существовали определенные стандарты, относящиеся, например, к процедурам прибытия и отъезда монгольской миссии при дворе, праздничным обедам и характеру взаимных подарков. Тем не менее, все еще оставалось место для свободы и гибкости в этих личных отношениях. Когда же Лифаньюань разработал порядок и установил правила, касающиеся периодичности и состава монгольских делегаций к цинскому двору, все стало гораздо более регламентированным ⁷.

Лифаньюань, являясь проводником политики центра на местах, в то же время обеспечивал в условиях сохранения самобытности общественного

устройства народов Внутренней Азии и традиционных форм местного самоуправления интеграцию в систему имперского управления. Региональные особенности управления отдельными, весьма разнообразными территориями, вырабатывались по мере вхождения этих территорий в состав Цинской империи. Таким образом сформировалась специфическая система косвенного управления национальными регионами, подразумевавшая использование в качестве административных чиновников представителей местной элиты. Знать, чаще всего представлявшая собой родоплеменную верхушку, передавала свою власть по наследству, но при этом значилась на государственной службе.

Идейное содержание политики маньчжуров в XVII в. относительно законодательства для монгольских народов, раскрывается в «Правдивых записях о монголах Цинской империи». В документе, датированном 1623 г., во время пира по случаю присоединения к маньчжурскому государству 17 нойонов урудского племени, Нурхацзи сравнивает монгольские и маньчжурские законы, приходя к выводу о преимуществе последних. «Закон нашего государства справедлив и надежен. Придерживаясь его, мы не подавляем, а превозносим образованных и хороших людей, не терпим плохих и мятежных людей, поэтому у нас нет воровства, обмана и беспорядков. Увидев на дороге что-либо упавшее, мы подбираем и возвращаем хозяину. Поскольку закон нашего государства таков, Небо благоволит нам. Небо осуждает то, что ваши монголы с четками в руках читают молитвы, думая, что вокруг нет воровства и обмана. Это дурманит сознание ваших нойонов, отчего страдает народ. Сейчас вы прибыли ко мне. Образованных людей я буду содержать за их знания. Малообразованных людей я также буду содержать за то, что они пришли ко мне. Не занимайтесь хищением и мошенничеством, в противном случае придется поступить, согласно нашему закону»⁸. В указе Хун Тай-чжи (Абахая) от 1634 г. о звании сановников государства отмечено: «Народы, пришедшие под власть по воле Неба, жили по своим законам, не стремясь к взаимодействию. Они не отказывались от родного языка, переходя на языки других народов. Если не забывать своих корней, то можно существовать вечно. После того, как нойоны Монгольской империи, отказавшись от своего языка, стали именовать себя тибетскими словами, власть их ослабла. Сейчас звания сановников нашей империи звучат по-китайски. Нет ничего хорошего в том, чтобы, зная достоинства, отвергать их, зная недостатки, относиться к ним необдуманно. Разве могу я, унаследовав власть, менять закон нашей империи, подстраиваясь под законы других народов? Отныне и впредь для званий сановников нашего государства, а также названий городов следует использовать язык нашего народа»⁹.

Таким образом, формирование маньчжурских законов для монголов в XVII в. совпало с конструированием цинского законодательства в Китае. В такой ситуации весьма обоснованным представляется стремление маньчжуров сочетать в практике управления присоединенными территориями законы для отдельных частей империи с нормами традиционного права. Более того, в одном из указов Канси говорилось: «Пусть халхасцы, которые объединились, пока соблюдают собственные законы». Это свидетельствует о временном признании традиционного монгольского права и его большом значении при разработке соответствующих правовых

норм. К тому же в начальный период маньчжурского правления чиновники, осуществлявшие политику Цинской империи в Халхе, были монголами по происхождению ¹⁰.

Официальный свод законов для монголов «Цааджин бичиг» 1696 г. определил статус Монголии в составе Цинской империи, закрепив верховную власть императора маньчжурской династии. Примечательно, что наряду с изменением административно-территориального устройства Внешней Монголии, маньчжурами была сохранена пограничная застава, отделявшая Внешнюю Монголию от Китая ¹¹. Суверенная власть монгольских князей была ликвидирована.

Интеграция Внешней Монголии (Халхи) в имперское пространство маньчжурского государства потребовала от цинских властей поэтапного реформирования положения монгольской элиты, сопровождавшегося трансформацией правящего класса в вассально-чиновническое состояние с сохранением определенной степени автономии, элементов традиционной системы управления и привилегий.

Как справедливо отмечает Р. Ю. Почекаев, практика дарования ханских титулов маньчжурскими сюзеренами некоторым правителям монгольских областей в период покорения Монголии была инструментом формирования лояльных позиций среди отдельных монгольских аристократов ¹². В то же время это способствовало подрыву авторитета власти верховного монгольского хана и делегитимации традиции обретения ханского титула путем избрания или пожалования от Великого хана. Однако после покорения Южной Монголии, наличие вассалов, обладавших титулом ханов, заключало в себе опасность возможности обоснования сепаратистских настроений среди местных аристократов по отношению к Цинской династии, что побудило маньчжурских императоров к усилению легитимации своей власти посредством монгольских правовых традиций. Передача Эчжэ – сыном Лигдан-хана – нефритовой печати императоров династии Юань маньчжурскому императору Хунтайцзи способствовала легитимации правления над монгольскими народами и обретению статуса верховного хана монголов цинскими правителями ¹³. Ко времени принятия цинского подданства правителями Халхи, значение титула верховного хана было уже неоспоримо закреплено за китайским императором. При этом *de jure* титул хана сохранялся за наследниками бывших правителей халхаских ханств: Тушету-хана, Цэцэн-хана, Дзасакту-хана и Сайн-нойон-хана, в то время как *de facto* они были приравнены к дзасак-ванам ¹⁴.

Положение халхаских аристократов в структуре правящей элиты Цинской империи реконструируется на основе архивных документов Национального архива Монголии. Эти материалы остаются малоизученными и касаются российско-монгольско-маньчжурских отношений, системы налогообложения, уртонной службы и др. Кроме того, документы содержат данные о собраниях хошунного и аймачного уровня, переписку с известными торговыми центрами Кяхта и Амгалан, а также сведения о монастырях, структуре ламства, об охране, войсках, о делах по кражам, о чиновниках и священнослужителях и т.д.

При изучении материалов, связанных с местом чиновничества в социальной стратификации монгольского общества во времена Цинской

империи, в Национальном архиве Монголии был обнаружен архивный документ под названием «Сводный список пореформенной Халхи, состоящий из четырех частей с именами обладателей титулов хан, ван, бэйл, бэйс, гун, дзасак тайджи»¹⁵.

Документ написан с использованием вертикального монгольского письма и содержит 10 страниц, включая титульный лист. На каждой странице проставлена печать маньчжурского периода, на первой странице от руки написано «учтено Л. Долгоржав 02.05.2010 г.». На последней странице стоит печать, на которой указано: «Согласовано... без повреждений... Наранцэцэг. 27.08.1984 г.». Для изучения данного документа был осуществлен перевод со старомонгольского языка на современную кириллицу П. Чултэмсурэном.

В этом документе перечислены имена 88 монгольских аристократов четырех аймаков Халхи цинского периода со всеми их маньчжурскими званиями и титулами. На его основе можно произвести классификацию перечня имен по титулам – хан, ван, бэйл, бэйс, гун, дзасак тайджи, а также по принадлежности того или иного аристократа к аймакам и хошунам Внешней Монголии.

В списке, согласно рангу, содержатся имена четырех ханов Халхи: Халхын Эрдэнэ бишрэлт Засагт хан Балдир, Халхын Очирай бат Түшээт хан Ямпилдорж, Халхын Цэцэн хан Манибадар и Сайн ноён хан Дэчинжав. Последний по неизвестным причинам указан в статусе ван, хотя известно, что Сайн ноён хан Дэчинжав правил аймаком еще с 1733 г.; 7 чел. с титулом ван, из которых у одного не указана принадлежность к какому-либо аймаку (п. 13); 9 чел. – бэйл; 7 чел. – бэйс; 29 чел. – гун, среди которых также у одного не указана принадлежность к какому-либо аймаку (п. 67); 32 чел. – тайджи. Некоторые из перечисленных аристократов имеют двойные титулы. Самое большое количество титулованных лиц представлял Сайнноёнханский аймак – 23 чел., далее: Цэцэнханский – 21, Тушетуханский – 19, Дзасактуханский – 17, где, согласно этому списку, не было аристократов с титулами ван и бэйс. В списке отдельно представлены олеты с 5 титулованными лицами и торгуты с одним бэйлом.

Документ ограничивается лишь перечислением имен монгольских аристократов с их титулами и званиями. Рассматриваемый архивный документ демонстрирует и подтверждает широкое многообразие используемой титулатуры цинского периода применительно к монгольскому обществу. Более подробная информация о периоде, месте, обстоятельствах, описывающих историческую ситуацию, отсутствует. Дальнейшее изучение данного документа и его синхронизация с временным периодом и конкретными личностями позволяет найти более тесные связи с историческими событиями Внешней Монголии цинского периода.

Данный архивный документ, вероятно, является императорским указом, поскольку любые указы и постановления обретали силу только после утверждения императором. Как известно, «... цинский император присвоил себе право присуждать монгольским ханам и князьям титулы и звания, назначать и смещать их с государственных должностей, утверждать или лишать их права наследования феодальных уделов, владения крепостными и личным имуществом. Цинское правительство такими мерами стремилось привлечь на свою сторону основную массу монголь-

ских феодалов»¹⁶. Присвоение новых титулов и званий, назначение на государственные должности было обусловлено прежде всего тем, насколько каждый их монгольских феодалов проявлял свою преданность и покорность маньчжурскому императору.

Цинским законодательством устанавливался особый порядок присвоения императорами титулов и званий монгольским аристократам, назначения их на должности, со строгой регламентацией прав и обязанностей князей перед маньчжурскими правителями¹⁷. При этом правительство империи заботилось о сохранении авторитета власти, зависимой от императора местной элиты в глазах подданных Внешней Монголии. Это положение весьма красноречиво иллюстрирует закон, согласно которому «если кто-нибудь [при встрече] не назовет полностью титулы, которыми удостоены ваны, дзасак-нойоны, хошунные тайджи или гуны, то оштрафовать на один девяток бодо»¹⁸.

В монгольских законах XVII в. особо регламентируется социальный статус лиц, принадлежавших к ханскому роду. Так, согласно «Закону шести хошунов» и «Великому закону года обезьяны», за оскорбление человека ханского происхождения и его жены, а также проявление недоброжелательства со стороны простолюдина, полагалась смертная казнь и конфискация имущества. Аналогичная санкция предусматривалась за оставление человека ханского происхождения на поле боя во время сражения¹⁹. Согласно «Их Цааз», за оскорбление владетельных князей обидчика было положено разорить.

Меры, предпринятые маньчжурским правительством в области административного права и реформирования вертикали власти в Халхе, были призваны ослабить суверенную власть аристократов Внешней Монголии и закрепить зависимость их положения от заслуг на службе цинского императора. В то же время сохранение позиций и привилегий родовой аристократии Внешней Монголии, формирование местного самоуправления из «внешних вассалов», употребление наряду с цинскими законами монгольских правовых традиций создали предпосылки для сохранения и усиления автономных элементов в управлении территорией Внешней Монголии, предопределив контуры и границы монгольского государства в XX веке.

Примечания

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Правительства Российской Федерации 14W03.31.0016 «Динамика народов и империй в истории Внутренней Азии»

1. PERDUE P. C. *China Marches West: The Qing Conquest of Central Eurasia*. Cambridge. 2005.
2. ГОЛИКОВ А. П. Власть и язык в политике Цинской империи. В кн: *Общество и государство в Китае*. Т. XLIII. Ч. 1. М. 2013. с. 278–287.
3. NING C. *Lifanyuan and Libu in Early Qing Empire Building*. In: *Managing Frontiers in Qing China: The Lifanyuan and Libu Revisited*. Brill. 2016, p. 43.
4. ELLIOTT M. C. *The Manchu way: the eight banners and ethnic identity in late imperial China*. Stanford University Press. 2001, p. 12.
5. SCHORKOWITZ D., NING C. eds. *Managing Frontiers in Qing China: The Lifanyuan and Libu Revisited*. Brill. 2016, p. 6.
6. *Ibidem*.

7. HEUSCHERT-LAAGE D. From personal network to institution building: The Lifanyuan, gift exchange and the formalization of Manchu–Mongol relations. – *History and Anthropology*. 2014, т. 25, № 5, p. 12.
8. *Daičing ulus-un mongyul-un mayad qauli* (True records of the Mongols of the Qing Empire). Vol. 1. 2013. Hohhot, p. 69.
9. *Ibid.*, p. 228.
10. БАЗАРОВ Б.В., ХИШИГЖАРГАЛ Г. Правовые основы системы управления Внешней Монголией в период маньчжурского господства (XVII – начало XX в.) – *Власть*. 2016, № 11, с. 164–165.
11. Цааджин бичиг («Монгольское уложение»). Цинское законодательство для монголов. 1627–1694 гг. М. 1998, с. 55.
12. ПОЧЕКАЕВ Р. Ю. Степные империи Евразии: власть – народ – право (очерки по политической и правовой антропологии). Алматы. 2018, с. 174.
13. ГОРОХОВА Г. С. Очерки по истории Монголии в эпоху маньчжурского господства: конец XVII – начало XX в. М. 1980, с. 69–71.
14. Цааджин Бичиг (“Монгольское уложение”): Цинское законодательство для монголов 1627–1694 гг.: монгольский текст. М. 1998, с. 108.
15. Монгол Улсын Ундэсний Тов Архив (Монгольский национальный центральный архив), ф. М-1, оп. Д-1, ед. хр. 13, л. 1–9.
16. ГОРОХОВА Г. С. Ук. соч., с. 36.
17. Цааджин бичиг («Монгольское уложение»), с. 84–85.
18. Там же, с. 67.
19. Восемнадцать степных законов: Памятник монгольского права XVI–XVII вв. СПб. 2002, с. 55.

Морально-нравственный облик духовенства первой половины XIX в. (на примере Тобольской губернии)

Ю. О. Баикина, О. В. Устинова

Аннотация. На основе исторических источников в публикации анализируется морально-нравственный облик духовенства Тобольской губернии середины XIX века. Показано, что девиация как неканоническое, ненормативное поведение среди его представителей была достаточно распространенным явлением. Контент-анализ архивных документов, в основу которого была положена классификация девиаций духовенства, предложенная А. В. Васильевой¹, показал, что основными правонарушениями представителей духовенства Тобольской губернии были: неисполнение или ненадлежащее исполнение служебных обязанностей, нарушение норм общественной морали и порядка, преступное поведение. Чаще всего отмечались такие прецеденты, как венчание людей не своего прихода, пьянство, систематическое отсутствие на службе, грубость в отношении прихожан, долговые обязательства.

Ключевые слова: Сибирь, Тобольская губерния, духовенство, морально-нравственный облик, девиантное поведение.

Abstract. On the basis of historical sources the author analyzes the moral image of the clergy of Tobolsk province in the middle of the XIX century. The deviation among the clergy was quite widespread. The content analysis of archival documents, which was based on the classification of deviations of the clergy, proposed by A. V. Vasilyeva, showed that the main offenses of the clergy of the Tobolsk province were: non-performance or improper performance of official duties, violation of public morality and order, criminal behavior. The most frequent were such precedents as the wedding of people not of their parish, drunkenness, systematic absence from the service, rudeness towards parishioners, non-performing debt obligations.

Key words: Siberia, Tobolsk province, clergy, moral image, deviant behavior.

Православная церковь в XIX в. имела высокий вес и пользовалась уважением среди населения. Вера была основной опорой в труде, семье, служила проводником для познания нематериального мира. Священники и церковнослужители считались «близкими к Богу».

Баикина Юлия Олеговна – кандидат социологических наук, доцент Тюменского индустриального университета. E-mail: baikinayo@tyuiu.ru; *Устинова Оксана Вячеславовна* – кандидат социологических наук, доцент Тюменского индустриального университета. E-mail: ustinoavov@tyuiu.ru

Baikina Yulia O. – PhD (Sociology), associate professor of the Tyumen Industrial University. E-mail: baikinayo@tyuiu.ru; *Ustinova Oksana V.* – PhD (Sociology), associate professor of the Tyumen Industrial University. E-mail: ustinoavov@tyuiu.ru.

Священнослужитель играл особую роль в развитии российского общества: наставлял в вопросах веры, должен был служить нравственной опорой своим прихожанам, просвещал, организовывал школы, общества помощи бедным и трезвенные общества, сопровождал рождения, браки и смерти ². В этой связи образ духовенства исследуемого периода по большей части характеризует наличие нравственных принципов, моральных устоев и правильного образа жизни.

Однако в данной публикации авторы предпримут попытку рассмотреть проблему девиантного поведения представителей духовенства, под которым будет пониматься ненормативное поведение, нарушающее какие-либо социальные и культурные нормы, особенно правовые ³. Авторами были изучены архивные документы раздела «Органы управления церквями и церковными учреждениями», хранящиеся в Государственном архиве г. Тобольска. Всего проанализировано 1598 дел за 1821–1831 гг., рассматривавшихся Тобольской духовной консисторией, из которых были отобраны те, где содержатся описания девиантного поведения представителей духовенства.

Необходимо отметить, что становление и развитие православной церкви всегда было предметом пристального внимания историков. К исследованиям дореволюционного периода, внесшим существенный вклад в изучение православной церкви и духовенства, в частности, относятся работы Е. Е. Голубинского ⁴, Д. И. Ростиславова ⁵, И. В. Преображенского ⁶, И. С. Беллюстина ⁷. Исторические предпосылки формирования духовенства как сословия, его правовое положение, численный и категориальный состав подробно анализируются А. В. Васильевой ⁸, М. И. Лавицкой ⁹.

Особый интерес для историков представляет уровень жизни духовенства обозначенного периода. Дореволюционные сочинения, научные публикации и архивные данные сформировали научный дискурс относительно материального положения православного духовенства в России ¹⁰. Еще одной не менее интересной темой является роль духовенства в распространении народного просвещения ¹¹.

Необходимо отметить и единичные научные работы, посвященные отдельным аспектам деятельности представителей духовенства: быта и образа жизни ¹², социальной деятельности ¹³ и др.

Морально-нравственный образ духовенства XIX в. остается темой малоизученной. Интересными в этом плане представляются исследования социокультурного облика православного духовенства в Западной Сибири в конце XIX – начале XX в., проведенные А. В. Васильевой ¹⁴. Это одна из редких работ, в которой предпринята попытка рассмотреть и систематизировать девиации духовенства исследуемого периода. Нарушения со стороны представителей духовенства условно делятся ученой на пренебрежение своими служебными обязанностями, нарушение норм общественной морали и порядка и преступное поведение.

Наличие девиаций среди духовенства подтверждается и исследованиями Т. Г. Леонтьевой: «действительно, духовно-нравственный уровень православного духовенства во второй половине XIX в. в целом был невысок. Оно страдало от пьянства, невежества и многих других людских пороков, которым, казалось бы, не должны быть подвержены служители

священного культа. Поэтому обличать их было в чем. Но их положение было настолько сложным, что, скорее, они заслуживают не порицания, а сострадания и сочувствия. Духовенство было сословием-изгоем и в до-революционной России»¹⁵.

В исследуемый период (1862–1867 гг.) в Тобольской губернии «в центре торгового и промышленного движения всего края – 63 церкви на 12 городов, да 470 церквей на 9 округов, с 1 слишком миллионом богатого населения... в течение 278 лет с покорения Сибири, она дала только 4 архиереями»¹⁶.

Описывая морально-нравственный облик духовенства, литератор и этнограф И. И. Завалишин (автор «Путевых очерков», печатаемых в Тобольских губернских ведомостях, а также рукописи «Описание Западной Сибири») пишет, что сибирское белое духовенство «несравненно социальнее, образованнее и развязнее духовенства русских губерний». Ученый связывает это, во-первых, со сближением духовенства и дворянства, а во-вторых, с семинарским образованием «... ибо из духовных академий мало идут в священники...», налицо «резкая отчужденность, существующая между отцами, что отражается и на детях»¹⁷. Завалишин поясняет, что в Сибири белое духовенство, священники и дьяконы принадлежат к высшему кругу общества, «... от того они развязнее, и удобнее принимают обмен идей, и желание знакомиться с тем, что делается в «свете»...» К чести сибирского духовенства «следует добавить, что оно и в городе, и в селе живет всегда прилично, и дома, и за порогом дома одевается как следует и занимается своими прямыми обязанностями»¹⁸.

Криминальная статистика Тобольской губернии за период с 1856 по 1858 г. показывает, что суду подверглись: в 1856 г. – 2914 чел., в 1857 г. – 2879, в 1858 г. – 3386 человек. Из числа подсудимых было: духовных лиц по 8 чел. в 1856 и 1857 гг., и 9 чел. в 1858 году¹⁹.

Нередким нарушением для священников было венчание людей «чужого» прихода. Можно предположить, что священники делали это от чистого сердца и из благих намерений. Тем не менее, допускается и корыстный интерес, позволявший получить за проведенный обряд вознаграждение. Так, Тобольской духовной консисторией были зафиксированы подобные нарушения (например, Дело по рапорту благочинного церковью Тобольского уезда Александра Морковитина о венчании священником Тобольской городской Спасской церкви Стефаном Мутиным людей не своего прихода)²⁰.

Многочисленные дела и «доношения», рассматриваемые Тобольской духовной консисторией, открывают факты пьянства представителей духовенства. В нем уличались дьячки, дьяконы, священники и другие церковнослужители (например, Дело по рапорту благочинного Тобольских подгородных церковью Петра Фелицына о пьянстве священника Покровской церкви с. Самаровского Карпа Протопопова²¹).

Наказанием за пьянство могла стать «отсылка» в другой монастырь, расположенный, как правило, в глубинке (например, Дело по доношению Тюменского духовного правления о высылке священника с. Мальковского Иоанна Баженова в Тюменский Троицкий монастырь за пьянство²²; Дело об отсылке дьячка с. Фирсовского Ишимского ведомства Молокова в архиерейский дом за пьянство²³; Дело по рапорту благочинного Тобольских

городских церквей Петра Карпинского о пьянстве пономаря Тобольской городской Богоявленской церкви Ивана Парышева ²⁴; Дело по рапорту благочинного церквей Тобольского уезда иерея Тобольского Софийского Собора Александра Морковитина о пьянстве священника с. Долгоярского Ефимия Щетинина ²⁵; Дело об отсылке дьякона с. Малышенского Ишимского ведомства Караульщикова в архиерейский дом за пьянство ²⁶; Дело по предложению архиепископа Амвросия об исключении дьякона Иконникова из архиерейского хора за пьянство ²⁷; Дело о пьянстве священника с. Легостаевского Барнаульского ведомства Матвея Мамина ²⁸; Дело о пьянстве дьякона с. Кашинского Барнаульского ведомства Пушкарева ²⁹; Выписка из журнала Тобольской духовной консистории о пьянстве священника крестовой церкви Георгия Мамина ³⁰).

Другой мерой наказания являлась ссылка в монастырь, иногда с пометкой «в труды» (например, Дело об отсылке священника слободы Бердюжской Ишимского ведомства Василия Кремлева и пономаря Федора Пузырева в Абалакский монастырь за пьянство ³¹; Дело об отсылке священника Туринской городской Сретенской церкви Федора Попова в Тюменский Троицкий монастырь за пьянство ³²; Дело по рапорту Тарского духовного правления об отсылке дьячка с. Орловского Анемподиста Сидорова в Тобольский Знаменский монастырь в труды за пьянство ³³).

За буйное поведение и разбой, как следствие пьянства, также предусматривалась «отсылка» (например, Дело об отсылке в Абалакский монастырь пономаря с. Орловского Тарской округи Николая Одинцова за пьянство и буйное поведение ³⁴; Дело об отсылке священника Томской городской Духосошествиевской церкви Георгия Хмылева в Томский монастырь за пьянство и драки ³⁵).

Фиксировались даже смертельные исходы по причине пьянства среди духовенства (например, Дело о смерти пономаря с. Казанского Ишимского ведомства Ивана Попова от пьянства ³⁶).

За исследуемый период Тобольской духовной консисторией рассматривались рапорты, фиксирующие отсутствие церковно- и священнослужителей на причастии, исповеди. Так, Дело от 1824 г. по рапорту повытчика Тобольской духовной консистории губернского секретаря Петра Бекреева о неявке священнослужителей городских церквей в консисторию для объявления им расписания проповедей – тому подтверждение ³⁷.

Фиксировались случаи не только систематического отсутствия представителей духовенства при совершении обрядов, но и грубость в отношении прихожан (например, Дело по доношению благочинного Петра Фелицына о частых отлучках, грубости дьячка Крестовоздвиженской церкви с. Репаловского Тобольского ведомства ³⁸), нанесение «обиды» (например, Дело по прошению солдатской жены Варвары Осминенковой об обидах, нанесенных ей священником с. Загваздинского Тобольского ведомства Алексеем Поляковым ³⁹; Дело по прошению вдовы священника Спасской церкви с. Бронниковского Тобольского ведомства Анисьи Окороковой об обиде, нанесенной ей священником того же села Федором Михайловым ⁴⁰) и даже воровство (например, Дело по рапорту канцеляриста консистории Николая Симонова об отсылке послушника архиерейского дома Василия Попова в Тюменский Троицкий монастырь за

продажу креста на рынке ⁴¹; Дело об отдаче в военную службу дьячка с. Орловского Тарского заказа Степана Чемезова за воровство ⁴²).

Ввиду распространенности пьянства среди духовенства, в 1825 г. Святейшим Правительствующим Синодом был издан Указ о воздержании духовных лиц от пьянства.

Также довольно часто Tobольской духовной консисторией рассматривались дела о взыскании долгов с церковно- и священнослужителей (например, Дело по прошению тобольского подгородного крестьянина Василия Грязных о взыскании долговых денег с пономаря с. Пельымского Туринского ведомства Арсения Волкова ⁴³; Дело по прошению отставного солдата артиллерийской команды Якова Вавилина о взыскании долговых денег со священника слободы Терсютской Ялуторовского ведомства Степана Блохина ⁴⁴; Дело о взыскании долговых денег тобольским цеховым Яковом Белоруковым со священника слободы Бердюжской Ишимского ведомства Василия Кремлева ⁴⁵; Дело по прошению вдовы тобольского мещанина Натальи Кугаевской о взыскании долговых денег со священника с. Баженовского Омского ведомства Якова Корнильева ⁴⁶; Дело по прошению вдовы тобольского ямщика Прасковьи Корякиной о взыскании долговых денег со священника с. Чунского Енисейского ведомства Ермолая Карпова за содержание его сына, обучающегося в училище ⁴⁷).

Наличие долгов у представителей духовенства Tobольской губернии, помимо прочего, можно объяснить их затрудненным материальным положением. Как отмечает Ю. М. Гончаров, в XIX столетии духовенство не отличалось высокими доходами ⁴⁸. Он приводит архивные данные, подтверждающие их практически плачевное материальное положение, особенно представителей низшего духовенства.

Желание получить дополнительную выгоду становилось причиной незаконного заработка и, соответственно, приводило к наказанию (например, Дело по сообщению Тюкалинского окружного суда о штрафовании дьячка с. Еланского Омского ведомства Осипа Сендяшева, принимавшего в заклад вещи от колодника Блохина ⁴⁹).

Нужда толкала на преступления и родственников представителей духовенства. Интересным в этой связи представляется Дело по рапорту Омского духовного правления об утаивании вдовой священника с. Юдинского Марией Волковой полученных ее мужем незадолго до смерти из государственного заемного банка денег ⁵⁰.

Встречаются в архивной описи за исследуемый период и дела, разбивавшие прецеденты, имевшие, по тем временам, статус более тяжких преступлений. Так, например, Дело по рапорту благочинного церковей Tobольского уезда иерея Софийского собора Александра Морковитина об увольнении пономаря Троицкой церкви с. Дубровного Дмитрия Кузнецова из-за венерической болезни ⁵¹; Дело по рапорту благочинного церковей Tobольского уезда Александра Морковитина о прелюбодействе вдовы священника д. Ашлыкской Лепехиной с пономарем Александровым ⁵².

Таким образом, исследование исторических источников, отражающих девиантное поведение представителей духовенства в Tobольской губернии за исследуемый период, позволяет заключить, что девиация среди его представителей была достаточно распространенным явлением. К основным видам девиации можно отнести: неисполнение или не-

надлежащее исполнение служебных обязанностей, нарушение норм общественной морали и порядка, преступное поведение. Наиболее часто отмечались такие прецеденты, как венчание людей не своего прихода, пьянство, систематическое отсутствие на службе, грубость в отношении прихожан, неисполнение долговых обязательств.

Примечания

1. ВАСИЛЬЕВА А. В. Социокультурный облик православного духовенства в Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв. Дисс. канд. ист. наук. Омск. 2015.
2. Там же, с. 3.
3. КОН И. С. Психология ранней юности. [Изд-во? Год?], с. 237.
4. ГОЛУБИНСКИЙ Е. Е. История русской церкви: в 2-х томах. Т. 2. М. 1880–1900.
5. РОСТИСЛАВОВ Д.И. О православном белом и черном духовенстве в России. М. 2011.
6. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ И. В. Исторические заслуги нашего духовенства перед престолом и отечеством. СПб. 1873.
7. БЕЛЛИУСТИН И. С. Описание сельского духовенства. Лейпциг. 1858.
8. ВАСИЛЬЕВА А. В. Ук. соч., с. 3.
9. ЛАВИЦКАЯ М. И. Динамика численности и изменения в составе приходского духовенства во второй половине XIX – начале XX века. – Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2009, № 3, с. 37–44; ЕЕ ЖЕ. Правовое положение духовного сословия в России в XIX – начале XX века. – Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2009, № 8 (76), с. 335–343.
10. ГОНЧАРОВ Ю. М. Материальное положение православного белого духовенства в городах Тобольской губернии в середине XIX – начале XX века. – Известия Алтайского государственного университета. 2010, № 4–1 (68), с. 63–66; ИКОННИКОВ С. А. Проблема материального обеспечения приходского духовенства второй половины XIX – начала XX века в дореволюционной российской историографии. – Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2019, т. 1, № 2 (50), с. 58–67; ЕГО ЖЕ. Приходское духовенство центрально-черноземных губерний России второй половины XIX – начала XX вв.: оценка уровня жизни. – Научный диалог. 2019, № 7, с. 240–257.
11. КОЧЕТКОВА Е. И. Церковно-приходские школы второй половины XIX – начала XX вв.: историографический обзор. – Известия тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2011, № 2, с. 141–146; ЛЕБЕДЕВА Н. А. Философская мысль русского духовенства в российском просвещении: Дисс. канд. филос. наук. Мурманск. 2003.
12. ЛЕОНТЬЕВА Т. Г. Православная культура и семинарский быт (конец XIX – начало XX вв.). – Отечественная история. 2001, № 3, с. 170–178; ДРИБАС Л. К. Образ жизни духовенства губернских и областных центров Восточной Сибири во второй половине XIX века: Дисс. канд. ист. наук. Иркутск. 2005.
13. ЛЮБАРЕЦ А. Г. Основные аспекты социальной деятельности ярославского духовенства в конце XIX – начале XX века. – Ярославский педагогический вестник. 2010, т. 1, № 3, с. 278–282.
14. ВАСИЛЬЕВА А. В. Ук. соч.
15. ЛЕОНТЬЕВА Т. Г. Вера и прогресс: православное сельское духовенство России во второй половине XIX – начале XX вв. М. 2002.
16. ЗАВАЛИШИН И. И. Описание Западной Сибири: в 3-х томах. Т. 1. Тобольская губерния. 1862, М. 1862–1867, с. 81–82.
17. ЗАВАЛИШИН И. И. Ук. соч., с. 83.
18. Там же.
19. Там же, с. 146.
20. Государственный архив в г. Тобольске (ГА в г. Тобольске), ф. И156, оп. 10, д. 1562, л. 4.
21. Там же, д. 663, л. 3.
22. Там же, д. 605, л. 4.

23. Там же, д. 695, л. 10.
24. Там же, д. 419, л. 6.
25. Там же, д. 589, л. 9.
26. Там же, д. 681, л. 9.
27. Там же, д. 753, л. 2.
28. Там же, д. 1100, л. 14.
29. Там же, л. 10.
30. Там же, д. 1526, л. 3.
31. Там же, д. 704, л. 116.
32. Там же, д. 669, л. 14.
33. Там же, д. 1233, л. 10.
34. Там же, д. 438, л. 19.
35. Там же, д. 1075, л. 8.
36. Там же, д. 702, л. 8.
37. Там же, д. 354, л. 2.
38. Там же, д. 1302, л. 16.
39. Там же, д. 1286, л. 5.
40. Там же, л. 7.
41. Там же, д. 1513, л. 5.
42. Там же, д. 450, л. 42.
43. Там же, д. 1283, л. 8.
44. Там же, д. 1287, л. 15.
45. Там же, д. 1289, л. 13.
46. Там же, д. 1293, л. 9.
47. Там же, д. 1303, л. 5.
48. ГОНЧАРОВ Ю. М. Материальное положение православного духовенства в городах Тобольской губернии в середине XIX – начале XX вв. В кн.: Провинциальное духовенство дореволюционной России. Сб. научных трудов международной заочной конференции. Тверь. 2008, с. 97–102.
49. ГА в г. Тобольске, ф. И156, оп. 10, д. 1316, л. 6.
50. Там же, д. 1336, л. 2.
51. Там же, д. 1285, л. 4.
52. Там же, д. 1292, л. 12.

Жизнь и деятельность преосвященного Иеремии (Соловьёва) в 1843–1849 гг. (Кавказская кафедра)

П. Г. Немашкалов

Аннотация. В данной публикации, на основе широкого круга архивных источников, воссоздана история деятельности первого епископа Кавказской и Черноморской епархии Преосвященного Иеремии (Соловьёва). На его долю выпал период организации новой кафедры и учреждения системы епархиального управления в условиях военного конфликта на Кавказе в XIX в. и преодоления кризиса религиозной жизни на Северном Кавказе, который был вызван отсутствием надлежащего контроля со стороны епархиальных властей, в подчинении которых до этого находились территории Кавказской паствы.

Ключевые слова: история Русской Православной Церкви, Северный Кавказ, Кавказская и Черноморская епархия, Иеремиа (Соловьёв).

Abstract. In this publication, on the basis of a wide range of archival sources, recreated the history of the first Bishop of the Caucasus and black sea diocese of his grace Jeremiah (Solovyov). He was responsible for organizing a new Department and establishing a system of diocesan administration in the context of the military Caucasian conflict of the XIX century and overcoming the crisis of religious life in the North Caucasus, which was caused by the lack of proper control on the part of the diocesan authorities, which previously controlled the territories of the Caucasian flock.

Key words: history of the Russian Orthodox Church, North Caucasus, Caucasian and Black Sea diocese, Jeremiah (Solovyov).

По своей площади образованная Кавказская и Черноморская епархия была одной из самых больших в империи, а по численности в ней православного населения находилась в числе последних. Прибывшие переселенцы оказывались среди враждебного местного населения, с которым несколько последних десятилетий шла тяжелая Кавказская

Немашкалов Павел Григорьевич – кандидат исторических наук, доцент ГБОУ ВО «Ставропольский государственный педагогический институт». E-mail: paul_2@rambler.ru.

Nemashkalov Pavel G. – candidate of historical sciences, associate professor of the Stavropol State Pedagogical Institute. E-mail: paul_2@rambler.ru.

война, не дававшая в полной мере развиваться процессам освоения территории и культурного строительства. Религиозной неустойчивости способствовали переселявшиеся на Кавказ раскольники, которые здесь могли свободнее выражать свои убеждения, а порой оказывать давления на органы государственного управления.

Существует мнение, будто бы сам Николай I повелел, чтобы епископ новой епархии именовался не «Ставропольский и Кавказский», как предлагал Синод, а «Кавказский и Черноморский», поскольку этим подчеркивалась роль правящего архиерея как Кавказского иерарха. Для укрепления его позиций и возрождения в коренном населении некогда утраченного христианства и была учреждена Кавказская епархия, во главе которой Синод поставил епископа Кавказского и Черноморского викария Чигиринского Иеремию (Соловьёва).

Свою церковную деятельность Иродион Соловьёв начал в 1810 г., когда поступил в Орловскую духовную семинарию, где учился вместе с будущим святителем Иннокентием Херсонским. По окончании семинарии в 1819 г. был назначен учителем греческого языка и одновременно инспектором Севского духовного училища. В 1824 г. продолжил свое обучение в Санкт-Петербургской духовной академии, где был пострижен в монашество с именем Иеремия. После этого был рукоположен в иеромонахи и назначен законоучителем 2-го кадетского корпуса. В 1830 г. был возведен в сан архимандрита и стал экстраординарным профессором богословия Киевской духовной академии. Позже утвержден ректором Киевской духовной семинарии, членом Киевской духовной консистории и настоятелем Киевского Выдубицкого монастыря.

Организация органов церковного управления Кавказской епархии не позволила преосвященному самому сразу объехать паству, эту миссию он возложил на настоятеля Черноморской Екатеринолебяжьей Николаевской пустыни архимандрита Дионисия, который в своем отчете отметил небрежность в содержании многих храмов, нарушения в ведении книг прихода-расхода сумм, отсутствие необходимого круга церковных книг и поучений и нетрезвую жизнь некоторых священнослужителей¹. К последнему Иеремию относился как к слабости человека и был довольно снисходителен, когда видел раскаяние виновного. Но чего он никогда не прощал и за что наказывал, так это за неповиновение и гордыню².

Строгость епископа сочеталась с проявлением внимательного отношения к тем священнослужителям, которые при исполнении своих обязанностей по приходу добивались высот в пастырской деятельности. Так, по результатам собственной поездки и обозрения приходов епархии и по представлению архимандрита Дионисия, «за долговременное и беспорочное служение Церкви Христовой и за попечение о храме Божьем» он лично награждал набедренниками более 20 священнослужителей епархии³. По его запросу консистория собрала сведения о целом ряде отличавшихся усердием к выполнению своих обязанностей, которые были удостоены наград различного уровня. Награжденных по Ставропольскому округу к 1845 г. было 37 чел. из 83 награжденных на 288 священников по всей Кавказской епархии. В Пятигорском округе таких было 19 чел., а в Черноморском войске – только 17 священников⁴.

В этой же своей поездке по епархии епископ отмечал высокий религиозный дух населения, его стремление к познанию Бога и отсутствие предоставления такой возможности со стороны имеющейся церковной инфраструктуры. Он также указал в отчете Синоду, что одну из значительных проблем видит в недостатке достойных пастырей при большом числе страждущих религиозного просвещения.

На обустройство в образованной Кавказской епархии Иеремии выделили 3 тыс. руб. серебром. Приоритетной задачей на начальном этапе было снабжение приходов необходимой церковной утварью, богослужебными книгами и вещами для архиерейского служения. Им были приготовлены 100 штук антиминсов, которые были освящены 8 марта в Киеве; ставленические грамоты, присяги, допросные листы; стихари и фелонии; печать будущей консистории и прочие необходимые предметы и вещи ⁵.

Для организации архиерейского дома, являвшегося местом пребывания епископа, также одновременно выделялось 3 тыс. рублей ⁶. Помимо этого предполагалось предоставление для его хозяйственных нужд: земельного участка, водоема для рыбной ловли и мельницы ⁷. Рассматривалась возможность передачи лимана ст. Новомарьевской с находившейся при нем мельницей ⁸. Однако намерения местных епархиальных властей расходились с планами Палаты государственных имуществ, которая не имела распоряжения на передачу Кавказской епархии этих территорий ⁹.

В качестве компенсации обсуждался вариант передачи земель, ранее принадлежавших Моздокскому архиерейскому дому. Параллельно была начата переписка с наказным атаманом Кавказского линейного казачьего войска и Войска Черноморского о принадлежности Терских вод и лимана ст. Новомарьевской ¹⁰. Но данные территории не удалось вернуть в собственность духовных властей. Назначенные к архиерейскому подворью крестьяне были уволены с полугодовым билетом для свободного найма, при условии, что по истечении указанного срока они внесут в суммы архиерейского дома по 6 руб. серебром ¹¹.

Материальные трудности, с которыми столкнулся преосвященный Иеремия при организации Кавказской кафедры, можно оценить по некоторым эпизодам. Так, например, заложенной сметы на отопление архиерейского дома из-за суровости местного климата не хватало, поэтому было принято решение обратиться к Синоду с просьбой о выделении дополнительных средств. Ссылаясь на указ от 27 декабря 1846 г. о запрете входить в переписку по увеличению выплат сверх сметы, Синод получил от правительства квоту на заготовку дров в ст. Темнолесской собственными силами. Но из-за дороговизны доставки, которая по предварительной смете обходилась в 300 руб. серебром ¹², было принято решение отказаться от этого плана. Не дойти до крайностей позволили выделенные в 1843 г. Синодом средства на строительство каменного здания для Ставропольского духовного правления, которое из-за устройства Кавказской кафедры было упразднено. Они были полностью потрачены на отопление консистории и архиерейского дома уже к февралю 1847 года ¹³.

Скромность первого епископа, его рачительное отношение к оборотным и получаемым средствам характеризует следующий случай.

При обустройстве консистории случился казус с приобретенными 10 креслами для присутствия, которые были куплены в 1847 г. у унтер-офицера кавказского линейного батальона Яна Бекмана. Они были сделаны из дерева карагача с подушками, обитыми шерстяным бараканом, и стоили по 5 руб. каждое. Поскольку для присутствия кресла были необходимы, а от казны ассигновано только по 4 руб., члены консистории предложили епископу разницу уплатить из суммы, предназначенной на приобретение епископского кресла¹⁴. Преосвященный Иеремия согласился с мнением консистории. Однако для нового здания эти кресла оказались слишком громоздкими, тогда епископ распорядился передать их в кафедральный собор с возмещением стоимости из его сумм, а «за фальшивую распорядительность сделал вразумление консистории»¹⁵.

В своем представлении обер-прокурору Синода Начальник Кавказской области генерал-лейтенант В. И. Гурко 19 января 1845 г. отмечал, что для улучшения положения Кавказского епископа по причине дороговизны жизни на Кавказе необходимо увеличить отпускаемую ему сумму на содержание хотя бы на 1000 руб.: «... Поскольку в хозяйство архиерейского дома не было возможности выделить рыбные промыслы и мельницы, по отсутствию свободных в окрестностях города Ставрополя, которые могли бы приносить ему какой-либо доход, то все способы улучшения содержания преосвященного заключались в пособиях от правительства»¹⁶.

Осознавая тяжесть сложившейся ситуации, епископ обратился к Синоду с просьбой об увеличении содержания архиерейского дома по примеру штатов западных епархий. Помимо этого преосвященный просил дополнительные ассигнования на отопление и освещение, организацию питания не менее чем 20 чел. круглый год при его доме и содержание певчего хора. С учетом этих дополнительных расходов обслуживание Кавказского архиерейского дома увеличивалось до 9385 руб. серебром, что превышало изначально установленную сумму почти в пять раз¹⁷. Только в 1859 г., из-за невозможности выделения положенных законом угодий, содержание Кавказского архиерейского дома было увеличено, но лишь до 3800 руб. серебром в год¹⁸.

Ситуация казалась безвыходной, но только в таких случаях понимаешь цену помощи и сострадания. Ставропольский почетный гражданин, купец 1-й гильдии Игнатий Юдович Волобуев безвозмездно на несколько месяцев – до покупки подходящего помещения – выделил для преосвященного и его окружения часть своего дома, в котором проживал вместе с семьей. Вскоре к дому им были сделаны дополнительные пристройки. Не найдя более удобного места в городе, Синод разрешил аренду дома, при этом плата купцом была уменьшена наполовину. Ведомый чувством искренней симпатии и уважения к преосвященному, отдающему всего себя на благо Церкви, он со всей семьей попросил принять в дар Кавказской епархии арендуемый дом¹⁹.

Не знакомый с традициями Кавказа в одной из бесед с Волобуевым епископ восторгался расположением дома и прилегающим земельным участком, на территории которого преосвященный хотел основать мужскую обитель, расширив участок за счет территории упраздненного кладбища. Игнатию Юдовичу планы преосвященного по благоустройству

понравились, ведь предполагаемое место строительства обители находилось фактически в центре города, и он данный земельный участок при-совокупил к подаренному дому²⁰. В последующие годы консисторией было приобретено прилегавшее домовладение мещанина Егора Иевлева, и на этой земле был основан Архиерейский дом²¹. Священник В. Тимофеев освятил место для строительства Крестовоздвиженской церкви.

До передачи своего домовладения консистории Волобуев получил за его аренду значительную сумму. Посоветовавшись с преосвященным, он потратил их на строительство Крестовоздвиженской церкви при архиерейском доме, а в последующие годы финансово участвовал во всех начинаниях, производимых епископом Иеремией в Ставрополе. Это несмотря на то, что сам Иеремия, понимая значительность сделанного отдельно взятым человеком, просил Волобуева считать свои финансовые обязательства-пожертвования выполненными²².

После окончания строительства домово́й церкви преосвященно-го жителями города было собрано 457,91 руб. серебром на устройство иконостаса. В числе лиц, внесших пожертвования, встречаются имена купцов Стародубцева, Головина, Артищева, Марии Скомороховой, но самое большое пожертвование в 200 руб. серебром было внесено неизвестным лицом²³. Поскольку, как покажут последующие события, данный «аноним» был всегда в числе первых, можно предположить, что им был сам епископ Иеремия. Крестовая домовая церковь епископа вскоре стала образцовой в организации литургий, и Кавказский архиерейский дом стал принимать на епитимию с целью исправления ослушников со всей Кавказской епархии²⁴.

Открытие Кавказской кафедры совпало с проведением реформы церковных штатов в империи. В процессе ее реализации часть приходского духовенства оказалась за штатом и была лишена возможности не только получения жалования, но и части кружечных доходов церкви. Поэтому особое внимание епископ Иеремия уделял положению духовенства, не вошедшего в новые церковные штаты. По его инициативе заштатные священнослужители сохранили право наравне со штатными участвовать в управлении церковной экономией²⁵.

По резолюции Иеремии, с момента введения нормальных штатов 26 апреля 1846 г. указным причетникам, вошедшим в штат, жалование не выдавалось. Предполагалось, что накопленная сумма могла быть использована данными членами причта на приобретение домового владения при вступлении в брак или потрачена ими на получение образования. Ограничение в выдаче жалования должно было стимулировать их к профессиональному и нравственному совершенствованию. Исполняющий должность секретаря Кавказской духовной консистории Ф. Потеряхин написал об этом грубом нарушении регламента в Синод. В своем объяснении епископ ссылался на то, что жалование причетникам не выдавалось для их же пользы, поскольку они были определены временно в церковный штат и еще не достигли высокого уровня знаний в церковной службе. Под давлением консистории было решено выдавать причетавшееся жалование только тем причетникам, которые прошли посвящение в стихарь, и только половину, а вторую половину жалования хранить при церкви до особого распоряжения²⁶.

Первоочередной заслугой епископа следует считать организацию Кавказского попечительства о бедных духовного звания, которое было ориентировано на оказание сословной помощи заштатному духовенству, вдовам и сиротам духовного звания. Епархиальные попечительства возникали в России с 1823 г. на основе утвержденного проекта митрополита Филарета²⁷. По этому примеру Иеремией еще в Киеве перед переездом на Кавказ был разработан проект опеки над сиротствующими и правила для сотрудников попечительства²⁸.

Еще до отправки в Синод обращения об открытии Кавказского попечительства епископ распорядился создать комитет по его открытию²⁹. Комитет подготовил и распространил по епархии пригласительные листы к пожертвованиям. Собранные деньги вместе с записями по пригласительным листам каждые три месяца направлялись непосредственно в комитет. 10 июня 1843 г. поступили первые средства, после чего началась работа по избранию казначея, сотрудников и секретаря с письмоводителями, что можно считать датой начала работы данной структуры Кавказской епархии³⁰. Сам епископ Иеремия первым сделал пожертвование на его открытие. Им были переданы 22 наименования книг, которые разослали по городским церквям епархии с взысканием их обозначенной стоимости, а вырученные средства поступили непосредственно учреждаемому попечительству³¹.

Тяжелым испытанием для всего Северного Кавказа стали последствия вспышки холеры в 1847 г., в результате которой потеряли своих кормильцев 23 семьи духовенства³². Вначале епископом было предложено семьям из числа духовенства взять на воспитание осиротевших детей. По его ходатайству попечительство назначало за каждого ребенка достойное содержание³³. Судя по всему, данное предложение не получило той широкой поддержки, на которую рассчитывал епископ, и им было принято решение об открытии похололерного общежития для беспомощных вдов и сирот духовного сословия в Ставрополе. Он лично сделал первое большое пожертвование в размере 500 руб. на начало его строительства³⁴. Вскоре данный приют стал одним из первых женских монастырей Кавказской епархии, и основанная епископом Иеремией женская Иоанно-Мариинская иноческая община стала яркой страницей христианского подвижничества в истории Церкви на Северном Кавказе.

Кроме того, при нем в Черномории был основан первый женский монастырь во имя Марии-Магдалины. Начавшаяся переписка, с рапортаисправляющим должность наказного атамана Черноморского казачьего войска Г. А. Рашпилем продолжалась почти два с половиной года. Данная обитель могла и не открыться, поскольку по законам Российской империи их число по епархиям строго регламентировалось. В своем обращении к Синоду преосвященный обратил внимание на то, что в столь обширном крае нет ни одного духовно-нравственного учреждения для женского пола, и учреждение Черноморской обители было бы восстановлением той второклассной женской обители, которая существовала в городе Моздоке в конце XIX века³⁵. И только принимая во внимание мнение епископа Иеремии, 11 декабря 1848 г. император Николай I разрешил учреждение в Черномории женской пустыни во имя Св. Марии Магдалины³⁶.

С момента основания Кавказской епархии жизненные трудности вдов и сирот из семей духовенства всегда пользовались особым вниманием. Для их попечения епископом Иеремией был открыт Иоанно-Мариинский женский монастырь. Даже после перехода с Кавказской кафедры он продолжал оказывать им посильную поддержку, например, только в 1853 г. он переслал 150 руб. на их содержание при открытом приюте³⁷. Последующие Кавказские епископы сохранили заложенную традицию. Так, например, за счет личных средств епископ Герман дал возможность получения образования нескольким сиротам. Лучшей из своих воспитанниц Варваре Дементьевой он дал в приданое банковский 5-процентный билет на сумму в 1000 руб., что обеспечивало ее достойным приданым³⁸.

Обозревая епархию в 1845 г., епископ Иеремия посетил действующие мужские монастыри, расположенные на ее территории. Кизлярский Крестовоздвиженский монастырь он назвал «умирающим», поскольку в нем разрушалось абсолютно все³⁹. На конец 1846 г. в его распоряжении имелось только 30 руб. ассигнациями и 150 руб. долгов⁴⁰. Исправлять ситуацию епископ начал со свойственной ему бескомпромиссностью. В монастырь был направлен экононом его архиерейского дома игумен Герман, который вскоре его и возглавил⁴¹. Были поданы судебные иски в Ставропольскую судебную палату по уголовным и гражданским делам относительно спорных земель монастыря⁴². В результате этих и последующих преобразований монастырю не только удалось выйти на самообеспечение, но и в 1875 г. приступить к постройке собственными силами общежития, что дало возможность уделять больше внимания иноческому подвижничеству⁴³.

В отношении Черноморского Екатерино-Лебяжьего Николаевского монастыря были начаты безуспешные мероприятия по удалению от управления им строительного комитета Черноморского войскового правления. Эта цель была достигнута уже после ухода епископа с Кавказской кафедры, и монастырь получил возможность развиваться в контексте общероссийской монастырской системы.

Выше был представлены примеры личного участия преосвященного Иеремии в разрешении возникавших проблем в процессе становления самостоятельной епархии. Не все их удалось преодолеть в период его управления Кавказской кафедрой, а решение некоторых вопросов растянулось на долгие годы. Но самым главным стала подготовка высоко нравственного духовенства, способного донести до населения истину православного учения. При этом сам Иеремия придерживался такого образа жизни, который предполагал определенный аскетизм. По воспоминаниям современников, он не имел даже «приличного экипажа» для передвижения⁴⁴.

Когда была компенсирована прогонная сумма в размере 500 руб.⁴⁵, Иеремия распорядился возвращенные деньги разместить в Приказе общественного призрения. На проценты от них в Ставропольском духовном училище обучались двое «благонравных учеников», которым были присвоены фамилии Антониев и Феодосиев⁴⁶. Помимо этого в городские приходы епархии были пожертвованы сборники различных духовных сочинений.

Посетив в 1844 г. торжественные мероприятия в честь 50-летия Черноморского казачьего войска, Иеремия поддержал идею о преобразовании Екатеринодарского духовного училища в уездное. На местное духовенство сильное впечатление произвел тот факт, что им были посвящены в стихарь трое лучших воспитанников данного училища, причем в обход некоторых малограмотных причетников, уже служивших не один год в церковных приходах Черноморского войска. Так он подчеркнул важность образования при назначении на церковную должность, что, по мнению Гедеоны (Докунина), имело самые благоприятные последствия в осознании степени и назначения священства ⁴⁷.

Духовенство Северного Кавказа любыми способами уклонялось от направления своих детей на обучение в семинарии, поскольку приходило постоянно испытывали большой кадровый дефицит в условиях войны и колонизации территорий, а через работу на клиросе можно было выучить литургии и навыки церковной службы. Удаленные на 800–900 верст от некоторых приходов, Астраханская и Воронежская семинарии требовали значительных средств на содержание и обучение в них детей. Привлечение духовенства из других епархий частично разрешало эту проблему, но епископ Кавказский стремился к преодолению сложностей самостоятельными силами вверенной ему епархии. К моменту его назначения в приходах Северного Кавказа из 931 священнослужителя, включая заштатное духовенство, 154 были приняты из других епархий ⁴⁸.

В условиях колонизации Северного Кавказа потребность в образованных и подготовленных кадрах усиливалась. По мнению Иеремии, открытие семинарии способствовало бы восполнению их нехватки. К тому же ректор и инспектор семинарии устранили бы имеющийся недостаток в «лицах благонадежных и способных» для занятия некоторыми делами по устройству новой Кавказской епархии. Однако решение вопроса открытия семинарии Синодом откладывалось на неопределенное время, несмотря на подаваемые рапорты о ее крайней необходимости в регионе.

Не обращая внимания на возникшие административные препятствия, епископ, со свойственной ему бескомпромиссностью, начал разработку плана по подготовке к устройству семинарии. Им было подобрано два места в городе для ее устройства. Одно из них располагалось напротив дома областного начальника на Воробьевой горе. По настоянию преосвященного был начат процесс выделения под семинарию выбранного участка ⁴⁹. Однако сам он считал более удобным местом пустырь около кузницы и бывшего городского кладбища. Данная территория прилегала к архиерейскому дому, не была открыта сильным ветрам и окружена со всех сторон домами, которые могли стать удобными квартирами семинаристам.

В конце 1843 г. Иеремия сумел договориться с начальником Кавказской области генерал-лейтенантом В. О. Гурко об изменении городского плана и выделении участка на Варваринской площади. После всех административных проволочек 13 августа 1846 г. гражданский губернатор передал его в распоряжение духовной власти ⁵⁰. По планам преосвященного, из местного камня вокруг выделенного участка предполагалось

возвести забор, протяженностью 600,3 погонных сажени. Стоимость работ оценивалась в 9 тыс. руб. серебром, но Синод посчитал выделение такой суммы нецелесообразным в виду предстоящего строительства самой семинарии⁵¹. До ее сооружения было предложено на первое время сделать ров и в отдельных местах высадить колючий кустарник. Как выяснилось в ходе инженерной экспертизы, грунт в этой части города был неустойчив, поэтому возводить масштабные сооружения было невозможно, в дальнейшем здание семинарии было построено на Воробьевой горе. Самим же епископом был составлен примерный план здания в три этажа и помещений на 200 семинаристов⁵². Данный проект был взят за основу при строительстве в 1883 г., даже были учтены расчеты толщины стен, сделанные первым епископом на основе того, что местный ракушечный камень имел свойство пропускать тепло.

Преосвященный лично разработал примерную программу обучения для Кавказской духовной семинарии, занятия в которой предполагал начать уже с 15 августа 1844 года⁵³. В своем обращении к Синоду он отмечал, что нехватки в учениках не возникнет. Им планировалось перевести на обучение в нее желающих поступить в Астраханскую семинарию на высшее и среднее отделения. На низшее отделение предполагалось набрать обучающихся в Ставропольском и Моздокском уездных училищах. Также можно было, по его мнению, вернуть детей духовенства Кавказской епархии, обучавшихся в Воронежской и Екатеринославской семинариях, в училищах Донской епархии⁵⁴.

В 1845 г. начальник Кавказской области генерал-лейтенант Гурко в своем письме к Синоду характеризовал Иеремию пастырем, достойным всякой похвалы. Но когда епископ решил искоренить раскол в восточной части Кавказской епархии и потребовал выдачи беглого священника, укrywшегося в Гребенском полку⁵⁵, он не поддержал преосвященного. Казаки, ссылаясь на «религиозную покорность», подали прошение императору через графа Воронцова, когда он был проездом в станице Червленной. Они просили графа получить разрешение у императора на исполнение религиозных обрядов по заведенным древним обычаям. Император распорядился высылать только тех попов, которые бежали от своего места службы по причине совершения преступлений и только по предварительному соглашению с Главнокомандующим отдельным Кавказским корпусом. Несмотря на то, что раскольникам была запрещена законом постройка новых молитвенных домов и часовен, казакам позволили возводить церкви в своих станицах⁵⁶.

В результате начавшегося процесса реорганизации Кавказской епархии 19 июля 1845 г. из ее состава были выведены и переданы в управление обер-священнику Кавказского отдельного корпуса, расположенного в Тифлисе, 82 прихода. В епархиальном ведении осталась только 131 церковь, в том числе 12 молитвенных домов⁵⁷. В последующем отделение приходских церквей Кавказской епархии продолжилось. Так, 13 июля 1849 г. четыре казенных селения – Новорождественское, Терновское, Тихорецкое и Новопокровское – также были переданы в формирование 1-го Кавказского казачьего пешего батальона⁵⁸.

Казалось, что вопрос об открытии семинарии снят и больше никогда не возникнет, но Иеремия начал переписку с Наместником Кавказским

и смог убедить его в необходимости открытия семинарии. Обер-священник Кавказского отдельного корпуса Л. Михайловский наотрез отказался передавать часть свечной суммы на софинансирование устройства семинарии, ссылаясь на возможность пополнять ряды священнослужителей выборным духовенством из казаков по заведенной традиции. Он также поддерживал правило приглашать священников из центральных губерний России, однако князь Воронцов потребовал участия станичного духовенства в семинарском проекте, предложенном Иеремией⁵⁹.

Князь попросил епископа представить ему список всего необходимого: от штатного расписания до количества учеников, включая детей духовенства Кавказского линейного казачьего войска⁶⁰. После этого он обратился к обер-прокурору Синода с ходатайством о скорейшем открытии собственной Кавказской семинарии, которое откладывалось более двух лет. В своем рапорте о необходимости иметь собственную семинарию для епархии обер-прокурору Синода Н. А. Протасову, епископ Иеремия сообщил о неожиданном пожертвовании неизвестным лицом 6890,78 руб., за счет процентов от которого предполагалось содержание семи учеников сверх установленного комплекта⁶¹. Исходя из того, что при основании нового направления деятельности Кавказской епархии он всегда первым вносил значительные пожертвования, можно предположить, что и данный анонимный взнос поступил именно от него.

Когда с большими трудностями 20 июля 1846 г. разрешение на открытие семинарии было получено⁶², возникла другая проблема – ее размещение до постройки соответствующего здания. Ограниченный суммой в 1500 руб., учрежденный учебный комитет не смог подобрать соответствующего здания. Тогда преосвященный Иеремия обратился к ставропольскому купцу 1-й гильдии, одному из самых преуспевающих и уважаемых предпринимателей в городе Ивану Григорьевичу Ганиловскому с просьбой отдать дом, который сдавался им за 3 тыс. руб., для семинарии⁶³. Купец ответил, что: «... принимая с сыновей готовностью предложение... имея постоянное желание способствовать всем Вашим благим начинаниям», передаст дом по оговоренной цене. Для удобства расположения семинарии он за свой счет пристроил каменную столовую и установил дополнительные окна на первом этаже здания⁶⁴.

Помимо этого, найдя поддержку у князя Воронцова, епископ договорился о передаче архиерейскому дому принадлежавшего штабу войск пустыря на Воробьевой высоте, где не было строевого леса, а произрастал только кустарник, и у подножья возвышенности протекала р. Чла. Посредством имевшихся при архиерейском доме рабочих он предполагал расчистить участок от кустарника, высадить рошу, запрудить реку и запустить рыбу. Вскоре было получено согласие на это предложение и велено передать «... такой размер казенного лесного участка и речки, какой сам преосвященный признает нужным для устройства своего дома»⁶⁵. Выделенный участок имел в длину 121 сажень, а в ширину 75, что составило в общем 150 десятин и было соразмерно установленной законом квоте для монастырей. В последующем на данной территории будет вырыт пруд и высажен лес, который сохранился до сегодняшнего дня под названием «Архиерейская дача».

Своим личным примером епископ способствовал возникновению поколения священнослужителей, которые, преодолев все сложности религиозной среды, несли проповедь в отдаленные приходы Северного Кавказа. Уникальным случаем можно считать назначение в конце 1880-х гг. пожизненного пособия протоиерею Гавриилу Орлову, который 48 лет и 5 месяцев ревностно и бескорыстно трудился на пользу Кавказской епархии. У священника не было семьи, он не нажил состояния, поскольку все имевшиеся у него средства тратил на помощь нуждавшимся. Понимая всю сложность ситуации, правящий епископ обратился к съезду духовенства Кавказской епархии, который постановил «назначить ему пожизненную пенсию из собственных средств духовенства в количестве одного рубля от каждого причта епархии в год», а после его смерти остаток суммы отдать на благотворительные нужды в память о его духовном подвиге⁶⁶.

О преосвященном епископе Кавказском и Черноморском и кавалере Иеремии современники отзывались как о достойнейшем из людей. При строгом образе жизни он соединял в себе истинную кротость, любовь к ближнему, глубокую набожность и пламенное усердие в вере. В период его управления епархией произошел переход к нормализации церковной и монастырской жизни. Благодаря его деятельному участию была организована забота о заштатном духовенстве и членах их семей, что способствовало повышению социального статуса духовенства и уверенности в сословной взаимопомощи.

Архиерейский дом, организованный в лучших традициях Русской православной церкви под непосредственным наблюдением епископа Иеремии, был не только местом его резиденции, но и центром религиозной жизни всего Северного Кавказа. Он был одной из культурных достопримечательностей города, а Крестовоздвиженская церковь на долгое время стала образцом совершения литургических служб и церковного пения.

Преодолевая административные барьеры и непонимание ситуации в области церковной жизни представителями власти, Иеремия добился учреждения самостоятельной Кавказской духовной семинарии, которая была построена в конце XIX в., а разработанная им программа обучения долгое время являлась основой подготовки духовенства для приходов Северного Кавказа, которые к концу века стали одними из лучших в империи.

Весь следующий период своей жизни Иеремия помогал семинариям епархий, в которых служил, сиротствующему духовенству и любому, кто нуждался в помощи. Лишь в монастыре он нашел желанный покой. В течение 27 лет он не покидал свою келью, до самой смерти ведя строго аскетическую жизнь в молитве и посте. Скончался Иеремия 6 декабря 1884 года.

Примечания

1. Государственный архив Ставропольского края (ГА СК), ф. 135, оп. 1, л. 1–12об.
2. КАТАРСКИЙ А. Л. Воспоминания старого профессора. Нижний Новгород. 2010, с. 61–66.

3. ГА СК, ф. 135, оп. 1, д. 51, л. 1–112.
4. Данные по клировым ведомостям 1843–1846 гг. ГА СК, ф. 135, оп. 1, д. 340; оп. 2, д. 410; оп. 3, д. 1025; оп. 4, д. 787, ч. 1–3.
5. Автобиография Пресвященного Иеремии, первого Епископа Кавказского. – Кавказские епархиальные ведомости (КЕВ). 1885, № 1, 2 января, с. 16–21.
6. ГА СК, ф. 90, оп. 1, д. 1548, л. 2–4.
7. Указ от 1762 года 16 февраля (21 марта 1762), касательно нового устройства об управлении монастырских и Архиерейских недвижимых имений. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ) (1649–1825), т. 15, № 11 481.
8. ГА СК, ф. 135, оп. 1, д. 877, л. 110–111.
9. Там же, д. 588, л. 308об.
10. Там же, д. 877, л. 110–111.
11. Там же, д. 588, л. 256–257, 296–297.
12. Там же, оп. 4, д. 252, л. 8–9.
13. Там же, д. 246, л. 3–12.
14. Там же, оп. 1, д. 319, л. 52.
15. Там же, л. 20–57.
16. Там же, оп. 4, д. 921, л. 26–27об.
17. Там же, д. 252, л. 11–11об.
18. Там же, ф. 361, оп. 1, д. 443, л. 9.
19. Там же, ф. 135, оп. 1, д. 51, л. 95, 116–117.
20. Там же, л. 95.
21. Там же, оп. 7, д. 210, л. 1, 4–5.
22. Там же, л. 8.
23. Там же, ф. 395, оп. 1, д. 400, л. 1–2.
24. Там же, д. 34, л. 1–8.
25. Там же, ф. 135, оп. 4, д. 210, л. 152–153.
26. Там же, л. 202–204.
27. О призрении бедных духовного звания (12 августа 1823 г.). ПСЗРИ (1649–1825), т. 38, № 29 583.
28. ГА СК, ф. 135, оп. 1, д. 877, л. 608.
29. Там же, д. 31, л. 1–1об.
30. Там же, д. 877, л. 438.
31. Там же, д. 31, л. 3–3об., 5–6.
32. Там же, ф. 361, оп. 1, д. 83, л. 3–6.
33. Там же, л. 1–1об.
34. Там же, д. 32, л. 1–1об.
35. Государственный архив Краснодарского края (ГА КК), ф. 318, оп. 1, д. 313, л. 16–16об.
36. Св. Филипп Николайченко. Очерк Черноморской Марие-Магдалинской женской пустыни. КЕВ. 1874, № 20, 16 октября, с. 653.
37. ГА СК, ф. 361, оп. 1, д. 167, л. 1.
38. Там же, д. 481, л. 6–12.
39. Там же, ф. 135, оп. 1, д. 877, л. 86.
40. Там же, оп. 8, д. 267, л. 11–12об.
41. Там же.
42. Там же, оп. 4, д. 251, л. 7.
43. Известия: Об учреждении общежития в заштатном Кизлярском Крестовоздвиженском монастыре. КЕВ. 1875, № 12, 16 июня, с. 382–383.
44. ГА СК, ф. 135, оп. 1, д. 51, л. 122–123об.
45. Там же, д. 877, л. 73, 81.
46. Там же, л. 455.
47. ГЕДЕОН (ДОКУНИН), митрополит Ставропольский и Бакинский. История христианства на Северном Кавказе до и после присоединения его к России. М. – Пятигорск. 1992, с. 115.
48. ГА СК, ф. 135, оп. 1, д. 340; оп. 2, д. 410; оп. 3, д. 1025; оп. 4, д. 787, ч. 1–3.
49. Там же, оп. 7, д. 488, л. 69.
50. Там же, л. 14; 7–9.

51. Там же, л. 105, 114.
52. Там же, л. 85–86.
53. Там же, оп. 4, д. 921, л. 7–10.
54. Там же.
55. Там же, оп. 1, д. 51, л. 122–123об.
56. Там же, оп. 3, д. 388, л. 2–6.
57. Там же, ф. 361, оп. 1, д. 7, л. 2.
58. Там же, ф. 135, оп. 7, д. 656, л. 45–45об.
59. Там же, оп. 4, д. 840, л. 34–40.
60. Там же, л. 34–40.
61. Там же, д. 921, л. 36–37.
62. Там же, л. 158–158об.
63. Там же, оп. 1, д. 840, л. 40–45.
64. Там же, оп. 4, д. 921, л. 46, 48.
65. Там же, д. 557, л. 19–20.
66. Устав Ставропольского епархиального завода восковых свечей: Журнал № 14. – Ставропольские епархиальные ведомости. 1890, № 10, 16 мая, с. 157–158.

Миссии францисканцев и капуцинов в Санкт-Петербурге в последние годы Петровской эпохи (1719–1725)

А. Э. Алакшин, Е. А. Самыловская

Аннотация. Публикация посвящена истории взаимоотношений миссий францисканцев и капуцинов, оказавшихся в Санкт-Петербурге в 1719–1725 годах. На основе анализа отечественной и зарубежной литературы, а также архивных документов была рассмотрена история комплектования миссий, проведен анализ конфликта, разгоревшегося между ними, и взаимоотношений, складывавшихся между Петром I и Римской курией.

Ключевые слова: католическая церковь в Санкт-Петербурге, католики, миссионеры, францисканцы, капуцины.

Abstract. The paper is devoted to the history of the relationship of the missions of the Franciscans and Capuchins, who turned out in St. Petersburg in 1719–1725. On the basis of Russian and foreign literature as well as archival documents analysis, the authors considered the history of component missions was reviewed, and also conducted analysis of the conflict between them and the relationship between Peter the Great and the Roman Curia.

Key words: Catholic Church in St. Petersburg, Catholics, missionaries, Franciscans, Capuchins.

В конце первой четверти XVIII столетия в Санкт-Петербурге развернулся интереснейший сюжет конкурентного состязания уполномоченных лиц орденов католической церкви за право представлять римский престол в новой столице российского государства. Конфликту предшествовали события первых полутора десятилетий века, отозвавшиеся скандалом европейского масштаба. Основанный в 1703 г. Петербург несколько лет не воспринимался папской курией всерьез. Подобная позиция имела ос-

Алакшин Александр Эдуардович – доктор исторических наук, доцент Высшей школы общественных наук Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого (СПбПУ). E-mail: aalakshin@list.ru; *Самыловская Екатерина Анатольевна* – кандидат исторических наук, доцент Высшей школы общественных наук Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого (СПбПУ). E-mail: katerina-samylovskaya88@yandex.ru.

Alakshin Alexander E. – doctor of historical sciences, associate professor at the Graduate School of Social Sciences at Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (SPbPU). E-mail: aalakshin@list.ru; *Samylovskaya Ekaterina A.* – candidate of historical sciences, associate professor at the Graduate School of Social Sciences at the Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (SPbPU). E-mail: katerina-samylovskaya88@yandex.ru.

нование – петербургская крепость и росший вблизи от нее город были заложены в эпицентре боевых действий в Северной войне; шведы не раз стояли в шаге от возможности захватить место гигантской стройки. Тем не менее, с 1704 г. московские иезуиты все же стали приезжать сюда один раз в год для окормления ¹местных немногочисленных католиков. Победа в Полтавской битве 1709 г. изменила расстановку сил в пользу России. Уверенный в окончательной победе в войне Пётр I перевел в 1711 г. из Москвы в Петербург правительство, и вскоре на берега Невы переехал весь состав царского двора. Санкт-Петербург, таким образом, неожиданно для властных кругов стран Европы обрел статус столицы России.

С первых дней своей истории Петербург был заполнен иностранцами. Они были приглашены Петром I в Россию в период коренных преобразований в сферах ее экономики и культуры для «оживления торговли» и развития всякого рода промышленных «искусств» ². Выходцы из стран Западной Европы привозили в город товары, создавали на его территории мануфактуры, командовали базировавшимися здесь подразделениями русской армии и русского флота; вместе с местными мастерами строили городские здания, порт и морские суда на судовой верфи. Подавляющее большинство приезжих были протестантами; значительное число иностранцев, однако, принадлежало к римско-католической церкви. В разных уголках возводимого города стали стихийно создаваться общины католиков – десятки человек собирались для проведения богослужений в частных домах Петербургской стороны (в том числе в доме первого архитектора Петербурга Доменико Трезини), Греческой слободы и Васильевского острова. С 1710 г. у петербургских католиков, наконец, появились и собственные священники – бенедиктинский монах о. Вольфганд Гайдингер, иезуиты о. Скорти и о. Даниил Жировский. Ситуация сложилась таким образом, что с 1715 г. в петербургском приходе службы вели единственно представители ордена иезуитов, немало сделавшие для развития местной общины ³; но занимавшихся, кроме своих конфессиональных обязанностей, и политическими интригами. По результатам одной из них, связанной с бегством из России царевича Алексея Петровича (история их несомненного участия в деле усугублялась тем, что Пётр I выявил тесную партнерскую связь петербургских католических священников с австрийским посланником Оттоном Плейером, по сути, организовавшим побег), все находившиеся на территории страны монахи ордена иезуитов в 1719 г. были высланы за границу ⁴.

Изгнание иезуитов на время ослабило позиции католичества в стране – многие приходы остались без миссий; остановилась и деятельность школ, являвшихся главной площадкой распространения идей католического вероучения среди молодежи ⁵. Римская курия в срочном порядке должна была решить вопросы назначения той или иной миссии в Россию на место иезуитов. Главной резиденцией в стране – с потерей Московской статуса столицы – представлялся Санкт-Петербург. Какой орден мог наиболее успешно справиться с задачами восстановления прежних институций католичества в России и укрепления положения церкви в ее главном городе? В поисках ответа на этот вопрос были учтены два обстоятельства: симпатии Петра I к ордену францисканцев ⁶ и просьба фактического патрона общины петербургских католиков – вице-адмира-

ла на русской службе Матии Змаевича, желавшего видеть в Петербурге францисканцев, знающих славянский, итальянский и немецкий языки. М. Змаевич утверждал, что двух священников для местной католической общины вполне достаточно ⁷. Возможно, письмо Змаевича нарушило планы каких-либо персон из состава Миссионерской коллегии, отдававших предпочтение ордену капуцинов ⁸. В таком случае очень кстати пришлось письмо от другого попечителя петербургского прихода – архитектора Николы Микетти, сообщавшего, что в городе находится несколько церквей ⁹.

Как бы то ни было, Конгрегация пропаганды веры отправила в Петербург представителей двух орденов – францисканцев и капуцинов. В этом решении виделась серьезная геополитическая увязка: с рождением Санкт-Петербурга и увеличением территории страны появилась необходимость разделения на две зоны ответственности: близкие к Ингрии и Ливонии земли передавались под контроль францисканцам; располагавшиеся восточнее крупные города России (Москва, Ярославль, Казань, Астрахань и т.д.) оказывались в ведении капуцинов. Разграничительной линией территорий была объявлена Нева. Резиденции орденов в Санкт-Петербурге должны были символически располагаться на каждом из берегов Невы – правая, западная сторона реки, давала начало владениям францисканцев; левая, с прилегающей к ней восточной частью страны, принадлежала капуцинам. Здания общины были разделены соответственно: церковь в Греческой слободе доставалась францисканцам, капелла на Васильевском острове – капуцинам ¹⁰.

Путь в Россию для миссий лежал через Варшаву – по сложившейся в католичестве традиции, монахам необходимо было пройти аттестацию у назначенного Римом наставника. Им оказался папский нунций в Варшаве Дж. Гримальди. В мае 1720 г. экзамен прошли францисканцы о. Бовенатура Шульц, о. Бовенатура Цежиньский, о. Джакомо да Оледжо, о. Доминик Центавский, о. Микеланджело да Вестинье, о. Фаустин Шиманьский; и капуцины о. Венусто из г. Фрибурга, о. Казимир из г. Делемонта, о. Роман из г. Поррентри, о. Ударлик из местечка Гольдах, о. Теодосий из г. Люцерна и о. Фидель Грубер из г. Роршаха ¹¹. Какие собеседования проводил нунций – неизвестно, ясно, однако, что речь должна была идти о знании канонов учения и ритуала служб, способности в общении с кем-либо убеждать человека в правильности своей точки зрения, и, конечно, о владении монахами иностранными языками. Все это указывало на степень подготовки к миссионерской деятельности. Нет данных по знанию языков всеми участниками аттестации, но о. Фаустин, например, говорил и писал на латинском, польском, немецком, арабском и китайским языках; о. Бевентура Цежиньский – на латинском, итальянском, польском, арабском и китайском; о. Бонаветанура Шульц – на латинском, польском, немецком; о. Джакомо – на латинском, итальянском и арабском ¹²; и т.д.

Не все монахи были командированы в новую столицу России – в Варшаву произошло распределение маршрутов миссионеров по стране: капуцины о. Казимир, о. Роман, о. Ударлик и о. Фидель по заданию ордена направились через Киев в Москву; остальные монахи без промедления отбыли в сторону Петербурга ¹³.

Дата прибытия представителей миссий в город неизвестна. Согласно сведениям Коллегии иностранных дел, о. Джакомо, о. Доминик, о. Микеланджело, о. Бовенатура Шульц (из состава францисканцев); о. Венусто и о. Теодосий (из состава капуцинов) оказались в Петербурге 1 августа 1720 г.; францисканцы О. Бовенатура Цежиньский и о. Фаустин – 3 сентября¹⁴. Есть и другие данные: о. Джакомо в одном из своих писем указал датой приезда 10 июня 1720 года. Живший в Петербурге попечитель общины католиков Н. Микетти писал кардиналу о состоявшейся 13 июня (24 июня по григорианскому календарю) аудиенции монахов у Петра I. Весомым аргументом версии, что монахи прибыли в Петербург все-таки в июне, может служить запись в метрической книге общины о проведенном о. Венусто обряде крещения младенца 29 июня (по григорианскому календарю 18 июня) 1720 года. 12 апреля следующего, 1721 г., в городе оказались и двое капуцинских монахов – братья о. Аполлинарий и о. Андреас фон Веберы.

Сюжетная канва конфликта в общей форме неоднократно была описана в исторической литературе¹⁵. В дни приезда обеих миссий в городе находился капуцинский священник – о. Патриций (Патрик) Медиоланский. Попал он в Петербург случайно: приехав в столицу в 1717 г. с прошением разрешить строить каменный храм в Астрахани, клирик стал свидетелем изгнания иезуитов из России¹⁶. По просьбе прихожан церкви в Греческой слободе, о. Патриций стал ее настоятелем. Приезжего пастора попечители общины считали временной фигурой в приходе – лишь до приезда священников двух готовившихся миссий¹⁷.

О. Патриций, однако, быстро прикипел к приходу. Поэтому приезд миссий он, вероятно, воспринял как вызов собственной карьере, и разработал стратегию ежедневного поведения, помогавшую ему в той или иной мере контролировать жизнь прихода до декабря 1722 года. Главу миссии францисканцев о. Джакомо он разместил поблизости от своего жилья, в келье иезуитов, и в течение двух недель под разными предлогами не допускал его к службам. Прихожане и попечители церкви были возмущены узурпацией прав священника. Возможно, о. Патриций пожаловался царю – и 14 сентября 1720 г. Пётр I издал указ о воспрещении чинения мирскими и светскими лицами всякого рода козней против священника¹⁸. После такой поддержки о. Патриций взял на себя обязанность лично распоряжаться, кому в какой очередности иногда позволять проводить мессы: и францисканцам, и капуцинам – своим братьям по ордену. Миссионеры обоих орденов и попечители общины сошлись во мнении, что зачинщиком всякого рода ссор между миссиями стал именно о. Патриций.

Два с половиной года настоятель контролировал деятельность прихода. С начала 1722 г. община, видимо, смогла обрести рычаги управления ситуацией. Судя по материалам метрической книги, в этом году о. Патриций уже не смог провести ни одного обряда крещения (в 1721 г. он крестил 15 из 27 младенцев членов общины)¹⁹. Осенью 1722 г. после долгих пререканий с о. Патрицием²⁰ Конгрегация пропаганды веры приняла решение снять с него обязанности настоятеля и приказала возвращаться в Астрахань²¹. После отъезда о. Патриция настоятелем объявил себя другой капуцин – о. Аполлинарий фон Вебер, посчитавший,

что по знатности своего рода он может занять вакантную должность без указаний из Рима. Отношение к скандалам, связанным с деятельностью о. Патриция и о. Аполлинария, в конечном итоге, повлияло на репутацию обеих миссий – по указу Петра I, Россию должны были покинуть и капуцины, и францисканцы. Для обеспечения жизнедеятельности общины при ней разрешено было оставить двух монахов-францисканцев – о. Джакомо и о. Фаустина Шиманьского.

Конфликт петербургских капуцинов и францисканцев требует аналитического обоснования – в нем четко высветилась вся сложность классической модели миссионерской деятельности католических орденов в мире и, непосредственно, в России. На первый взгляд, клирики Конгрегации пропаганды веры допустили ошибку, отправив внушительное число представителей двух миссий в город с еще не устоявшимся составом местной общины и завышенным числом сооружений для молитв католиков. Но у этого решения была своя аргументация: францисканцы были посланы в столицу России по личной просьбе Петра I, познакомившегося ранее с о. Джакомо, который расположил к себе царя познаниями и личным обаянием. Необходимо было воспользоваться возможностью усилить влияния Рима в Петербурге. Капуцины отправлялись по причинам составления конкуренции францисканцам, лоббистской опеки ордена французским правительством²² и замещения должности настоятеля городской церкви капуцином о. Патрицием. Численный состав миссий позволял ее членам обращать внимание на возможно большее количество аспектов жизни православного общества.

Пётр I принял сторону капуцинов. Он, наверняка, вел свою игру с папским престолом, начало которой было положено в годы Великих посольств, когда стала понятна нацеленность Рима на решение задачи «окатоличивания» населения земель внешнеполитически слабой Московии. Вся неразбериха в обстоятельствах положения орденов в России была, как представляется, частью выработанной царем стратеми в отношениях с Ватиканом – с начала столетия между Петром I и папой Климентом XI²³ (как ранее, между предшественниками царя и папы на престолах Москвы и Рима) шли принципиальные споры по вопросам титулов²⁴ государя и папы, которые сводились к главным темам: имеет ли папа право вмешиваться во внутренние дела католических царств, или это прерогатива их светских правителей²⁵; обязательно ли всем христианским государствам становиться католическими, и почему не принадлежащим к римской церкви христианам необходимо изменять отеческой вере; почему из всех христианских традиций только римско-католическая церковь с неослабевающим упорством пытается обратить в свою веру весь мир?

Во время многолетнего заочного диалога происходили различные события. Исходя из обстоятельств политической целесообразности, Пётр опирался на авторитет папы в поисках союзников во время ведения войн; в свою очередь, оказывал ему политические услуги; даже обещал, по некоторым данным, обратить подданных в католичество. Пётр I разрешал деятельность монашеских орденов Рима в стране, рождая надежды папы на усиление влияния католичества на Россию; но, при возникновении любого удобного предлога, высылал их из страны,

сводя к минимуму все затраченные усилия монахов на конкретную работу. Вследствие проведения такой политики, Римская курия не могла не только обратить в свою веру сколько-нибудь значимое число православных, но даже составить цельные картины жизни католиков в стране и ситуации в самой России.

Нужно отметить, что и члены орденов пользовались сложными отношениями между Петром I и понтификами²⁶ – они сильно преувеличивали и объемы проведенной ими работы в городах России, и степень собственного авторитета в российском обществе. Противоречия между Россией и папской курией рождали огромные возможности для возвышения того или иного ордена в католическом мире – орденам было выгодно получить миссии в России и, особенно, в ее столице. Добытое право на миссионерство в прежде закрытой для Ватикана православной стране само по себе повышало статус монашеских организаций. За эти возможности ордена ожесточенно боролись, вплетая в отношения друг с другом и с курией многочисленные интриги и доносы в органы власти России и в Конгрегацию пропаганды веры. Получив миссионерство, монахи становились проводниками политики Ватикана и его источниками информации о настроениях в стане потенциальных католиков. Орденам было важно доказать успешность своих усилий по обращению населения в истинную форму веры учения Христа. Допускалось и использование средств за рамками канонической деятельности миссионеров – им было позволено посещать светские мероприятия интересующих их объектов, носить мирскую одежду и вести светские разговоры, в том числе, и далекие от тем христианской морали. Так, например, францисканский монах о. Микеланджело да Вестинье в «околоцерковной активности» превзошел, наверное, весь состав миссионеров призыва 1719–1725 годов. В 1721–1722 гг., проживая в доме Змаевича, он, как правило, носил черное светское платье на «французский манер», появлялся в домах знати и вел беседы с не католиками²⁷. На светской службе находился францисканский монах о. Иоанн Крушала. Он с осени 1717 г. служил в Петербурге в качестве секретаря Петра I по итальянским письмам, а также у С. Л. Владиславича²⁸. Полученные в разговоре данные без промедления отправлялись в Рим²⁹. Полезными помощниками миссионеров в делах сбора сведений о любом предмете стали прихожане – в первую очередь, старосты: Доминико Трезини, Матиа Змаевич, Никола Микетти³⁰, Гаэтано Кьявери, Джузеппе Мариотти и прочие, являвшиеся, фактически, агентами Ватикана³¹.

Свою лепту в изменение соотношения сил старались внести посланники европейских держав в России. Значительную роль в конфликте сыграл французский посол Ж. де Кампредон, открыто защищавший интересы капуцинов. Текст его письма Петру I³² дает представление о его собственной игре в противостоянии Ватикану: «... дабы не докучать вашему величеству гораздо чаще, министр нижеподписавшийся просит всепокорно ваше величество решить спор пребывающей между капуцинами и реколетами (францисканцами – *А.А.*, *Е.С.*); воля вашего величества казалась всегда такая, чтоб первые сии речи капуцины остались в вашей столице санктъпитербурге, и сия диспозиция есть во всем сходна с правую... ваше величество оную депозицию подтвердил триж-

ды, а в последствии повелел возвратить оных капуцинов в защищение из которого неприятели изгнали было их... Потому по ложному подлогу Рим дал декреты милостивые реколетами; Рим не хочет и не может хотеть иного, токмо что ваше величество величественно похочет в таком деле в котором ваше величество имеет самовластие. То есть в избрании законников или монахов, которым вы соизволите попустить пребывать в ваших областях...»³³ Таким образом, Кампредон, преследуя собственные цели, делает акцент на противостоянии духовной и светской власти, подчеркивая первенство последней, тем самым переводя конфликт между священниками (по сути вопрос внутрицерковный) в статус политического – взаимоотношений Российской империи и Ватикана.

Тем не менее, это письмо, поданное в Коллегию Иностранных дел 2 октября 1724 г., практического результата не принесло – через 40 дней был обнародован текст указа Петра I о высылке капуцинов и францисканцев из Петербурга. Распоряжение стало результативной частью детального доклада императору Коллегии Иностранных дел о продолжающейся ссоре орденов, о том, что «францисканцев папа прислал, а капуцины сами приехали, и у иностранных министров протекции ищут. И не стоит ли...» «... оба ордена выслать, а вместо них допустить доминиканцев, которые не допускают в светские дела вмешиваться и в том ордене сам нынешний папа³⁴, и что ему то будет приятно»³⁵.

Ситуация, видимо, устраивала Петра I. После объявления указа об изгнании капуцинов и францисканцев, император отправил в Римскую курию письмо, в котором информировал о своем решении папу и рекомендовал прислать в Петербург новую миссию монахов – из числа доминиканцев, которые, впрочем, так и не прибыли в Петербург, оставив церковь за францисканцами³⁶ (до их предполагаемого приезда при церкви должны были находиться два францисканца)³⁷. Из указанного выше доклада Коллегии иностранных дел видно, что Петра I во взаимоотношениях с Римской курией беспокоили два вопроса: соотношение (подчинение) светской власти и власти духовной в России, а также налаживание дипломатических отношений с главой Католической церкви – теперь уже Бенедиктом XIII.

Кроме того, конфликт между францисканцами и капуцинами ясно демонстрирует степень противоречивости ситуации с пребыванием католиков в Петербурге в первые десятилетия его истории. Конкурентная борьба орденов за приходы в городе, неразбериха со сведениями, поступавшими в Рим о числе имеющихся в городе зданий для проведения богослужений, отразилась на дипломатических отношениях между папской курией и Россией. Борьба за католический приход в Петербурге тесно сплелась с борьбой орденов за влияние на правительство и двор России, успешный результат в которой гарантировал укрепление политического авторитета ордена в католическом мире и в глазах папы. Прервала конфликт смерть грозного самодержца, изменившая всю жизнь Российской империи.

Примечания

1. Письма и донесения иезуитов о России конца XVII и начала XVIII века. СПб. 1904, с. 186–188.
2. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ), т. IV, № 1910, с. 193–195.
3. См.: АНДРЕЕВ А. Н. Доминико Трезини – староста римско-католического прихода в Санкт-Петербурге. – Российская история. 2014, № 4, с. 126–128.
4. ПСЗ, т. V, № 3356, с. 694.
5. Подробнее см.: АНДРЕЕВ А. Н. Западно-христианские вероисповедания и общество в России в XVIII в.: дисс. докт. ист. наук. Т. 2. Челябинск. 2011, с. 15–16.
6. В частности, свое расположение к францисканцам Пётр Алексеевич проявил во время встречи в 1718 г. с францисканцем о. Джакомо да Оледжо, находившимся проездом в столице, после которой П. П. Шафиров передал патеру желание царя, чтобы тот вернулся из Ватикана и служил в Санкт-Петербурге. В Конгрегацию пропаганды веры даже было направлено письмо с данной просьбой. См.: D'HAARLEM Z. Le premier diplom a concédé par Pierre le Grand aux Capucins. – Collecta nea Franciscana: Periodicum Cura Instituti Historici Ordinis Fratrum Minorum Capuccinorum Editum. Rome. 1941, vol. II, p. 53; PIERLING S. J. La Russie et le Saint-Siège: Etudes diplomatiques. T. 4. Paris. 1907, p. 298–299; THEINER A. Monuments historiques relatifs aux règnes d'Alexis Michaélowitch, Féodor III et Pierre le Grand czars de Russie, extraits des archives du Vatican et de Naples. Rome. 1859, p. 504–505; TURGENEV A. J. Monument a Historica Russia e, exantiquis exteraum genti um archivis et bibliotheca is deprompta. Petropoli. 1841–1842, vol. 2 (1842), p. 341.
7. THEINER A. Op. cit., p. 517–518.
8. О подобной точке зрения см.: D'HAARLEM Z. L'expédition des Capucins en Russie. – Collectanea Franciscana: Periodicum Cura Instituti Historici Ordinis Fratrum Minorum Capuccinorum Editum. Rome. 1942, vol. XII (1942), p. 59–60.
9. Вероятно, Н. Микетти упомянул и французскую капеллу на Васильевском острове.
10. D'HAARLEM Z. L'expédition des Capucins en Russie, p. 62–64; EJUSD. Les Capucins a Saint-Pétersbourg (1720–1725). – Collectanea Franciscana: Pe-riodic um Cura Instituti Historici Ordinis Fratrum Minorum Capuccinor um Editum. Rome. 1942, vol. XII (1942), p. 230–231; PIERLING P. Op. cit., p. 299; REINHOLD J. Die St. Petersburg Missionpräfektur der Reformaten in 18 Jahrhundert (Fortsetzung). – Archivum Franciscanum Historicum. Rome. 1961, vol. 54, s. 331.
11. D'HAARLEM Z. Les Capucins a Saint-Pétersbourg (1720–1725), p. 214–215.
12. REINHOLD J. Op. cit., vol. 56, s. 127.
13. Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 796, оп. 1, д. 286, л. 10–11.
14. Там же, л. 10об.—11.
15. КУЗНЕЦОВ Н. Д. Управление делами иностранных исповеданий в России в его историческом развитии. – Временник Демидовского юридического лицея. Ярославль. 1898, кн. 75, с. 65–104; ТОЛСТОЙ Д. А. Римский католицизм в России: Ист. исслед. гр. Дмитрия А. Толстого. В 2-х томах. Т. 1. СПб. 1876, с. 140–143; D'HAARLEM Z. Les Capucins a Saint-Pétersbourg (1720–1725), p. 210–376; REINHOLD J. Op. cit., 1961, vol. 54, s. 329–402; 1962, vol. 55, s. 193–251; 1963, vol. 56, s. 91–156.
16. АНДРЕЕВ А. Н. Католицизм и общество в России XVIII в. Челябинск. 2007, с. 277; D'HAARLEM Z. Les Capucins a Saint-Petersbourg (1720–1725), p. 232; TURGENEV A. J. Op. cit., p. 339.
17. М. Змаевич прямо писал об этом своему брату – архиепископу Задарскому Вицко Змаевичу. См.: THEINER A. Op. cit., p. 518.
18. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ), ф. 10, оп. 10/1 (1720 г.), д. 1, л. 4–5.
19. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб), ф. 347, оп. 1, д. 31, л. 12об.—14 об.
20. РГИА, ф. 796, оп. 1, д. 453, л. 7об., 11, 16об.—18, 27.
21. D'HAARLEM Z. Les Capucins a Saint-Pétersbourg (1720–1725), p. 233.
22. В конфликте на стороне капуцинов выступал французский посол Ж. де Кампредон.

23. Климент XI (Джанфранческо Альбани), римский папа с 23 ноября 1700 по 19 марта 1721 года.
24. ВИНТЕР Э. Папство и царизм. М. 1964, с. 131; АНДРЕЕВ А. Н. Католицизм и общество в России XVIII в., с. 88; ШМУРЛО Е. Ф. Сношения России с Папским престолом в царствование Петра Великого (1687–1707). В кн.: Историки-эмигранты. Вопросы русской истории в работах 20–30-х гг. М. 2002, с. 211, 244.
25. ФОККЕРОДТ И. Г. Россия при Петре Великом. По рукописному известию Иоганна Готтльифа. М. 1874, с. 19.
26. Иннокентий XIII (Пьетро Микеланджело деи Конти), римский папа с 8 мая 1721 по 7 марта 1724 г.; Бенедикт XIII (Пьетро Франческо (Винченцо Мария) Орсини да Гравина) – с 29 мая 1724 по 21 февраля 1730 года.
27. D'HAARLEM Z. Les Capucins a Saint-Petersbourg (1720–1725), p. 215; REINHOLD J. Die St. Petersburg Missionpräfektur der Reformaten in 18 Jahrhundert, s. 123.
28. АНДРОСОВ С. О. Архитектор Никола Микетти и другие католики в Петербурге (1721–1723). – «Петровское время в лицах – 2011». Труды Эрмитажа. LV11. Материалы научной конференции. СПб. 2011, с. 38; КЛИМАНОВ Л. Г. Деятель культуры венецианской Далмации: аббат Крушала – поэт, путешественник, дипломат. В кн.: Общество и культура на Балканах. Сборник научных трудов. Калинин. 1985, с. 49; PIERLING S. J. La Russie et le Saint-Siège: Etudes diplomatiques, p. 297–298.
29. О. Микеланджело да Вестинье регулярно отправлял доклады в Конгрегацию, сообщая о положении в Петербурге. См.: REINHOLD J. Op. cit., s. 123–124. О. Крушала после высылки иезуитов стал для Конгрегации основным поставщиком информации из Петербурга. См.: D'HAARLEM Z. L'expedition des Capucins en Russie, p. 56, 61, 63; EJUSD. Les Capucins a Saint-Petersbourg (1720–1725), p. 221–233.
30. D' HAARLEM Z. L'expedition des Capucins en Russie, p. 61; EDJUSD. Les Capucins a Saint-Petersbourg (1720–1725), p. 221–226, 231–236.
31. Более того, М. Змаевич неоднократно в письмах подчеркивал, что считает своим долгом способствовать распространению католицизма в России. См., например: THEINER A. Op. cit., p. 469, 517–518.
32. Перевод был составлен в Коллегии Иностранных дел.
33. АВПРИ, ф. 10, оп. 10/1, д. 5, л. 80–80об.
34. Новоизбранный папа Бенедикт XIII (1724–1730) являлся монахом ордена Св. Доминика.
35. АВПРИ, ф. 10, оп. 10/1, д. 5, л. 12.
36. Согласно докладу о. Джакомо в Конгрегацию пропаганды веры, к 6 июля 1725 г. капуцины покинули Санкт-Петербург и отправились в Москву. См.: D'HAARLEM Z. Les Capucins a Saint-Petersbourg (1720–1725), p. 237. Очевидно, что точный курс Петра I в отношении капуцинов и францисканцев не был продемонстрирован еще и потому, что в январе 1725 г. император скончался.
37. РГИА, ф. 796, оп. 4, д. 540, л. 65.

От «Февраля» к «Октябрю»: русская революция 1917 г. в книге воспоминаний Ф. А. Степуна «Бывшее и несбывшееся» (заметки на полях знаменитых мемуаров)

Н. А. Омельченко, И. К. Харичкин

Аннотация. В публикации дан подробный анализ взглядов на русскую революцию 1917 г. одного из крупных представителей русской философской мысли, участника революционных событий в России и видного деятеля русской послеоктябрьской эмиграции Ф. А. Степуна, изложенных им в книге воспоминаний «Бывшее и несбывшееся».

Ключевые слова: Русская революция, русская эмиграция, «люди Февраля», Временное правительство, двоевластие, Всероссийский съезд рабочих и солдатских депутатов, Московское совещание, Корниловской мятеж.

Abstract. In publication the detailed analysis of views to the Russian revolution of 1917 by one of large representatives of the Russian philosophical thought, the participant of the revolutionary events in Russia and the eminent person of the Russian postoctober emigration F. A. Stepun stated him in his book of memoirs «Former and unfulfilled» is given.

Key words: Russian revolution, Russian emigration, «people of February», Provisional government, diarchy, All-Russian congress of working and soldier's deputies, Moscow meeting, Kornilovsky mutiny.

Фёдор Августович Степун (1884–1965) является одним из ярких представителей той интеллектуальной элиты России, которая на исходе истории российской империи, в начале XX в., оказалась в центре важнейших исторических событий и после большевистской революции в значительной своей части разделила судьбу «русского изгнания», русской

Омельченко Николай Алексеевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой Государственного университета управления. E-mail: nik_omelchenko@mail.ru; *Харичкин Игорь Константинович* – доктор философских наук, профессор Московского государственного лингвистического университета. E-mail: harichkin@starlink.ru.

Omelchenko Nikolai A. – PhD (2nd degree), professor, head of the Department at the State University of Management. E-mail: nik_omelchenko@mail.ru; *Harichkin Igor K.* – PhD (2nd degree), professor at the Moscow State Linguistic University. E-mail: harichkin@starlink.ru.

послеоктябрьской эмиграции. Крупный философ, социолог и общественный деятель, литературный критик, писатель и театральный режиссер, автор невероятно популярной на Западе и в кругах русской эмиграции книги воспоминаний «Бывшее и несбывшееся», которая признается сегодня одним из лучших образцов мемуарного жанра в русской литературе XX в., и не менее известных художественно-автобиографических книг «Из писем прапорщика-артиллериста» (1918) и «Николай Переслегин» (1929), очерков о Ф. М. Достоевском, Л. Н. Толстом, А. А. Блоке, И. А. Бунине и других произведений, вошедших в сборник «Встречи» (1962), Ф. А. Степун был заслуженно почитаем несколькими поколениями русского зарубежья. И, напротив, у себя на родине, в России (являясь по происхождению чистокровным немцем, Степун родился в Москве, провел детские годы в Кондрово Калужской губернии в имении отца), творчество Степуна долгие годы не было известно: вплоть до последнего времени его имя, как и имена многих других видных деятелей русского зарубежья, ассоциировалось в массовом сознании советских граждан с образом враждебной СССР «белой эмиграции». Мало кому могло прийти в голову, что, находясь в изгнании и размышляя о причинах революционного крушения России, Степун активно отстаивал концепцию религиозного социализма, видя в нем будущее постреволюционной России.

Согласимся с оценкой известного современного философа, писателя, ученого-литературоведа, доктора философских наук В.К Кантора, назвавшего Ф. Степуна в одной из своих публичных лекций одним из интереснейших мыслителей в истории русской культуры XX в., «хранителем высших смыслов русской культуры»¹. В молодые годы (по некоторым сведениям, по совету Б. П. Вышеславцева) Степун изучал философию в Гейдельбергском университете, защитив в 1910 г. докторскую диссертацию на тему «Философия Владимира Соловьёва». С именем Степуна тесно связаны замысел и издание в 1910–1913 гг. первого международного философского журнала «Логос», выходившего в московском книгоиздательстве «Мусaget». Он был хорошо знаком с выдающимися представителями русской и европейской философской мысли, дружил с И. Буниным. По своим политическим взглядам Степун склонялся к эсерам, после Февральской революции некоторое время служил в Военном министерстве Временного правительства, близко знал одного из лидеров партии эсеров, руководителя ее боевой организации Бориса Савинкова. В ноябре 1922 г. вместе с большой группой русских философов и интеллектуалов был выслан советской властью за границу.

«Бывшее и несбывшееся» – не единственное сочинение Степуна, позволяющее судить о содержании и природе его философских и идейно-политических воззрений, но именно в нем наиболее концентрированно, ярко и талантливо изложены представления автора о политическом и культурном развитии России накануне ее революционного крушения, его взгляды на характер и истоки революции 1917 г. в России, его интерпретация русского большевизма, к которому Степун, в отличие от многих деятелей эмиграции, относился неоднозначно, стараясь разглядеть в нем сложный культурный и политический феномен.

Русская эмиграция, оказавшись за пределами родины, болезненно переживала свой исход и крушение исторической России, что не могло не

привести к разного рода крайностям и преувеличениям в ее взглядах на прошлое и будущее своего отечества. Многие эмигранты были заняты поиском «виноватых», не заботясь о выяснении истинных причин случившегося. Весьма расхожим было стремление объяснить революционное крушение России и приход к власти большевиков событиями последних лет, случайными ошибками или злой волей своих политических противников, слабостью и нерешительностью Временного правительства. На этой почве широкое распространение в среде русского изгнания получили «идеализация прошлого, естественное тяготение мыслью к временам силы и славы России»², которые на фоне большевистской диктатуры представлялись идеалом общественного порядка, свободы и права.

Эту особенность русского изгнания Степун в свойственной ему философско-литературной манере отмечал в предисловии к 1 тому «Бывшего и несбывшегося». «Пристрастные к прошлому и несправедливые к настоящему воспоминания, – писал он, – неизбежно разлагают душу сентиментальной мечтательностью и ввергают мысль в реакционное окаменение. Будем откровенны, и того и другого все еще много в редущих рядах старой эмиграции»³. Но еще раньше, задолго до публикации своих воспоминаний, резко критикуя крайности зарубежной России, философ применял для характеристики ряда ее представителей весьма выразительное определение «эмигрантщина». Под «слоганом» «эмигрантщина», со временем приобретшим (по большей части, в советской литературе) характер ярлыка при оценке деятельности русской эмиграции, Степун понимал настроения значительной части русского изгнания, воспринимавшей случившуюся с Россией катастрофу как свою личную беду, что, по его убеждению, не могло не определять характер мировоззрения многих эмигрантов, оценивавших происходящее «преимущественно сквозь призму причиненных им русской революцией обид и страданий»⁴. По мнению Степуна, преобладающим типом в среде русской эмиграции был человек, для которого «часы остановились в 1917 г.», который при всей своей ненависти к русской революции во многом был родственен большевикам, поскольку, так же как и большевики, «отрицал настоящую Россию». Различие заключалось лишь в том, что «большевики отрицали ее во имя своих утопических мечтаний о будущем, а русский эмигрант – во имя своих воспоминаний о прошлом»⁵.

Справедливости ради следует сказать, что подобные настроения не могли пользоваться серьезной поддержкой, в первую очередь, со стороны трезво мыслящей части русской эмиграции. Легкость, с которой произошло крушение веками существовавшей монархии в России, и приход к власти малоизвестной в дореволюционный период партии большевиков побуждали многих эмигрантов уже тогда отказаться от поверхностных взглядов на русскую революцию как на случайных «вывих» русской истории. По-разному объясняя причины случившегося с их родиной, подчас диаметрально расходясь в своих оценках установившегося в России политического режима, лучшие представители эмиграции с самого начала старались понять социологическую природу постигших Россию революционных потрясений, стремясь разобраться в глубинных причинах такого поворота событий. По словам одного из оригинальнейших мыслителей русского зарубежья Г. П. Федотова, русская революция была, пре-

жде всего, и, в конечном счете, «социальной революцией». Россия была «страной острых классовых антагонизмов и социальной напряженности». Медленное ее реформирование в сторону социальной справедливости, по мнению Федотова, «всегда оставалось проблематичным. Царское самодержавие не обладало широкой социальной базой, и крушение его стало тем легче»⁶. Событием, подготовленным всем ходом русской истории и, в частности, политикой русской монархии, считал русскую революцию П. Б. Струве, видевший одну из главных причин особо разрушительного хода русской революции в ставшем традиционным для России отчуждении от политического процесса двух самых главных слоев русского общества – образованной элиты и крестьянской массы, которые не были вовремя «в надлежащей постепенности» привлечены «к активному и ответственному участию в государственной жизни и государственной власти»⁷. Те же мысли мы находим у другого известного представителя русского зарубежья – С. Л. Франка, назвавшего односторонними точки зрения, «отрицавшие за русской революцией какой бы то ни было исторический смысл»⁸.

На страницах книги Степуна «Бывшее и несбывшееся» можно найти немало ценных наблюдений, касающихся культурного и политического развития России в предреволюционную и постреволюционную эпохи, требующих внимательного осмысления. Современники Степуна обращали внимание на оригинальность применяемой им в своих теоретических и исторических размышлениях методологии, которую известный деятель русской эмиграции М. Карпович справедливо назвал импрессионистской. Сам автор «Бывшего и несбывшегося» отмечает, что пишет свои воспоминания «и как беллетрист, не чуждый лирического волнения, и как философ, как социолог и даже как политик», не замечая вполне естественных для него «переходов из одной области в другую»⁹.

В качестве примера сошлемся только на одну, представляющую, на наш взгляд, интерес, мысль Степуна о глубинных корнях русской революции, заложенных в самой психологии русского человека, в его культурной доминанте. «Быть может, – пишет он, – громадную роль в нашей страшной революции сыграло то, что есть в русских людях какая-то особая черта, своеобразная жажда больших событий, – все равно, добрых ли, злых ли, лишь бы выводящих за пределы будничной скуки. Эта смутная тоска по запредельности редко удовлетворяется на путях добра, но очень легко на путях зла... Быть может ради нее русскому народу и простится многое из того, что он натворил над самим собой и надо всем миром»¹⁰.

В мемуарах Степуна поднимается и вечная для русской интеллигенции тема глубокого культурного отчуждения между образованным классом и остальной частью народа, между верхами и низами русского общества, которое во многом предопределило разрушительный характер революции 1917 г, закончившейся крушением российской государственности. Дело заключалось, замечает автор «Бывшего и несбывшегося», «не в том, что господа не любили народа, а в том, что они его не знали», не знали того подлинного народа, который всегда с недоверием смотрел «на «блажь» Толстовского паханья»¹¹. Характерно, что эту же мысль, хотя и по-своему, формулировал Франк, утверждавший, что «классовая» ненависть русского крестьянства к дворянам-помещикам (на чем стро-

или свою философию революции большевики) подкреплялась в России более глубоким чувством культурно-бытовой отчужденности. По словам философа, «русский мужик не принимал в помещике в первую очередь «барина», а не только помещика-эксплуататора», видел в нем «существо чужой культуры, ему чуждое (вплоть до платья и внешнего обличья), непонятное и потому внутренне неоправданное»¹².

В своих воспоминаниях Степун искренне признается, что он «никогда не был революционером» и что в нем «никогда не угасал, как инстинктивный, так и сознательный протест против тех левых демократов, марксистов и социалистов-революционеров», среди которых протекала его гельдельбергская жизнь. Однако это не помешало ему принять весть о Февральской революции в России «радостно, в чувстве, что над мрачным унынием изнутри разлагающейся войны внезапно воссиял свет какого-то ниспосылаемого Исхода». «В безвыходные минуты, – замечает Степун, – мы всегда склонны принимать новое за святое»¹³.

Здесь следует заметить, что причисляя себя к «людям Февраля», Степун в то же время разделял точку зрения ряда известных деятелей русского зарубежья, впервые обосновавших взгляд на русскую революцию 1917 г. как на единый политический процесс, который не мог остановиться на Февральской революции. Этот подход только в последнее время стал утверждаться в нашей исторической литературе в противовес господствовавшей в советское время идеологеме, противопоставлявшей «правильную» революцию, осуществленную большевиками в октябре, «неправильной» февральской. Совершенно иначе думал Степун. «Противопоставлять «Февраль» «Октябрю», как два периода революции, как всенародную революцию – партийно-заговорческому срыву ее, как это все еще делают апологеты русского жирондизма, – читаем мы на страницах «Бывшего и несбывшегося», – конечно, нельзя. «Октябрь» родился не после «Февраля», а вместе с ним, может быть даже и раньше его; Ленину потому только и удалось победить Керенского, что в русской революции порыв к свободе с самого начала таил в себе и волю к разрушению»¹⁴.

Важно, однако, другое. Книга воспоминаний Степуна «Бывшее и несбывшееся» представляет собой ценнейший источник по истории русской революции 1917 г. во всем ее драматизме, противоречиях и перипетиях. Ценность этих воспоминаний заключается, прежде всего, в том, что ее автора нельзя отнести к числу случайных наблюдателей происходивших в России событий. Степун был их непосредственным участником: с апреля 1917 г. он был избран депутатом Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов от Юго-западного фронта, занимал должности заведующего Культурно-просветительным отделом Политического управления Военного министерства и редактора политического отдела официального органа министерства – военной газеты «Русский инвалид» (переименованной Степуном в газету «Армия и флот свободной России»), а с конца июля 1917 г. стал руководителем Политического управления Военного министерства, управляющим которого с середины июля был назначен Б. В. Савинков.

Еще в самом начале Февральской революции Степун во главе делегации Юго-западного фронта оказался в революционном Петрограде, встречался в Таврическом дворце с министрами Временного правительства,

оставив о них яркие характеристики. Так, говоря о встречах с первым главой Временного правительства князем Г. Е. Львовым, Степун делает вывод, что Львов возлагавшихся на него надежд «не оправдал, тяжести павшей на него ответственности не вынес». Политик, как пишет Степун, «вполне определенных прогрессивных убеждений», не связанный «никакими партийными доктринами», юрист по образованию и общественник по призванию, «стяжавший во время войны громкое имя, своею неутоми-мою деятельностью во главе Союза земств и городов (за редкую в интеллигентской среде деловитость Львова сначала звали американцем, а после 1905-го года – японцем)», он, по словам Степуна, «казался многим, близко знавшим его, человеком, как бы специально созданным для поста министра-председателя»¹⁵. Однако увлеченный своей верой в мудрость русского народа, Львов, как считает Степун, «прекраснодушно принимал разрушительную стихию революции за подъем народного творчества и делал одну ошибку за другой» и уже через четыре месяца подал в отставку¹⁶. В этой связи нельзя не вспомнить слова другого видного деятеля русской эмиграции – П. И. Новгородцева, писавшего в одной из своих статей, что «князь Львов так же повинен в Керенском, как Керенский в Ленине»¹⁷.

Интерес представляют «зарисовки» Степуна о своем пребывании в Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов, в котором он, являясь членом Совета, по его признанию, лично «мало что делал». Описывая характер «фракционной и межфракционной советской работы» в Петроградском совете, деятельность этого «бесформенного и громоздкого учреждения» (о котором, по свидетельству Степуна, враги Совета так и говорили: «А что сегодня опять либерданили в Таврическом?»¹⁸), автор «Бывшего и несбывшегося» с горечью замечает, что «советских деятелей интересовали, в сущности, только идеологические журавли в небе, с синицами же практических задач они решительно не знали, что делать». Именно в этой «идеологической иступленности» главарей революции крылась, по мнению Степуна, «одна из главнейших причин перманентного кризиса власти Временного правительства». Планомерно управлять страной, пишет Степун, Петроградский совет не мог, «хотя бы уже из-за отсутствия аппарата управления», но он «успешно действовал в качестве некой политической пожарной команды»¹⁹, поскольку органически отвечал хаосу революции и иррациональной психологии ведомых советскими вождями масс.

Отдавая дань «людям Февраля», автор «Бывшего и несбывшегося» признает, что при характеристике основных течений левого, «циммервальдского фланга», и его вождей в Петроградском совете, он «сознательно, не упомянул Ленина и большевиков на том основании, что прибывший в Петроград Ленин ни минуты не чувствовал себя левым флангом многофракционного социалистического фронта, а с самого начала утверждал себя всеопределяющим центром событий». Будучи «от природы справедливым человеком и сознательно стараясь не изменять этому своему природному качеству при описании советских вождей», – пишет Степун, – «я все же должен сказать, что, за исключением архаически-монументального Ленина, импрессионистически-острого и надменно-умного Троцкого и честного, чистого, мужественно-прямого Церетелли, типичного бело-

зубого кавказца, с печальными, ланьими глазами, среди советских вождей было очень немного хотя бы мало-мальски значительных людей»²⁰. «Наиболее значительным теоретиком и человеком среди всех этих людей», по мнению Степуна, был Мартов, «не игравший, однако, в Совете большой роли»²¹.

Тепло и с большим уважением пишет Степун о «бессменном председателе ЦИКа Всероссийского Совета», сидевшем за красным столом «старике» Н. С. Чхеидзе, «сутулом, седеющем грузине», «не очень образованном теоретике и мало самостоятельном политике», но «всеми уважаемом человеке, умевшим при случае принять проконсульскую позу и дать «достойную» отповедь врагам Совета»²².

Среди деятелей Февраля в «Бывшем и несбывшемся» выделяется вождь эсеров В. М. Чернов, оставшийся, однако, в памяти Степуна, по его собственному признанию, «довольно смутным явлением». Представляя собою «импозантное и даже красочное явление» в противоположность «унылым и при всей своей внешней активности все же скучным «либерданам»», неизменно имевший «шумный успех» среди наполнявших Таврический дворец эсеров, Чернов, по мнению автора «Бывшего и несбывшегося», «ни в качестве партийного вождя, ни в качестве министра не оставил после себя более или менее значительных следов». Для крупного политика «ему не хватало принципиальности убеждений, твердости воли и того дара, которым бесспорно владел Ленин: бесстрашия перед временным отливом популярности у масс и приближенных». За Черновым, замечает Степун, «идти было невозможно, потому что, оглядываясь во все стороны, он, в конце концов, вращался только вокруг себя»²³. Даже «легкая раскосость облачно-мутного зора, которая появлялась у него в минуты наибольшего ораторского подъема», была, по мнению Степуна, ничем иным, как отражением свойственного этому талантливому вождю дара «оппортунистически-артистического приспособленчества»²⁴.

Весьма нелестные оценки в «Бывшем и несбывшемся» даются представителям либерального «фланга» русской революции, в первую очередь, партии кадетов, составлявшим большинство Временного правительства. Критикуя идею продолжения мировой войны до победного конца, с которой выступала партия кадетов и ее лидер П. Н. Милюков после Февральской революции, Степун язвительно замечает, что Милюков являлся «хорошим скрипачом-любителем», но оказался «весьма тугим на ухо министром иностранных дел»²⁵. Настойчивость, с которой кадетская партия проводила эту заведомо проигрышную политику, по мнению Степуна, объяснялась тем, что возглавляемые профессором Милюковым «умные, образованные и деятельные «кадеты», в руки которых сразу же попало министерство иностранных дел, были слишком определенными западниками-позитивистами, чтобы считаться в своей реальной политике с таким невесомым фактором, как нравственно-религиозное убеждение простого народа»²⁶. Они, по словам Степуна, «всемирную мечту о мире» сразу «взяли под подозрение, объявив ее печальным следствием успешного воздействия немецкой провокации и большевистской пропаганды на шкурнические инстинкты солдатской темноты», не расслышав «отнюдь не только шкурнической, но по существу праведной тоски русского народа по замирению»²⁷. Результатом такого отношения к вопро-

су о мире русских либералов и социалистов-оборонцев, также сильно желавших «разбить вслед за «кнутагерманской» монархией Романовых и «оплот реакции» в Европе, монархию Гогенцоллернов», стало то, что «идеей мира естественно завладели большевики», сумевшие сохранить «ее горячность и действенность», придав ей «некую раскрещенную и тем демонизированную религиозность»²⁸.

Отдельная тема – оценка автором «Бывшего и несбывшегося» одного из самых спорных деятелей Февральской революции А. Ф. Керенского. Не скрывая своих симпатий к нему, Степун много и увлеченно пишет о его деятельности на посту главы Временного правительства, явно идеализируя своего героя и противопоставляя его другим представителям левого лагеря советских вождей и членам правительства. Степун убежден, что именно Керенский был «ближе всех других к народной идее революции», а его «ощущение революции, как общенародного дела», его «беспорный нравственный пафос», так же как и «лишенный шовинистического острия живой патриотизм» и «внутренняя свобода» изначально «предопределяли его к услышанию народных чаяний и исполнению народной воли». Если этой воли и, прежде всего, «воли к миру» Керенский, замечает Степун, все же не исполнил, то «объясняется это тем, что он был слишком убежденным либерал-демократом», общественным деятелем, «до мозга костей проникнутым убеждением, что «общая воля народа» не может быть явлена иначе, как на путях свободного волеизъявления свободно выбранных представителей всех слоев и партий»²⁹. Проблема Керенского заключалась, по мнению Степуна, в том, что он слишком много времени и сил тратил на создание «той партийно-правительственной комбинации, в которой предносящаяся ему общая воля народа (“*volonte generale*”) по возможности полно сливалась бы с волею его представителей во Всероссийском совете (“*volonte de tous*”)». В результате, Керенский «с каждым днем все очевиднее отставал от темпа событий и все безвозвратнее терял возможность стать настоящим вождем народной революции»³⁰.

В свете сказанного важное значение имеет описание Степуном проходившего 3–24 июня 1917 г. в Петрограде в здании Первого кадетского корпуса на Васильевском острове I Всероссийского съезда рабочих и солдатских депутатов, в работе которого приняли участия более тысячи делегатов от местных советов. История этого съезда обросла многими легендами и штампами, часто искажалась в угоду политической конъюнктуре. Советскому читателю съезд рабочих и солдатских депутатов был известен, прежде всего, как съезд, на котором выступил Ленин с заявлением о том, что партия большевиков готова хоть сейчас взять на себя бремя власти для вывода страны из политического кризиса. На протяжении многих десятилетий в советских учебниках по истории СССР это событие недвусмысленно преподносилось читателям как триумф большевистской партии, поддержанной съездом. Мало кто задумывался, что съезд, состоявший на 2/3 из меньшевиков и эсеров, не мог поддержать демарш Ленина по определению. На самом деле эсеро-меньшевистское большинство съезда встретило выступление Ленина смехом, на что он сам обратил внимание («Вы можете смеяться сколько угодно...») Но, по словам большевика и редактора известного в 1920-е гг. журнала «Красная

Новь» А. К. Воронского, – не прошло и полугодя, как большевики оказались у власти.

Как бы то ни было, съезд, на котором подавляющее большинство принадлежало эсерам и меньшевикам, отверг предложенные большевиками резолюции о прекращении войны и передаче власти Советам, приняв эсеро-меньшевистские резолюции, провозглашавшие полную поддержку внешней политики Временного правительства и продолжение «революционной войны» на принципах отказа от аннексий и контрибуций, что, по мнению Степуна, являлось очевидной победой премьера Керенского. На съезде был избран эсеро-меньшевистский по составу его постоянный орган – Всероссийский центральный исполнительный комитет Советов рабочих и солдатских депутатов (ВЦИК) во главе с меньшевиком Н. С. Чхеидзе.

Что касается Степуна, то на него работа съезда произвела «удручающее впечатление». Он «приходил в полное отчаяние» при виде того, что творилось на заседаниях съезда: «бесконечно многословные доклады и бесконечные прения по ним, ни малейшего чувства эпохи и темпа событий, болезненный интерес к тончайшим оттенкам отвлеченных точек зрения и полное отсутствие серьезной озабоченности фактическим состоянием России». Складывалось впечатление, замечает Степун, что «для «товарищей» Россия – «труп, на котором они со страстью изучают анатомию революции»³¹. Весь этот переплет фракционных точек зрения дополняла «скрытая от непосвященных глаз борьба между евреями-националистами и интернационалистически настроенным еврейством», приобретающая, по мнению Степуна, особое значение в политике русских меньшевиков на фоне той большой роли, которую евреи играли в Совете рабочих и солдатских депутатов. В то время как «гномообразный, желтолицый Либер с ассирийской бородой настойчиво защищал национально-культурную автономию», пишет Степун, «бритый, скептически-брезгливый Суханов» считал членов, незадолго до Съезда советов собравшейся в Киеве Украинской рады, «за безответственных интеллигентов и патриотов несуществующего украинского народа»³². Всю эту «бесплодную работу» революционная демократия, по замечанию Степуна, «остановить не могла, не рискуя остаться не у дел», точно так же как не мог это сделать, считает Степун, и сам Керенский (разогнав, например, Совет, на чем настаивали правые круги общества), так как «в мешавшем ему управлять страной многофракционном демократическом аппарате было объединено большое количество преданных ему политических сил»³³.

Говоря о появлении на съезде «скрывавшегося в недрах своей партии» Ленина, выступившего после докладов Либеры и Церетели по вопросу о власти, Степун признается, что запомнил больше всего именно его выступление. Не питая особой симпатии к вождю большевиков, в самом облике которого ему виделось «что-то отталкивающее»³⁴, автор «Бывшего и несбывшегося» обратил внимание на умение Ленина владеть даже «враждебной ему аудиторией». Не соглашаясь с мнением многочисленных врагов Ленина, рисовавших его «начетчиком марксизма, схоластом, талмудистом», Степун считает необходимым напомнить, что, «кроме марксистской схоластики, в Ленине было и много Бакунинской мистики разрушения». Возможно, пишет Степун, «Ленин был на Съез-

де единственным человеком, не боявшимся никаких последствий революции и ничего не требовавшим от нее, кроме дальнейшего углубления. Эту открытость души навстречу всем вихрям революции, Ленин до конца сливался с самыми темными, разрушительными инстинктами народных масс». Не буди Ленин, заключает Степун, «самой ухваткой своих выступлений того разбойничьего присвиста, которым часто обрывается скорбная народная песнь, его марксистская идеология никогда не наполнила бы русской души с такою силою, как оно, что греха таить, все же случилось»³⁵.

Особое место в повествовании Степуна о событиях 1917 г. занимают страницы его воспоминаний, посвященных описанию личности Бориса Савинкова и характера их взаимоотношений. Заняв с середины июля 1917 г., как уже отмечалось, пост управляющего Военного министерства, где служил в то время Степун, и товарища военного министра (военным министром в это время был сам премьер Керенский), Савинков, как замечает Степун, и как считали многие, претендовал на роль реального диктатора в стране и в этом своем стремлении делал ставку на генерала Корнилова, которого настойчиво, по свидетельству Степуна, рекомендовал Керенскому на пост Верховного Главнокомандующего вместо генерала Брусилова.

В отличие от преимущественно хвалебных эпитетов, которые Степун применяет в своих воспоминаниях по отношению к Керенскому, он отнюдь не склонен идеализировать личность Савинкова. Напротив, под талантливым пером автора «Бывшего и несбывшегося», оживает подлинный Савинков со всеми его достоинствами и недостатками, его природным бесстрашием и приобретенными за годы борьбы высокомерием и надменностью. Признавая художественное значение «глубоко захвативших» его в свое время очерков Савинкова «Конь бледный», Степун отмечает, что с самого начала чувствовал «явную стилизованность савинковского автопортрета»³⁶, рисовавшего автора очерков «убежденным народником, демократом, внуком народовольцев и верным сыном партии социалистов-революционеров». По свидетельству Степуна, работая с Савинковым, «ни демократа в русском смысле этого слова, ни народника, ни, тем более, партийного социалиста» он «никогда в нем не замечал». Более того, ко времени их встречи Савинков был, по мнению Степуна, «скорее фашистом типа Пилсудского, чем русским социалистом-народником»³⁷. Презиравший массы «не менее последнего русского «византийца» Константина Леонтьева», он, замечает Степун, «в дни нашего с ним знакомства уже не был глашатаем просвещенной веры в прогресс, за которого по привычке еще продолжал выдавать себя в своей социалистической среде»³⁸. Керенского он не любил и презирал, называя «самовлюбленным жен-премьером от революции».

Весьма характерен эпизод из воспоминаний Степуна, повествующий об отношении Савинкова к советской демократии. Разделяя в целом планы Савинкова, Степун, по его словам, отрицательно относился к «презрительно-вызывающему» отношению последнего к «Всероссийскому Совету» и «настойчиво убеждал» Савинкова «не растрачивать своего последнего авторитета в кругах демократии, не бравировать во всеуслышание своим презрением к «Совету рачьих, собачьих и курячьих депута-

тов», как он называл Центрально-исполнительный комитет совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов». Однако все его доводы, по словам Степуна, «не производили на Бориса Викторовича ни малейшего впечатления»³⁹.

В той же степени, в какой Степун «недолюбливал» Савинкова, он высоко ценил личные качества генерала Корнилова, отмечая его демократическое происхождение (сын «казака-крестьянина»), честность и абсолютное бескорыстие. В качестве аргумента, доказывающего, что Корнилов не был в действительности заговорщиком-реставратором, Степун приводит свидетельство генерала Деникина о том, что «на попытку монархистов вовлечь Корнилова в переворот с целью возведения на престол великого князя Дмитрия Павловича, Корнилов категорически заявил, что ни на какую авантюру с Романовыми не пойдет»⁴⁰. В то же время, являясь, по мнению Степуна, по-своему народником и возможно даже республиканцем, Корнилов, «вынес из своего пребывания в Петрограде в качестве Главнокомандующего округом глубокое недоверие к духу и деятельности советских демократов, к которым он в минуты раздражения причислял и Керенского»⁴¹.

То, что переговоры с генералом Корнилов, которые, как свидетельствует Степун, вел от имени Керенского Савинков, и сама авантюра с «корниловским мятежом» были с самого начала «проектом Савинкова», в этом автор «Бывшего и несбывшегося» нисколько не сомневался. «Одиноким эгоцентриком», политик «громадной, но не гибкой воли», «прирожденный заговорщик и диктатор, склонный к преувеличению своей власти над людьми», Савинков, по мнению Степуна, «не столько стремился к внутреннему сближению Корнилова, которого он любил, с Керенским, которого он презирал, сколько к их использованию в задуманной им политической игре, дабы не сказать интриге»⁴². Как начальник Политического управления Военного министерства Степун, по его собственному признанию, принимал самое «живое участие» в обсуждении корниловско-савинковской программы, ставившей целью, «создание сильной революционной власти» и связанное с этим «освобождение Керенского от советского пленения и внутреннее сращение его колеблющейся воли с непоколебимой волею нового главнокомандующего». По словам Степуна, безболезненное проведение этой оздоравливающей операции «представлялось Савинкову возможным лишь в том случае, если она будет осуществлена не в порядке военной контрреволюции, а в порядке самообуздания революционной демократии». Успешная реализация задуманного должна была привести, по замыслу Савинкова, «к осуществлению военной директории – Керенского, Корнилова и Савинкова». Неудача этого плана, как считает Степун, объяснялась рядом, прежде всего, субъективных причин, среди которых главными были: «нелюбовь Керенского к армии, недоверие Корнилова к общественности и демонический нигилизм самонадеянной савинковской души»⁴³.

В свете сказанного важными представляются характеристики, которые дает автор «Бывшего и несбывшегося» открывшемуся 14-го августа по инициативе Керенского Московскому совещанию, целью которого являлось подведение «широкой общественно-политической базы под Временное правительство»⁴⁴. Как замечает Степун, попытка Керенского

созвать в Москве «нечто вроде земского собора» с самого начала была встречена в штыки как со стороны левых кругов, шутивших, что министр-председатель собрался в Москву, чтобы «испросить у буржуазии благословения на удушение революции», так и со стороны правых сил, говоривших, что он «едет в Белокаменную на предмет социалистического коронования»⁴⁵. По словам Степуна, большинству современников этих событий «одинаково казалось, что Московское совещание понадобилось премьеру в качестве пьедестала для его власти и резонатора для его голоса», а «презрительное словечко «бонапартишка»», пущенное в обиход Лениным, «повторялось далеко не только в большевистских кругах»⁴⁶. Автор «Бывшего и несбывшегося» не сомневался, что в дни Московского совещания Керенский желал «убедить всех в том, что власть возглавляемого им правительства и есть та, сильная, всенародная власть, которой жаждет страна»⁴⁷. Однако чувствовались и неуверенность, и раздражение Керенского своим бессилием, особенно на фоне того авторитета, который снискал в последние дни генерал Корнилов у правых сил, устроивших «грандиозную овацию»⁴⁸ при его появлении на Московском совещании. Во многом именно этой «глубокой трагедией раздвоения личности» объяснялись, по мнению Степуна, содержание и тон заключительной речи Керенского на Московском совещании, в которой он «угрожал тем темным силам, с которыми он все время боролся и от которых искал защиты у собравшихся в Большом театре» и которую, по словам Степуна, «как-то неудачно оборвалось Московское совещание»⁴⁹.

В книге «Бывшее и несбывшееся» предпринята серьезная и, как видно, искренняя попытка ее автора распутать запутанную историю корниловского мятежа. При всех возможных субъективных оценках в изложении событий автором воспоминаний, считавшим, что так называемый «заговор Корнилова» был лишь «последней стадией трагического недоумения между Корниловым и Керенским»⁵⁰, сведения, приводимые Степуном, как участником этих событий, имеют выдающееся значение для специалистов, занимающихся революционной проблематикой.

Не вдаваясь в подробности истории с подготовкой выступления Корнилова – это задача отдельного исследования – отметим, прежде всего, важность замечания Степуна об изначальном недоверии, с которым Корнилов относился в этой истории к Керенскому. Строя свои планы «в надежде на высвобождение Керенского из «советского плена»», он, по мнению Степуна, «подсознательно все же боялся, что в последнюю минуту Керенский «закинется» и, предав его, Корнилова, и свои собственные планы по восстановлению сильной власти, пойдет со своими демократами»⁵¹.

Судя по сведениям, которые приводит Степун в «Бывшем и несбывшемся», по замыслу Савинкова, для реализации задуманного плана предполагалось «вызвать с фронта надежную конную часть, объявить Петроград на военном положении, в два счета ликвидировать большевиков, провозгласить диктатуру директории и немедленно же приступить к проведению намеченных оздоравливающих мер»⁵². Сам факт участия Керенского в подготовке «заговора» Корнилова у Степуна не вызывал сомнения. Постоянное общение и разговоры с Савинковым, сообщает автор «Бывшего и несбывшегося», «не оставляли во мне ни малейшего сомне-

ния, что предстоящий переворот готовится с ведома и согласия министра-председателя»⁵³. По мнению Степуна, Керенский никогда не мог дать своего согласия на «савинковскую программу *take it or leave it*». Скорее всего, «Керенский принял лишь те основные положения корниловской программы», которые «совпадали с его собственными предначертаниями»⁵⁴. «Думаю также, – пишет он, – что, ожидая выступления тех вражеских сил, которым он грозил на Московском совещании, Керенский решил вызвать в Петроград надежную фронтовую часть и объявить Петроград на военном положении». По мысли автора «Бывшего и несбывшегося», Керенский «думал о концентрации власти в нескольких сильных руках». Хотя Керенский допускал переговоры Савинкова с Корниловым, он, по убеждению Степуна, «ни минуты не думал о смещении власти вправо, а лишь о том, как при помощи Корнилова утвердить власть подлинной демократии, т.е. свою собственную»⁵⁵.

Важной представляется и сама оценка автором «Бывшего и несбывшегося» последствий поражения корниловского выступления. Степун уверен, что победа над Корниловым «оказалась для Керенского, как и надо было ожидать, пирровой победой». Разгромив, хотя и не без помощи большевиков, Корнилова, «Керенский вышел из борьбы «корниловцем»»⁵⁶. Сам факт похода Главнокомандующего на Петроград «в целях разгона Временного правительства и Советов», по мнению Степуна, нанес престижу «демократа Керенского» такой удар, «от которого ему уже не суждено было оправиться»⁵⁷. Хотя по требованию руководства Советов Керенский после провала корниловского выступления вынужден был отправить Савинкова, предложившего ему в момент кризиса («скрепя сердцем») свои услуги в борьбе с Корниловым в качестве генерал-губернатора Петрограда⁵⁸, в отставку, это уже не могло спасти ситуацию.

Вместе с Савинковым ушел в отставку и сам Степун и, по его признанию, «в последние шесть недель, оставшиеся до большевистского переворота», уже «не принимал никакого участия в революции», а только издали, по его словам, «созерцал ее в качестве редактора «Армии и Флота» свободной России»⁵⁹.

Неумолимо приближавшийся приход к власти большевиков, как показали дальнейшие события, ничего хорошего ему не сулил.

Примечания

1. КАНТОР В. К. Фёдор Степун. Сквозь катастрофы XX века. 1-я лекция. <https://Yandex.Ru/Search/?Text=%D1%84.%20%D1%81%D1%82%D0%B5%D0%Bf%D1%83%D0%Bd>.
2. ИЗГОЕВ А. С. Рожденное в революционной смуте (1917–1932). Париж. 1932, с. 7.
3. СТЕПУН Ф. Бывшее и несбывшееся. Т. I. Н. – Й. 1956, с. 7.
4. ИЗГОЕВ А. С. Ук. соч., с. 21.
5. СТЕПУН Ф. А. Мысли о России. – Современные записки. 1923, кн. XVII, с. 366–367.
6. ФЕДОТОВ Г. П. Революция идет. В кн.: ФЕДОТОВ Г. П. Судьба и грехи России. Т. III. СПб. 1993, с. 127.
7. СТРУВЕ П. Б. Размышления о русской революции. София. 1921, с. 26–27.
8. ФРАНК С. Л. Из размышлений о русской революции. – Русская мысль. 1923, кн. VI–VIII, с. 249.
9. СТЕПУН Ф. Бывшее и несбывшееся, т. I, с. 7.
10. Там же, с. 222–223.

11. Там же, с. 23–24.
12. ФРАНК С. Л. Ук. соч.. с. 246–247.
13. СТЕПУН Ф. Бывшее и несбывшееся. Т. II. Н. – Й. 1956, с. 8.
14. Там же, с. 7.
15. Там же, с. 31.
16. Там же, с. 32.
17. ФРАНК С. Л. Ук. соч., с. 78.
18. СТЕПУН Ф. Бывшее и несбывшееся, т. II, с. 54.
19. Там же, с. 47.
20. Там же, с. 52–53.
21. Там же, с. 54.
22. Там же, с. 53.
23. Там же, с. 56.
24. Там же, с. 55.
25. Там же, с. 57.
26. Там же, с. 96–97.
27. Там же.
28. Там же, с. 97.
29. Там же.
30. Там же, с. 98.
31. Там же, с. 102.
32. Там же, с. 100.
33. Там же, с. 101.
34. Там же, с. 103.
35. Там же, с. 104.
36. Там же, с. 83.
37. Там же, с. 83.
38. Там же, с. 84.
39. Там же, с. 150.
40. Там же, с. 140.
41. Там же, с. 144.
42. Там же, с. 144–145.
43. Там же, с. 146.
44. Там же, с. 153.
45. Там же, с. 158.
46. Там же.
47. Там же, с. 158–159.
48. Там же, с. 157.
49. Там же, с. 161.
50. Там же, с. 144.
51. Там же.
52. Там же, с. 164.
53. Там же, с. 165.
54. Там же, с. 167.
55. Там же, с. 167–168.
56. Там же, с. 180–181.
57. Там же, с. 181.
58. Там же, с. 176.
59. Там же, с. 182.

Провинциальное чиновничество России в первой половине XIX в.: отечественная историография конца XX – начала XXI в.

О. А. Плех

Аннотация. Публикация посвящена историографии провинциального чиновничества России первой половины XIX века. Проведенный анализ современных отечественных исследований позволил не только обобщить накопленный опыт и увидеть имеющиеся достижения в изучении местной бюрократии, но и выявить лакуны и недостаточно разработанные вопросы, связанные с кадровым обеспечением провинциальных учреждений.

Ключевые слова: историография, чиновничество, бюрократия, местное управление, провинция, государственная служба.

Abstract. The publication is devoted to the historiography of the provincial bureaucracy of Russia in the first half of the XIX century. The analysis of modern domestic research allowed not only to summarize the experience and see the achievements in the study of the local bureaucracy, but also to identify gaps and insufficiently developed issues related to staffing of provincial institutions.

Key words: historiography, officialdom, bureaucracy, local government, province, public service.

В настоящее время история провинциального чиновничества Российской империи выделилась в самостоятельное активно развивающееся направление исследований. Этому способствовали изменения, произошедшие в науке за последние тридцать лет. С одной стороны, ученые, занимающиеся историей государственного управления, стали все больше обращать внимание на проблемы функционирования местного аппарата власти, с другой, – история провинциальных учреждений активно разрабатывается в рамках отдельных регионов. В настоящей публикации пред-

Плех Олеся Анатольевна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра «История России XIX – начала XX вв.» Института российской истории РАН. E-mail: plekh@mail.ru.

Plekh Olesya A. – candidate of historical sciences, research scientist of Center «Russian History of the 19th and early 20th centuries». The Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences. E-mail: plekh@mail.ru.

принимается попытка подвести некоторые итоги современного этапа изучения местного чиновничества первой половины XIX века.

Переломным моментом в развитии отечественной историографии, ставшим отправной точкой для ее современного периода, послужили «перестроечные» процессы в советском обществе. Со второй половины 1980-х гг. в научной среде наблюдался постепенный переход от жесткого идеологического курса к плюрализму мнений: сначала в выборе тематики исследований в рамках «официальной» парадигмы, а затем и к свободным методологическим поискам. Первыми работами, запечатлевшими свежий взгляд на развитие государственного управления Российской империи в первой половине XIX в., стали труды М. М. Сафонова и С. В. Мироненко, в которых показывалось как масштабные реформаторские замыслы начала XIX в. усилиями правящей элиты сводились к незначительным преобразованиям.

В монографии Сафонова, вопросы, связанные с местным управлением, оказались практически не затронуты. Автор лишь упомянул дискуссию о дворянских привилегиях, развернувшуюся в Негласном комитете, и озвучил позицию Александра I, которому была «противна исключительность этих прав», поскольку он «держался того мнения, что необходимо установить различие между теми, кто служит государству, и теми, кто ведет праздную жизнь»¹.

В свою очередь, Мироненко, ориентируясь на подход, предложенный П. А. Зайончковским, привел показатели, характеризующие состав высшей губернской бюрократии на 1825 год. Проанализировав 135 формулярных списков губернаторов, вице-губернаторов, председателей палат, губернских прокуроров и губернских предводителей дворянства (всего не менее 75% от их общего количества по губерниям), автор получил данные об их возрасте, сословном происхождении, вероисповедании, образовании, классовых чинах, имущественном положении². Это позволило отразить ряд интересных наблюдений. В частности, автор пришел к выводу, что губернаторы были молоды (средний возраст 46 лет) и хорошо образованы, при этом имели достаточный опыт, успев «пройти значительную часть бюрократической лестницы»³. Указано, что из 37 губернаторов двое имели среднее образование, трое – военное, один – специальное и трое – высшее; однако не менее интересно было бы узнать, в каких именно учебных заведениях они обучались и прошли ли они полный курс. К сожалению, не приводятся данные относительно опыта статской службы. Отмечено, что 67,6% губернаторов участвовали в сражениях (следовательно, в прошлом были военными), но можно ли такой опыт засчитывать как подготовку к управлению губернией и гражданскими учреждениями (если, скажем, на должность губернатора был назначен только что вышедший в отставку после длительной военной службы чиновник, что не было редкостью в первой половине XIX в.)?

Для отечественной историографии 1990-е гг. представляли собой довольно противоречивый период, сопровождавшийся ломкой устоявшихся подходов и поиском новых теоретико-методологических основ. Свобода в выборе тематики и ракурса исследований, открытость и доступность архивов, отсутствие цензурных ограничений, знакомство с научными достижениями зарубежных коллег – все это предоставило широкие воз-

возможности для исторической науки. И именно в этот период история государственного управления Российской империи стала актуальным направлением исследований. В то же время «методологическая революция» обернулась появлением большого количества работ, нацеленных не на углубление научных представлений, а на обобщение и переосмысление уже имевшегося опыта изучения российской государственности⁴. История чиновничества стала привлекать внимание не только историков, но и представителей других общественных наук⁵. Соответственно, основным источником многих исследований выступал не архивный документ, а публикации предшественников; акцент сместился с решения конкретных проблем на новое теоретическое обоснование почерпнутых из научной литературы фактов. С опорой на знания, накопленные в историографии, и методологию, апеллирующую к популярным в то время философским и социологическим категориям и концепциям (в первую очередь, концепция «рациональной бюрократии» М. Вебера), принципиально новых выводов относительно дореформенного чиновничества сделать, конечно, не удалось. Положительным моментом этого процесса можно назвать то, что применительно к истории государственного управления стал использоваться междисциплинарный инструментарий, а относительно дореволюционного чиновничества – социокультурный подход.

Среди обобщающих работ следует выделить фундаментальное исследование Б. Н. Миронова. Автор, проанализировав значительный массив данных, попытался развить выдвинутую еще в дореволюционной науке концепцию о постепенной эволюции самодержавного строя в направлении правового государства. В связи с этим переосмыслению была подвергнута и история чиновничества. Одним из ключевых тезисов стало утверждение, что дореволюционные авторы «намеренно преувеличивали недостатки русской бюрократии» с целью «дискредитировать верховную власть»⁶, в реальности же в Российской империи наблюдалось становление «просвещенной бюрократии». Сравнивая русского чиновника конца XVIII в. с идеальным типом по Веберу, Миронов выделил его специфические черты: «а) он не имел специального образования; б) был специалистом широкого профиля; в) не перешел полностью к формальному характеру служебных отношений, патронажные связи в течение всего XVIII в. играли большую роль и тормозили развитие между ними сугубо официальных отношений; г) не мог всегда действовать, невзирая на лица; д) брал подношения и подарки от просителей и истцов за свои услуги»⁷. В течение XIX в., по мнению автора, российские чиновники и канцелярские служители постепенно избавлялись от первых двух недостатков и «стали образованными профессионалами и узкими специалистами», причем этот процесс наблюдался не только в центре, но и на местах. При всем этом представленная в работе характеристика позволяет увидеть, что в науке имеется еще слишком мало конкретных данных, позволивших бы охарактеризовать уровень компетентности местной бюрократии. В частности, автор при анализе качества работы бюрократического аппарата обращается к министерской статистике численности лиц, осужденных за должностные преступления, но насколько этот источник отражал процессы, происходившие в действительности, вопрос весьма спорный.

В 1990-е гг. публикации, характеризующие дореформенное чиновничество Российской империи на основе конкретно-исторического материала, в том числе архивного, были немногочисленны. Так, в статье М. М. Шевченко предпринята попытка проследить связь между политической по формированию кадрового потенциала государственных органов и эволюцией правительственного курса в сфере образования в середине XIX века. Автор полагал, что введенная в 1834 г. система привилегий по службе для образованных чиновников способствовала «накоплению лиц, не только служебно опытных, но и интеллектуально развитых»⁸. Однако в 1856 г., когда установленный порядок только начал приносить свои плоды, привилегии были отменены и «новый кадр» растворился в массе полуобразованной и необразованной бюрократии.

Следует выделить статьи Л. Ф. Писарьковой, в которых приводятся довольно любопытные сведения, характеризующие условия службы и быта чиновников, в том числе и провинциальных. Автор попыталась выделить «характерные типы чиновников», сформировавшиеся в местном управлении первой половины XIX в., и отразить их карьерный путь. Она обратила внимание на то, что корпус провинциальных служащих в основном комплектовался из среды приказных служителей, чиновничества, духовенства, податных сословий⁹. На службу такие лица поступали довольно рано (до 1827 г. многие из них еще не достигли 16 лет), требующиеся для работы умения и навыки приобретали за канцелярским столом. Даже к середине XIX в. образовательный уровень «новобранцев» был крайне низким: в 1856 г. свыше 90% определявшихся на службу не имели аттестатов об окончании средних или высших учебных заведений и «на испытании» оказывались «знающими правильно читать, писать и основание грамматики и арифметики»¹⁰, и не более того. Карьерный путь таких служащих и повышение в чинах полностью зависели от начальства, состоявшего в основном из дворян-помещиков: «отсюда – вседозволенность, надменность, спесь одних и бесправие, угодничество и низкопоклонство других»¹¹. Автор пришла к выводу, что бесконтрольность должностных лиц, низкий нравственный и образовательный уровень, мизерные оклады, бумаготворчество, многоступенчатость в прохождении бумаг, взяточничество и казнокрадство к середине XIX в. являлись пороками, поразившими все звенья государственного аппарата.

Важно отметить, что 1990-е гг. стали временем пробуждения интереса к истории местного управления Российской империи. В числе первых исследователей, непосредственно обратившихся к этим вопросам, следует назвать М. М. Шумилова, охарактеризовавшего правовое положение губернской администрации в середине XIX века¹².

Первым и, пожалуй, по сей день единственным монографическим исследованием, в котором предпринята попытка проанализировать местное управление изучаемого периода в масштабах Российской империи, является работа О. В. Моряковой (ее хронологические рамки охватывают период правления Николая I, географические – 15 внутренних губерний, территориально рассредоточенных в европейской части России). Автор, применяя ведомственный подход, предложенный в работах Н. П. Ерошкина, рассмотрела местные органы власти трех основных министерств: внутренних дел, юстиции и финансов. Основное внимание было сосредото-

точено на анализе структуры и функций этих провинциальных учреждений, их законодательном и материальном обеспечении, личном составе. Ценность работе придает введение в научный оборот ранее неизвестных архивных документов, выявленных в центральных и местных архивах. В частности, Морякова обратилась к изучению материалов сенаторских ревизий, содержащих уникальные сведения о деятельности провинциальных чиновников (всего автор обработала материалы 7 ревизий). Особый интерес для настоящего исследования имеют данные, полученные в ходе обработки формулярных списков. Автор привела показатели, характеризующие состав высших должностных лиц по 15 губерниям (губернаторы, председатели губернских палат, губернские прокуроры), среди которых выделялись: сословное происхождение, классные чины, возраст, образование, имущественное положение, продолжительность пребывания в должности. Всего удалось выявить 252 формулярных списка за 1825–1855 гг., что составило 63% от общего числа лиц, пребывавших на анализируемых должностях в изучаемых губерниях¹³.

Ввиду того, что подсчет данных производился за весь указанный период, картина получилась статичной, не позволившей продемонстрировать изменения, происходившие в кадровом составе. В монографии также приводятся сведения о составе прочих чиновников губернских и уездных присутственных мест (в большинстве своем по Московской и Владимирской губерниям). Из-за плохой сохранности документов представить «ровные» хронологические срезы не удалось, и сравнение показателей проводится в основном между 1847 и первой половиной 1850-х годов. В работе не ставилось задачи произвести подсчет общей численности служащих изучаемых губерний, однако в заключении автор указывает, что рост бюрократического аппарата «составлял во второй четверти XIX в. в среднем 1,5–3% ежегодно» и в целом «чиновничьи штаты... увеличились на 45–90%»¹⁴, при этом не уточняется, какие показатели и за какой год были взяты за точку отсчета. С целью реконструировать деятельность провинциальных учреждений, Морякова привлекла значительный массив мемуарной и художественной литературы, что, по всей видимости, и предопределило взгляд на местную бюрократию как на безнадзорную самостоятельную действовавшую в своих интересах силу, наносившую вред экономическому благосостоянию подконтрольных ей территорий. В целом автор предприняла смелую попытку проанализировать систему местного управления при Николае I, однако фрагментарность источниковой базы не позволила всесторонне охарактеризовать провинциальное чиновничество.

Более детальное изучение проблематики местного управления было предложено в региональных исследованиях. Значительный вклад в развитие этого направления внесли сибирские ученые. В первую очередь, А. В. Ремнев, обосновавший актуальность регионально-управленческого подхода в изучении административной политики самодержавия. Автор впервые заявил, что «определение имперской системы регионального управления возможно только путем изучения отдельных регионов, чтобы на этой основе реконструировать в целом основные принципы и методы имперской региональной политики»¹⁵. Он справедливо отметил, что дальнейшая разработка проблем местного управления Российской импе-

рии не может быть успешна без привлечения конкретно-исторического материала, сохранившегося в областных архивах. В своих публикациях Ремнев сосредоточил внимание на анализе правительственной политики в Сибири, в том числе на исследовании формирования государственного аппарата и организации гражданской службы. Характеризуя специфику кадрового вопроса, он пришел к выводу, что на протяжении всей первой половины XIX в. правительство пыталось при небольших финансовых затратах, не отступая от общих принципов организации государственной службы (в первую очередь, сословного), не только заполнить сибирские учреждения чиновниками, но и обеспечить приток достойных кандидатов, чтобы улучшить состояние местного управления¹⁶. И этой цели государству достичь не удалось, что вполне обоснованно доказывает автор, рассматривая вопросы, связанные с нехваткой чиновников и их низкой профессиональной квалификацией. Конечно, интересно было бы увидеть количественные показатели, которые бы позволили судить о масштабах этих проблем, что, к сожалению, не входило в задачи анализируемой работы. Ввиду того, что правительство все-таки предпринимало меры по организации подготовки кадров в самой Сибири и пыталось обеспечить приток служащих из Европейской России, сохранили актуальность и вопросы, связанные с результатами образовательной политики в отношении чиновничества и установлением общего числа служащих, приехавших в регион из-за предоставляемых льгот и преимуществ.

В 1990-е гг. также появились первые исследования, посвященные бюрократии отдельных губерний Европейской России. Так, Л. В. Мерзлякова на материалах Вятской губернии попыталась изучить численность, состав и характер служебной деятельности чиновничества трех основных министерств: внутренних дел, финансов и юстиции¹⁷. Автор также заострила внимание на необходимости учета региональной специфики, оказывавшей влияние на кадровый состав местных учреждений. Исследование основано на внушительной источниковой базе, включающей значительный массив архивных материалов. Это позволило Мерзляковой представить не только обстоятельный анализ состава чиновничества, но и впервые осветить многие вопросы, связанные с прохождением службы в провинции. Следует отметить, что основным источником количественных показателей послужили формулярные списки чиновников. Соответственно, в работе речь идет в основном о служащих, наделенных чинами; лица же, не имевшие чинов (канцелярские служители), остались практически вне поля зрения автора, что, по всей видимости, связано с отсутствием точных данных об этой категории служащих.

Весьма оригинальным является исследование В. А. Иванова. На материалах Московской и Калужской губерний середины XIX в. автор предпринял попытку «обследования источниковой базы по истории губернской бюрократии»¹⁸. Он проанализировал информационные возможности трех разноплановых источников: формулярных списков, мемуаров и периодики. При этом представил не только исчерпывающую источниковедческую характеристику, но и предложил методику их анализа и обработки.

С начала 2000-х гг. в исторической науке наблюдается всплеск исследовательского интереса к государственному управлению Российской

империи, не угасающий и по сей день. Среди работ, опубликованных в этот период, следует также выделять два основных направления в зависимости от территориального охвата: первое – работы, характеризующие деятельность местных управленческих структур и местное чиновничество в масштабах всего государства; второе – исследования, касающиеся отдельных губерний и регионов.

В первую очередь, следует отметить работы Л. Ф. Писарьковой, в которых представлен анализ системы государственного управления XVIII – первой четверти XIX века. Автор затронула ряд проблем, касающихся организации и деятельности местных учреждений: политику правительства в области формирования бюрократии, состав и численность государственного аппарата, условия службы и материальное положение служащих. В частности, ею установлено, что по результатам губернской реформы 1775 г. численность провинциальных служащих достигла почти 49 тыс. чел., а к началу XIX в., после преобразований Павла I, эта цифра сократилась до 30–33 тысяч¹⁹. Автор также пришла к выводу, что реформы конца XVIII в. были призваны устранить недостатки губернской реформы 1775 г. и нацелены на усиление централизации и дальнейшую бюрократизацию управления. Александр I в целом продолжил намеченный его предшественником курс и направил усилия на синхронизацию работы центральных и местных учреждений²⁰.

Многолетнее и весьма плодотворное изучение государственного аппарата Российской империи осуществляет Л. Е. Шепелев (его первые крупные работы вышли в свет еще в 1970-е гг.). У него есть свой взгляд на формирование бюрократии первой половины XIX в., основанный на внушительном объеме архивных материалов, которые ему удалось проработать. В его трудах впервые изучение титулов, орденов и мундиров, являвшихся неперенными спутниками служебной деятельности, приобрело системный и научный характер²¹. В 2001 г. он опубликовал монографию, затрагивающую проблемы организации и функционирования аппарата государственного управления. В ней автор вполне справедливо отметил, что «деловой и нравственный уровень чиновничества соответствовал и политическому строю в стране, и состоянию государственного бюджета, и, конечно, культурному уровню массы населения»²². В работе в большей степени освещены условия прохождения службы, что же касается численности и состава чиновничества, то эти проблемы затрагиваются лишь вскользь и не содержат развернутых комментариев, которые бы существенно обогатили исследование. К примеру, автор указал, что «губернские учреждения имели в начале XIX в. явно недостаточные штаты», и привел конкретную цифру – 75 чел. на одну губернию²³.

К сожалению, развернутых подсчетов не представлено, и можно лишь предполагать, что послужило источником информации. Известно, что численность местных служащих была сравнительно небольшой в этот период, однако даже «страдающая» от нехватки кадров Олонецкая губерния в 1803 г. насчитывала в своих губернских учреждениях 107 чиновников и канцелярских служащих (не считая сельских и купеческих заседателей)²⁴. Возможно, автор имел в виду количество должностей по штатным расписаниям, действовавшим с начала XIX в., но и в этом случае цифры также не сходятся. Для губернских учреждений предусма-

тривалось не более 49 должностей (включая присяжных казенной палаты и повивальных бабок врачебной управы), если же прибавить к этому числу и уездные должности, коих было положено по 28 чел. на уезд (а число уездов в губерниях могло достигать 12–13), то сумма получится более значительная²⁵. Шепелев также указывает, что «по данным Министерства финансов, в начале 1830-х гг. на государственной службе в России находилось уже около 105 тысяч гражданских чиновников»²⁶. В других публикациях общие данные о количестве служащих за этот период отсутствуют. Если бы автор несколько подробнее остановился на анализе этих показателей (каким образом министерство производило подсчет, служащих каких ведомств оно учитывало и проч.), то они, без сомнения, приобрели бы особую ценность для дальнейшего исследования государственного аппарата Российской империи.

В последние десятилетия появилось значительное количество публикаций, посвященных изучению отдельно взятых местных правительственных и сословных учреждений, в которых, как правило, затрагиваются вопросы, связанные с их кадровым обеспечением²⁷. Так, в монографии Л. М. Лысенко была предпринята попытка проанализировать генезис и эволюцию генерал-губернаторской и губернаторской власти. Автор, вооружившись междисциплинарным инструментарием, попыталась не только определить место этих институтов в политико-административной системе России XVIII – начала XX в., но и выявить роль губернаторского корпуса в решении задач, стоявших перед государством. Собрав сведения о 2000 губернаторов и 200 генерал-губернаторах, она попыталась воссоздать их «социально-исторический портрет», который позволил прийти к выводу, что несмотря на рост образовательного и профессионального уровня, качество управления губерниями на протяжении XIX в. падало; институт губернаторства из прогрессивной силы постепенно превращался в главный тормоз модернизации государства²⁸. Отметим, что Ю. П. Злобин представил несколько иную социокультурную характеристику генерал-губернаторского корпуса XIX – начала XX в. Обработав служебные формуляры 203 заместителей, главнокомандующих и главноуправляющих, выполнявших свои обязанности на постоянной основе, он попытался оспорить устоявшийся в отечественной историографии взгляд на эту категорию служащих как на некомпетентных и в целом невежественных администраторов. Автор полагает, что на протяжении всего XIX в. сохранялась однотипная имперская модель кадровой политики: «ставка на профессиональные возможности дворян-аристократов, отличившихся на полях сражений», в связи с чем генерал-губернаторский корпус «в сословном отношении был достаточно однородным и являлся крайне узкой социoproфессиональной группой»²⁹, для него, как и для генералитета армии, была характерна замкнутость и корпоративность.

Комплексное исследование взглядов и деятельности столичной и провинциальной бюрократии в связи с правительственной политикой, нацеленной на модернизацию страны, предпринял П. В. Акульшин. В этом контексте он впервые попытался рассмотреть влияние столицы на провинцию и обратное воздействие провинциальной среды на реформаторские усилия правительственных кругов. Исследовательская оптика была направлена не на все чиновничество, а лишь на ту его прогрессив-

но настроенную часть, которая выступала сторонником преобразований: речь идет о «просвещенной бюрократии». Важно отметить, что автор обратился к личностно-психологическому подходу. Изучение «просвещенной бюрократии» в провинциальном срезе проведено на основе внушительного комплекса архивных материалов по четырем губерниям: Пензенской, Рязанской, Тульской и Тамбовской. Это позволило отразить противоречивый характер происходивших процессов, когда, с одной стороны, возможности просвещенных бюрократов способствовать преобразовательной деятельности на местах оказались ограничены объективными условиями эпохи и их личными качествами, а с другой, – итогом их деятельности стал целый ряд изменений, намеченных в первые годы правления Александра I, но реализованных во второй четверти XIX в. (в том числе, и изменения в составе и образовательном уровне провинциального чиновничества) ³⁰.

Следует подчеркнуть, что в современных исследованиях, не только исторических, раскрываются и многие другие аспекты, характеризующие служебную деятельность дореволюционного чиновничества. К примеру, все больше привлекают внимание ученых развитие института гражданской службы в Российской империи ³¹ и правовое положение служащих ³², вопросы, связанные с подготовкой к профессиональной деятельности ³³. В литературе также получили освещение проблемы привлечения чиновников к ответственности за должностные преступления ³⁴.

Последние десятилетия ознаменовались расцветом исторической регионалистики. К настоящему моменту уже накоплен значительный пласт исследований, в центре внимания которых стоит изучение кадрового состава местных учреждений первой половины XIX века. В литературе анализ чиновничества по отдельным губерниям представлен следующими авторами: Ю. Б. Павлюком по Московской и Тверской губерниям ³⁵; Т. А. Поскачей по Рязанской ³⁶; И. Г. Мельниковой по Владимирской, Костромской, Тверской и Ярославской ³⁷; Ю. Н. Токмаковой по Курской ³⁸; В. А. Ивановым по Московской и Калужской ³⁹; Т. Р. Вакилевым по Пензенской губернии ⁴⁰. В основном это диссертационные исследования, в рамках которых ученые попытались выявить региональную специфику формирования бюрократии. Не останавливаясь подробно на содержании каждой из этих работ, отметим их основные особенности. Во-первых, обозначая свою цель как комплексный анализ чиновничества, исследователи, как правило, в круг задач включают изучение численности, состава, имущественного положения, а также вопросы, связанные со служебной деятельностью. Во-вторых, в качестве основного источника выступает делопроизводственная документация, в первую очередь, формулярные списки служащих. В-третьих, ученые предлагают разные подходы к изучению бюрократии, что, по всей видимости, обусловлено стремлением обосновать новизну исследования. Появление этих работ существенно обогатило наши представления о провинциальном чиновничестве первой половины XIX века. На конкретном материале показано, что местная бюрократия в основе своей комплектовалась служащими из недворянской среды; соотношение сословных групп в ее составе во многом определялось региональной спецификой. Абсолютное большинство кадров, занятых в сфере управления, не имело специальной подготовки; более того,

среди поступавших на службу преобладали лица с элементарными знаниями, полученными в доме родителей.

Региональные исследования также отражают трудное материальное положение чиновничества. Для лиц недворянского происхождения, как, собственно, и для мелкопоместных дворян, получаемое по службе жалованье являлось главным источником средств существования, а ввиду его явной недостаточности обосновывается вывод о невозможности чиновничества выжить, не прибегая к взяточничеству и казнокрадству. Отметим, что наибольшие трудности у исследователей вызывает определение численности местной бюрократии (даже на уровне отдельно взятых губерний). В целом благодаря представленным работам в научный оборот были введены большие комплексы документов, сохранившиеся, главным образом, в областных архивах. Однако методики отбора, систематизации и анализа первичного материала, как правило, различаются (что особенно ярко проявляется при анализе состава служащих). Более того, количественные показатели, за редким исключением, не сопровождаются необходимыми пояснениями и комментариями, что не позволяет сопоставить полученные результаты и является серьезным препятствием на пути обобщения фактического материала. Также, не имея понятия о том, каким образом производились подсчеты и группировка данных, трудно судить о достоверности и точности показателей. Пожалуй, на общем фоне выделяются публикации В. А. Иванова, который в настоящее время занимается изучением местной бюрократии середины XIX века. Имея многолетний опыт источниковедческой работы с формулярными списками, при характеристике состава служащих автор особое внимание уделяет описанию методики сбора и систематизации материала, полагая, что «провинциальное чиновничество от глав губернской администрации до рядовых чиновников и низших служащих» не должно изучаться «без дифференциации на классы или ранги чинов, либо на какие-то другие, выделяемые по неформальным признакам группы», в противном случае личный состав учреждений будет представлен как «однородная масса», что не соответствовало действительности ⁴¹.

Оригинальное исследование предприняла Ю. В. Бодрова. На материалах Тверской губернии она представила анализ семьи чиновника и ее места в провинциальном обществе. Автор установила, что для местных служащих были характерны высокий брачный возраст, значительная доля холостяков, преобладание малых семей, состоявших из бездетных супружеских пар или пар с 1–2 детьми, сглаживание сословных и конфессиональных различий при выборе партнера, ослабление религиозных норм в семейной жизни. Все это она справедливо связывает с «особой жизненной стратегией чиновничества, обусловленной родом деятельности»: во-первых, временные затраты, требовавшиеся на получение образования и карьерный рост, «отодвигали брачные перспективы»; во-вторых, гражданская служба хотя и обеспечивала стабильный доход, но должностные оклады не могли удовлетворить минимальные потребности большинства семей ⁴². В среде чиновников формировалась «особая модель брачного поведения», переходная от традиционной к современной, что отличало их от представителей других социальных групп.

В рамках региональной истории особое звучание приобрели проблемы, связанные с организацией и деятельностью губернской администрации⁴³. Так, Н. П. Матханова, используя социологические приемы анализа, попыталась представить корпус высшей администрации Восточной Сибири конца 1830-х – первой половины 1860-х гг. в виде стратификационных моделей. В соответствии с властными критериями она охарактеризовала два типа иерархии: формально-юридическая (согласно официально признанным и документально зафиксированным признакам – занимаемая должность и чин) и неформально-властная (в зависимости от степени реального участия в управлении), а также предложила культурно-нормативную стратификацию, учитывающую принадлежность лица к той или иной социокультурной группе⁴⁴. В данном исследовании автор впервые при изучении провинциальной бюрократии обосновала необходимость учета неформальных факторов, обуславливавших как реальные властные полномочия отдельных лиц и групп, так и их социокультурный облик.

Весомым вкладом в изучение института губернаторства стало исследование А. Н. Бикташевой, основанное на материалах Казанской губернии. Автор предложила антропологический подход к изучению дореформенной административной культуры Российской империи. В связи с этим, комплексный анализ губернаторской власти проводился с учетом личностного фактора. Особое внимание было уделено механизму кадровых назначений и персональным особенностям управления, раскрывавшимся на основе созданных губернаторами текстов (отчеты, донесения, записки) и иных свидетельств их деятельности. На основании внушительного массива делопроизводственной документации автор проследила изменения, происходившие в имперской региональной политике, и пришла к выводу, что в изучаемый период верховная власть постепенно отходила от стремления к унификации регионов и игнорирования их специфики к признанию и учету их особенностей: «во второй четверти XIX века император предпочитал видеть на губернаторском посту человека, знающего вверенный ему край и умеющего использовать это знание для управления им в интересах империи»⁴⁵. Антропологический подход в изучении местного чиновничества привлек внимание научного сообщества; предпринимаются попытки его реализации на материалах других губерний⁴⁶. Однако следует отметить, что многоаспектность рассматриваемой проблемы и вектор исследования, заданный Бикташевой, требуют не только аккумуляции значительного фактического материала, но и высокого уровня его осмысления, без которого речь будет идти не об исторической антропологии, а о биографистике.

Проблемы кадрового обеспечения освещаются в региональных исследованиях, посвященных организации местного управления и изучению отдельных провинциальных правительственных и сословных учреждений⁴⁷; современных ученых привлекают вопросы, связанные с выборной дворянской службой⁴⁸. В основном итоги этих исследований представлены в диссертациях, базирующихся на материалах областных архивов.

Итак, в последние десятилетия наблюдается стремительный рост числа публикаций, посвященных бюрократии первой половины XIX века. Современный период способствовал расширению предметного поля ис-

следований; усилия ученых направлены на комплексное изучение провинциального чиновничества с выходом на широкий спектр проблем: численность, состав, материальное положение, уклад повседневной жизни, место и роль в социальной структуре, политика правительства в отношении местного аппарата управления и т.д. В то же время сегодня сложилась парадоксальная ситуация, когда имеются исследования по отдельным регионам, но практически отсутствуют возможности для их сравнения. Терминологический и методологический плюрализм нередко приводит авторов к результатам, фактически не применимым в компаративистских исследованиях. Это, в свою очередь, не только не позволяет оценить состояние местной бюрократии в целом по России, но и в полной мере раскрыть региональные особенности формирования личного состава местных учреждений.

Очевидно, что в настоящее время на первый план должна выйти проблема перехода от количества к качеству, в связи с чем пристальное внимание необходимо обратить на так и нерешенные проблемы, связанные не только с установлением общей численности и состава служащих, но и с характеристикой кадрового обеспечения местных учреждений в целом. Конечно, речь не идет о проведении исследований по заранее заданному шаблону. Однако при изучении чиновничества необходимо, во-первых, учитывать результаты имеющихся публикаций; во-вторых, обращаться к выработанным наукой параметрам при сборе и систематизации материалов, характеризующих состояние местной бюрократии; и в-третьих, при интерпретации данных, полученных в ходе обработки массовых источников, раскрывать методику сбора информации и расчета показателей. Возможным решением этой проблемы, как отмечает В. А. Иванов, может стать разработка и применение «единой рациональной методики изучения различных групп провинциального чиновничества, что сделает возможным составление сводных общеимперских статистических таблиц»⁴⁹. Также следует предпринять усилия по преодолению терминологической разноголосицы, что позволит избежать разночтений и сделать результаты исследований более доступными не только для дальнейших исторических исследований, но и для междисциплинарных.

Примечания

Публикация подготовлена при поддержке гранта Президента РФ для молодых российских ученых (проект № МК-1194.2018.6).

1. САФОНОВ М. М. Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII и XIX вв. Л. 1988, с. 132.
2. МИРОНЕНКО С. В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. М. 1989, с. 51–54.
3. Там же, с. 53.
4. См., например: АРХИПОВА Т.Г., РУМЯНЦЕВА М.Ф., СЕНИН А. С. История государственной службы в России. XVIII–XX века. М. 2000, с. 100–130; КОРЖИХИНА Т.П., СЕНИН А. С. История российской государственности. М. 1995, с. 87–121; ТВЕРДОХЛЕБ А.А., ШЕВЫРИН В. М. Государственные служащие в России. 1722–1995: (Динамика социального статуса). (Исторический очерк). – Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Реферативный журнал. Сер. 5: История. 1995, № 2, с. 90–142; ФЕДОСОВ И.А., ДОЛГИХ Е. В. Российский абсолютизм и бю-

- рокрация. В кн: Очерки русской культуры XIX века. Т. 2: Власть и культура. М. 2000, с. 10–101; и др.
5. См., например: ГОЛОСЕНКО И. А. Феномен «русской взятки»: очерки истории отечественной социологии чиновничества. – Журнал социологии и социальной антропологии. 1999, т. 2, № 3, с. 101–116; ОБОЛОНСКИЙ А. В. На службе государевой: к истории российского чиновничества. – Общественные науки и современность. 1997, № 5, с. 63–76; ТРИФОНОВ А.Г., МЕЖУЕВ Б. В. Генерал-губернаторство в российской системе территориального управления. (Опыт исторической реминисценции). – Полис. Политические исследования. 2000, № 5, с. 19–27; и др.
 6. МИРОНОВ Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Т. 2. СПб. 2000, с. 173.
 7. Там же, с. 167.
 8. ШЕВЧЕНКО М. М. Правительство, народное образование и государственная служба накануне Великих реформ (1849–1856). В кн.: Россия и реформы. Вып. 2. М. 1993, с. 30.
 9. ПИСАРЬКОВА Л. Ф. От Петра I до Николая I: политика правительства в области формирования бюрократии. – Отечественная история. 1996, № 4, с. 29–43.
 10. ЕЕ ЖЕ. Российский чиновник на службе в конце XVIII – первой половине XIX в. – Человек. 1995, № 3, с. 121–139; № 4, с. 147–158. URL: http://vivovoco.astronet.ru/VV/PAPERS/MEN/PISAR_1.HTM.
 11. Там же.
 12. ШУМИЛОВ М. М. Местное управление и центральная власть в России в 50-е – начале 80-х гг. XIX века. М. 1991.
 13. МОРЯКОВА О. В. Система местного управления России при Николае I. М. 1998, с. 16.
 14. Там же, с. 195.
 15. РЕМНЕВ А. В. Региональные параметры имперской «географии власти» (Сибирь и Дальний Восток). – Ab Imperio. 2000, № 3/4, с. 343.
 16. ЕГО ЖЕ. Административная политика самодержавия в Сибири в XIX – начале XX веков: дисс. докт. ист. наук. СПб. 1997, с. 260.
 17. МЕРЗЛЯКОВА Л. В. Чиновничество Вятской губернии первой половины XIX века (опыт социально-политической характеристики): дисс. канд. ист. наук. Ижевск. 1997, с. 5–6.
 18. ИВАНОВ В. А. Губернское чиновничество 50–60 гг. XIX в. в России (по материалам Московской и Калужской губерний). Историко-источниковедческие очерки. Калуга. 1994, с. 6.
 19. ПИСАРЬКОВА Л. Ф. Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII века: Эволюция бюрократической системы. М. 2007, с. 431–432, 506.
 20. ЕЕ ЖЕ. Государственное управление России в первой четверти XIX в.: замыслы, проекты, воплощение. М. 2012, с. 50–51.
 21. ШЕПЕЛЕВ Л. Е. Титулы, мундиры и ордена Российской империи. М. 2005.
 22. ЕГО ЖЕ. Чиновный мир России: XVIII – начало XX в. СПб. 2001, с. 448.
 23. Там же, с. 86.
 24. Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 1349, оп. 4, 1803 г., л. 54, л. 1об.—90.
 25. Подсчитано по: ПСЗ-1, т. 44, ч. 2, к. № 24 985.
 26. ШЕПЕЛЕВ Л. Е. Чиновный мир России: XVIII – начало XX в., с. 119.
 27. См., например: АЛЕКСУШИН Г. В. Развитие губернаторской власти в России (1708–1917 гг.): исторический опыт и уроки: дисс. докт. ист. наук. М. 2008; Институт генерал-губернаторства и наместничества в Российской империи. Т. 1. СПб. 2001; КУПРИЯНОВ А. И. Выборы в русской провинции (1775–1861 гг.). М. 2017; и др.
 28. ЛЫСЕНКО Л. М. Губернаторы и генерал-губернаторы Российской империи (XVIII – начало XX века). М. 2001, с. 182–238.
 29. ЗЛОБИН Ю. П. Социокультурная характеристика генерал-губернаторского корпуса России в XIX – начале XX века. – Вестник Оренбургского государственного университета. 2013, № 7 (156), с. 43.
 30. АКУЛЬШИН П. В. Просвещенная бюрократия и русская провинция в первой половине XIX в.: По материалам Пензенской, Рязанской, Тамбовской и Тульской губерний: дисс. докт. ист. наук. М. 2004, с. 418–420.

31. См., например: КОДАН С. В. Юридическая политика Российского государства в 1800–1850-е гг.: деятели, идеи, институты. Екатеринбург. 2005; ЧУБ Н. В. Организационно-правовые основы прохождения государственной службы в губернских органах России в XIX веке: дисс. канд. юрид. наук. М. 2010.
32. См., например: МЕТУШЕВСКАЯ Т. И. Правовой статус государственного служащего в России в XVIII – первой половине XIX вв.: дис. ... канд. юрид. наук. М. 2007.
33. См., например: КОДАН С.В. «Образование юношества, предназначенного к частям службы государственной»: государственно-правовая подготовка чиновников в России в 1800–1850-е гг. – Чиновник. 2005, № 1, с. 72–79; ЯЛЫЧЕНКО О. Ю. Становление системы профессионального образования чиновников в России XIX – начала XX вв.: дисс. канд. пед. наук. Воронеж. 2006.
34. См.: ГУЩЕВА Н. В. Ответственность чиновников за должностные проступки и преступления по русскому дореволюционному законодательству в XIX – начале XX века: дисс. канд. юрид. наук. Н. Новгород. 2006; ОЧАКОВСКИЙ В. А. Становление и развитие института юридической ответственности государственных служащих в дореволюционной России: начало XVIII – конец XIX века: дисс. канд. юрид. наук. Краснодар. 2013.
35. ПАВЛЮК Ю. Б. Российское чиновничество в системе местного управления в первой половине XIX века: на материалах Московской и Тверской губерний: дисс. канд. ист. наук. М. 2001.
36. ПОСКАЧЕЙ Т. А. Провинциальное чиновничество России в последней четверти XVIII – первой половине XIX вв. (на материалах Рязанской губернии): дисс. канд. ист. наук. Рязань. 2006.
37. МЕЛЬНИКОВА И. Г. Чиновничество Верхневолжских губерний в первой четверти XIX века: дисс. канд. ист. наук. Ярославль. 2010.
38. ТОКМАКОВА Ю. Н. Провинциальное чиновничество Центральной России в 1801–1861 гг. (на материалах Курской губернии): дисс. канд. ист. наук. Курск. 2011.
39. Результаты исследования В. А. Иванова представлены циклом научных статей. См., например: ИВАНОВ В. А. Социальный облик местного чиновничества России в середине XIX в. – Федерализм. 2009, № 1 (53), с. 79–92.
40. ВАКИЛЕВ Т. Р. Провинциальное чиновничество в системе государственного управления во второй четверти XIX века (на материалах Пензенской губернии): дисс. канд. ист. наук. Пенза. 2017.
41. ИВАНОВ В. А. Провинциальное чиновничество России в XIX в.: некоторые итоги и задачи изучения – Власть и общество в провинции: Сб. материалов научн. конф., посв. 240-летию Тульской губернии. Тула. 2017, с. 201.
42. БОДРОВА Ю. В. Семья провинциального чиновника первой половины XIX века (на материалах Тверской губернии): дисс. канд. ист. наук. Тамбов. 2009, с. 228.
43. См., например: КОНОНОВ В. А. Институт губернаторства в дореволюционной России: взаимодействие губернской и центральной администраций, 1708–1917 гг. (на материалах Смоленской губернии): дисс. канд. ист. наук. Брянск. 2005; ГРИЦЕНКО Н. В. Организация управления Тобольской губернии в конце XVIII – первой половине XIX века: дисс. канд. ист. наук. Омск. 2005, с. 157–244; КАРЧАЕВА Т. Г. Енисейская губернская администрация: численность и состав (1822–1917 гг.): дисс. канд. ист. наук. Иркутск. 2013; НЕМЧАНИНОВА Е. Н. Кадровое обеспечение губернаторского корпуса Российской империи XIX – начала XX вв. (на материалах Вятской губернии): дисс. канд. ист. наук. Ижевск. 2015.
44. МАТХАНОВА Н. П. Высшая администрация Восточной Сибири в середине XIX в.: Проблемы социальной стратификации. Новосибирск. 2002, с. 19–35.
45. БИКТАШЕВА А. Н. Антропология власти: казанские губернаторы первой половины XIX века. М. 2012, с. 415.
46. См., например: КРАВЧУК А. С. Институт губернаторства в Таврической губернии: Антропология власти (1802–1854): дисс. канд. ист. наук. Симферополь. 2016.
47. См., например: ВОРОПАНОВ В. А. Сословная судебная система в Оренбургском крае (1775–1864 гг.): дисс. канд. ист. наук. Челябинск. 2000, с. 109–182; ПАВЛОВА Д. С. Становление и развитие местных финансовых учреждений в последней четверти XVIII – первой половине XIX веков (на материалах Верхневолжских губерний): дисс. канд. ист. наук. Ярославль. 2011, с. 151–205; САРАЖИНА Р. Г. Судебная система в Западной Сиби-

ри в имперской политике в конце XVIII – середине XIX вв.: дисс. канд. ист. наук. Омск. 2011, с. 99–111, 125–144; ЧЕГАРНОВА В. Н. Становление института государственной службы на Кавказе в конце XVIII – первой половине XIX века: дисс. канд. ист. наук. М. 2015; АКАЗЕЕВ Д. М. Развитие системы работы с кадрами полиции Российской империи (XVIII – начало XX века). Историко-правовое исследование: дисс. канд. ист. наук. М. 2017.

48. См., например: ТЕРЯЕВА Е. В. Служащее дворянство Орловской губернии второй половины XVIII – первой половины XIX вв.: дисс. канд. ист. наук. Орел. 2009; ЧИЖОВА В. В. Выборные от дворянства в системе местного управления российской империи в конце XVIII – первой половине XIX века: на материалах Тверской губернии: дисс. канд. ист. наук. Тверь. 2001.
49. ИВАНОВ В. А. Провинциальное чиновничество России в XIX в.: некоторые итоги и задачи изучения. В кн.: Власть и общество в провинции: Сб. материалов научн. конф., посв. 240-летию Тульской губернии. Тула. 2017, с. 202.

В. М. СЫРЫХ. *Красный террор: каноны библейские, да исполнение плебейское*. М. Юрлитинформ. 2018. 472 с.

Бытует представление, что юридические конструкции ушедших времен вызывают не более чем «академический интерес». Но очевидно и другое – обращение к правовым институтам прошлого помогает осмысливать правовую жизнь настоящего. При этом исторического повествования в форме «нарратива» недостаточно, необходимо серьезное аналитическое исследование, в ходе которого ученый «просеивает» факты, выделяя моменты, имеющие параллели с настоящим. Не менее важно выделить идею, которая даст почувствовать не только «дух эпохи» (это призвание историков), но и подчеркнуть правовые принципы, сохранившие актуальность до сегодняшнего дня. Они ценны для нас, поскольку позволяют делать выводы и учиться на опыте наших предшественников – как законодателей, так и правоприменителей.

Другим моментом, обуславливающим актуальность историко-правовых исследований, является необходимость познания современного государства путем изучения его генезиса. Развиваясь, конкретное национальное государство эволюционирует, реформируется, разрушается и воссоздается вновь. И наше российское государство несет в себе, явно или неявно, наследие прошлых форм, которое периодически проявляется в правовой жизни современной России.

Монография профессора Московского государственного университета правосудия, заслуженного деятеля науки Владимира Михайловича Сырых, как нам кажется, стремится к достижению обозначенной цели. Признаем, тень забвения не коснулась проблем «русской революции» и «красного террора». Кроме чисто исторических работ существует огромный пласт политологических, социологических, культурологических, экономических и иных исследований по данной тематике. Осмысливались и теоретико-правовые аспекты большевистской диктатуры.

Этим и открывается первый раздел рецензируемой монографии, в котором автор анализирует критическую историографию террора, исполненную российскими либералами и советскими историками. Причем книге С. П. Мельгунова «Красный террор в России. 1918–1923» отведена даже отдельная глава¹. В 3-й главе «Критика красного террора идеологами советского права и правосудия» профессор В. М. Сырых раскрывает малоизученные, но весьма интересные аспекты восприятия красного террора современниками. Автор отмечает, что «определенная часть даже высокопоставленных деятелей партии и государства не полностью разделяли практику красного террора, находили в деятельности чекистских организаций много нарушений и недостатков, которые необ-

ходимо устранять незамедлительно» (с. 37).

Характеризуя современный научный дискурс на заданную тему, Сырых пишет: «В современных исследованиях российских историков и правоведов явно наметилась тенденция к объективному изучению красного террора, освещению имевших место событий, фактов в присутствии им действительности, без приписывания как положительных, так и отрицательных черт, которыми они не обладали» (с. 46).

Анализируемая монография посвящена собственно «красному террору» и гражданской войне, но в ней затрагивается более общий вопрос о сущности правовой системы, возникшей после 1917 года. При этом автор акцентирует внимание на позитивных сторонах советского строя, стремясь показать, что крах режима произошел вследствие неудачных политических решений, а не являлся следствием марксистского мировоззрения как такового. Он обосновывает тезис о том, что как чрезмерное насилие, совершенное в ходе «красного террора», так и соответствующее дуалистическое («антиправовое») советское законодательство являются результатом использования неадекватного правового механизма.

Автор берет на себя смелость преодолеть «односторонность оценок и выводов», присущую предыдущим исследователям, и «раскрыть действительную суть исследуемого явления» путем «анализа причин, породивших многочисленные нарушения законности при проведении красного террора» (с. 3). Вглядываясь в глубины столетней истории, правовед-марксист, теоретик и методолог права Сырых привлекает внимание читателей, главным образом, к юри-

дическим моментам «красного террора», оставляя в стороне другие аспекты. Насколько ему это удастся?

Основной идеей, развиваемой автором, является тезис о том, что следует различать собственно «террор» как средство укрепления власти и политических позиций (здесь большевики отнюдь не были первыми) и механизм его воплощения. Сырых утверждает, что именно отсутствие правового механизма борьбы с противниками советской власти привело к колоссальному количеству бессмысленных жертв. Перефразируя слова К. Маркса, он называет такой террор «плебейским» (с. 4).

Будучи сторонником реактуализации марксистского мировоззрения в праве (он автор материалистической теории права), профессор Сырых придает большое значение теоретическим вопросам. По его мнению, именно в слабой философско-правовой базе «красного террора» кроется причина всех его негативных моментов: «марксистско-ленинская теория, определив суть и место террора в диктатуре пролетариата, успокоилась на достигнутом и дальше этого не пошла. Когда же вопрос о терроре был поставлен в повестку дня, Советское правительство не имело четких представлений о том, каким образом теоретически решенный вопрос следует воплощать в непосредственную практику» (с. 4).

Находясь в условиях гражданской войны, большевики были вынуждены перейти к стихийно сложившимся «формам правоприменительного процесса красного террора: *легализованной*, осуществляемой революционными трибуналами... и *незаконной* – чекистской, осуществляемой по правилам, установленным ВЧК. Обе формы признавались чрезвычайными

ми» (с. 152). «Чрезвычайный характер трибунальской формы красного террора выражался в отсутствии таких необходимо присущих буржуазному правосудию процессуальных гарантий, как состязательность, непосредственное исследование трибуналом всех собранных по делу доказательств, право подсудимого на профессиональную защиту, обоснованность и справедливость приговора» (с. 153).

Автор монографии не сомневается в том, что «упрощения» уголовного процесса путем упразднения гарантий прав подсудимого были осуществлены большевиками сознательно и оправдывались целями «максимальной простоты» судопроизводства. Они носили сугубо реакционный, антидемократический и неправовой характер и при проведении красного террора создали питательную почву «для самых разнообразных и изощренных нарушений прав и свобод человека» (с. 153).

Как известно, Декретом ВЦИК от 28 октября 1918 г. учреждалась Всероссийская Чрезвычайная Комиссия. Автор указывает, что полномочия ВЧК устанавливались крайне абстрактно, расплывчато. В период гражданской войны советская власть «перешла от «революционного правосознания» к политической целесообразности», допуская «расширительное» толкование норм Декрета. В результате централизованная система карательных органов стала основным инструментом осуществления красного террора, а квазизаконный характер деятельности ВЧК вывел насилие за рамки необходимости.

Сырых убежден, что «деятельность советских идеологов права и правосудия по разработке правоприменительного механизма крас-

ного террора показала их неспособность определить меру, за которой террор как чрезвычайное правовое средство превращается в иницируемый государством произвол и беззаконие. Это проявилось, прежде всего, в том, что законодательное регулирование «обоганилось» абстрактными нормами, закрепляющими правовой статус чрезвычайных комиссий как основных органов, обеспечивающих проведение красного террора в жизнь. В то же время материальные и процессуальные нормы, регламентирующие правовую меру деятельности чекистов и удерживающие их от грубейших посягательств на права и свободы населения, не были определены на уровне декретов ВЦИК и СНК» (с. 183).

Обращает на себя внимание, что, с одной стороны, автор показывает неизбежность революционного насилия, с другой – объясняет его размах несовершенством правоприменительного механизма, отсутствием четких норм и границ полномочий карательных органов. Он воспринимает террор как средство революционной борьбы. Приведем несколько примечательных моментов.

Ученый оправдывает большевистский террор, считая его необходимым для защиты «молодой» Советской власти и видит причину зла не в самой идее террора, а в отсутствии «кодифицированных актов в сфере уголовного и уголовно-процессуального законодательства, лишивших красный террор надлежащей законодательной основы. Идеологам советского правосудия следовало бы позаимствовать механизм буржуазного правосудия, наполнив его пролетарской сущностью, подобно тому, как российский пролетариат приспособил формы буржуазной демократии

и исполнительной власти применительно к сущности, целям и задачам пролетарского государства» (с. 6).

Данная мысль не совсем корректна. Террор (от лат. terror – страх, ужас) не может обеспечиваться «классическими» правовыми институтами буржуазной законности, которая гарантирует всем гражданам, вне зависимости от происхождения и иных обстоятельств, судебное разбирательство на основе принципов равенства и состязательности сторон. Обвиняемый в уголовном преступлении считается невиновным, пока его вина не доказана. В ряде случаев подсудимый имеет право на судопроизводство с участием присяжных. Подобные примеры можно множить. Но все они указывают на важный аспект – буржуазная законность содержит в своей основе идею гарантий прав личности против государства в случае судебного преследования.

Данный аспект имманентно присущ всей современной («буржуазной») правовой системе в силу ее исторического развития. Так, либеральные права и свободы вместе с соответствующим уголовным и уголовно-процессуальным законодательством продвигались, проталкивались прогрессивными силами в противовес позднесредневековому диктату самодержавных королей и инквизиции. До утверждения «буржуазных» прав и свобод одного подозрения в измене или ереси было достаточно для применения к подданному крайних мер. То есть, террор и «буржуазная законность» не могут сосуществовать. Если бы большевики попытались облечь «красный террор» в надлежащую уголовно-процессуальную форму, то он потерял бы свою политическую составляющую –

перестал быть средством запугивания населения страны.

К тому же не совсем понятно, каким образом большевики могли бы «наполнить механизм буржуазного правосудия пролетарской сущностью». Как известно, современному («буржуазному») законодательству чужд «классизм» – общество не делится на классы или сословия с различным набором прав и обязанностей. Напротив, провозглашается равенство всех граждан перед законом, судом, в правах и свободах. «Механизм буржуазного правосудия» не предназначен для осуществления как «диктатуры пролетариата», так и диктатуры любого другого класса или сословия. Судопроизводство, основанное на равенстве, состязательности и системе сдержек и противовесов, изначально создавалось для других целей. Как указывалось выше, при демократических режимах процессуальное законодательство предусматривает гарантии прав лиц, участвующих в деле, что важно для поддержания баланса между карательной функцией государства и свободой его граждан.

Сырых признает, что террор является «действенным средством борьбы с исторически устаревшими социальными явлениями и процессами», «действенной мерой, призванной защитить право на государственную власть от посягательств со стороны социальных слоев, классов, утративших эту власть и пытавшихся вернуть ее посредством противодействия мерам нового государства» (с. 74). Он четко определяет цель любого террора (как «буржуазного», так и «пролетарского»): «обеспечить прогрессивное развитие общества и ликвидировать устаревшие отношения».

Но, видимо, цели террора и «буржуазного» процессуального законодательства не совпадают. Так, согласно действующему Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации, «1. Уголовное судопроизводство имеет своим назначением: 1) защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений; 2) защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. 2. Уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания в той же мере отвечают назначению уголовного судопроизводства, что и отказ от уголовного преследования невиновных, освобождение их от наказания, реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию (статья 6)».

Еще раз подчеркнем, цель террора – не защита прав потерпевших или обвиняемых. Его назначение – укрепление позиций новой революционной власти, уничтожение реальных, потенциальных и вероятных противников режима, а также запугивание населения страны в целом.

В условиях революции и перехода общества к новому, прогрессивному типу общественных отношений террор является для Сырых «правовой мерой». Обоснованию террора как правового средства, необходимого в революционную эпоху для уничтожения отживших социальных институтов, посвящен второй раздел рецензируемой монографии (с. 54–105). В нем рассмотрены исторические примеры террора, в числе которых автор указывает на уничтожение народов, описанное в Библии, якобинский террор и так далее. На основании данных примеров ученый приходит к выводу о том, что террор

сам по себе «соответствует библейским канонам и предстает сугубо правовой мерой».

Однако указанный вывод представляется преждевременным. Без обращения к работам авторитетных богословов невозможно судить о соответствии любого террора христианскому или иудаистскому вероучению. Ветхий Завет понимается в христианстве через призму Нового Завета, где террор не допускается. С другой стороны, в иудаизме Ветхий Завет толкуют в смысле строгого следования Талмуду. Комментируя главы Библии об истреблении народов, важно сослаться на упомянутые вероучительные книги.

Назвав террор «правовым средством», Сырых фактически признает нормативистский тезис о том, что любой закон является правовым. Полагаем, что любая норма, предусматривающая применение насилия, должна быть определенной. В нашем случае большевики оставили вопрос о границах террора на усмотрение исполнителя. По нашему мнению, любая форма террора является неправовой. Это полностью согласуется с целями террора – любым путем уничтожить вероятных (точно не установленных) противников новой власти и запугать население или его значительную часть. Есть обоснованные сомнения в том, что террор сам по себе преследует благо всего общества. Подобные крайние меры зачастую являются избыточными.

По прочтении книги читателя захватывает вопрос, зачем профессор Сырых, широко известный теоретик и методолог права, взялся за разработку такой «скользкой», по его словам, темы. Современная политическая атмосфера не приветствует марксистское учение, тем более

связанную с ним идею террора. Выступая апологетом террора как средства борьбы нового прогрессивного общества с отжившим старым, автор книги рискует навлечь на себя огонь критиков из разных отраслей знания.

Создатель монографии не взял в руки копье историка, но поставил перед собой вполне конкретную задачу – не погружаясь в пекло террора, попробовать отслоить от него правовую оболочку, исследовать ее глазами теоретика права и доказать, что террор, как явление, присущ любой революции; а революционерам важно ограничивать его правовыми рамками. Но, кажется, профессор не нашел достаточных аргументов, чтобы продемонстрировать саму возможность права блокировать разнужданную народную стихию.

Что же тогда побудило автора монографии обратить внимание на данную тему? Можно предположить, что профессор Сырых решил разрушить цитадель убежденных противников марксистского учения о государстве и праве, агрессивно выступая в за-

щиту марксизма. Действительно, Маркс слишком велик, чтобы связывать его имя с террором. Тем более классик не несет ответственности за террор в советской России. Пожалуй, именно в апологии Маркса просматривается замысел и предназначение рецензируемой книги.

В. Г. БАЕВ

(канд. ист. наук, доктор юрид. наук, проф., зав. каф. Юридического института Тамбовского государственного технического университета)

А. Н. Марченко

(канд. юрид. наук, доцент Юридического института Тамбовского государственного технического университета)

Примечания

1. КРИВЕНКО М. В. Массовый террор в России и на юге государства в 1918–1920 гг.: истоки, механизмы, последствия: дисс. канд. ист. наук. Пятигорск. 2007.

О. Б. ВАХРОМЕЕВА. *Преподавание наук на Высших женских (Бестужевских) курсах (1878–1918)*. РОССПЭН. М. 2018. 903 с.

Новая книга известного специалиста по истории женского образования в России, профессора Санкт-Петербургского университета Оксаны Борисовны Вахромеевой «Преподавание наук на высших женских (Бестужевских) курсах (1878–1918)». Со вступительным очерком «Границы женской эмансипации в дореволюционной России», вышедшая в серии «Ubi universitas, ibi Europa», является продолжением и своеобразным итогом предшествующих исследований автора, посвященных Бестужевским курсам.

Книга содержит разделы: «Вместо предисловия. Способны ли женщины к математике, Или сила идей Прудона», «Вступительный очерк. Границы женской эмансипации в дореволюционной России», два очерка («Профессорско-преподавательская корпорация Высших женских (Бестужевских) курсов и Третьего Петроградского университета (1878–1918)» и «Обозрение преподавания научных дисциплин на Бестужевских курсах»), а также «Заключительные слова».

Из самого названия текста, а также из первых абзацев видно, что автор стремится встроить проблематику женской эмансипации в изучаемую им «профессиональную деятельность профессорско-преподавательской корпорации Высших женских курсов» с учетом специфики российского феминизма (с. 5–6.).

Такая постановка проблемы вполне логична, однако понять, в чем состоит стратегия автора, из изложения непросто. О. Б. Вахромеева пытается объединить в своих рассуждениях два дискурса – о женском освободительном движении как части революционного процесса и об общем для интеллигентных мужчин и женщин стремлении к служению народу и православному (особом) русском характере этого движения: «не противопоставляя себя мужчинам, женщины стремились занять место рядом с ними, что говорило о сильном православном семейном начале» (с. 7). Если первое положение не вызывает возражений, то второе, учитывая социалистический и материалистический характер мировоззрения русской прогрессивной молодежи рубежа XIX–XX вв. внушает сомнения, тем более что автор не приводит никаких подтверждающих эти построения аргументов. Эмансипация женщины в русском общественном дискурсе неразрывно связана с образом Веры Павловны из известного романа, который был настольной книгой русского студенчества в последние десятилетия существования старого порядка. Об этом влиянии пишет и сама Вахромеева (с. 70–71). В этом контексте несколько спорной (хотя и не лишенной интереса) кажется мысль автора о том, что на пути женской эмансипации стоял социалист Прудон (с. 10).

Сами границы женской эмансипации Вахромеева определяет, анализируя комплекс нормативно-правовых актов и политику властей, связанную с положением женщины в Российской империи. Автор убедительно показывает, что право и реальная практика часто расходились. Можно согласиться с наблюдением автора о том, что «большинство юридических норм, призванных изменить положение женщин, проводилось «сверху», даровалось обществу по милости государя императора и подготавливалось без привлечения сколько-нибудь широких кругов общественности».

Несколько затрудняет чтение дистанцирование автора от общепринятой в историко-правовых текстах терминологии и стилистики («Государственные и правовые акты по «женскому вопросу» редко совпадали по времени», «Морально-нравственные идеалы нарушались строгой принудительной силой закона» и т.п.). Между тем из этого раздела читатель вынесет массу различных сведений – от статистики по преступлениям среди женщин до классификации преступлений против чести и целомудрия.

Во вступительном очерке приводится целый ряд других сюжетов, например, связанных с условиями женского труда, в том числе фабричного (с. 196–218). Хотя эта информация вроде бы и является посторонней по отношению к теме книги, она создает тот важный фон, который втягивает читателя в тему женского вопроса. Вахромеевой удалось ярко показать всю противоречивость как политики властей, так и усилий «прогрессивного» российского общества, направленных на его решение (с. 14–95). К проблематике, связанной с Высши-

ми женскими (Бестужевскими) курсами (далее – ВЖК) автор подходит исподволь, вводя читателя в обстоятельства создания «женского университета» (с. 96–218). В этом разделе проявляются особенности авторского стиля исследователя, характерные для книги в целом. Автор, во-первых, делает частые и обширные биографические экскурсы в жизнь и деятельность героев повествования (в том числе в сферах, с курсами никак не связанных), во-вторых, приводит подробные (иногда на несколько страниц) цитаты из документов разного типа – отчетов, справочных книжек, исследовательских текстов, мемуаров, студенческих рефератов, студенческих стихов и т.п. Несмотря на некоторую спорность такого подхода с точки зрения задач аналитического изложения, читатель оказывается погружен в круг различных по характеру исторических источников. В фокусе исследователя не только собственно курсы, но и все, что их окружало, – «Общество вспоможения окончившим курсы» (с. 168–181), «Общество вспомоществования слушательницам высших женских курсов» (с. 181–186) и т.д. Автор дает очерк возрастного и религиозного состава курсисток, рассказывает о деятельности землячеств, бестужевках-иностранках, приводит краткую характеристику деятельности выпускниц ВЖК, сделавших карьеру в науке (с. 223–246). По наблюдению автора, «в сфере образования трудились до 80% окончивших курсы» (с. 240).

В центре внимания следующего очерка («Очерк первый. Профессорско-преподавательская корпорация Высших женских (Бестужевских) курсов и Третьего Петроградского университета (1878–1918)», с. 248–477) – преподавательский состав

курсов. Большую часть этого раздела монографии составляет «Список профессорско-преподавательской корпорации Санкт-Петербургских – Петроградских Высших женских (Бестужевских) курсов и Третьего Петроградского университета (1878–1918)» (с. 353–477). Вахромеевой проведена колоссальная работа: выявлено 538 лиц, преподававших на курсах (в их число автор включает и оставленных при ВЖК). В приведенной таблице помимо ФИО приводятся краткие сведения о научной деятельности, биографии, преподаваемых курсах. Автор дает представление о структуре корпорации, показывая ее отличия от «мужского университета» (с. 260). Одно из таких различий заключалось в отсутствии жесткого штатного расписания, закрепленного законом, что приводило к проблеме штатной «перегрузки», от которой особенно страдал историко-филологический факультет, где по предложению И. М. Гревса в 1913 г. была проведена реформа, закрепившая предельную норму профессоров (с. 336–337).

Вахромеева наглядно восстанавливает процесс появления первых преподавателей-женщин на ВЖК – сначала в роли ассистентов, а затем и профессоров (защитившие диссертации Н. Н. Гернет и О. А. Добиаш-Рождественская) (с. 340). Автор связывает изменения в структуре ВЖК (преобразование отделений в факультеты) и замену деления на курсы делением на группы с установлением с 1906 г. предметной системы преподавания (вместо курсовой) (с. 285). Она наглядно показывает, что переход к предметной системе вызвал как общее увеличение числа слушательниц, так и рост вынужденного отсева заявлений новых абитуриенток (с. 289–290). В целом

переход к предметной системе, как считает автор, имел позитивные последствия для слушательниц (с. 295–296).

В 1910 г. курсы были признаны учебным заведением с университетским объемом преподавания. Однако, как отмечает автор, это достижение имело и оборотную сторону, связанную с распространением на ВЖК требований о процентной норме относительно студенток-евреек, что вызвало массовые фиктивные крещения абитуриенток (с. 306). В монографии показано, что усилия профессоров юридического факультета курсов позволили подготовить принятый в 1911 г. закон «Об испытании лиц женского пола в звании курса высших учебных заведений и о порядке приобретения ими ученых степеней и звания учительниц средних учебных заведений», который открыл перед выпускницами ВЖК возможности полноценной и разнообразной карьеры (с. 320–321). В 1913 г. выпускное свидетельство Бестужевских ВЖК было приравнено к университетскому (с. 327). Первая испытательная комиссия для выпускниц ВЖК при университете была открыта в 1912 г., а самостоятельная комиссия при самих ВЖК – в 1916 г. (с. 322). Важно, что Вахромеева дает многоплановые наблюдения, связанные с портретом корпорации, выходящие за рамки собственно преподавания. Так, заслуживают внимания приводимые автором примеры частых браков между бестужевками и их преподавателями, а также указание на традицию преподавания на курсах представителями одной семьи (с. 259). В тексте уделяется немало внимания различным университетским коммеморациям – юбилеям самих курсов, профессоров, другим

памятным мероприятиям (см., в частности, с. 327–331).

Другая немаловажная тема – размер заработков преподавателей ВЖК (с. 260–263). Еще один интересный сюжет, к которому снова и снова обращается исследователь, – деятельность ученых кружков и землячеств (см. напр., с. 271–273). К практикам внекурсового общения преподавателей со слушательницами наряду с научными кружками можно отнести и знаменитые профессорские экскурсии (с. 291–293). Интересны наблюдения автора о конфликтах между слушательницами за место в профессорских семинариях (с. 324). Вахромеева обращает внимание и на деятельность дисциплинарных судов ВЖК, подчеркивая, что они «редко прибегали к строгим мерам, избирая тактику открытых обращений и долгих уговоров» (с. 274).

В третьем разделе книги («Очерк второй. Обзор преподавания научных дисциплин на Бестужевских курсах») материал сгруппирован по направлениям преподавания: внефакультетские предметы, точные и естественные науки, историко-филологические науки, юриспруденция и статистика (с. 478–901). Такой подход позволил дать развернутое описание практик преподавания в разных областях, биографий ученых различных специальностей, судеб курсисток, специализировавшихся в разных сферах, и т.п. Некоторые сюжеты предшествующего очерка получили, таким образом, развитие в этой части монографии. К ним можно отнести карьеру «оставленных на ВЖК» (напр., с. 494–499), университетские коммеморации (с. 495–496, 696–701, 705–706, 770–773), роль предметной системы преподавания (с. 483, 561, 799), судьбы бестужевок

после окончания курсов (с. 516–519, 847–853), работу научных кружков (с. 528–536, 712–713, 715–717, 744, 873), экскурсии (с. 749–758), укомплектованность преподавательским составом (с. 760), браки с преподавателями и семейные связи (с. 608, 613, 616–617), социальное и экономическое положение слушательниц ВЖК (с. 882–886) и многое другое. Среди любопытных наблюдений автора – процесс дифференциации научного знания, протекавший в последние десятилетия XIX – начале XX века. Так, Вахромеева демонстрирует, как проходило отделение всеобщей истории от литературы (словесности) (с. 739), показывает, что в некоторых областях эффективность обучения на курсах была низкой. Например, всего 7,325% поступивших в 1906 г. на юридический факультет смогли окончить его в срок (с. 846).

Завершают книгу «Заключительные слова» (с. 902–903). Автор дала разделу точное определение, так как развернутого заключения, подведения итогов и выводов этот короткий (чуть более страницы) раздел не содержит. Хотя в самой книге мы не находим списка источников и литературы, он представлен на странице издания в eLibrary и содержит 455 наименований. Крайне затрудняет работу с книгой отсутствие именного указателя. Учитывая авторскую манеру построения нарратива, связанную с многократным возвращением к одним и тем же сюжетам, изданию также не помешал бы и предметный указатель.

Автор очевидно не ставила задачу сообщить, «как было на самом деле», приводя разноплановые показания источников, обширные цитаты из литературы, предлагая читателю все выводы и заключения делать са-

мостоятельно. Вообще, книге очень не достает хотя бы кратких источниковедческого и историографического очерков. Из контекста не всегда ясно, как глубоко проработана та или иная тема и как к предшествующей традиции относится сам автор. Еще сложнее дело обстоит с источниками, огромные цитаты из которых как бы ведут за собой и читателей, и автора. Вахромеева вводит в научный оборот обширный архивный материал, главным образом, из фонда ВЖК в архиве Музея истории СПбГУ. Однако в некоторых случаях не совсем понятно, зачем в тексте присутствуют те или иные документы целиком – в особенности, когда речь идет об опубликованных изданиях. Вряд ли имела смысл и републикация источников личного происхождения, собственно к курсам отношения не имеющих (напр.: Гревс И. М. Мои встречи и отношение к Владимиру Соловьеву (черновик), с. 639–643). Многие страницы книги занимает публикация документов, которые можно было бы дать в приложении (напр.: Зеленецкая Е. В. Доклад в семинарии Д. В. Айналова «Готическая статуя и ее свойства», с. 824–826; Руднева С. Д. Амфора Милетского стиля из окрестностей станицы Таманской, с. 830–834). Тем более в приложении следовало бы разместить биографию Е. Р. Измestьевой-Новожиловой (с. 853–861), написанную ее внучкой Т. Ю. Новожиловой «специально для настоящего издания» (с. 852).

Некоторые фразы из официальных источников, приводимые автором, как бы принимаются на веру, хотя выглядят не очень убедительно. Так, в отчете ВЖК за 1891–1892 уч. г. повествуется о том, что товарищ министра народного просвещения кн. М. С. Волконский выразил удоволь-

ствие от услышанного на экзамене по теории словесности, при этом чиновник, согласно отчету (и мнению автора монографии?), считается «последним носителем чистого русского языка в его литературной форме» (с. 269). Не совсем понятно утверждение о том, что предметная система не требовала «непрерывного присутствия учащихся на занятиях», а «роль профессора в основном сводилась к индивидуальным консультациям, приему экзаменов и зачетов по заявкам студентов» (с. 281). Отмечу в этой связи, что «непрерывного присутствия» не требовала и курсовая система, а предметная никак не освобождала профессора от лекционных курсов. Автор принимает на веру стандартные формулировки, связанные с желанием того или иного профессора покинуть курсы. Например, «по состоянию здоровья Н. П. Кондаков был вынужден уйти с курсов уже через год. Ему еще предстояла организация Русского археологического института и большая научная работа» (с. 817). К сожалению, ссылки на архивные документы не раскрываются. Оформление цитат также вызывает вопросы. Из текста не ясно, где даются многоточия цитируемого текста, а где купюры автора монографии. В некоторых случаях, цитируя документы целыми страницами, автор забывает поставить кавычки вовсе (Отчет общества для доставления средств Высшим женским курсам за 1907–1908 уч. год, с. 298–299). Загадочным является сопровождение некоторых не заковыченных примечаний скобками с авторской аббревиатурой «О.В.». Возникает вопрос, кому же принадлежат остальные примечания?

Достоинством работы является дистанцирование автора от ка-

ких-либо политических оценок. Для Вахромеевой положительными героями являются и Д. А. Толстой («много сделал для народного просвещения России»), и его оппоненты от революционных демократов до либералов. Автор ярко показывает, что ВЖК были предметом постоянного беспокойства правительства из-за революционной фронды, но в то же время и «предметом гордости правительственных чиновников», которые демонстрировали их в качестве «витрины» российского образования европейским коллегам (с. 322–323). В то же время неизменно почтительный (а иногда почти восторженный) тон, которым автор излагает вехи научной деятельности и биографии героев своих очерков, носит подчеркнуто коммеморативный характер, у читателя иногда создается впечатление чтения непрерывного некролога. В результате оказывается, что лекции и курсы почти у всех героев отличались, например, «информативностью и доступностью» (с. 736), «эрудицией и темпераментом» (с. 743), «разнообразием» (с. 813), «были очень популярны» (с. 890) и сами преподаватели славились обширной «педагогической и научно-литературной деятельностью» (с. 809). Отчасти тональность авторского нарратива обусловлена основной массой источников личного происхождения, которые использованы в тексте. Это воспоминания, принадлежащие бестужевкам, которые сделаны спустя много лет после окончания курсов, как правило, в коммеморационных целях¹. Эти воспоминания, как справедливо отмечает Вахромеева, отражают чувство «глубокой благодарности» мемуаристов к «величественному Гримму», «замечательному Пергаменту», «увлекающему

Ельяшевичу», «бесконечно интересному Тютриму», «международнику Пиленко», «яростному криминалисту Жижиленко» и т.п.

Вахромеева вслед за своими предшественниками² называет Бестужевские курсы «первым женским университетом дореволюционной России». Однако аргументы автора сводятся к тому, что из всех ВЖК (первые возникли в 1872 г. в Москве) Бестужевские «курсы просуществовали непрерывно четыре десятилетия» (с. 218), что является недостаточным основанием для такого суждения. Тем более, что автор сама показывает двойственность системы отсчета даты основания ВЖК в практике самих курсов (наличие двух вариантов и двух дат – 1878 и 1889 гг.) (с. 271). Другим примером «принятия на веру» традиционных историографических штампов кажется утверждение автора о том, что «остатки автономии курсов были ликвидированы уже в 1908 г.» (с. 303), при том что далее описывается противостояние корпорации и власти.

Важная сквозная тема книги – сравнение женского и мужского университетов. Автор справедливо подчеркивает, что «учебный процесс на Бестужевских курсах и в Санкт-Петербургском университете имел много схожих черт» (с. 561). В то же время, по наблюдению Вахромеевой (которое она приводит со ссылкой на С. Б. Окуня), на Бестужевских курсах «царила более свободная обстановка», профессора читали лекции иначе, и студенты университета нередко приходили на курсы послушать именно «бестужевский вариант» (с. 92). Автор считает, что в «женский» университет из мужского в 1880-е гг. была перенесена и традиция семинарских занятий (с. 684). На мой

взгляд, более правильным было бы говорить о параллельном зарождении традиций исследовательских семинаров в обоих учебных заведениях. Автор затрагивает тему отношений между студентами университета и бестужевками. Например, указывает на курьезные случаи, «когда вместо барышень латинский язык приходили сдавать их товарищи по университету, переодетые в женские платья» (с. 296). Между тем, собственно гендерная проблематика, связанная с взаимоотношениями полов, в тексте почти не затрагивается. Фактически вне поля зрения Вахромеевой оказываются и два важных опыта, связанных с попыткой допуска женщин в мужской университет (в 1859–1861 и 1905–1911 гг.).

Другая сквозная тема – поддержка идеи создания курсов и работа на них университетских профессоров. Вахромеева акцентирует внимание на ценностной (идейной) составляющей участия профессуры в деятельности курсов. Между тем не меньшее значение, на мой взгляд, имели и другие факторы – финансовый и схоларный. Из изложения автора видно, что курсы зачастую обеспечивали функционирование научных школ, складывавшихся в Петербургском университете. Повествуя о событиях второй половины 1880-х гг. и эпохее, связанной с прекращением приема на курсы, Вахромеева почему-то обходит стороной историю противостояния МНП и университетской корпорации и общественных баталий, вызванных введением в действие университетского устава 1884 года. В изложении периодически возникает и тема революционного движения в женском университете, в частности, автор пишет о студенческих вол-

нениях в эпоху кризиса Л. А. Кассо (с. 192–193, 194, 307–319, 862–863). Вахромеева также на различных примерах показывает напряженность в отношениях власти и либеральной профессуры (см., напр. с. 742). В этой связи хотелось бы большей рефлексии автора относительно событий в российской высшей школе, которые во многом влияли на обстановку на ВЖК во время всех кризисов рубежа веков, в частности в эпоху Кассо (1910–1914)³.

Контекст современной историографии, посвященной истории российской высшей школы и университетскому вопросу, многообразен. В этой связи следует признать, что книга Вахромеевой оставляет больше вопросов, чем дает ответов, и в этом смысле выпадает из *контекста современных university studies*. Каков был «идеал» преподавателя на курсах? Как он зависел от «гендерного фактора», от идеала мужественности? Отличались ли практики «женского университета» от «мужского»? Какова была динамика численности преподавательского корпуса? Каков был его социальный / наукометрический портрет и как он различался в разных отраслях знания? Как менялось восприятие ВЖК в обществе? В научной среде? Существовала ли отдельная корпоративная идентичность академического состава женского университета или она терялась в тени «мужской», к которой принадлежало большинство преподавателей? Исходя из огромного материала, представленного в книге, эти проблемные вопросы можно продолжать, но авторская позиция по ним отсутствует.

Вместе с тем, работа, проведенная Вахромеевой, дает читателю возможность формулировать эти

и многие другие вопросы. Но самое главное – рецензируемый труд является уникальным сводом информации о ВЖК и уже используется не только в исследовательской литературе, но и в формировании баз данных по истории науки⁴. В этом смысле, каково бы ни было отношение к достоинствам и недостаткам рецензируемого сочинения, само его появление открывает перед историографией новые горизонты.

Е. А. РОСТОВЦЕВ

(доктор ист. наук, профессор Санкт-Петербургского гос. университета, ведущий научный сотрудник Томского гос. университета)

Примечания

Публикация подготовлена при поддержке Российского научного фонда (проект № 18–18–00121). Благодарю за помощь И. В. Сидорчука и И. П. Потехину.

1. Наша дань Бестужевским курсам. Воспоминания бывших бестужевок за рубежом. Париж. 1971

2. См., напр.: ФЕДОСОВА Э. П. Бестужевские курсы – первый женский университет в России (1878–1918). М. 1980.

3. БАРИНОВ Д. А. Кризис высшей школы 1911 г. в фокусе историографии. – Клио. 2017, № 10 (130), с. 106–117.

4. См., напр.: Биографика СПбГУ: <https://bioslovhist.spbu.ru/>

Возвращаясь к напечатанному.

При публикации в следующих статьях был допущен ряд технических ошибок:

С. Ю. Каргапольцев, И. Ю. Лапина «Новый дворец в петергофской Александрии как собственная дача императора Николая II: прошлое и настоящее» (№ 7, 2019)

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
31	26-я сверху	Сан-Гали	Сан-Галли
35	8-я сверху	не ин как	не иначе как
39	25-я снизу	LIII—VI	LIII—LVI
39	22-я снизу	(I—CXXXV)	(I—CCXXXV)
39	2-я снизу	LVII—VIII	LVII—LVIII
40	21-я снизу	CXXXIII—XLV	CXXXIII—CXLV
43	11-я сверху	CXLVI—XLVII	CXLVI—CXLVII
43	22-я снизу	CXLVIII—LXII	CXLVIII—CLXII
43	8-я снизу	CLXIII—LXIV	CLXIII—CLXIV

Л. Н. Лютов «История России, ее периодизация в контексте билинейности» (№ 9, 2019)

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
26	20-я снизу	XV—VI вв.	XV—XVI вв.
26	19-я снизу	XVII—IX	XVII—XIX вв.
26	10-я снизу	V—II вв. до н.э.	V—III вв. до н.э.
27	21-я	IX—II	IX—XII
27	21-я снизу	XII—V	XII—XV
28	15-я снизу	XVIII—IX	XVIII—XIX

Contents

Articles: **S. V. Voroshilova, A. V. Sergeev, E. P. Tatarinova.** A woman and a court in the Russian Empire: the protection of the property. Discussion issues: **D. V. Pozharskiy.** Formation and development of theoretical, ideological and the legal basis of the system of functions of the Soviet state. Historical publicism: **V. E. Bagdasaryan, S. I. Resnianskiy.** The dynamics of the historical consciousness of the Russian population in the post-Soviet period (Part I); **I. A. Gorelov, V. A. Nemtinov.** Information analysis of the dynamics of development of historically significant territory «Market square» of Tambov. Publications: **S. A. Khubulova.** Activities in Ordzhonikidze Executive Committee of people's deputies in the first period of the Great Patriotic War: minutes of meetings. Contributions: **S. V. Aristov, E. M. Malysheva.** Crimean-tatar collaborationism: crimes of 152th battalion in the concentration camp of the state farm «Krasny»; **P. A. Mistryugov.** The control over the communists during the Civil war (based on the materials of the Saratov governorate «party court»); **S. Y. Krasnov.** Charity in customary law representations of the Don Cossacks in the second half of the XIX century; For teacher of history: **N. V. Chernysheva, M. N. Svintsova, N. V. Sakovich.** Child and infant mortality in the areas of the Volga-Vyatka region on the eve of and during the Great Patriotic War. International scientific cooperation: **D. R. Alimova, M. V. Zaloilo, D. A. Pashentsev.** Historical background of the development of lawmaking in the context of digitalization; **E. Ye. Grishnova, E. V. Maystrovich, E. V. Muratova, I. V. Fedyakin.** Mahatma Gandhi and his role in the struggle for human rights; **M. Ye. Zhukova, V. S. Kalinovskaya, D. A. Pashentsev, A. N. Prizhennikova.** Role of the G. F. Shershenevich in the development of Russian jurisprudence: **A. A. Galushkin, S. A. Grimalskaya, P. A. Kucherenko, R. A. Mamedov.** Role of the International Criminal Court in protecting human rights and international security; **M. Ye. Zhukova, E. V. Maystrovich, E. V. Muratova, A. V. Fedyakin.** History of political and civil rights of women in the United Kingdom; **M. Ch. Kozhobekov, S. K. Mambaeva.** On the role and importance of Osmonaly Sydykov's works in the Kyrgyzstan historiography. Diplomacy in history: **B. G. Aliev, A. O. Murtazaev.** The Policy of Russia in Dagestan in the end of XVI – the first quarter of the XVIII century. History and fates: **A. S. Stoletova.** Literature reputation and works of the writer A. Ya. Yashyn (historical context): **A. S. Puchenkov.** White Crimca at the beginning of 1920: Ya.A. Slashchov and N. I. Orlov; **A. A. Nepomnyashchy.** Professor Mitrofan Dovnar-Zapol'skiy: Crimean pages of the biography. People. Events. Facts: **D. A. Barinov, B. M. Abdulina.** From Academia to Politics: St. Petersburg University 1880s student associations members career faiths; **T. M. Aitberov, M. A. Ismailov.** To the problem of seids in the Caucasian state Imamata (XIX century); **E. B. Barinova.** Problems of the origin and ethnic affiliation of the Andronovo cultural community in the works of soviet scientists; **B. V. Bazarov, D. D. Badaraev, A. D. Gombozhapov, E. V. Nolev.** To the question of the incorporation of the Mongolian peoples into the Qing state. From history of religions: **Yu. O. Baikina, O. V. Ustinova.** Moral image of the clergy of the first half of the XIX century (on the example of Tobolsk province); **A. A. Alakshin, E. A. Samylovskaya.** Missions of Franciscans and Capuchins in St. Petersburg in the last years of the Petrine era (1719–1725); **P. G. Nemashkalov.** Life and activities of Bishop Jeremiah (Soloviev) in 1843–1849 years (Caucasian Department). Historiography: **N. A. Omelchenko, I. K. Harichkin.** Russian revolution of 1917 in the book of memoirs by F. A. Stepun «Former and unfulfilled» (marginal notes of the well-known memoirs); **O. A. Plekh.** Provincial bureaucracy of Russia in the first half of the XIX century: domestic historiography of the end of the XX – early XXI century; *Reviews on books:* **V. M. Syrych.** «Red terror: the canons of the Bible. but the execution plebeian» (by V. G. Baev, A. N. Marchenko); **O. Vakhromeeva.** Teaching science at the Higher Women's (Bestuzhev) courses (1878–1918). (by E.A Rostovtsev). Returning to the printed.

Учредитель: Искендеров Пётр Ахмедович

Журнал зарегистрирован в Комитете РФ по печати 11 сентября 1996 г.

Регистрационный номер № 894

Главный редактор П. А. ИСКЕНДЕРОВ

Редакционная коллегия:

**М. Ц. Арзаканян, Б. Д. Гальперина, Г. А. Гребенщикова, В. Г. Кикнадзе, М. А. Лагода,
Р. Г. Ланда, Е. П. Лебедева, Е. А. Мельникова, З. И. Перегудова, В. В. Поликарпов,
А. Н. Цамутали, В. Л. Янин**

Перепечатка допускается по соглашению с редакцией, ссылка на «Вопросы истории» обязательна

Присланные материалы после рецензирования не возвращаются

Редакция не имеет возможности вступать в переписку

Мнение редакции может не совпадать с позицией авторов опубликованных материалов

«Вопросы истории» № 11, 2019

Адрес: Журнал «Вопросы истории».

Селезнёвская улица, дом 11А, строение 2, 7-й этаж, офис 14, Москва, 127473.

Телефоны: (495) 741–65–18, (495) 741–65–17. E-mail: 095history@mail.ru Оригинал-макет номера

подготовлен в редакции

Подписано в печать 25.10.2019. Формат 70x1081/16. Бумага газетная. Гарнитура Таймс. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 15,4. Уч.-изд. л. 18,00. Тираж 900. Заказ 2973–2019. Индекс 70145.

Цена свободная.

ООО Журнал «Вопросы истории»

Отпечатано в АО «Красная Звезда».
125284, г. Москва, Хорошевское шоссе, 38.

Тел.: (495) 941–32–09, (495) 941–34–72, (495) 941–31–62
E-mail: kr_zvezda@mail.ru http://www.redstarprint.ru

Дорогие читатели!

**Подписку на журнал «Вопросы истории»
можно оформить
в любом почтовом отделении
Российской Федерации:**

**по Объединенному каталогу «Пресса России»
на второе полугодие 2019 г., т. 1.**

**Подписка проводится
Агентством «АРЗИ»**

**Подписной индекс для подписчиков
70145**

ВИ
**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**